НАРОДНЫЕ БАЛЛАДЫ

Советский писатель

НАРОДНЫЕ БАЛЛАДЫ

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА

М. ГОРЬКИМ

Большая серия

Второе издание

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

НАРОДНЫЕ БАЛЛАДЫ

Вступительная статья,
подготовка текста и примечания
Д. М. Балашова

Общая редакция А. М. Астаховой

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД · 1963

Книга знакомит читателя с интересным жанром русского фольклора — балладой, представленной в ее историческом развитии. В сборник включены все основные разновидности этого жанра: баллада семейно-бытового содержания, баллада, отразившая социально-бытовые конфликты, историческая, сатирическая и так называемая «мещанская» баллада.

РУССКАЯ НАРОДНАЯ БАЛЛАДА

Слово «баллада» воскрешает в памяти старинную Англию и Шотландию. Широкому кругу читателей вряд ли известно, что народные баллады есть и у нас, что по разнообразию сюжетов, по красоте они не уступают знаменитым балладам Шотландии.

В научных исследованиях и публикациях русской народной балладе уделялось мало внимания, она специально не изучалась; в общих руководствах по фольклору и популярных справочниках о ней даже не упоминается.

Название «баллада» — английское,[1] в настоящее время оно стало международным термином, как «роман», «новелла» и т. п. В народной среде баллады не получили особого наименования. Их обычно называют песнями, а на севере иногда «стáринами», как былины, чаще же «стихами», и не отделяют от прочих эпических песен.

Исследования русских ученых XIX века в области песенных форм народного творчества были в основном посвящены былинному эпосу. Из всего остального обширного песенно-эпического репертуара были выделены и изучались только две группы: историческая песня и духовный стих. Эти группы были образованы по тематическому признаку, вопросы жанровой специфики эпических песен почти не затрагивались. Это порождало зыбкость определений — в зависимости от истолкования сюжета одна и та же песня

---

[1] В справочниках обычно производят слово баллада от итальянского «ballare» — плясать. Однако с этим термином связан иной жанр — провансальская баллада (жанр рыцарской лирики), — прекративший свое существование в XVI столетии. Английское «ballad», как и жанр песен, им обозначаемый, имеет *самостоятельное* происхождение.

могла оказаться то бытовой, то исторической, то духовным стихом, то былиной. При этом каждый исследователь, естественно, старался расширить рамки «своего» жанра, главным образом за счет баллад. Например, баллады с морально-нравственной проблематикой зачислялись в жанр духовных стихов, а баллады историко-легендарного характера, даже с вымышленными сюжетами,— в жанр исторических песен. То, что не подходило под эту классификацию, главным образом баллады с семейно-бытовой тематикой, получившие название «низших эпических песен»,[1] почти не изучалось.

Выделение некоторых балладных сюжетов в отдельную группу в песенных собраниях второй половины XIX века находим лишь в десятитомнике «Песен» П. В. Киреевского, где они в небольшом числе заняли часть 5-го выпуска («Песни былевые, княжеские»), и в первом томе «Великорусских народных песен» А. И. Соболевского (1895). Здесь баллады, под названием «низшие эпические песни», представлены уже очень широко. По существу, это единственный опыт систематизации баллад до революции.

Издание «Русская баллада», осуществленное «Библиотекой поэта» в 1936 году,[2] было, таким образом, первым специальным собранием русских народных баллад вообще.

Ни теории русской баллады, ни ясного представления о круге сюжетов, к ней относящихся, в то время еще не было. Составителям сборника, В. И. Чернышеву и Н. П. Андрееву, пришлось исходить из самого общего определения жанра, а именно: баллады — это «песни с четко выраженным повествовательным содержанием (то есть эпические — в этом смысле слова), отличающиеся от былин, исторических песен и духовных стихов отсутствием характерных для этих видов специфических особенностей».[3] При этом характерные черты прочих названных жанров определены так: былины — песни о богатырях и богатырских подвигах. В них имеется резко выраженная авантюрность, которая нередко граничит с фантастикой. В стиле — медлительность изложения, длительные повторения и мелочная детализация описаний. Исторические песни — это произведения про крупных исторических деятелей и связанные с конкретными историческими фактами. Духовные стихи — песни

---

[1] Термин «баллада» применительно к русскому фольклору предложен еще П. В. Киреевским, но укрепился в науке только в советское время.

[2] «Русская баллада». Предисловие, редакция и примечания В. И. Чернышева. Вступительная статья Н. П. Андреева. Л., 1936.

[3] Там же, стр. XVII.

на религиозные сюжеты с церковной окраской. Всего этого нет в балладах. Н. П. Андреев, давший такое определение баллады, отлично понимал его недостаточность. «Как видим, — пишет он, — нам приходится преимущественно указывать негативные признаки (то, чего нет в балладах, — в отличие от былин и прочих песен); указать более определенно специфический положительный признак самих баллад (кроме четко выраженного повествовательного характера, достигающего часто степени драматической напряженности) при современном состоянии изучения материала нет возможности».[1]

Из-за полной неизученности вопроса и сложности отбора в сборник попало вместе с собственно балладами много лирических протяжных песен, в которых имеется повествовательный элемент, как например «Вниз по матушке по Волге», «Не шуми, мати зеленая дубровушка», а еще больше хороводных и игровых песен повествовательного характера. Вместе с тем В. И. Чернышев, стремясь представить наибольшее число песенных сюжетов на небольшом количестве печатных листов, отказался от введения в сборник текстов большого размера, хотя бы они и представляли подлинные классические баллады, таких как «Гость Терентьище», «Роман и Марья Юрьевна», «Илья — кум темный» и т. п.

Детальное изучение баллад началось только в последние годы. Ныне появилась возможность дать позитивное определение жанра русских народных баллад и вместе с тем более строго выделить круг балладных сюжетов.

1

Баллада — эпическая (повествовательная) песня драматического характера. Стих старинных или классических русских баллад — тонический, нередко былинный. Напевы многих баллад также близки к напевам былин, но отличаются большей легкостью и свободой варьирования. Форма стиха и отсутствие рефрена отличают русскую балладу от западноевропейской.

Баллада ставит в центре внимания индивидуальную человеческую судьбу. События общенародного значения, вопросы этические, социальные, философские воспроизводятся в балладах сквозь призму личных человеческих отношений и судеб. Так, трагедия тысяч людей, полоненных татарами, отражена в балладе об одной женщине, встречающей дочь в татарском плену. Столкновение богат-

[1] «Русская баллада», стр. XVIII.

ства и бедности в феодальном обществе — в балладе о двух Лазарях, один из которых отказывает другому, бедняку, в куске хлеба. Проблема ничтожества человеческого тщеславия раскрывается в балладе об Анике-воине, сталкивающемся со смертью. Что особенно важно — в балладах нет обобщающих выводов, перекидывающих мостик от частной судьбы к общечеловеческой. Обобщение в балладе присутствует только как художественный итог.

Эпичность баллады сказывается в том, что в ней, как и в эпосе, рассказ ведется «от автора», в тоне объективного и последовательного повествования о событиях. В балладах нет лирических отступлений, эмоциональных пояснений, морализации, словом никакого активного «авторского» вмешательства в сюжет.

Художественная специфика баллады определяется ее драматизмом. Потребностям драматической выразительности подчинены и композиция, и способ изображения человека, и сам принцип типизации жизненных явлений. Характернейшие особенности композиции баллады: одноконфликтность и сжатость, прерывистость изложения, обилие диалогов, повторения с нарастанием драматизма. Баллада сосредоточеннее былины. Действие баллады сведено к одному конфликту, к одному центральному эпизоду, а все события, предваряющие конфликт, или излагаются предельно коротко:

Гулял молодец по Украйне
Ровно тридцать лет и три года,
Загулял молодец к королю в Литву,
Король молодца любил, жаловал...

или совсем отсутствуют, и баллада начинается прямо с драматического действия:

Князь Роман жену терял,
Терял-терзал, в реку бросал...

Точно так же отбрасываются и «последующие» за основным конфликтом события. Дочь узнает, что отец убил ее мать. Сын выясняет, что мать погубила его жену. О том, что было дальше, баллада не говорит. Характерно, что сокращение текста редко «портит» балладу, а иногда даже улучшает. В тех случаях, когда баллада возникает на основе контаминации двух сюжетов (например: «Худая жена — жена умная»), один из них с течением времени обязательно исчезает. Баллада, как правило, короче былины. Поэтика баллады не терпит многоконфликтности, тогда как

былинный текст обычно тяготеет к развитию, к монументальности эпопеи и складывается из ряда последовательных эпизодов, каждый из которых может представлять собою в известной мере законченное целое. Сжатость баллады усугублена сухой, «графичной» манерой рассказа о событиях. В ней нет свойственных эпосу развернутых описаний: седлания коня, выезда, сборов в дорогу и т. п.

Другая важная особенность композиции баллады — прерывистость. Балладный рассказ как бы перескакивает через спокойные, повествовательные моменты действия, останавливаясь на узловых, драматических моментах сюжета. В этих драматических моментах чаще всего появляется диалог, входящий в ткань баллады стремительно, без вводных слов, вроде тех, которые встречаем в былинах: «говорит-то Илья да таковы слова» и т. п. Баллада может почти вся или в значительной части состоять из диалога. Диалог в балладах усиливает динамику рассказа.

Самой же характерной особенностью композиции баллады является повторение с нарастанием.

Былина знает этот вид повторения и употребляет его как в описаниях, так и в изображении действия. В первом случае происходит как бы наращивание характеризующих признаков:

Калика эта старая,
Эта старая калика да седатая,
Седатая калика да плешатая.

Во втором случае применение этого приема сообщает сюжету былины добавочное напряжение, но вместе с тем, как правило, замедляет действие:

Говорит-то Илья во пе́рвой нако́н...
Говорит-то Илья во второй након...
Говорит-то Илья во трете́й након...

Повторение в балладе обычно троекратное, в котором к повторяющимся частям фразы прибавляется с каждым разом новая подробность, оно не только усугубляет напряженность, но и приближает драматическую развязку действия:

«Романушко, наш батюшко,
Скажи, куды девал нашу матушку?»
— «Ушла ваша мать коров доить,
Телят поить».

«Мы, сестрица-голубушка,
Доходим-ко, досмотрим-ко».
Пришли на двор —
Стоят коровы недоеные,
Стоят телята непоеные.
Мы, сестрица-голубушка,
Заплакали, зарыдали.
Пришли домой:
«Романушко, наш батюшко,
Скажи, куды девал нашу матушку?»
— «Ушла ваша мать на речку платье мыть».
«Сестрица-голубушка,
Доходим-ко, досмотрим-ко. . .»

и так до трагического конца — признания Романа в убийстве.

Чаще всего этот тип повторения встречается в диалоге или сопровождается диалогом. Изредка, впрочем, встречается и в чисто повествовательных частях баллады:

Король молодца пожаловал,
Принял служить молодца конюхом.
Три года служил молодец конюхом,
Пожаловал король его ключником.
Три года молодец служил ключником,
Еще король его пожаловал
Постельником служить у своей дочери. . .

Другой вид «повторения с нарастанием» имеет характер параллелизма:

Василья крутили в золотую парчу,
Софию крутили в толсту́ю простину́;
Василья несли на буйных головах,
Софию несли на белых на руках,
Василья хоронили по праву руку церквы,
Софию хоронили по леву руку церквы. . .

Наконец, в русских народных балладах довольно распространен и такой вид «повторения с нарастанием», как дословное повторение части текста, но в иной, драматически сгущенной ситуации. При этом обычно первая часть — рассказ «от автора», а повторение — прямая речь героя. На таком композиционном принципе целиком построена популярнейшая из русских баллад «Братья-раз-

бойники и сестра». Сперва идет рассказ «от автора», а после его буквально повторяет героиня, но так как из рассказа девушки разбойники узнают, что погубили родню (а слушатели ждут — что же будет?), повтор воспринимается с повышенным ощущением трагизма.

Необходимо остановиться и на таких своеобразных особенностях баллады, как «загадочность» и аллегоризм. «Загадочность» или недосказанность, проистекающая из композиционных свойств баллады, присуща балладам всех народов. Часто обстоятельства трагического конфликта так и не раскрываются до конца, оставляя простор для догадок. Почему, например, в балладе «Насильный постриг» мать с такой яростью добивается ухода дочери в монастырь? Лишь в одном варианте есть туманный намек на какой-то грех матушки, который девушка не смогла в свое время «отмолить». Но и здесь объяснение лишь порождает новую загадку. Психологическое состояние героев баллады изображается в конечном результате, оно никак или почти никак не мотивируется. За этой недосказанностью стоят свои общественно-психологические причины. Сознанию человека феодального общества еще недоступен был анализ социальных истоков зла. Деспотический характер феодальной иерархии общества, самоуправство «власть имущих», возведенные в закон, отражались в балладной поэтике как данность, как готовое психологическое состояние героев. Причем эта беспричинность зла в смысле художественного воздействия баллады на слушателя того времени оказывалась более действенной, более впечатляющей, чем любые возможные тогда объяснения. Именно отсутствие причины зла придает большинству баллад характер типических обобщений. Отсюда же почти обязательные в балладах изображения чудесного, загадочного, ирреального. Вещие сны, приметы, поверья, предчувствия, символические образы, аллегорические уподобления, символика языческая и христианская — буквально пропитывают художественную ткань баллады, определяют судьбы ее героев. Если былинный герой обычно не верит «ни в сон, ни в чох» и смело спорит с судьбой, если эпосу вообще чужда аллегория, то для баллады аллегория — краеугольный камень ее поэтики. В описании чудесного, вещего, символического баллада изменяет даже своей обычной сухости. Эти описания подробны, они сопровождаются зрительно яркими эпитетами, что еще более подчеркивает их удельный вес в художественной ткани баллады. Символика и аллегория по-своему помогают созданию типического обобщения в балладе, способствуя более широкому и разнообразному истолкованию сюжета.

Поэтика баллады возникает как антитеза поэтике былинного эпоса. Ярче всего это сказывается в методах изображения человека и в особенностях типизации жизненных явлений.

В былине образ эпически преувеличен, приподнят над окружающей средой, укрупнен. Герои живут в особом идеализированном «эпическом мире», как бы вне сословных перегородок общества, совершают необычайные подвиги. Подробно описываются вооружение, одежда, кони, внешний вид богатырей. Образ былинного богатыря получает типический характер, начинает жить самостоятельной жизнью, кочует из былины в былину.

В балладе герой принципиально обыкновенен, действительность, его окружающая, это — конкретная действительность эпохи феодализма. Герой баллады может быть и крупной исторической личностью (Разин, Скопин, Грозный, Петр), но все равно в его описании отсутствуют черты эпической масштабности, он всегда выступает как реальный представитель своей среды, класса, социальной группы. В этом баллада схожа с исторической песней. Сословные, иерархические отношения для героя баллады не просто реальность, но факт его собственной психологии. Так, молодец в балладе «Молодец и королевна» хвастается связью с королевной как свидетельством своего жизненного успеха. Трудно представить себе эпического героя, озабоченного восхождением по социальной лестнице!

Персонажи баллады, как правило, не имеют ни внешнего, ни психологического описания «от автора». Мы можем судить о характере балладного героя исключительно по его поступкам и прямой речи. Поэтому действия балладного персонажа зачастую неожиданны для слушателя. Такой принцип изображения героя ближе всего к искусству драмы.

Подобное драматическое раскрытие образа чрезвычайно повышает значение сюжета баллады. Герой баллады действует в обстоятельствах, типически отражающих реальные конфликты своего времени. Образ в балладе менее важен, чем конфликт. Герой баллады неотделим от сюжетной коллизии; внутри сюжета герой может легко изменять и имя, и возраст, и социальную принадлежность. Например, в балладе об оклеветанной жене герою то 12, то 19, то 90 лет, он то Василий, то Илья, то Андрей, то просто безымянный князь, или молодец, или купец, казак, солдат. Закономерно появление в балладах безымянных персонажей. Безымянность героя как бы подчеркивает типичность данной ситуации для целого ряда людей.

Сюжет баллады, а не образ героя в первую очередь приобре-

тает типическое значение. Изменения сюжетов зачастую приводят к созданию новых баллад. Легко понять, какое большое значение для понимания балладного жанра приобретает знакомство с вариантами.

Как уже говорилось вначале, балладный герой, в отличие от эпического (былинного), по-иному соотносится с действительностью. Он замкнут рамками своего «я», своей семьи, действует зачастую во враждебном или попросту безразличном к нему мире. Подвиги былинного богатыря, как правило, определялись интересами всей страны. Этот общенародный фон исчезает в балладах. Баллада в целом, в отличие от былины, образец искусства трагического, кризисного, отразившего противоречивость и неразрешимость жизненных конфликтов.

Изображая гибель, жизненное поражение героя, зачастую слабого физически и бесправного социально, баллада вместе с тем делает такое важное эстетическое открытие, как возможность духовной победы в поражении и более того — в смерти. Балладная поэтика открыла возможность того, что смерть героя будет в итоге эстетически воспринята как обличение зла, как утверждение неизбежности победы справедливости и добра.

Возведя это открытие в эстетический принцип, баллада чаще всего намеренно изображает «бессильного» героя (обычно это женщина, наиболее бесправный член феодального общества), а иногда заставляет героев гибнуть, отказываясь от прямой «физической» борьбы за свои права даже в такой ситуации, когда эта борьба возможна. В украинской версии сюжета «Василий и Софья» сын, видя, что мать хочет отравить его молодую жену, сам предлагает новобрачной выпить яд с ним пополам:

— Ой, вилиймо, жінко, горілку до-долу,
Да выпиймо отруту за мною.
Выпиймо, жінко, да по повній чарці,
Щоб нас поховали да у одній ямці.

Здесь смерть подчеркивает невозможность разлучить любящих, их моральную победу над силами зла.

Разумеется, не все особенности балладного жанра в равной степени присутствуют в каждой балладе. Их соотношение варьируется в зависимости от характера сюжета, времени создания и многих других причин. Определение жанра учитывает его основные признаки, но не касается тех многочисленных отклонений от схемы, которые создает жизнь.

Необходимо сказать несколько слов и об исполнении баллад. Читатель не должен забывать, что перед ним произведения, рассчитанные на пение. Этим объясняются кажущиеся перебои ритма, которые он, возможно, обнаружит в сборнике, читая баллады так, как читают стихи. Поют баллады обычно в одиночку или вдвоем-втроем, в унисон. Своеобразие поэтики породило и особую манеру исполнения старинной баллады — более интимную, более задушевную, чем исполнение былины. Очень часто их поют женщины, тогда как эпос в основном был «мужским» искусством. Балладу можно петь и одному, для себя, без слушателей. Она вызывает более живое лирическое впечатление, чем былина, — это было замечено наиболее вдумчивыми собирателями еще в первой половине прошлого века. Вот что пишет Ф. Студитский о балладе «Князь Михайло»: «Песня „Собирался князь Михайло" представляет мрачную картину из семейной жизни наших предков, а может быть, это только рассказ старинного происшествия. В этой песне выражается ненависть свекрови к невестке. Во многих наших песнях описывается нерасположение свекрови к невестке, но нигде не представлена эта ненависть в таком мрачном, ужасном виде, как в этой песне. Нельзя без особенного чувства читать ее; она жестоко потрясает душу, раздирает сердце:

В трои рученьки сноху держали,
В четвертыя грудь пороли,
Го́рюч камень опускали.

Какая жестокость! Углубитесь в нашу отдаленную древность, переживите несколько веков и обозрите эту кровавую картину... Старушка, которая пела мне эту песню, плакала от всей души, и плакала горько. Я не буду говорить о поэтических оттенках этой песни и других: трудно высказать действие поэтических созданий на нашу душу...» [1]

Сходную картину рисует А. Савельев, описывая исполнение старинных баллад (исторических и бытовых) в казачьей среде, в 1860-х годах прошлого века: «Случилось мне, — пишет он, — видеть праздничные гульбища казаков: молодой народ подопьет, беснуется, горланит плясовые песни, вдруг какой-нибудь седобородый дядя, расчувствовавшись воспоминаниями о былом, затянет заунывным голосом:

Приуныло, приумолкло войско Донское,
Приужаснулася армеюшка царя белого.

---

[1] «Отечественные записки», 1841, т. 16, библиография, стр. 56.

Мгновенно все смолкнет и слушает с напряженным вниманием поучительную старинную песню, а женщины еще и расхныкаются».[1]

Столь же глубокое впечатление от исполнения баллад мне приходилось наблюдать в 1957 году на Белом море. Так, вспоминая слышанную накануне у соседки балладу «Князь и старицы», одна из пожилых поморок сказала: «Мы как слушали этот-то красивый стих, так наплакались».

Нет оснований думать, что манера исполнения баллад за несколько веков изменилась коренным образом. По-видимому, эти же мелодии звучали и тогда, когда баллады только начинали складываться. И так же пели их мужчины и женщины, что легко себе представить, — стоит обратить внимание на то, как естественно в балладу «Татарский полон» вливается женская колыбельная песня.

2

Классическая баллада возникает в конце XIII—XIV веках и творчески затухает в конце XVII—XVIII веках. Позже, в XIX столетии, появляется новая баллада полулитературного характера, в значительной части своей «мещанская», отражающая ущербные художественные вкусы этой среды. Эта периодизация совпадает с периодизацией развития баллады на Западе.

Сопоставляя балладу с былинным эпосом, нельзя не увидеть, что эти явления, принадлежа к одному эпическому роду народной поэзии, не могли возникнуть одновременно. Баллада возникает позже эпоса, чему, разумеется, не противоречит параллельное существование этих жанров в послемонгольский период русской истории. Но меж тем как эпос продолжал воспевать подвиги киевских богатырей, превращаясь в учительное наследие, в заветы отцов, замыкаясь в определенном круге сюжетов (былины, возникшие в XV—XVI веках, можно перечислить по пальцам), — баллада рождала новые и новые сюжеты, откликаясь на новые явления современности.

То, что на Западе баллада приходила на смену эпосу, теперь можно считать доказанным.[2] Однако нельзя механически переносить

---

[1] Сборник донских народных песен. Составил А. Савельев. СПб., 1866, стр. 6.

[2] Можно сослаться на авторитетное высказывание В. М. Жирмунского: «Рядом с рыцарским романом на смену героическому эпосу на Западе приходит одновременно, с XIII—XIV вв., народная баллада» (В. М. Жирмунский. Эпическое творчество славянских народов и проблемы сравнительного изучения эпоса. Доклад на IV Международном съезде славистов. М., 1958, стр. 125).

это положение на русскую балладу хотя бы потому, что делались попытки выделить пласт баллад, относящихся к дофеодальному и, следовательно, доэпическому периоду.[1] Порою отнесение сюжета к столь ранним временам опровергается сравнительно легко. Так, нет оснований видеть в балладе «Угрозы девушки молодцу» (по сборнику В. И. Чернышева — «Каннибальское угощение») следы доисторической эпохи. Картина, развернутая в балладе, далека от всякой реальности, в том числе доисторической, — вряд ли и в доисторические времена женщины отличались такой безмерной кровожадностью! Мрачная картина в балладе изображает не реальное событие, а угрозу в ответ на угрозу молодца бросить свою возлюбленную. Только самый конец песни (явно поздний по характеру сочинения!) переводит художественную гиперболу в реальность, как это сплошь да рядом делается в лирических песнях XVIII—XIX столетий. Таким образом, перед нами попросту сюжет из типа «загадочных» (ср. с балладами «Девица-мудреница», «Семь загадок»), в котором происходит взаимное соревнование в угрозах, и, конечно, в этом соревновании побеждает девушка. Вполне возможно, что некоторые образы этой баллады имеют древнее происхождение, поскольку балладе вообще не чуждо использование отдельных мотивов древней мифологии, примет, суеверий и т. п., но относить вследствие этого всю балладу к доисторическим временам нет никаких оснований.

Нельзя считать особенно древней и балладу «Княгиня и змей», поскольку это переработанный осколок былины о Волхе. Для баллады в пору ее расцвета характерно такое «втягивание» отрывков эпоса. Образы «Горя» и «Реки Смородины» настолько переосмыслены, так крепко связаны с действительностью позднего средневековья, что никак нельзя относить баллады с этими образами к дофеодальному времени.

Остановимся на мотивах перевоза через реку, кровосмешения, обращения человека в дерево, возводимых прежними исследователями к доисторической эпохе. Во-первых, следует сказать, что само по себе наличие определенного мотива мало о чем говорит. Мотив мог легко возникнуть вторично, мог и существовать, но как поверье, предание, элемент сказочного сюжета или просто поэтическая схема. Обнаруживая тот или иной древний мотив, необходимо объяснить все обстоятельства и закономерности проникновения его в данное произведение.

---

[1] См. предисловие Н. П. Андреева к сборнику «Русская баллада», стр. XIX—XXV.

И вот, если рассматривать сюжет в целом, оказывается, что перевоз через реку в наших балладах связан не с загробными представлениями и не с замужеством, а с бегством от татар. Мотив замужества здесь как раз отвергается — девушка отказывается от «замужества» (точнее — насилия и рабства), предпочитая гибель. Река тут попросту неодолимая или трудно одолимая преграда на пути беглянки, и возводить эти сюжеты к дофеодальным временам, отрывая их от «татарской» темы, вряд ли нужно.

Отражение кровосмешения обнаруживали и там, где его никогда не было, например в балладе «Василий и Софья». Детальный анализ этого сюжета показывает, что никакой греховной связи в этом сюжете никогда не изображалось; весь смысл и пафос баллады именно в том, что любовь молодых людей оправдана и чиста. Лишь в недавнее время зачин этой баллады перепутался с зачином баллады «Братья-разбойники и сестра», почему в некоторых вариантах Василий оказался братом Софьи, но этому противоречит все дальнейшее развитие сюжета. Обратимся к сюжетам, где кровосмешение действительно имеет место («Братья-разбойники и сестра», «Царь Давыд и Олена», «Охотник и сестра», «Брат женился на сестре»). Анализ этих сюжетов, а также ряда европейских баллад на ту же тему показывает, что все такие конфликты подаются в очень ясном средневековом обличье и имеют, как правило, трагический конец (неизбежный позор и смерть согрешивших), между тем как в эпосе зачастую связь брата и сестры допускается в целях сохранения рода; характерный пример найдем в саге о Волсунгах: Сигню рождает Синфьотли от своего брата Сигмунда.

Что касается мотива обращения в дерево, то древнейшим балладным сюжетом, включающим этот мотив, является баллада о двух любовниках, в русском фольклоре — «Василий и Софья». Сюжет интересен тем, что в нем, как в фокусе, совместились все особенности балладного жанра. Мало того, это самый распространенный, а возможно, и самый древний из международных балладных сюжетов. Он известен во всех странах Европы, а в средневековом Китае, значительно обогнавшем по развитию европейский мир, подвергся литературной обработке и был записан уже в III веке н. э. При этом символика деревьев, прослеживаемая по всем европейским источникам, отчасти, видимо, действительно восходит к дохристианским воззрениям европейских народов. Однако сравнение показывает и другое: всегда в этом сюжете зло исходит от родителей (чаще — от матери), то есть из недр патриархальной семьи. Всегда между могилами оказывается церковь (алтарь, стена, паперть, ограда церкви). Пафос баллады — защита любви, критика семейного деспотизма,

гибель без борьбы, посмертное торжество любящих, соединившихся друг с другом в виде чудесных деревьев, — неизвестен эпосу. Лишь в поздней ирландской саге «Повесть о Байле Доброй славы» появляется подобная трактовка любовной темы и заключительный образ соединяющихся деревьев, но злые силы там еще не получили конкретного выражения и носят фантастический характер. Сюжет баллады «Василий и Софья» не мог появиться до утверждения и развития феодальных отношений, до наступившего разочарования в эпических идеалах. Эта древнейшая в европейском фольклоре баллада могла родиться только в пору начавшегося угасания эпического творчества.

Принцип «моральной победы» гибнущих героев, как уже говорилось, стал своего рода эстетическим открытием, определившим лицо нового жанра. В условиях феодального бесправия одних и произвола других, духовного гнета церкви, подавления личности подобная идея, возведенная в художественный принцип, приобретала смысл почти бунтарский. Получалось, что человека можно убить, но не поработить.

Когда же в нашей истории произошел этот перелом, этот духовный взрыв, обнаживший язвы феодализма, разорвавший старые эстетические нормы и вызвавший к жизни поэтическую драму человека, бьющегося в сетях феодальной действительности? Этим временем надо считать конец XIII — начало XIV века.

В литературе прежде всего вспоминается послание Даниила Заточника (начало XIII века) и тот поворот к эмоциональной экспрессии, сопряженный с интересом к частной человеческой жизни, который произошел в житийной литературе XIV столетия и хронографах.

В живописи этого времени также налицо решительный поворот к новому стилю — индивидуально выразительному, подчеркнуто экспрессивному, с элементами яркого трагизма. Развитие этого, демократического по духу, «предвозрожденческого» живописного стиля ясно прослеживается на таких памятниках, как фресковые росписи собора Снетогорского монастыря в Пскове (1313 г.), фрески Волотовской церкви в Новгороде (1363 г.), а также росписи Феофана Грека в новгородском соборе Спаса Преображения (1378 г.), и других.

Подобные же изменения происходят и в прикладном искусстве.

Если мы обратимся к балладам с историческим содержанием, а также к родственному балладе жанру исторических песен, то увидим, что самые ранние из них связаны с татарским нашествием. Баллад или исторических песен, изображающих хотя бы намеком события домонгольской истории, наш фольклор не знает.

Предлагаемое внутрижанровое деление баллады на семейно-бытовую, историческую и социально-бытовую в значительной мере условно, так как историческая тематика подчас неотделима от социально-бытовой, а личная человеческая или частно-семейная судьба — тот магический кристалл, через который, как уже говорилось, рассматриваются в балладах все вопросы исторического и общего характера. В основе этого деления — всего лишь преобладание того или иного характера конфликта.

Основной, самой многочисленной и наиболее характерной для всего жанра в целом группой являются баллады с семейно-бытовой тематикой.

Баллады этого рода составляют основную часть нашего сборника. При всей трудности хронологического приурочения баллад семейно-бытового характера, можно все же утверждать, что древность их — наибольшая для балладного жанра, то есть что в XIV столетии эти баллады уже существовали и приняли свой законченный, отвечающий всем названным выше особенностям жанра, вид.[1]

Один из древнейших, как уже говорилось, — сюжет баллады «Василий и Софья». Можно предположить, что заключительная сцена этой баллады (похороны и символические деревья на могилах) отразилась в повести XV века о Петре и Февронии Муромских. В этом случае можно считать, что баллада в XIV столетии была уже известна на Руси. Так или иначе, но в сюжете баллады о двух любовниках как бы заложен зародыш всех семейных тем балладного жанра (любовь, отстаивающая свободу выбора, злая воля родителей, гибель и моральное торжество героев). В других сюжетах можно видеть углубление и развитие отдельных сторон этого идейно-художественного комплекса.

О борьбе девушки за свободу выбора говорится в балладе «Дмитрий и Домна».[2] Здесь налицо решительный отказ от привыч-

---

[1] Для того чтобы установить древность того или иного сюжета, нам приходилось учитывать соотношение всех имеющихся вариантов и пути распространения сюжетов; взаимоотношения отдельных редакций и версий каждого сюжета; наличие сюжета у родственных народов (украинцев и белорусов) и международные параллели; характер стилистики баллад, с учетом частичных позднейших наслоений. Кроме того, привлекались данные фольклора изолированных групп русского населения, например в Русском Устье (низовья реки Индигирки), где поселенцы с конца XVI столетия жили в окружении якутов, почти не сообщаясь с остальной Россией, и сохранили старинный русский фольклор.

[2] Это баллада чисто русского происхождения, она возникла в XIV—XV веках в пределах Новгородской земли.

ной эпической схемы былин о сватовстве. В былинах обычно герой добывает невесту силой, зачастую зная о ней только понаслышке и не спрашивая согласия девушки на брак, а она сидит в тереме и ждет победителя, пассивно воспринимая этот выбор (если девушка не поляница, которую нужно победить в бою). В названной балладе вся схема перевернута наново: героиня — теремная затворница — вдруг проявляет характер и волю, ломающие предрассудки своего времени. Она сама решает, идти или не идти ей за Дмитрия. А мужское превосходство теряет свою эпическую привлекательность, убийство Домны выглядит нарочито «некрасиво» (князь забивает ее насмерть плетью). В дальнейшей эволюции сюжета идея баллады выразилась еще яснее. Домна сама кончает с собой, не желая идти замуж за нелюбимого, и смертью отстаивает свою свободу.

Тема борьбы героини за свободу выбора — отказ ее от насильного замужества, отказ от подчинения мужчине — повторяется в ряде сюжетов: «Доня», «Молодец, слуга и девица», «Устинья», «Царь Давыд и Олена» (в последней из названных баллад та же тема получила христианско-религиозную окраску).

Возможно, еще более древней является группа сюжетов международного характера, изображающих состязание девушки и молодца, предшествующее браку, состязание, в котором верх одерживает всегда героиня. Эти баллады переплелись у нас с обрядовыми и хороводными песнями и в ряде поздних вариантов изменили свою жанровую специфику. Сюда относится баллада «Девушка поборола молодца», построенная как антитеза к эпическим поединкам богатыря с «поляницей удалой». Она вызывает в нашей памяти многочисленные хороводно-игровые песни, воспроизводящие шуточную борьбу молодца и девицы. «Игра тавлейная» — баллада, находящая аналогии, по противоположности, в песнях свадебного цикла, в которых всегда проигрывается девица, теряющая свою «волю девичью», а не молодец, как в названной балладе. «Девица-мудреница» и «Семь загадок» — баллады, повторяющие чрезвычайно распространенные международные сюжеты о мудрой девице, но в XVIII—XIX веках частично ассимилированные у нас обрядовой лирикой. Все названные сюжеты так или иначе подчеркивают превосходство, чаще духовное, героини над молодцем — женихом или возлюбленным. В них почти всегда развит диалог, выдержанный в манере «повторения с нарастанием». К этой же группе сюжетов надо отнести и балладу «Угрозы девушки молодцу», где девушка, отвечая на угрозы беззаботного возлюбленного, рисует страшную картину его уничтожения.

Тема борьбы девушки за свою свободу, но вне связи с замужеством, отразилась и в очень древнем балладном цикле об отравлении. Варианты сборника исчерпывают все основные повороты этой темы: девушка отравила молодца; пыталась отравить, но неудачно; казнена за неудачное отравление; отравила брата; отравила по ошибке не того, кого хотела: отравила брата, мешавшего ей соединиться с любимым, но в результате оказалась покинутой любовником. Характерна сгущенно-загадочная балладная манера этих сюжетов. О причинах отравления обычно не говорится ничего. Композиция передает лишь узловые моменты действия: изготовление яда, отравление, драматический диалог с умирающим. Балладная «объективность» не дает порою понять, на чьей стороне симпатии певцов, фиксирующих трагическое событие. У нас нет оснований пытаться обелить героиню. Необходимо, однако, заметить, что бесправие девушки в феодальном обществе, ее полная зависимость от того же брата оставляли героине в подобной ситуации по сути лишь одно оружие для защиты своей чести и жизни — яд.

Бросается в глаза роковая роль брата в трагической ситуации отравления. Старинное семейное право передавало брату родительские права и обязанности в отношении сестры (наделить приданым, выдать замуж). Распад больших патриархальных семей усиливал имущественный антагонизм братьев и сестер. В результате рознь брата и сестры стала своеобразной нормой балладной поэтики. Наиболее обнаженно эта коллизия выражена в сюжете баллады «Алеша и сестра двух братьев» (имя былинного богатыря, как и благополучное заключение, по всей видимости появились довольно поздно). Это один из классических по законченности и совершенству композиции балладных сюжетов. В краткой форме излагаются тут узловые моменты конфликта: похвальба на пиру, проверка, роковая для девушки, опозоренной своим легкомысленным любовником, казнь. Удивительно просто и ярко. Особенности балладной поэтики как нельзя более отвечают этой типичной для русского средневековья любовной драме.

В редкой северной балладе «Иван Дудорович и Софья Волховична» (анализ стилистики и сюжетная перекличка с записями из Русского Устья позволяют отнести ее возникновение самое позднее к XVI веку) та же тема решена иначе. Братья намереваются казнить молодца, а не сестру, видимо, вследствие низкого социального положения героя. Редкость этого сюжета и обилие вариантов предыдущего примерно отражают реальное положение вещей, при котором чаще всего наказанию подвергалась девушка, а беззаконность молодца являлась обычным правилом.

Сюжеты, посвященные кровосмесительной связи (по незнанию) брата и сестры, примыкают к той же теме неблагополучия патриархальных семейных отношений.

Своеобразным переходом от семейной к социальной тематике является баллада о «Молодце и королевне», возникновение которой можно отнести к XV—XVI векам. То, что было лишь намечено в «Иване Дудоровиче и Софье Волховичне», здесь получило классическое выражение. Мы найдем здесь и защиту «незаконной» любви, и героический женский образ, и отражение сословных отношений в психологии героев. Сюжет, как и многие, перерабатывался на севере, получил благополучное заключение и в этом виде был включен в балладу о «Худой жене — жене умной».

На закате развития классической баллады, видимо уже в самом конце XVII или в начале XVIII столетия, тема любви простого человека к женщине из высокого сословия получила яркое и классово-заостренное выражение в балладе «Князь Волконский и Ванюша-ключник». Коллизия этого сюжета (любовь к замужней женщине) исключает всякую возможность благополучного исхода конфликта или примирения сторон, как в балладе о «Молодце и королевне». Тема собственно любовных отношений здесь еще более отодвинута на второй план, уступив место теме непримиримого классового антагонизма, изображенного в типично балладном аспекте.

Возвращаясь к ранним балладам, надо сказать, что трагический (особенно для героини) исход любви является почти что законом классической «семейно-бытовой» баллады. Девушку могут обманом увезти из дому (похитить) и затем бросить. Она может остаться с незаконным ребенком на руках — коллизия, дающая начало целой веренице европейских балладных сюжетов о матери, бросившей или погубившей своих детей (см. баллады «Дети вдовы», «Монашенка — мать ребенка»). Интересно, что летописные свидетельства еще в X—XI веках показывают весьма снисходительное отношение к «незаконнорожденным». Только развитие и укрепление церковной морали придало этой житейской проблеме трагический характер.

Не менее трагичной, чем любовь, оказывается в балладном изображении и семейная жизнь женщины. Поэтика баллады заостряет внимание на губительном характере средневекового семейного деспотизма. В соответствии с жанровыми особенностями баллады злые силы, разрушающие семью, предстают в лице членов той же семьи, наделенных правом абсолютной власти; если речь идет о жизни замужней женщины, то ее мужа и родных мужа, чаще всего свекрови. Злоба свекрови никогда не объясняется. Она изображается в балладе как житейская и поэтическая норма. Нор-

мой является и безответность невестки. На такое противопоставление наталкивала творцов баллад сама действительность средневековья, характер семейных отношений феодальной эпохи. Он получил законченное выражение в «Домострое», памятнике, оформленном в XVI веке, но складывавшемся еще в XIV—XV веках, на основе тогдашней семейной практики. Система, разработанная «Домостроем», ставила хозяйку, подчиненную главе дома, в свою очередь в господствующее положение по отношению ко всем прочим членам семьи. Естественно, что свекровь, достигнув к старости этого господствующего положения, начинала чувствовать в невестке невольную соперницу себе, своему, с таким трудом добытому положению. Длительный процесс распада больших семей на малые усугублял драмы, происходившие на этой почве. Балладная поэтика узаконила трагическое противопоставление: свекровь — невестка, превратив его в классическую балладную схему семейных конфликтов. Та же коллизия, перейдя в литературу, позднее позволила А. Н. Островскому создать одну из лучших русских драм — «Грозу». Но угадана была эта коллизия в ее «антидомостроевском» и «разрушительном» значении еще творцами средневековых баллад.

Одним из характернейших сюжетов на эту тему является «Князь Михайло», баллада, примыкающая к группе широко известных международных сюжетов о свекрови-погубительнице. Характер преступления свекрови — убийство в бане — не встречается в балладах других народов; это позволяет считать, что русский сюжет возник не как заимствование, а как оригинальное сочинение на типичную для всего средневековья бытовую тему. В балладе свекровь, в отсутствие сына, уничтожает невестку и ребенка, своего внука. Вернувшийся сын, князь Михайло, кончает самоубийством, после чего мать видит всю бессмысленность своего преступления и запоздало раскаивается в содеянном. Домостроевский семейный деспотизм губит семью, подрывает самую основу существования, — вот мысль, на которую наталкивает слушателя эта популярная старинная баллада.

Очень частый поворот той же темы: свекровь губит невестку не сама, а руками сына, действуя колдовством (как в балладе «Рябинка»), обманом и наговорами. Классическим сюжетом на эту тему является баллада об оклеветанной жене, известная у всех восточных славян и восходящая, по-видимому, еще к XIV—XV векам. Идейный смысл сюжета очень широк и выходит за рамки собственно семейной проблематики. Это баллада о клевете, перед которой героиня, в силу правовых отношений феодального общества, совершенно беззащитна. В первоначальной версии драма раз-

вертывалась в среде служилого дворянства. Но позднее, как это типично для балладной поэтики, найденная устойчивая сюжетная схема наполняется новым содержанием. Меняется социальное положение героя. Молодец, пан, князь превращается в купца, казака, солдата. Меняются упреки матери — от обвинений в разорении хозяйства до обвинений в супружеской неверности. Меняется и образ клеветницы. Мать заменяет аллегорическая «змея», а после — два товарища, две или три старицы. Любопытно, что описание хозяйственной деятельности молодой жены в старейшей версии баллады находит себе близкие параллели в «Домострое». Она оказывается по «Домострою» образцовой хозяйкой. Стихийная полемика с идеями «Домостроя» оборачивается невысказанной, но настойчивой мыслью: и самая примерная жена не избегнет трагической участи при этих правовых отношениях. Выход сюжета за рамки внутрисемейных отношений показывает, как народные представления о неблагополучии феодальной семьи перерастают в представление о кризисе общественной морали феодализма в целом.

Целый ряд сюжетов посвящен изображению разрушительной сущности мужского деспотизма в семье. Законченнее всего, пожалуй, эта тема выразилась в балладе «Князь Роман жену терял». Это еще один блестящий пример классического балладного конфликта, а также классически простой и ясной балладной композиции. Муж убивает жену, мать своей дочери. Причин нет. Тем самым конфликту придан смысл очень широкого обобщения: тысяча причин была или ни одной — разницы нет. Мог, имел власть убить — это главное. Но убив жену, Роман сталкивается с непредвиденным судьей, перед которым сила бессильна: собственной дочерью. Ребенку нужна мать, причем обязательно родная, а не «новая», которую обещает ей Роман. Баллада кончается сразу после драматического (в манере «повторения с нарастанием») диалога дочери с отцом, вынужденным в конце концов признаться в убийстве. Дальнейшая судьба героев предоставлена фантазии слушателей. Показав глубину и неразрешимость создавшегося конфликта, безвестные творцы баллады как бы дают слушателю возможность самому сделать выводы и обобщения.

Позднейшие баллады с подобной тематикой («Абрам губит жену», «Федор и Марфа»), начинающие смыкаться с сюжетикой поздней мещанской баллады, — значительно слабее по характеру обобщения, мельче художественно.

В балладах нашего сборника читатель найдет и много иных аспектов семейной драмы: пострижение нелюбимой жены, уход в монастырь молодой вдовы, которую родственники не пускают

обратно в отчий дом, смерть любимой жены от родов в отсутствие мужа и т. п.

Баллада отразила тему семейного неблагополучия и в сатирическом плане. Присматриваясь к таким сюжетам, как «Терентий-гость», «Сергей-хорош», «Недвига», «Исправление жены», видим, что сатира здесь обращена своим острием против тех же омертвелых, построенных на «законе», домостроевских семейных устоев.

4

У истоков исторической баллады стоит «Авдотья Рязаночка», некоторые особенности поэтики которой заставляют признать, что перед нами явление переходного характера. Это — известная многоступенчатость композиции, близкая к былинной, прямая, как в эпосе, связь подвига героини с общенародной судьбой. Авдотья спасает жителей и населяет Рязань «по-старому, по-прежнему». Характерно, что в поздней интерпретации сюжета — «Омельфа Тимофеевна выручает родных» — и то и другое исчезло. Омельфа спасает лишь близких родственников, свою семью, а композиция баллады приобрела типичную балладную сосредоточенность. Однако в «Авдотье Рязаночке» мы видим уже и то новое, что характерно именно для баллады: показан героизм характера, героизм чувства, а не силы. Героиня одерживает моральную победу над грозным царем, которого она сумела заставить понять свое горе. Характерно и типично «балладное» изображение героев — только через поступки.

Военный разгром страны совпал с теми тенденциями в развитии общественной жизни, которые рождали новые стилевые направления в эпической поэзии и в других областях художественного творчества народа. Да и сам-то разгром был обусловлен определенной ступенью развития феодализма — раздробленностью страны на отдельные княжества. Беззащитность человека в феодальном обществе, его неприкаянность, столь ярко описанная Даниилом Заточником, переплеталась с беззащитностью русского народа перед врагом, захватившим и разграбившим страну. Так родилась основная тема баллад татарского цикла: трагедия женщины, угнанной в плен, лишенной мужской обороны, полонянки вдали от родины — «святой Руси».

Эта тема порождает целый ряд сюжетов: увод пленницы (девушки или женщины); дележ добычи — добычей является полонянка; неожиданное освобождение пленницы молодцем — братом полонянки; продажа пленницы; бегство полонянки из плена, часто несчастливое, с трагической гибелью героини у реки.

Центральным и, без сомнения, лучшим сюжетом этой группы является «Татарский полон» — встреча матери с дочерью в татарском плену. Все в этой балладе — редкая художественная находка, начиная с самой сюжетной коллизии. Возможность подобной встречи поэтически подчеркивает обычность, повторяемость татарских набегов на Русь. Замечателен художественный такт, с которым изложено событие: в балладе нет каких-то особых ужасов подневольного существования, дочь не рабыня, она замужем за богатым татарином, в ее подчинении находятся служанки; тяжесть работы, возложенной на мать, тоже поэтически смягчена («она... лебедей пасет»), — но какой же пронзительной силы горя достигает при всем том баллада! Любое изображение «ужасов» только затушевало бы главное, потрясающее горе — лишение Родины.

Художественные особенности балладного жанра выражены в этом сюжете с классической законченностью. Общенародная трагедия передана в картине одной семейной драмы и нигде не выходит из этих рамок. Герои лишены примет былинной исключительности, как и внешних описаний, они обычные, «средние» люди. Повествование драматично и прерывисто. Одноконфликтность композиции выдержана превосходно: предыдущие события убраны в драматический диалог, последующих — нет. Рассказ организован системой «повторений с нарастанием». Авторское вмешательство в сюжет отсутствует. В балладе перед матерью встает вопрос: бежать или нет? Варианты баллады дают оба возможных решения: в одних мать уезжает, в других — остается. В последнем больше драматизма, больше героического самоотречения — дочери, отправляющей мать на Русь, и матери, отказывающейся от возвращения, чтобы не оставить дочь одну на чужбине. Характерная особенность жанра — объектом типизации является сюжетная коллизия, а не образы героев. Мать и дочь могут быть кем угодно, из любого сословия, показательна их безымянность. Эпический рассказ производит лирическое, эмоциональное впечатление. Сюжет баллады о «Татарском полоне» прожил долгие века. В казачьей среде он продолжал обрабатываться, дополняясь различными подробностями.

Найденные стилистические приемы, особенности композиции повторяются и варьируются во всех балладах татарского цикла. Сюжеты такого рода дожили до начала XIX века, а на юго-восточных окраинах страны, где шла непрерывная борьба казачества со степью, постоянно перерабатывались и сочинялись вновь. Татар заменяли киргизы, кайсаки (и даже французы), татарская орда превращалась в хивинскую, девушка-беглянка могла стать калмыцкой ханчей и т. п.

В балладах «татарского цикла» вполне проявилась особая балладная манера изображения чудесного, не похожая на сказочную, отличная от эпической и наиболее близкая к чудесному в легенде. Чудесное в балладе имеет символико-аллегорический характер, вплетается в действие, завершает судьбы героев, разрешает конфликты (чудесное в эпосе — «реально», эпосу чужда аллегория). Примерами могут служить баллады «Князь Роман и Марья Юрьевна» и «Чудесное спасение». Последний сюжет чем-то напоминает легенду о граде Китеже, навечно ушедшем от татар на дно озера. Спасаясь от татарского плена («царь крымский» — в некоторых поздних вариантах замена татарского царя), героиня баллады ударяется о белый камень (белый камень, по-видимому, символ загробного мира, смерти в славянских языческих воззрениях) и разбивается на части; умирает, целиком сливаясь с Родиной, — так можно истолковать символическую картину превращения частей тела девушки в церковь, горы, леса и моря. В отличие от сходного сказочного эпизода, обратного превращения героини нет; это — смерть, гибель. Но гибелью — по законам новой балладной поэтики — утверждается духовная победа героини. Теперь, когда она — вся земля, ее невозможно увести в полон.

Бросается в глаза, что чудесное в этой и многих других балладах так или иначе связано с христианской символикой. Не забудем, что речь идет о XIV—XV веках. Обращение народных масс к религии было для этого периода вполне закономерным. В условиях татарского ига религия оказывалась и духовной опорой (враг был иной веры), и символом единства страны. Потому-то появляется в балладах эпитет «святая Русь», потому-то полонянка на чужбине прежде всего вспоминает колокольный звон, плывущий над русскими лесами.

Используя христианскую легенду о святом Егории, творцы баллад изобразили и грядущую победу над врагом. Былина по особенностям своей поэтики не позволяла отразить разгром (богатырь должен победить врага). Баллада типа «Татарский полон», отразившая реальную картину поражения, не показывала торжества над захватчиками. Форма христианской легенды позволила объединить то и другое в едином сюжете. Претерпев муки и заточение, Егорий выходит на волю, проезжает по обезлюдевшей и одичавшей Руси, утверждая всюду «веру христианскую», то есть вновь заселяя землю, и побеждает врага. В варианте, приведенном в сборнике, христианско-легендарный элемент в балладе почти полностью сменился патриотическим.

Балладный способ ви́дения исторических событий — через обстоя-

тельства личной человеческой драмы — переносится и на изображение событий последующей московской истории. Так появляется тема: царь и человек (а также: царь-человек, царь в его человеческом, реальном облике), которой не было в эпосе, тема духовной неустрашимости «маленького человека» перед всесильным царем («Правеж», «Казна монастырская», «Встреча царя с молодцем»). В рамках строгой балладной поэтики решается ряд сюжетов, отражающих события московской истории XVI—XVII веков вплоть до эпохи Петра I. За редкими исключениями исторические баллады не включаются в этот сборник, — читатель найдет их в книге «Народные исторические песни» в Большой серии «Библиотеки поэта» (1962). На примере приведенной в сборнике баллады «Скопин» видно, как легко исторический балладный сюжет превращается в семейно-бытовой, отнюдь не меняя особенностей своей поэтики. Попросту исчезают из похвальбы Скопина на пиру слова о том, что он «очистил царство Московское», и т. п., после чего государственная драма превращается в личную драму героя, никак не связанную с историей. Баллада «Смерть Разина» показывает пример обратного процесса. В безымянную балладу «Гибель молодца у перевоза» с течением времени включается имя Разина, и баллада приобретает условно-исторический характер.

Вопрос о соотношении жанров баллады и исторической песни достаточно сложен. Несомненно одно: значительную часть сюжетов, по традиции относимых к жанру исторических песен, необходимо уже сейчас обозначать термином «историческая баллада», о чем подробнее говорится во вступительной статье Б. Н. Путилова к сборнику «Народные исторические песни» («Библиотека поэта»).

Исторические баллады дают временну́ю канву, помогающую, параллельно с анализом поэтических особенностей, расположить в приблизительной исторической последовательности баллады прочих тематических групп.

5

Социально-бытовые баллады, представленные в сборнике в одном разделе с историческими, вероятно, имеют не менее древнее происхождение, хотя усиленное развитие баллад с социальной тематикой происходило в основном в XVI—XVII веках.

Для изображения социальных конфликтов в первую очередь, по-видимому, использовались сюжеты канонических и апокрифических христианских легенд. Примером может служить такой известный во многих странах балладный сюжет, как «Два Лазаря».

По традиции старой фольклористики балладу о двух Лазарях считают «духовным стихом». Заметим, что еще составители сборника «Русская баллада» (1936) В. И. Чернышев и Н. П. Андреев оговорились в предисловии, что не включают в сборник ряда «духовных стихов», являющихся балладами, исключительно по практическим соображениям. В настоящий сборник баллады религиозного содержания также, как правило, не вошли. Не затрагивая этой проблемы во всей ее сложности, необходимо сказать, что рамки жанра «духовных стихов» некогда чрезмерно расширялись. Например, издатель П. А. Бессонов включил в состав своего собрания «духовных стихов» — «Калеки перехожие» (1861—1863) — даже балладу о Василии и Софье. Между тем достаточно указать только на одну поэтическую особенность «духовных стихов», чтобы убедиться, что этот жанр резко отличается от баллады. Это — присущая «духовным стихам» развернутая поэтическая морализация, поучение или проповедь в стихах, для которой сюжет является только лишь подкрепляющей иллюстрацией. Баллада же, как говорилось выше, совершенно не знает морализации «от автора».

«Два Лазаря», с учетом этой, да и всех прочих особенностей поэтики, бесспорно должны быть отнесены к балладному жанру. Наблюдения показывают, что эта баллада возникла не позднее XV века. Здесь, как и в «Татарском полоне», поэтика балладного жанра ясно ощутима. В тугом, сжатом, одноконфликтном и прерывистом повествовании, усиленном драматическими диалогами, организованном системою «повторений с нарастанием», без всякого «авторского» вмешательства и морализации, эта баллада отразила демократические христианско-уравнительные идеалы народных масс русского средневековья и их непримиримую ненависть к господствующим классам: бедняк именем бога отказывается освежить уста изнывающему в геенне огненной богачу. Надо заметить, что баллад с христианско-легендарной тематикой имеется в русском, а особенно в белорусском фольклоре немало, и во многих из них отражаются уравнительно-демократические идеалы патриархального крестьянства.

В целом в балладах отношение народа к религии все время двойственно, что сказывается даже в мышлении наиболее религиозной части крестьянства. Массы зачастую, принимая догматы о загробном воздаянии, о любви к ближнему, о всепрощении, не могут принять учения о классовом мире, идеи христианского аскетизма, а главное, связанного с этой идеей института монашества. Если в «Василии и Софье» церковь является только молчаливой преградой между могилами любящих, то в позднейшей (XVII век) переработке

этого сюжета — балладе «Чурильё-игуменьё» — действие перенесено в монастырь, и убийцей молодых оказывается сама игуменья. Точно так же в позднейшей традиции сюжета «Оклеветанной жены» клеветницами сделаны старицы. Идея аскетизма и монастырского затворничества встречает резкую отповедь в трагической балладе «Насильный постриг». И здесь последовательное развитие сюжета усугубило драму: заключительное пострижение героини сменяется убийством ее матерью, желающей отдать дочь в монастырь. Характерны сатирические антимонастырские баллады: «Чурилья-игуменья и Стафида Давыдовна» и «Старец Игренище». В обеих балладах представители монашеской среды вызывают сочувствие народа в той мере, в какой рвут с принципами христианского аскетизма ради «земных радостей». По-видимому, протест против религиозного учения в жанре баллады нарастал постепенно и достиг наибольшей силы в XVII веке.

Естественно, что тема социального неблагополучия феодального общества не укладывалась в рамки христианской сюжетики. Наиболее значительный сюжет на эту тему построен уже на традициях народно-поэтической образности, — это баллада, вернее, группа баллад о «Горе».

Композиция баллад о «Горе» столь же проста, сколь и гениальна. Вся баллада превращена в почти сплошной рассказ-диалог, построенный как «построение с нарастанием» канонического типа. Герой раз за разом хочет скрыться от Горя, а Горе — неотвязное, переменчивое — вновь и вновь настигает его, загоняя в конце концов в могилу. Удивителен по силе выразительности образ Горя, которое так редко изображается в «своем» облике — отчаянной, дошедшей до бесстыдства нищеты:

Оно тонко, жидко да пережимисто,
Лыком-де Горе подпоясалось.

В вариантах сюжета Горе выступает то как горе крестьянина, то как женское горе, следующее за своей жертвой от замужества до могилы, и даже как горе молодца, безуспешно пытающегося настичь врага и расправиться с ним и погибающего в безнадежной борьбе.

Баллады о «Горе» послужили основой замечательной русской повести-поэмы XVII столетия — «Повести о Горе-Злочастии», первого стихотворного произведения в русской литературе, написанного народным тоническим стихом. Повесть развила краткую схему баллады в широкую картину, с другой же стороны ограничила сюжет рамками определенной среды и эпохи. Сравнение этих двух явлений

интересно для выяснения взаимоотношений фольклора и литературы в пору ее возникновения.

Среди баллад на социальную тему есть сюжет, в котором сделана попытка изобразить феодальное общество в целом, со всеми его противоречиями и конфликтами. Это — «Птицы на море». Сюжет восходит к книжной повести «Сказание о птицах», получившей распространение с XIV столетия (см. об этом у А. М. Астаховой «Былины Севера», т. 2, М. — Л., 1951, стр. 788). Возможно, благодаря этому жанровые особенности баллады несколько нарушены. Система повторений невероятно раздвинута, преобразились и другие поэтические особенности жанра. Баллада состоит как бы из двух частей — антитез. Идеальной (с точки зрения господствующих классов) картине русского государства противостоит чрезвычайно язвительная реальная картина того же русского государства, но преображенного в аллегорическое заморское «птичье царство». Там царят произвол, насилие, нужда, разврат, полная беззащитность крестьян, которых грабят все, кому не лень. Баллада полна озорного юмора, метких бытовых комических зарисовок, она является превосходным образцом народной сатиры.

До нас дошел целый ряд сатирико-аллегорических баллад с социально-бытовой тематикой: «Травник», «Зуёк», «Мызгирь», «Петух и лиса», «Хмель» и другие.

Следует особо остановиться на группе сюжетов, посвященных морально-философским проблемам, из которых наиболее значительны «Аника-воин» и «Молодец и река Смородина». В этих двух балладах под разными углами зрения ставится, по сути дела, одна и та же проблема — несостоятельности эгоистического индивидуализма личности. Аника, разоривший и подчинивший себе множество стран и народов, встречает на своем пути смерть. Он еще не насытил всех своих желаний, он хочет жить, господствовать, мечтает откупиться от смерти хотя бы на краткий миг — все тщетно. Богатство Аники идет прахом, он не может с его помощью даже душу спасти, поскольку это богатство нажито грабежом и насилием. Замечателен образ смерти, которая «невидимыми пилами» «потирает» Анику по костям и по жилам, подтачивая его жизнь.

В балладе «Молодец и река Смородина» тема решается не столь прямо. Молодец сперва вызывает сочувствие — он попал в немилость у царя, оставлен друзьями и родственниками. Но вот на пути молодца оказывается чудесная и грозная река Смородина. Река эта проверяет человеческую стоимость молодца. Герой не выдерживает испытания. Переехав реку, он тотчас начинает бахвалиться, обнаруживая всю тщеславность своего характера. И насту-

пает расплата. Вынужденный вернуться, молодец тонет в реке, которая человеческим голосом, «душой красной девицей» приговаривает ему: «Не я тебя топлю... топит тебя, молодец, похвальба твоя, пагуба!»

Если мы внимательно приглядимся к сюжетике социально-бытовых баллад, то заметим, что в них особенно часто изображаются люди, потерявшие свое место в обществе. Такой угол зрения помогал обнаружить несовершенство феодализма. Ибо, как бы плоха ни была система, но пока человек еще занимает отведенное ему место в этой системе, она продолжает сохранять внешнее благополучие. Потеря же человеком своего общественного места часто обнаруживает порочность социальной конструкции в целом. Для буржуазного общества, например, наиболее характерным массовым «выпадением из системы» является безработица, для феодального — нищенство и разбой.

Разбой был не только наиболее резким выражением порочности социального строя, но и своего рода формой индивидуального протеста, бунта личности против феодального ярма. Наиболее ярко и крупно тема разбоя выразилась в балладах XVI—XVII веков. Впоследствии она мельчает, а в XIX столетии, с ростом организованных массовых общественных движений, окончательно отступает на задний план, теряя и в широте тематики, и в силе художественного выражения.

Самые значительные балладные сюжеты о разбое связаны с эпохой и именем Грозного. Это уже упоминавшиеся «Правеж» и «Казна монастырская», где разбойник противопоставлен царю и где народ заставляет Грозного оправдать молодца. То, что молодец не сам грабил, а отнял казну у разбойников, — в значительной мере сюжетный ход, уловка, делающая возможным проявление царской милости. Откровенное восхищение удалью разбойников выражает баллада «Усы», высоко оцененная Белинским, где разбойники грабят богатого мужика, который «хлеба не сеет — завсегда рожь продает», по-видимому хлебного торговца или ростовщика. Это восхищение, впрочем, может переходить в осмеяние неудачливых грабителей — «Старина о Большом быке». Как правило, наибольшее сочувствие вызывает разбой в тех случаях, когда он непосредственно связан с социальными движениями («Гибель молодца у перевоза», «Разбойничья лодка»).

В XVII—XVIII столетиях «разбойничьи» баллады зачастую начинали переоформляться в лирические протяжные песни. Так, знаменитая песня «Не шуми, мати зеленая дубровушка» в известной мере восходит к «Правежу», а баллада «Разбойничья лодка» дается

нами в единственном сохранившемся эпическом варианте, записанном в Русском Устье. Все прочие видоизменения этого сюжета являются лирическими песнями, в которых остались лишь описания лодки и вещего сна девицы, а действенная драматическая часть сюжета отпала.

В русской научной литературе не было недостатка в исследованиях, посвященных анализу разбойничьей темы как темы социального протеста. При этом оказалась в тени другая важная сторона народной оценки разбоя. Оказывается, народ отлично понимал историческую бесперспективность разбоя, его разорительность прежде всего для трудящихся масс, хуже всего защищенных от разбойничьих набегов. Недаром в одной из поздних былин про Илью Муромца народ столкнул любимого богатыря с разбойниками, дабы показать все ничтожество последних перед подлинным народным героем. Этот поворот разбойничьей темы получает специфическое решение в балладах «Братья-разбойники и сестра», подробное исследование которой позволяет отнести ее возникновение к XIV—XV векам, и «Жена разбойника». Обе баллады чрезвычайно популярны; первая является вообще самой популярной русской балладой и распространена повсеместно — от Закарпатья и Украины до Сибири, от русского севера до южных казачьих окраин страны. Та и другая баллады чрезвычайно «каноничны» по своим художественно-композиционным особенностям. Обе сквозь призму семейных отношений показывают, что разбой оборачивается, в конечном итоге, против самих героев баллады, так как разбойник, в силу характера своего ужасного ремесла, губит родных и близких, разрушает свою же семью, подрывая самую основу своего существования. Классовые взаимоотношения в этих балладах еще только намечены. Преобладает «семейный» угол зрения.

6

До сих пор мы мало касались такой важной особенности балладной поэтики, как аллегория. О закономерности появления символики и аллегории в балладах уже говорилось при определении жанра. Художественное и идеологическое значение этих элементов балладного стиля можно понять, убрав, например, мысленно из баллады «Василий и Софья» образ чудесных сплетающихся деревьев. Сюжет потеряет при этом всю обобщающую силу, всякое поэтическое значение. В композиции баллады чудесное, символическое, вещее имеет зрительно-наглядный характер, контрастирующий с несколько схематической манерой рассказа о событиях.

От включения в балладу сна, предчувствия, загадки, символической картины недолог был и переход к балладам, в которых символико-аллегорические элементы заполнили весь или почти весь текст («Птицы на море», «Травник», «Мызгирь» и др.). Символико-аллегорический характер приобретают и отрывки эпоса, втягивавшиеся в балладный жанр, по-видимому, в XVI—XVII веках. Переработка эпических сюжетов в балладные происходила во всех странах Европы, — это закономерный исторический процесс. В казачьем фольклоре, например, и самые былины по сути превращаются в баллады, сохраняя от эпоса только имена богатырей. Еще в большей мере перерабатываются отрывки былин, приобретающие с течением времени все свойства баллады. В таком новом качестве был, например, использован зачин былины о нашествии Батыя на Киев — «Туры златорогие». Зачин, оторвавшись от былины, приобрел значение неопределенной, загадочной угрозы-видения. В северном варианте эта угроза переосмыслилась как предвестие падения «старой веры» после реформ патриарха Никона. По тому же принципу перерабатываются и другие отрывки эпоса, приобретающие балладную «недосказанность». Так же создаются новые баллады, использующие литературную, художественную и геральдическую символику, — баллады о чудесных зверях, Индрике, Скимене, Устимане. Эти образы лишены непосредственного переносного смысла, их нельзя «прочесть» как аллегорию, они изображают чудесное, загадочное в обобщенно-символическом плане, как бы раздвигают границы обычного, буднично-возможного, заставляя задуматься над чудесами далеких земель:

А и где было, слышно, глупому жить,
Ай глупому жить, неразумному?
А и где было, слышно, Индей-земля,
Индей-земля всё богатая?

Аллегорические баллады получили наибольшее развитие (или попросту лучше сохранились?) на юге, в казачьей среде. В сборнике помещен ряд подобных баллад: «Старый орел», «Гнездо орла», «Конь и сокол», «Сокол и вороны», «Сокол на воле» и др. В них порою смысл аллегорической картины истолковывается во второй половине баллады (сокол и вороны — молодец в неволе или Краснощеков в плену), порою — только подразумевается, оставляя простор для толкований (сокол на воле — беглец из тюрьмы, воин, покинувший службу, а может быть, и полководец, уходящий от неблагодарного царя). Наконец, аллегория может и не вызывать прямых аналогий с конкретной человеческой судьбой в том случае, когда в ней

подняты вопросы общего этико-проблемного характера. Такова, например, баллада «Конь и сокол», где сталкиваются идея служения долгу и погоня за корыстным интересом: конь олицетворяет верность и честь, сокол — корысть и тщеславие.

Сатирические баллады не составляют особой тематической группы. Их сравнительно немного; ряд сюжетов сохранился в единственной записи, то есть, иначе говоря, только случайно дошел до нас. Объясняется это, по-видимому, не столько тем, что сатирические баллады, осмеивающие конкретные события, быстрее забывались, сколько спецификой балладного жанра, тяготеющего больше к трагическому отображению действительности, чем сатирическому. Это не отменяло, естественно, самой возможности создания сатирических баллад. Принцип драматизма сам по себе не исключает сатиры.

Выделение сатирических баллад из обширного репертуара русских сатирических песен представляет большую трудность. Дело в том, что сатирические песни обычно — песни повествовательные. Но далеко не каждая повествовательная песня — баллада. Необходимо исключить прежде всего песни хороводные и хороводно-игровые (частично помещенные в сборнике «Русская баллада» 1936 года). Пришлось отказаться и от включения в сборник известных сатирических песен: «Дуня-тонкопряха», «Паранины хлебы» и другие, так как их правильнее будет отнести к жанру народных лирических (шуточных) песен, а не к жанру баллады. При всем том следует признать, что граница между балладой и не-балладой, применительно к произведениям сатирическим, подчас почти неразличима.

7

Наблюдения над всею совокупностью сюжетов, объединяемых понятием «баллада» (точнее — старинная или классическая баллада), приводят к выводу, что баллада была одним из ведущих песенно-эпических жанров русского средневековья послемонгольской эпохи (XIV—XVII века).

До сих пор совершенно не изучен вопрос о воздействии баллады на рождавшуюся в XVII столетии русскую демократическую литературу. Однако целый ряд косвенных признаков: цитатные совпадения, стилистические аналогии, а также развитие диалогических повестей в литературе XVII столетия, «балладная» традиция безымянных героев и многое другое, не говоря уже о таких крупных явлениях, как «Повесть о Горе-Злочастии», — заставляют предположить, что воздействие это было достаточно сильным, а возможно, в чем-то и определяющим. Иногда, по-видимому, можно говорить не о воз-

действии, а о родстве эстетических принципов. Несомненна, например, эстетическая общность таких явлений, как баллады «Травник», «Зуёк», «Мызгирь», с одной стороны, и «Повесть о Ерше Ершове, сыне Щетинникове» — с другой. Есть примеры и обратного воздействия литературы на балладу, как уже упоминавшиеся «Птицы на море». В более позднее время (XVII—XVIII века) это влияние усиливается. В качестве примера можно указать на баллады «Фома и Ерема», «Петух и лиса», имеющие книжное происхождение. По-видимому, балладный жанр, начиная клониться к упадку, передавал молодой литературе найденные конфликты, образы, композиционные навыки...

Ждет детального исследования и еще одна проблема: создание на балладной основе в народной и полупрофессиональной среде поэм (аналогии этому процессу обнаруживаются на Западе). Собственно поэмой можно назвать и «Повесть о Горе-Злочастии». К этому жанру, очевидно, следует отнести стихотворные народные переложения сказок «Ванька удовкин сын», «Подсолнечное царство», а также поздние варианты баллады «Князь Роман и Марья Юрьевна», превращенные в поэмы в творчестве А. М. Крюковой и Б. Шергина.

В литературе XIX века народная балладная традиция также получила отражение — в поэме Лермонтова, написанной народным эпическим стихом и использующей сюжетику, дух и стиль русской классической народной баллады, «Песне про купца Калашникова».

Затухание балладного творчества начинается в конце XVII—XVIII веках. Баллад, созданных в старой классической манере, в XVIII—XIX веках появляется очень мало — это в основном творчество окраинных областей страны.

Угасание балладного жанра шло разными путями на юге (а также в центральных областях) и на севере страны, поскольку на юге и в средней России пышным цветом расцвела лирическая протяжная песня, север же долгое время стойко сохранял эпические традиции.

Баллады на севере продолжали существовать и даже создавались вплоть до XX столетия. На короткое время они получали как бы новую жизнь, усиленно распространялись в тех местах, где только-только исчез былинный эпос. Но этот поздний «расцвет» был недолгим. Неизбежные процессы изменения художественного сознания настигали балладу и здесь. На протяжении XVIII—XIX столетий затухание балладного жанра на севере выражалось в том, что новые сюжеты все больше создавались на сказочно-новеллистической основе, все меньше отражали конфликты окружающей действительности. Изменившаяся жизнь не укладывалась в старые поэтические

каноны. Многие сюжеты этих поздних баллад — по природе своей очень нестойкие — забылись, не будучи записанными, о чем можно судить по наблюдениям и расспросам ряда собирателей северного русского фольклора. В старых сюжетах происходит смягчение трагических развязок, наряду с этим — насыщение бытовыми деталями, «разбухание» текста, потеря краткости, хотя можно указать и на обратный процесс — окостенение балладной формы. В конце концов балладная форма ломается. Происходит переоформление рассказа «от автора» в рассказ от первого лица, от лица героя, что является первой ступенью к превращению баллады в лирическую песню. Впрочем, такое превращение происходит редко, чаще всего баллада попросту перестает исполняться и забывается.

На юге и в центральных областях страны, в XVIII — начале XIX века, эволюция баллады протекала иначе: балладный текст сильно сокращался, не теряя, однако, своих специфических жанровых свойств; к нему присоединялся запев, сюжетно не связанный с балладой, но обычно эмоционально перекликающийся с ней. Из такой поэтической формы на короткое время возникла разновидность классической баллады — лирическая баллада, такая, как «Молодец, слуга и девица». Ярчайшим образцом этого типа является баллада «Казак жену губил», в короткое время облетевшая всю страну. В этой балладе, возникшей, по всем данным, на Дону, в казачьей среде, с изумительной силой показано величие женского материнского самоотречения. Тематически совпадая с балладой о князе Романе, баллада «Казак жену губил» вытеснила старый сюжет, оказавшись острее по своему обличительному пафосу и современнее с точки зрения художественных вкусов народных масс XIX века.

Однако «лирическая баллада» оказалась очень нестойким образованием. В дальнейшем происходило следующее: забывался, отпадал конец, а значит, конфликт баллады. «Авторский» рассказ переоформлялся в лирический рассказ от лица героя, баллада получала многоголосый хоровой распев и превращалась в лирическую протяжную песню. Такой вид приняла, например, в поздних казачьих вариантах баллада о «Молодце и королевне». В целом, однако, и на юге баллады чаще забывались, чем перерабатывались. Новое время рождало новые песни.

Необходимо сделать одну оговорку. В нашем изложении мы молчаливо исходили из схемы: эпос — баллада — лирическая песня. Вопрос о том, когда появляется лирическая протяжная песня, еще не решен до конца. Те песни, которые дошли до нас, не старше XVII, а чаще XVIII столетия. Соотношение баллады с этими песнями подтверждается фактическим материалом.

В конце XIX века старинная баллада становится редким, повсеместно исчезающим жанром. Многие сюжеты, записанные в XVIII — первой половине XIX века, в конце прошлого столетия, в пору широчайшего развития собирательской деятельности, уже не попадались фольклористам. И лишь отдельные сюжеты дошли в живом бытовании до нашего времени, но и они исчезают буквально на глазах.

В XIX веке возникает новое, сложное по происхождению явление, во многом ущербного характера — жанр новейшей полулитературной (в известной своей части мещанской) баллады, теснее всего смыкающийся с другим песенно-фольклорным явлением, также полулитературного происхождения — романсом.

Новая баллада, как и романс, знаменует начавшийся с конца XVIII века процесс слияния народного и профессионального творчества. По формальным особенностям метрики она ближе к западноевропейской балладе, чем к старинной русской народной балладе. Она имеет рифму и строфы — четверостишия.

Русская народная поэзия рифмы не знала. Ей были свойственны только зачаточные формы рифмы, непроизвольно возникающие главным образом на основе синтаксического параллелизма. Рифма, последовательно проведенная через все произведение, появляется в русском народном творчестве поздно, под воздействием литературной поэзии. Такое происхождение имеет и рифма в поздних балладах, поскольку и весь жанр новой баллады преимущественно основывается на литературных образцах.

Новая баллада является, по существу, балладой романтической, освоенной народной средой. Произошел своеобразный процесс пересадки западной баллады на русскую почву. Этапы этого процесса таковы. Английские, а позднее немецкие романтики «открывали» народные баллады. На их основе создается литературная романтическая баллада. В отличие от народных, романтики подчеркивали в своих балладах необычность места и времени действия (средневековье, бывшее реальностью в XIV—XVI веках, стало романтической декорацией в конце XVIII — начале XIX века); они выделяли трагический индивидуализм личности, внеся в балладу романтический взгляд на отношение героя и толпы; они сообщили балладе значительную долю лиризма, психологически усложнили жанр в соответствии с достижениями профессионального искусства своего времени.

Романтическая баллада привилась в русской поэзии с начала

XIX века. Наши поэты частично перенесли в русскую поэзию средневековые атрибуты западной романтической баллады: замки, рыцарей, прекрасных дам, крестовые походы и т. п.; частично — обратились к своей истории, создавая в той же форме баллады на сюжеты летописных преданий («Песнь о вещем Олеге» Пушкина) и даже русского эпоса (баллады А. К. Толстого); частично, наконец, открыли свою «романтическую страну» — Кавказ.

Эта литературная романтическая баллада была воспринята народом, получила распев и превратилась в песню-балладу нового времени. Характерно, что все особенности русской романтической баллады были сохранены народной средой. Мы увидим здесь и значительную долю психологического лиризма («Кончен, кончен дальний путь...»), и рыцарскую тематику («Мальвина»), и Кавказ («Хас-Булат»). Широкое распространение получили и самостоятельные, народные сочинения, где романтической страной, далекой от привычной, обыденной действительности, является море, где поэтизируется жизнь рыбаков и матросов («Сказки морские», «Я с рыбацкою верной душою...» и т. п.).

Можно указать даже на случай прямой пересадки на русскую почву западной народной баллады, минуя романтическую литературную трансформацию, это — «Сестры-соперницы» («Жил некогда в Англии царь молодой...»).

Романтическая литературная баллада предназначалась для чтения, а для пения в литературной традиции создавались романсы. В народной среде баллады, частично по этой причине, получали распевы, очень близкие к романсным (так, баллада «Рыбак и жена охотника» поется на мотив известного мещанского романса «На Муромской дорожке стояло три сосны...»). Переплетение новой баллады с романсом было очень сильным и в силу лиризма, присущего новой балладе. Иногда грань между балладой и романсом весьма относительна. Чрезвычайно близка к романсу баллада «Окрасился месяц багрянцем...». Порою только один признак помогает отличить романс от баллады — в романсе событие излагается, как и в лирической песне, от первого лица, от лица героя, в балладе же, как правило, «от автора». Но и этот принцип не абсолютен. Так, песня «Я с рыбацкою верной душою...», несмотря на личную форму повествования, несомненно является балладой. В целом же надо сказать, что романс не только сосуществовал с новой балладой, но и решительно преобладал и по числу сюжетов, и по своему удельному весу в народно-поэтическом репертуаре.

Нельзя не признать также, что новая баллада, как правило, значительно уступает старой классической балладе не только по

своему значению, но и по художественному мастерству. Преувеличенные романтические страсти схематизируются. Сказывается неумелое использование литературного опыта поэзии. Отсюда — и те подчас смешные искажения смысла, которые встречаются в новых балладах.

Если присмотреться к тематике новой баллады, то обнаруживается следующее. Лишь в небольшом числе сюжетов, впрочем очень популярных — «Ермак», «Из-за острова на стрежень», «Кочегар», «Бродяга», — мы найдем гражданские мотивы. Новая революционная поэзия (рабочие песни конца XIX — начала XX века) создается в иных, не балладных, стилистических формах. Баллада же до конца развивается под знаком романтизма и характеризуется в основном обостренным интересом к жестоким драмам на почве любви и ревности, а также ко всему исключительному в судьбах людей, причем зачастую эта исключительность — мещанского пошиба, почерпнутая из дешевой литературы прошлого века (короли и принцы в качестве неожиданных женихов и т. п.). Любовь, ревность, убийство на этой почве становятся основными темами (темы ревности старая баллада почти совершенно не знала). Конфликты, по внешнему характеру чрезвычайно близкие к конфликтам старых баллад, получают в новой балладе значительно более мелкое художественное истолкование. Стоит сравнить баллады «Князь Роман жену терял» (или «Казак жену губил») с новейшей балладой «Один из казаков, наездник лихой» (народная переделка стихотворения С. Т. Аксакова) или сопоставить нового «Ваньку-ключника», переделанного Крестовским, со старым, — чтобы увидеть, насколько одни и те же конфликты серьезнее, глубже, острее истолковываются в старых балладах по сравнению с новыми. В сборнике не представлен еще один пласт позднейшей мещанской баллады, натуралистически описывающий самые кошмарные, зачастую патологические факты уголовной хроники. Например, отец сжигает живьем, ради мачехи, своих детей в печке и т. п. Или созданная в 20-х годах нашего века баллада «Как на кладбище Митрофаньевском отец дочку зарезал свою. . .». Это крайнее выражение тех тенденций, которые пронизывают новую балладу. Мысль в ней как бы идет по замкнутому кругу, отражая ущербное мещанское сознание, развившееся по мере проникновения капиталистических отношений в деревню. В новой балладе лиризм часто переходит в дешевую пасторальность, а драматизм заменяется мелодраматизмом.

Сказанное не должно скрыть от нас и другой, прогрессивной стороны этого сложного и противоречивого художественного процесса. Новая баллада, как и романс, явилась для народа одним из путей к овладению навыками профессиональной поэтической куль-

туры, нового художественно-поэтического мышления. Как правило, уже в начале XX столетия песни, сочиненные средними поэтами и полупрофессионалами, улучшаются, а не ухудшаются в народной среде. Стоит сравнить ранний, излишне многословный текст «Кочегара» с поздним или стихотворение «Ванька-ключник» Крестовского с его народным вариантом, чтобы убедиться в этом. Самый принцип обработки песни существенно изменяется. Из песни выкидываются отдельные четверостишия, но оставшиеся строфы не теряют своей метрической конструкции, как это было раньше. Дело в том, что тонический старый стих позволял свободно варьировать и строки, и части строк, — применение этого принципа к строфической поэзии и приводило на первых порах к несуразицам. Образ, эпитет, сравнение в профессиональной поэзии более индивидуализированы, чем в старой народной. Сохранить такой образ в памяти без искажений труднее, чем запомнить устойчивые эпитеты и традиционные образы старой баллады.

Новая баллада как творческий, то есть создающий новые сюжеты жанр, по-видимому, стоит у своего конца. Песни, возникающие в настоящее время, уже нельзя назвать балладами. Однако в живом бытовании сюжеты новой баллады еще популярны.

Так бывает с каждым фольклорным жанром: он продолжает жить и воздействовать на эстетическое чувство народа и много времени спустя после того, как заканчивается активный творческий процесс. Так было с эпосом, так было и с классической балладой.

В известном смысле искусство вообще не стареет. Даже отдаленное от нас рядом столетий, оно способно доставлять порою живое эстетическое наслаждение.

Д. Балашов

БАЛЛАДЫ СЕМЕЙНО-БЫТОВЫЕ

ДМИТРИЙ И ДОМНА

1

Ездил Митрий Васильевич
Во чисто́м поле, на добро́м коне,
Сидела Домна Александровна
В новой горенке, под косявчатым окошечком,
Под хрустальным под стеколышком.
Думала она, удумливала,
Хулила его, охуливала:
«Ездит-то Митрий Васильевич
Во чистом поле, на добром коне:
Назад горбат, наперед покляп,
Глаза у него быдто у совы,
Брови у него быдто у жоги́,
Нос-то у него быдто у жу́рава».
Прикликала сестрица Марья Васильевна:
«Ай же ты братец Митрий Васильевич!
Заводи, братец, пир-пированьице,
Зазови-тко Домну Александровну
На широкий двор, на почестный пир».
Приходили послы к Домниной матушке,
Они крест кладут по-писа́ному,
Поклон ведут по-ученому,
На все стороны поклоняются,
Сами говорят таковы слова:
«Ах же ты Домнина матушка!
Ты спусти, спусти Домну Александровну
На широкий двор, на почестный пир».

Говорила Офимья Александровна:
«Не спущу, не спущу Домны Александровны
На широкий двор, на почестный пир».
Первы послы со двора не сошли,
Ощё другие послы на двор пришли,
Говорят Офимье Александровной:
«Ай же ты Домнина матушка!
Ты спусти, спусти Домну Александровну
На широкий двор, на почестный пир».
Говорила Офимья Александровна:
«Не спущу, не спущу Домны Александровны
На широкий двор, на почестный пир».
Ощё другие послы со двора не сошли,
А третьи послы на двор пришли,
Говорят Офимье Александровной:
«Ай же ты Домнина матушка!
Ты спусти, спусти Домну Александровну
На широкий двор, на почестный пир».
Говорила Домна Александровна:
«Ай же ты родна моя матушка!
Если спустишь — пойду, и не спустишь — пойду».
Говорила Офимья Александровна:
«Ай же ты дитятко Домна Александровна!
Не ходи-тко к Митрию Васильичу:
Ты хулила его, охуливала.
Я ночéсь спала, грозен сон видлá:
Быдто золота цепочечка рассыпалася,
Рассыпалася она и укаталася».
Говорит Домна Александровна:
«Ай же родна моя матушка!
Про себя спала, про себя сон видлá!
Уйду я замуж за Митрия Васильича».
Говорит же Домнина матушка:
«Ай же ты Домна Александровна!
Надевай-ка ты три платьица:
Первое надень венчальное,
А другое надень опальное,
А третье надень умершее».
Садилась она на добра коня,
Поезжала к Митрию Васильевичу.
Приезжала она на белый двор.
Встречает ю Митрий Васильевич,

Опущает ю с добра коня,
Берет за ручки за белые,
Целовал во уста во саха́рние,
Вел ю за столы за дубовые.
Отруши́л он от себя свой шелко́в пояс,
И уча́л он Домну по белу телу;
И шелковый пояс расплетается,
Домнино тело разбивается.
Пала она на кирпичный пол:
Схватились же Домны — живой нету.
Прознала ее родна матушка,
Скоро прибывает на белоем дворе,
Увидала она Домну Александровну,
Пала она со добра коня на кирпичный пол:
Схватились же ее матушки — живой нету.
Говорит тут родной сестрицы Митрий
Васильевич:
«Ай же ты моя родная сестрица Марья
Васильевна!
Ты сделала три головки бесповинныих!»
Он схватил с гвоздя булатний нож,
Наставил тупым концом во кирпичен пол
И острым концом во белы груди.

2

Еще сватался Митрий-от по три года,
Князь Васильевич да по три осени.
На четвертой год да только свадьбы быть,
Только свадьбы быть, только́ к венцу пойти,
Ай к венцу пойти да обвенчатися.
Зазвонили честну́ ранну́ заутреню,
Еще ту христовску да воскресенскую,
Воскресенскую да вознесенскую.
Чтой пошел князь Митрий ко заутрене,
Он ко той ли ранней к воскресенския,
К воскресенския да к вознесенския.
Чтой бросалась Домнушка по плеч в окно,
Фалелеевна ровно́ по поясу:
«Ай не этот ли Митрий князь Васильевич?
Чтой сказали про Митрия — хорош, пригож,
Он хорош, пригож да в свете лучше нет;

Он сутул, горбат да наперед покляп,
И ноги́ кривы́ у его, глаза косы,
Русы кудри у Митрия онежские,
Еще речь у него да самоедская».
Еще тут ведь Митрию во слух пало,
Щой Васильевичу за беду стало,
Чтой за ту пало насмешку за великую.
Воротился Митрий от заутрени,
Приходил он к Настасьюшке к Васильевны:
«Уж ты гой еси, сестричушка любимая!
Соберем-ко мы пир, да всё девичий стол.
Попроси ты Домну Фалелеевну
На почестен пир, да на девичий стол
Хлеба, соли исть да сладка меду пить.
Ты скажи, что Митрия-князя в доме нет,
Чтой Васильевича да не случилося:
Он ушел ведь в лес теперь полесовать,
За лисицами да за куницами,
Он за разныма за мелкима за птицами».
Щой первы́ послы к Домны на двор пришли.
«Добро жаловать, Домна Фалелеевна,
Еще к нашей Настасье к Васильевны
На почестен пир, да на девичий стол
Хлеба, соли исть да сладка меду пить!
Еще Митрия-то князя в доме нет».
Чтой первы́ послы да со двора сошли,
Ай вторы послы к Домны на двор пришли:
«Отпусти ты, Софьюшка Никулична,
Свою дочерь Домну Фалелеевну
На почестен пир, да на девичий стол,
Хлеба, соли исть да сладка меду пить!
Еще Митрия-то князя в доме нет,
Чтой Васильевича не случилося,
Не случилося, не пригодилося:
Он ушел ведь в лес да всё полесовать,
За лисицами да за куницами,
Он за разныма за мелкима за птицами».
Чтой третьи́ послы к Домны на двор пришли:
«Добро́ жаловать, Домна Фалелеевна,
Еще к нашей к Настасье всё к Васильевны
Хлеба, соли исть да сладка меду пить!»
Не спущает ей Софьюшка Никулична:

«Не ходи уж ты, Домна Фалелеевна,
На почестен пир да на девиной стол.
Я ночесь мало спала, да во сне видела:
Со бело́й груди скатился чуденной крест,
На право́й руки распаялся всё злачён персте́нь».
Не послушалась Домна Фалелеевна.
Умывалась Домнушка белёшенько,
Одевалась Домна наряднёшенько,
Приходила к Настасьюшке к Васильевны
На почестен пир, да на девичий стол.
Вдруг зашла она в палаты белокаменны,
Открывала дубовы да двери на́-пяту,
Она крест кладет да по-писа́ному
И поклон ведет да по-ученому,
Поклонилася на все четыре сто́роны.
А сидит тут Митрий во большом углу,
Князь Васильевич да во честно́м месте:
«Добро жаловать, Домна Фалелеевна,
Ко сутулому да ко горбатому,
Всё к ногам кривым, к моим глазам косым,
Ко кудрям моим да всё к онежскиим,
К поговорюшке да к самоедския —
Хлеба, соли исть да сладка меду пить!
Ты садись, проходи да за дубовой стол».
Воспроговорит Домна Фалелеевна:
«Отпусти-тко меня, Митрий князь Васильевич!
Я с право́й руки забыла там злачён персте́нь,
Мы которым с тобой будем обручатися».
Воспрого́ворит Митрий князь Васильевич:
«Ты где хошь ходи, только моей **слыви!»**
Тут пошла ведь Домна Фалелеевна
Что из тех она палат да белокаменных,
Заходила она в кузницу железную,
Чтой ковала два ножичка булатныих,
Уходила с ними Домна во чисто́ поле,
Становила Фалелеевна во сыру́ землю
Что востры́ма концами во белы́ груди,
Да сама тут ведь Домна приговаривала:
«Не достанься, мое да тело белое,
Ты сутулому, да ты горбатому!
Ай достанься, мое да тело белое,
Лучше матушки да ты сырой земли!»

ВАСИЛИЙ И СОФЬЯ

1

Было у вдовушки тридцать дочерей;
Все они были грамотницы,
Все они ходили по божиим церквам,
Все они стояли по крылосам,
Все они пели: «Господи божé!»
Одна из них, София, промолвилась,
Ладила сказать: «Господи божé»,
Той поры сказала: «Васильюшко-дружок,
подвинься сюда!»
Василий-то догадлив был —
Брал он Софию за прáву рýку,
Повел он Софию по Киеву,
Ко славному князю Владимиру.
Проведала Васильева матушка,
Скорешенько бежала в царев кабачок,
На гривенку купила зеленого вина,
На другую купила зелья лютого.
Во правой руке зеленó вино несет,
Во левой руке зелье лютое.
Из правой руки Василью подала,
Из левой руки Софии отдала:
«Пей-ка, Василий, Софии не давай!
Пей-ка, София, Василью не давай!»
Василий пил, Софии подносил,
Софиюшка пила, Василью поднесла.
Мало-помалу Василий говорит:
«Буйна голова болит»,
София говорит: «Ретивó сердце щемит».
Всю ночку трудились, беспокоились,
Ко утру-свету преставились.
Васильюшку гроб исповызолотили,
Софиюшкин гроб исповыкрасили.
Васильюшка несут князи-бóяра,
Софиюшку несут красны девушки.
Васильюшка положили по правую руку,
Софиюшку положили по левую руку.
На Васильевой могилке вырастала золотá вербá,
На Софииной могилке — кипарисно деревцо.

Корешок с корешком сорасталися,
Прут с прутом совивается,
Листок со листком солипается.
Старый идет — богу молится да наплачется,
Пожилой-то идет, подивуется,
Малый идет — натешится, наиграется.
Проведала Васильева матушка:
Золотую вербу повыломала,
Кипарис-дерево повысушила,
Всё она кореньё повывела.

2

Жила вдова да по край синю́ моря́,
Было у вдовы да было семь дочерей,
Семь дочерей, да один был сынок.
Все-то дочери по спасеньицам пошли,
Оны спасалися, Христу-богу молилися.
Одна-то дочь, Софиюшка, промолвилася,
Хотела сказать: «Господи, прости меня»,
Между тем она сказала: «Васильюшко,
Василий-дружочек, потронься ко мне,
Потронься, подвинься,
Обо́ймемся да и поцелуемся».
Услыхала Софьина мать, так закидалась, забро́салась.
Закидалась, забросалась по Кий-городам,
По Кий-городам да по царёвым кабакам.
На гривну взяла да зелена́ она вина,
На другу взяла да зелья лютого.
Зелено́ вино Софье подно́сила,
Зелье лютое Василью подносила:
«Софиюшко, пей да Василью не давай,
Васильюшко, пей да Софии не давай».
Софиюшка пила, Василию подносила.
Васильюшка пил, да Софии подноси́л.
К утрушку к светушку преставилися.
Преставилися да приготовилися.
Делали гроб Софиюшке с чиста серебра,
Делали гроб Васильюшке с кипарисына дерева,
Несли ведь Софиюшку на буйных головах,

Несли же Васильюшка на белых руках,
Хоронили Софию по праву руку к церкви́,
Хоронили Васильюшка по левую руку к церкви,
Цветочки с цветочками срасталися,
Вьюночки с вьюночками свивалися.
Старые идут да приплачутся,
Круг полувеку идут, так подивуются,
Молодые идут, так полюбуются.
И прилетал голубчик со голубушкой,
Садился голубчик на Васильюшков цветок,
Садилася голубушка на Софиюшкин цветок.
Говорил голубчик голубушке:
«Похоронены здесь безвинны людюшки».

ЧУРИЛЬЁ-ИГУМЕНЬЁ

У чудного креста у Благовещения
Тут служило Чурильё-игуменьё,
Сорок девиц со девицею,
Сорок стари́ц со старицею.
На правом-то крылосе Василий стоит,
А на левом-то крылосе Снафидушка стоит.
Да Василий-от поет: «Да ты подай, бог, божья́»,
Снафида-та поет: «Да еще я тебя не вижу,
Еще я тебя не вижу, жить ни быть не могу,
Я тебя увижу, сердце взрадуется».
Спроговорит Чурильё-игуменьё:
«Сорок девиц да со девицею,
Сорок стариц да со старицею!
Вы подите-тко, девицы, во чистоё полё,
Во чистоё полё да к серопегое змеи;
Попросите у змеи да зелья лютого,
Лютого зельица разлучного,
Разлучить нам сноха да нелюбимая».
Пошли девицы со девицею,
Пошли старицы со старицею во чистоё полё:
«Ой еси, змея да серопегая!
Дай нам зельица лютого,
Лютого зельица разлучного,
Разлучить нам сноха да нелюбимая».

Спроговорит змея еще лютая:
«Ой еси, девицы со девицею,
Сорок стариц со старицею!
Вы подите-тко, девицы, во чистоё полё,
Отливайте от огня да част ракитов куст,
Отнимайте от огня да малых деточек».
Отливали девицы част ракитов куст,
Отнимали от огня да малых деточек.
Дала им змея да серопегая
Лютого зельица разлучного,
Разлучить сноху да нелюбимую.
Дала им зельица лютого,
Лютого зельица разлучного.
Отдавают это зельице лютое
Чурилью-игуменью.
Наливает Чурильё-игуменьё,
Подавает Чурильё своей невестушке:
«Выпей-выкушай, Снафидушка Давыдьевна,
Нашего питья да монастырского,
Наше-то питье да на просыпочках легко,
С нашего питья да не заболит голова».
Спроговорит Снафидушка Давыдьевна:
«Уши-ти выше не живут головы,
Я больше Василья не живу никогда».
Подавает Чурильё своему сыну:
«Выпей-выкушай, Василий Романович,
С нашего питья не заболит голова,
Наше-то питье да на просыпочках легко».
Примает Василий единой ручкой,
Выпивает Романович единым душком.
У Василья голова с плеч покатилася,
У Василья белы руки опустилися,
У Романовича резвы ноги подломилися.
Тут-то Чурильё не ужахнулося,
Игуменьё не убоялося.
Наливает Чурильё-игуменьё
Подает Чурильё своей невестушке:
«Выпей-выкушай, невестушка любимая,
Нашего питья да монастырского,
Наше-то питье да на просыпочках легко,
С нашего питья да не заболит голова».
Примает Снафида единой ручкой,

Выпивает Давыдьевна единым душком.
У Снафиды голова с плеч покатилася,
У Давыдьевны белы руки опустилися,
У Снафиды резвы ноги подломилися.
Тут-то Чурильё ужахнулося,
Игуменьё убоялося.
Пошло Чурильё в келейку:
«Ой еси, Павел, в келейке!
Что я, Чурильё, сделала?
Что я, игуменьё, сгрезила?
Две души я погубила:
Одну душу безгрешную,
А другу душу понапрасну».
Спроговорит Павел в келейке:
«Стань-ко ты, Чурильё, на леву-ту ногу,
Погляди-тко ты, игуменьё, на праву-ту руку:
Что у тя на руки-то подписаное?»
— «Подписано на руки тут пресветлой рай,
Во раю сидит Василий Романович
Со своей со Снафидой Давыдьевной».
— «Стань-ко ты, игуменьё, на праву-ту ногу,
Посмотри-тко ты, Чурильё, на леву-ту руку,
Что у тя на руки-то подписаное?»
— «А подписано на руки кромешной ад,
Во аду сидит Чурильё-игуменьё,
Сорок девиц со девицею,
Сорок стариц со старицею».

КНЯЗЬ МИХАЙЛО

1

Как поехал князь Василий
Во иной город на службу,
Провожает его матушка родима,
Его родные три сестрицы,
Его милая млада княгиня.
Он наказывает, князь Василий,
Своей матушке родимой:
«Ох ты мать моя родима!
Береги мою княгиню,

Корми ее калачами,
А пои сытой медяною».
Еще только князь Василий
С двора съехал,
Его матушка родима
Жарко мыленку топила,
Горюч камень разжигала,
По белым грудям снохе катала.
В первы сноха воскричала —
Мать сыра земля простонала,
Во другорядь воскричала —
Все темны леса к земле приклонились,
Во третий сноха воскричала —
Под ним добрый конь споткнулся.
«Вы постойте-ка, князья, бояре,
Знать, у меня дома нездорово,
Либо матушки не стало,
Либо милой которой сестрицы,
Либо моей младой княгини».
Подъезжает князь Василий
К своему-то дому,
Растворяются ворота,
Встречает его мать родная
Со середнею своей сестрою.
Как возговорит же князь Василий:
«Ох ты матушка родима!
Где моя мила млада княгиня?»
Как возговорит же ему мать родима:
«Со большой сестрой во пиру-беседе,
Со князьями, со боярами».
Как поехал же князь Василий
Во честной-то пир-беседу,
Как ходил же и смотрел
Во честном пиру, в беседе,
Нигде своей княгини не видит,
Увидал же сестру родную,
Он и спрашивает свою сестру родную:
«Ой еси, сестра моя родная!
Где моя мила млада княгиня?»
Как возговорит сестра родная:
«Твоя милая княгиня
Со меньшой сестрой в саду гуляет».

Поехал же князь Василий
Во тот же зелен садик.
Он ходил-гулял по садочку,
Увидал сестру родиму,
В саду ходит, плачет.
Он подходит к ней тихонько,
Говорит с нею легонько:
«Ой еси, сестра моя родная!
Где моя мила млада княгиня?»
Как возговорит ему сестра родима:
«Ох ты братец мой родимой!
От тех пор я ее не видала,
Как с двора тебя проводила,
Ты поди-ка ко своей служанке,
К своей верной няньке,
Она об твоей княгине знает».
Пошел же князь Василий,
Он приходит же к служанке,
К своей верной няньке,
Пал пред нею на колени:
«Ты скажи мне, верна нянька,
Где моя мила млада княгиня?»
Отвечает ему нянька,
Сама слезно плачет:
«Я сказала бы, да убоюся
Твоей матушки родимой!»
Как возговорит же князь Василий:
«Уж ты бай, нянька, не бойся,
Уж я сам тебя не выдам».
— «Ох ты батюшка, князь Василий,
Твоя-то княгиня
Во светлой светлице,
Во новой гробнице
Во белыим платье».
Как пошел же князь Василий,
Идет, сам слезно плачет,
Всходит же во светлую светлицу,
Увидал же новую гробницу,
Во гробнице его милая княгиня
Во белыим платье.
Чуть-едва мог на ногах стояти,
Подходя ко гробу, слезно плакал.

Говорил он таки речи:
«Ты прощай, мила млада княгиня,
Не видать мне тебя вовеки,
Ты милей всех была мне в свете!»
Пошел к матери родимой,
Он пришел же, сам слезно плачет,
Возговорил ей таки речи:
«Ох ты мать моя родная,
Какова есть на свете змея люта,
И та всех детей своих не поедает,
А ты съела мою княгиню,
Погубила мою молодую,
Разлучила меня с нею вовеки,
Уж я не буду знати и почитати,
Матерью родимой тебя называти,
Никогда меня у себя и не увидишь!»
Понесли ее хоронити,
Спущают во сыру землю.

2

Поехал Михайло молод князь
Во чисто поле гулять.
Уехал, у матушки не благословился,
Он женился, не спросился,
Привез молоду княгину
Своей матушке родимой:
«Уж ты матушка родима!
Возьми молоду княгину,
Веди в горницы высоки,
Во повалыши широки.
Уж ты пой-корми княгину
Трёма сладкими медами,
Рассыпныма сахарами».
Ему матушка родима:
«Ты поехал, не благословился,
Ты женился, не спросился».
Тут задумал Михайло молод князь
Во чисто полё гулять.
Он у матушки благословился:
«Уж ты матушка родима!

Возьми молоду княгину,
Уж ты пой-корми медами,
Рассыпныма сахарами».
Тут уехал Михайло молод князь,
Тут уехал во чисто полё гулять.
Его молода княгина
Во горницах высоких,
Во повалышах широких
Уливалася слезами.
Его матушка родима
Не успела спроводити —
Парну баенку топила
Серой камень нажигала,
Серой камень со огнями,
Со сыпучима искра́ми,
Звала молоду княгину
В парну баенку помыться.
Пошла молода княгина
В парну баенку помыться,
Заливалася слезами.
Его матушка родима
Его молоду княгину
Повалила на брусчату белу лавку,
Ко косящату окошку.
Серой камень нажигала,
На белы́е груди клала,
Выжигала из утробы
Она малого младеня,
Пеленала она младеня
Как во пелены персчаты,
Как во поясы шелковы.
Молоду княгину
Она валила в белоду́бову колоду
Она со малым со младенем,
Наводила на колоду
Трои обручи железны,
Она спустила как колоду
Во синё морё Алыньско.
У Михайла его конь-от подопнулся,
Его ноги подломились,
Он зачул, що дома неладно.
Он домой назадь приехал,

Бежал в горницы высоки,
Во повалыши широки:
«Уж ты матушка родима,
Где же молода княгина?»
— «Твоя молода княгина
Она гóрда и спешли́ва:
Она пойдет-то — не ска́жется,
Придет-то — не спрóсится.
Твоя молода княгина
У суседа на беседы».
Он кинался и бросался
Всё к суседу на беседу, —
Нету молодой княгины
У суседа на беседы.
Он кинался и бросался
К своей матушке родимой:
«Уж ты матушка родима,
Где же молода княгина?»
— «Твоя молода княгина
Придет она — не спросится,
Пойдет она — не скажется,
Во горницах высоких,
Во повалышах широких».
Он кинался и бросался
Всё во горницы высоки,
Во повалыши широки —
Не нашел свою княгину.
Он кинался и бросался
Ко своим же слугам верным:
«Уж вы ой еси, слуги верны!
Где же молода княгина?»
Отвечали слуги верны:
«Твоя матушка родима
Не успела тя спроводити,
Парну баенку топила,
Серой камень нажигала,
Со огня́ми, со сыпучима искра́ми,
Звала молоду княгину
В парну баенку помыться.
Пошла молода княгина
В парну баенку-ту мыться,
Заливалася слезами.

Твоя матушка родима
Твою молоду княгину
Повалила на брусчату белу лавку,
Ко косящату окошку,
А на белы-ти на груди
Уж как клала серой камень
Со огнями, со сыпучима искрами.
Выжигала из утробы
Она малого младеня,
Пеленала она младеня
Она во пелены персчаты,
Що во поясы шелковы.
Она клала молоду княгину
Во белодубову колоду
Она со малым со младенем,
Наколачивала на колоду
Трои обручи железны,
Она спускала как колоду
На синё морё Алыньско».
Тут Михайло молод князь
Он кинался и бросался,
Еще брал он шелков невод,
Еще брал свои слуги верны.
Он перву тоню закинул —
Не попала тут колода,
Он другу тоню закинул,
Еще мимо перебросил,
Он третью́ тоню закинул —
Тут попала ему колода.
Он сколачивал с колоды
Трои обручи железны,
Он смотрел же во колоды
Свою молоду княгину,
Сво́я малого младеня.
Наколачивал на колоду
Трои обручи железны,
Он спускал эту колоду
Во синё морё Алыньско.
Он кинался и бросался
Еще сзади за колодой,
Он бросался за колодой
Во синё морё Алыньско.

Тут остались слуги верны.
Его матушка родима
По колен в грязи бродила:
«Грех я тяжкой согрешила,
Три души я погубила:
Перву душеньку безгрешну,
Другу душеньку безвинну,
Третью душу понапрасно».

КНЯЗЬ И СТАРИЦЫ

Жил-был князюшко да девяносто лет,
Уж он взял княгинушку да девяти годов,
Жил с княгинушкой да ровно три года,
Ровно три года, ровно три осени.
На четвертой год да князь гулять пошел.
Он ходил-гулял да ровно три года,
На четвертой год да князь домой пошел.
Идет тут князюшко да по чисту́ полю,
Да попало ему стрету две ста́рицы,
Две старицы да две монашицы.
Спрашиват князюшко у этых старицей:
«Уж вы старицы да вы монашицы,
Чернокнижницы вы да черноризницы,
Не видали ль вы моей княгинушки,
Моей младые да Катеринушки?»
— «Мы видом не видели, да слыхом слышали,
Да как придешь, князь, да ко крылечику,
Поколотишьсе, князь, да за колечико,
Да как выбежит твоя млада княгинушка,
Твоя младая да Катеринушка
Она без летничка, в одной сорочечке,
Без башмачиков, в одних чулочиках,
Без платочка, в одном кокошничке.
Ты бери, бери, князь, саблю вострую,
Ты сруби у ей да буйну голову;
Уж придешь, князюшко, да на новы́ сени —
На новы́х сенях да колыбель висит,
Колыбель висит да малых деточек,
Придешь, князюшко, да в нову горницу —

Вси ключи да замки исприломаны,
Ступишь, князюшко, да во глубок погрёб —
Вси сладки меды да исприедены,
Сладки водочки да все испри́питы.
Придешь, князюшко, да на широкой двор —
Вси коретушки да исприломаны,
Золоты узды да все испри́рваны,
Придешь, князюшко, да на конюшен двор —
Вси добры кони да исприезжены,
Вси добры кони да по колен в назьму,
Да едят траву да не шелковую,
Оны пьют воду да всё назёмную».
Да пришел тут князь да ко крылечику,
Да колотился князь да за колечико.
Выскочила его млада княгинушка
Да без летничка, в одной сорочечке,
Без башмачиков, в одних чулочиках,
Без платочика, в одной кокошничке.
Брал тут князюшко да саблю вострую
Да срубил ей да буйну голову.
На ступень ступил — да там пя́ла висят,
Во пялах-то шито всё по-книжному,
Всё по-книжному, да по-писа́ному,
А не стольки шито, вдвое плакано,
Всё-то князюшка домой дожи́дано.
На другой ступил — да там други висят:
Во пялах-то шито всё по-книжному,
А не стольки шито, вдвое плакано,
Всё-то князюшка домой дожидано.
Ступил князюшко да на новы́ сени —
Вси ключи-замки изоржавели,
Ступил князюшко да во глубок погрёб —
Да вси сладки меды да изапле́снели,
Сладка водочка вся задохнулася.
Ступил князюшко да на широкой двор —
Вси коретушки да не приломаны,
Золоты узды да вси заме́дели.
Ступил князюшко да на конюшной двор —
Вси добры кони да не приезжены,
Вси добры кони да по колен в шелку,
Едят траву да всё шелко́вую,
Да пьют воду да всё ключовую.

Да как брал тут князь коня да самолучшего,
Поезжал тут князь да во чистó полё,
Во чистó полё да к этым старицам,
К этым старицам, да двум монашицам.
Идут ему настрету эты старицы,
Одной старицы он голову сказнил,
Дру́га старица ему змолилася,
Змолилася да низко поклонилася:
«Не придай-ко мне, князь, да смерти
понапрасные,
Мы поедем ко ляги, ко живой воды,
Оживим твою младу княгинушку».
Тут поехали оны ко ляги, ко живой воды,
Оживили тут его княгинушку
Да младую да Катеринушку.

ОКЛЕВЕТАННАЯ ЖЕНА

1

Один был сын у отца-матери,
И тот на службу пошел.
Он год служил, другой служил,
На третий год он домой пришел.
Мать сына встретила середи поля,
Сестра встретила середь улицы,
Жена встретила середь горницы.
Мать сыну стала жаловаться:
«Ах сын мой, сын мой,
Сын любезный мой,
Жена твоя приказа не исполняла,
Коней всех твоих поморила,
Соколов твоих пораспустила,
Вино и мед расшинкарила,
Дитя, твой сын, скончался».
Взял молодец саблю острую,
Срубил жене буйную голову
По самые плечи ее белые.
Пошел молодец во конюшенку —
Кони стоят, овес едят,
Стал молодец, призадумался.

Пошел молодец во сокольню свою —
Соколы его подчищаются,
Стал молодец, призадумался.
Пошел молодец в погреба свои —
Вино у него запечатано.
Стал молодец, призадумался.
Пошел молодец в свою спаленку —
Дитя, сын его, в колыбели лежит.
«Бай, бай мое дитятко,
Съела тебя ро́дная бабушка,
А моя ро́дная матушка!»

2

Как ходил-гулял добрый молодец ровно три года,
На четвертый добрый молодец домой пошел.
Что зашел-то добрый молодец на высок курган,
Как навстречу добру молодцу змея лютая,
Что лютая змея, крапивная.
Вынимает добрый молодец саблю острую,
Он хотел срубить змее голову.
Что возговорит змея добру молодцу:
«Не секи, не руби меня, добрый молодец!
Я скажу тебе великое сподивовище:
Как твоя-то жена — горька пьяница,
Пропила она твоих добрых коней,
Промотала твоих ясных соколов,
Расточила она всю золоту казну!»
Как пошел-то добрый молодец на широкий двор,
А навстречу ему молодая жена.
Вынимал молодец саблю острую
И отсек он жене буйну голову,
Покатилась голова по широку двору,
Покатилася коням под ноги, —
Что его-то кони овес едят.
Что пошел молодец в новы горницы —
Что ясны его соколы пшено клюют.
Как пошел молодец к кладовым своим —
Золота казна замком заперта,
Замком заперта, запечатана.
Тут взъелся добрый молодец, погубился,
Погубил он свою буйную головушку.

3

Что поехал добрый молодец в вольный город
В вольный город, в торг на ярмарку,
И догнали его, добра молодца, два товарища.
Во глаза ему, доброму молодцу, насмеялися:
«Ничего ты, наш товарищ, не знаешь, не ведаешь!
Что твоя молода жена по пирам пошла,
Все настойные сладкие твои напиточки повыпила,
Вороного твоего жеребчика позаездила,
А любимого твоего конюха со двора гонит».
Молодецкое сердечушко разгоралося,
С половины пути-дорожки назад молодец воро́чался.
Подъезжает добрый молодец к своему подворью,
Он стучит-гремит у калиточки.
Что встречает его молода жена,
И бежит она только в одной рубашечке,
И брала его, добра молодца, за праву руку.
Как въезжает добрый молодец на широкий двор,
Вынимает он, добрый молодец, саблю вострую —
И срубил добрый молодец жене буйну голову,
А сам пошел прежде во конюшенку —
А любимый его конюх лежит на коечке,
Вороной его жеребчик стоит на стойничке,
Как пошел добрый молодец в свои палатушки —
Все настойные его сладкие напиточки
Стоят целы и нетронуты.

РЯБИНКА

Злое зелье крапивное,
Еще злее да люта свекра́.
Люта свекра́ — молодой снохе:
«Ты поди, моя невестка, во чисто́ поле,
Ты стань, моя невестка, меж трех дорог,
Меж трех дорог, четырех сторон,
Ты рябиною кудрявою,
Кудрявою, кучерявою».
Туда ж ехал добрый молодец,
Он стал под рябинушку,
Кудрявую, кучерявую.

Без ветру рябина зашаталася,
Без дождю рябина мокра стала,
Без вихрю рябина к земле клонится,
За черные кудри ловится.
Приехал сын к матери:
«Сударыня моя матушка!
Иде ж моя молода жена?»
— «Твоя жена с двора сошла,
С двора сошла, детей свела».
— «Сударыня моя матушка!
Сколько в службе ни езживал,
Такого дива не видывал:
Как в поле, промеж трех дорог,
Меж трех дорог, четырех сторон,
Как стал я под рябинушку,
Кудрявую, кучерявую,
Без ветру рябина зашаталася,
Без дождю рябина мокра стала,
Без вихрю рябина к земле клонится,
За черные кудри ловится!»
— «Возьми, сын, ты остру саблю,
Ссеки рябину под корень!»
Он раз вдарил, она охнула,
Другой вдарил, она молвила:
«Не рябинушку секешь,
Секешь свою молоду жену!
А что веточки — то наши деточки».
Пришел сын да и к матери:
«Не мать ты мне, не сударыня,
Змея ты мне подколодная.
Свела ж ты мою молоду жену,
Сведи теперь меня!»

КНЯЗЬ РОМАН ЖЕНУ ТЕРЯЛ

1

Как князь Роман жену терял,
Терял-терзал, в реку бросал,
Во ту реку во Смородину.
Приехал к своему широку двору,

Встречает его дочь любимая,
Принимает из кареты за белы руки,
Стала у батюшки выспрашивать:
«Государь мой родной батюшко!
Куда ты девал мою матушку?»
— «Не плачь, не плачь, дочь любезная:
Пошла твоя матушка во высок терем
Белитися и румянитися,
Во цветное платье наряжатися».
Пошла княжна во высок терем,
Искать своей матушки родимыя:
Белилочки стоят не белены,
Румянечки и не тронуты,
Цветно платье на грядочке.
Идет княжна — как река льется:
«Государь ты мой родной батюшко!
Куда девал мою матушку?»
— «Не плачь, не плачь, дочь любимая,
Поехала матушка в чистое поле
Цветочки рвать, веночки вить».
Выходила княжна на крылечушко,
Закричала своим громким голосом:
«Ах вы слуги мои, слуги верные!
Запрягайте скорее колясочку,
Повезите меня к матушке родимой,
Ах далече-далече во чистом поле
Цветочки рвать, веночки вить».
Приехала далече во чисто поле:
Цветочки стоят не сорваны,
А веночки не свиваны.
«Ах, нет моей матушки родимыя!»
Как билася княжна об сыру землю,
Она плакала громким голосом.
Над ней летал млад орел-птица,
Орел-птица, птица царская.
Спущался к ней на белы руки,
В когтях держал руку белую,
Руку белую, руку правую,
Со перстнями со алмазными.
Что взговорит орел-птица:
«Не плачь, не плачь, молода княжна,
Не ищи ты своей родной матери:

Как князь Роман жену терял,
Терял-терзал, во реку бросал,
Во ту реку во Смородину.
Вот твоей матушки права рука,
Со перстнями со алмазными!»
Приехала княжна к широку двору,
Восходила она во высок терем,
Она била руки о дубовой стол.
Услышал ее батюшка родимой,
Бежит к княжне во высок терем:
«Ты о чем плачешь, дочь любимая?»
— «Государь ты мой родной батюшко!
За что погубил мою матушку?»
— «Ах, свет моя дочь любезная!
Не я терял, не мои руки:
Потеряло ее слово противное.
Приведу я тебе матушку любезную».
Что возговорит молода княжна:
«Не желаю матушки любезныя,
Желала б свою матушку родимую!»

2

Уж как был-жил Роман да князь Михайлович.
У его была княгина Марья дочь Васильевна,
У их прижито дитё Настасья дочь Романовна,
А хитра-мудра да девяти годов.
Поразнежилось княжно́ дитё, Настасья
дочь Романовна,
И расплакалось княжно́ дитё, приразнежилось.
Ею стала мамушка убайкивать,
Ею стала мамушка улюлькивать:
«Уж ты спи, княжно дитё Настасья дочь Романовна!
Еще скоро наедет твой-от батюшко,
Еще грозной-от князь Роман Михайлович».
Не могла ей мамушка убайкати,
Не могла сударыня улюлькати.
«Уж ты спи, княжно дитё Настасья дочь Романовна,
Сколь хитра-мудра девяти годов!
Как наедет твой батюшко родимой-от,
Еще грозной-от князь Роман Михайлович».

И расплакалась княжно дитё Настасья дочь Романовна,
И расплакалась да прирастешилась,
Ей не могут нянюшки убайкати,
Ей не могут нянюшки улюлькати.
Ею стала мамушка убайкивать:
«Уж ты спи, княжно дитё Настасья дочь Романовна,
Сколь хитра-мудра да девяти годов!
Еще скоро наедет у тя батюшко,
Еще грозной-от князь Роман Михайлович».
Приразо́спалась княгина первобрачная,
Еще та ли княгина Марья дочь Васильевна.
Как во то время, во те часы
Как наехал грозной князь Роман Михайлович.
Ай не слышала княгина первобрачная,
Расходилось у его да ретиво сердцо,
Разгорелась у его кровь богатырская.
Он идет в полату белокамянну,
Уж и брал княгину за белы́ рукú,
Выводил княгину на новы́ сенú,
Он садил княгину на добра́ коня;
Он из рук, из ног да жильё вытянул,
Он отрезал у ей да груди белые,
Он у рук, у ног да персты все повыломал,
Сокатились с перстов да злачены перстни.
Увозил он ей да во чисто́ полё,
Разбросал на все четыре стороны.
Он приехал к полаты да к белодубовой,
Он заходит в полаты белокамянны,
Он садится за столы да за дубовые,
Во большой угол да во большо место.
Пробужается княжно дитё Настасья дочь Романовна,
Пробудилася да стала плакати:
«Еще где моя матёнка родимая,
Еще на́ имя Марья свет Васильевна?»
Ею стали бабушки убайкивать,
Ею стали мамушки улюлькивать:
«Уж ты гой еси, княжно дитё Настасья дочь Романовна,
Сколь хитра-мудра да девяти годов!
Как ушла твоя мать да в теплу спалёнку».
А бросалося княжно дитё во спалёнку —

Тепла спалёнка да не ото́мкнута,
Пуховы периночки не устланы,
Соболино одеялышко не разо́гнуто.
Тут пришло княжно дитё, расплакалось:
«Во последний раз мать байну вымыла,
Во последний раз мать косу выплела,
Во последний раз да ленту у́вила,
<В> цветно платьице да снаряжалася!»
От пришло княжно дитё, расплакалось,
Жалобнёшенько да причитаючи.
Как пошло княжно дитё во банёнку —
Тепла банёнка да не ото́мкнута,
Ключева вода да не издёржена,
Как бело́м мылом не умывалася,
В цветно платьице не одевалася.
Тут пошло княжно дитё, расплакалось,
Жалобнёшенько да причитаючись:
«Во последний раз мать байну вымыла,
Во последний раз да косу выплела,
Во последний раз да ленту у́вила!»
Как приходит в полату в белокамянну,
Ко тому ли ко батюшку к родимому:
«Уж ты гой еси, батюшко родимой мой,
Уж ты грозной князь Роман Михайлович!
Еще где моя да ро́дна матушка?»
Ей спроговорит батюшко родимыя:
«Уж ты гой еси, Настасья да дочь Романовна
Сколь хитра-мудра да девяти годов!
Как ушла твоя мать да во божью церковь».
Вот бросалось княжно дитё в божью церковь,
Отворят дубовы да двери на́-пяту,
Она крест кладет да по-ученому,
А поклон ведет да по-писа́ному,
Що молитвы творит да всё Исусовы.
«Уж вы здравствуйте, попы, отцы духовные!
Уж вы здравствуйте, причетники церковные!
Уж вы здравствуйте, народ, все люди добрые,
Уж вы ближные суседы порядо́вные!
Не видали ли моей да родной матушки?»
— «Уж мы видом не видали, дак слыхом слышали».
Тут пошло княжно дитё, расплакалось,
Жалобнёшенько да причитаючись:

«Во последний-от раз мать байну вымыла,
Во последний раз да косу выплела,
Алу ленточку да в косу у́вила,
<В> цветно платьице да снаряжалася!»
Как спущаится с крылечка со церковного,
Тут бежит два волка да долгохвостые.
Она тех волков не устрашилася:
«Уж вы здравствуйте, волки долгохвостые!
Не видали ли моей да родной матушки?»
— «Уж мы видом не видали, да слыхом слышали:
Как твоя-та ведь мать да во темно́м лесу,
Во темно́м лесу да под сырым дубо́м».
Тут пошло княжно́ дитё, расплакалось,
Жалобнёшенько да причитаючись:
«Во последний раз мать байну вымыла,
Во последний раз да косу у́плела,
Алу ленточку да в косу у́вила,
В цветно платьицё да снаряжалася!»
Как приходит в полату белокамянну,
К своему она ко батюшку к родимому,
К Роману князю Михайловичу:
«Уж ты гой еси, батюшко родимой мой,
Уж ты на́ имя Роман да князь Михайлович,
Ты скажи-тко мне, где родна матушка?
Не утайся ты да не убойся ты».
Как спрого́ворит батюшко родимыя,
Еще грозной-от князь Роман Михайлович:
«Ты не плачь, мое дитятко родимоё,
Уж ты на́ имя Настасья дочь Романовна,
Ты хитра-мудра да девяти годов!
Я сострою тебе три терема высокиих,
Я сошью тебе шубу во пятьсот рублей».
Как спроговорит княжно дитё Настасья дочь Романовна:
«Как не нать мне-ка шубку во пятьсот рублей,
Как сгорите терема, да вы златы венцы!
Уж ты сгинь да пропади лиха мачеха!»
Воспрого́ворит Настасья во второй након:
«Уж ты гой еси, батюшко родимой мой,
Еще князь Роман Михайлович!
Еще где, скажи, моя да родна матушка?»
Воспроговорит ведь грозной князь Роман Михайлович:

«Ты не плачь, княжно дитё Настасья дочь Романовна,
Сколь хитра-мудра да девяти годов!
Я сошью тебе шубу во пятьсот рублей,
Я сострою тебе терем золоты венцы,
Заведу тебе моло́ду мачеху
Лучше старыя да лучше прежныя».
Воспроговорит княжно дитё Настасья дочь Романовна:
«Мне не нать твоих три терема высокиих,
Ай сгорите три терема златы венцы!
Ай сгори твоя шуба во пятьсот рублей!
А сгинь-пропади да лиха мачеха!
Ты отдай-ко мне да свою матушку».

3

«Романушко, наш батюшко,
Скажи, куды девал нашу матушку?»
— «Ушла ваша мать коров доить,
Телят поить».
«Мы, сестрица-голубушка,
Доходим-ко, досмотрим-ко».
Пришли на двор —
Стоят коровы недоеные,
Стоят телята непоеные.
Мы, сестрица-голубушка,
Заплакали, зары́дали.
Пришли домой:
«Романушко, наш батюшко,
Скажи, куда девал нашу матушку?»
— «Ушла ваша мать на речку платье мыть».
«Сестрица-голубушка,
Доходим-ко, досмотрим-ко».
Пришли к реке —
Лежит платье немытое.
Мы, сестрица-голубушка,
Заплакали, зары́дали,
Пришли домой:
«Романушко, наш батюшко,
Куды девал нашу матушку?»
— «Ушла ваша мать на погост — богу молитися».
«Сестрица-голубушка,
Доходим-ко, досмотрим-ко».

Пришли к церкве́ —
Стоит церква́ заложена.
Мы, сестрица-голубушка,
Заплакали, зары́дали,
Пришли домой:
«Романушко, наш батюшко!
Куды девал нашу матушку?»
— «Пошла ваша мать
Грибов искать».
«Сестрица-голубушка,
Доходим-ко, досмотрим-ко».
Пришли в лесок —
Стоят грибы не ло́маны.
Под кусточком ракитовым
Лежит наша мать убитая.
Мы, сестрица-голубушка,
Заплакали, зары́дали,
Пришли домой:
«Романушко, наш батюшко,
Почто убил нашу матушку?»
— «Вы не плачьте-тко, малы детушки,
Я вам возьму-тко вам
Матку новую,
Наряжо́ную да набашо́ную».
— «Нам не надо-тко матка новая,
Наряжоная да набашоная».
— «Вы не плачьте-тко, малы детушки,
Ваша матушка в новой горнице
Бело моется и баско рядится,
Баско рядится, да в Москву правится».
— «Родной батюшко,
Да не обманывай.
Наша матушка
Да во сырой земле,
Да во желто́м песке,
Крепко спит да в гробовой доске».

4

Была-жила Настасья Романовна.
Да Роман жену убил, да в чисто поле схоронил,
В чисто поле схоронил, да бороной прикрыл.

Да пошел ведь он, Роман, да свою дочерь разбужать:
«Ты ставай-ко, ставай, да моя чадо Настасья
Романовна,
Умывайся святою водой,
Утирайся-тко белым тонким пóлотном».
Ставала Настасья поутру рано,
Умывалася, утиралася,
Утиралася, богу молилася.
«Уж ты татенька, татенька! где же да моя
маменька?»
— «Ушла же твоя маменька во темной погреб,
Во темной погреб да молока переливать».
И пошла наша Настасья да во темной погреб.
Идет наша Романовна из тёмна погреба:
«Еще татенька, татенька! где же да моя маменька?»
— «Ушла же твоя маменька во поваренку,
Во поваренку ушла да всё хмельна пива сливать,
Хмельна пива сливать да зелена вина курить».
И пошла наша Настасья да во поваренку.
Идет наша Романовна из поваренки:
«Еще татенька, татенька, где же да моя маменька?»
— «Ушла же твоя маменька ко божьéй церквѝ,
Ко божьей церкви ушла да богу молится,
Богу молится да всё спасается».
Пошла наша Настасья ко божьей же церкви.
Идет наша Романовна на церковно крыльцо,
Она крест-от кладет да по-писáному,
Она поклон-от ведет да по-учёному.
И пошла наша Настасья да из церквѝ,
И вышла наша Настасья на церковно крыльцо.
Тут бежит-спешит да три серых волкá.
«Вы куда, волки, бежитé-спешитé?»
— «Мы бежим-спешим да во чистое полё:
Во чистом поли Роман жену убил,
Роман жену убил да в чисто поле схоронил».
И тут наша Романовна заплакала — пошла,
Она плачет идет, да как река течет,
И слезы-ти идут, да как ручьи текут.
«Уж ты татенька, татенька! нету у меня матенки».
— «Ты не плачь-ко, не плачь, да мое чадо Настасья
Романовна,
Еще я тебе куплю да три злотны́х венка».

— «Мне не нать, мне не нать три злотных венка,
Мне-ка нать, мне-ка нать да родима матенка».
— «Еще я тебе куплю да три куньи́ шубы́».
— «Мне не нать, мне не нать и три куньи шубы,
Мне-ка нать, мне-ка нать да мне родима матенка».
— «Еще я тебе возьму да молодую матенку».
— «Мне не нать, мне не нать да молодая матенка,
Мне-ка нать, мне-ка нать да мне родима матенка:
С молодой-то матенкой да по конец стола сидеть,
С молодой-то матенкой да рукоданого кусочка ждать,
По подстолью-ту собачкой мелки крошечки сбирать».

АЛЕША И СЕСТРА ДВУХ БРАТЬЕВ

Беседа ли, беседа,
Смиренная беседа, —
Во той во беседе
Сидели тут два брата,
Два брата родные,
Хвалились сестрою,
Своей сестрой родною:
«У нас сестра хоро́ша,
Голубушка приго́жа:
На улицу не ходит,
В хороводы не играет,
В окошечко не смотрит,
Бела лица не кажет».
Где ни взялся Алеша,
Алешенька Попович:
«Не хвалитесь, два брата,
Своей сестрою родною:
Я у вашей сестры был,
Две ноченьки ночевал,
Два завтрака завтракал,
Два обеда обедал,
Два ужина ужинал».
Как взго́ворит большой брат:
«Пойдем, братец, ко́ двору,
Сожмем снегу по́ кому,
Бросим сестре во́ терем».

Что взго́ворит нам сестрица:
«Не шути шутку, Алеша!
Ступай прямо во терем:
Моих братьев дома нету».
Как взговорит большой брат:
«Пойдем, братец, в кузницу,
Скуем, братец, сабельку,
Срубим сестре голову!»
Покатилась головка
Алешеньке под ножки.
А бог суди Алешу:
Не дал пожить на свете!

АЛЕША ПОПОВИЧ И СЕСТРА ПЕТРОВИЧЕЙ

Было два брата да два Петра Петровича.
Собирали пир они, такой пир большой да пир богатое.
Они все на пиру да напивалися,
Они все на большом да наедались,
И все на пиру да прирасхвастались.
Они хвастали своим житьем-бытьем богатеством,
Они хвастали своей сестрой Оленушкой:
«У нас Олена умная,
У нас Петровна разумная».
И такой-сякой выискался Олешенька, поповской сын:
«Вы не хвастайте своей сестрой Оленушкой,
У вас Олена неумная,
У вас Петровна неразумная:
Шел я по городу да шел по Киеву,
Уж я шел в ваши палаты да белокаменны,
Зажимал я снегу кому белого,
Бросал к Оленушке в окошечко,
Сломал у Оленушки стеколышко, —
Выходила Олена на красно крылечушко
В одной рубашечке, без пояса,
В одних чулочиках, без щёкотов».
Тут двум братам да за беду пало,
За беду пало да за великую.
Пошли братья да со больша пира
И шли в свои палаты да белокаменны,

Зажимали снегу кому белого
И бросали к Оленушке в окошечко
И сломали у Оленушки стеколышко.
И выходила Олена на красно крылечушко
В одной рубашечке без пояса,
В одних чулочиках, без щёкотов.
Тут двум братам за беду пало,
За беду пало да за великую.
Пришли братья да со больша пира:
«Бери, Оленушка, дубову плаху да востру сабельку,
И поедем, Олена, да во чисто полё,
И срубим Оленушке буйну голову».
Брала Олена да дубову плаху да востру сабельку,
И поехали да во чисто полё.
Богатой едет, прихохочется,
А ровной едет, прирассмéхнется,
А бедной едет, весь приплачется.
И такой-сякой едет Олешенька, поповской сын,
И брал Олену за белы́ руки,
И поехал с Оленой ко божьéй церкви́.
У божьей церкви повенчалися,
Злачеными перстнями поменялися:
«Станем, Олена, по закону жить».

ИВАН ДУДОРОВИЧ И СОФЬЯ ВОЛХОВИЧНА

Еще был-жил Иван да сын Дудорович.
Он ходил-гулял да по чисту́ полю,
Он стрелял свою стрелочку каленую;
Застрелил свою стрелочку в окошечко
Еще к той ли к Софьюшке к Волховичне.
Ай первы́ послы к Софье на двор пришли:
«Уж ты гой еси, Софьюшка Волховична!
Ты отдай нам стрелочку каленую
Еще нашему Иванушку Дудоровичу —
Ты бери себе казны да сколько надобно».
— «Мне не надобно вашей золотой казны,
Пущай сам ко мне придет Иван Дудорович».
Что й первы́ послы да со двора сошли,
А вторы послы к ней на двор пришли:

«Уж ты гой еси, Софьюшка Волховична!
Ты отдай нам стрелочку каленую
Еще нашему Ивану ты Дудоровичу —
Ты бери с него казны вам сколько надобно».
Отвечает им Софьюшка Волховична:
«Мне не надобно его да золотой казны:
Пущай сам ко мне придет Иван Дудорович —
Я отдам тогда ему да калену́ стрелу́,
Я без всякой отдам да золотой казны».
Вторы послы да со двора сошли.
Одевается Иванушко скорешенько:
Уж он шляпочку кладет да на одно ушко,
Уж он шинель кладет да на одно плечо,
Уж он подходит к терему, к злату верху,
Еще к тем ли палатам белокаменным.
Выбегает к нему Софьюшка скорешенько,
И берет она его да за белы́ руки,
И ведет она его да в нову горницу,
И садит она Ивана за дубовой стол.
Накормила Иванушка ведь досыта,
Напоила она его, да она до́пьяна,
Напоила, накормила, спать уло́жила.
Что й по комнаты Софьюшка похаживат,
Да тихошенько Иванушка побуживат:
«Тебе полно спать, Иван, да усыпатися,
Да пора тебе, Иван, да пробужатися!
Отслужили честну́ ранну́ заутреню,
Еще ту ли христовску-воскресенскую,
Воскресенскую да вознесенскую.
Вдруг идут у мня два брата, два царевича,
Идут два мла́дых два Ивана два Волховича».
А Иванушко спит, да не пробудится.
Забудила его Софья во второй након:
«Тебе полно спать, Иван, да усыпатися,
Да пора тебе, Иван, да пробужатися!
Отслужили честну ранну́ заутреню,
Еще ту ли христовску-воскресенскую,
Воскресенскую да вознесенскую.
Вдруг идут у мня два брата два царевича,
Что й два мла́дых два Ивана два Волховича».
Тут вставает Иванушко скорешенько,
Уж он шляпочку поло́жил на одно ушко,

Он шинель скоро́ накинул на одно плечо,
Он спущается по лестнице дубовыя.
С ним встречаются два брата, два царе́вича,
Их два мла́дых два Ивана два Волховича:
«Ты чего, соко́л, леташь да здесь обля́тывашь,
Ты зачем зашел сюда, Иван Дудорович?
Ты жениться хочешь или свататься
Что й на нашей на Софьюшке Волховичне?»
Воспрого́ворит Иван да сын Дудорович:
«Да давно у нас с Софьюшкой положенось.
Мы чудны́ма крестами поменя́лися,
Злачены́ма перстнями обручилися».
Тут ведь брали его братья за белы́ руки́,
Что й садили Ивана на добра́ коня,
Увозили Ивана во чисто́ поле,
Отрубили Ивану по плеч голову;
Они ло́жили на блюдо буйну голову,
Понесли его к сестре к своей любимыя.
Увидала их Софьюшка Волховична,
Что идут у ней братья из чиста́ поля́
И какую-ту несут да буйну голову;
Она платьицо одела воскресенское,
А второ она одела подвенечное
И встречала два брата два царевича,
Их два мла́дых два Ивана два Волховича:
«Уж ты гой еси же, наша родима́ сестра́,
Уж ты можешь ли узнать, чья буйна го́лова?»
Воспрого́ворит Софьюшка Волховична:
«Уж вы гой еси, два брата два Волховника,
Вы два мла́дых два Ивана два разбойника!
Вы куда теперь девали тура златорогого,
И туда же тури́цу златошерстную!»
Еще тут-то братанам за беду стало,
Что за ту ли им досаду за великую.
Подхватили они Софью за белы́ руки,
Отвози́ли ведь Софью во чисто́ поле,
Отрубили сестре да по плеч голову,
Схоронили ей с Иваном во сыру́ землю.
Вырастали две березки кудреватые.
Шли прохожие-народ и удивлялися:
«Тут погублено две души безгрешные,
Тут пролита кровь, верно, безвинная!»

ФЕДОР КОЛЫЩАТОЙ

Поехали два брата, два Волховича, к солнышку
Владимиру.
У солнышка Владимира на пиру были пьяны-веселы,
Кто хвастает своим богачеством, кто хвастает
молодой женой,
А кто хвастает слугою верною.
Два брата ничем не хвастают.
Тут спроговорил солнышко Владимир-князь:
«Уж почто, два брата, не хвастаете?»
Тут встают два брата на ножки на резвые,
Еще кланяются они понижёшенько.
«Еще чем будем мы хвастати?
Еще есть у нас родна се́стрица,
Свет по имени Софьюшка-волшебница,
Не перед свет свечой блад светел месяц,
Не обогреет ее красно солнышко».
Тут сидит со царем во рядом,
На том было на стулике на ременчатом,
Свет по имени Федор сын Колы́щатой.
Встает он на ножки на резвые,
На зелен сафьян сапожинки,
На те белы чулочки пеньковые,
Еще кланяется он понижёшенько:
«Уж то правда, два брата, пустым хвастаете,
Видел, видел я вашу сестрицу в рубашке
без поясу».
Еще в те поры два брата обстыдилися.
Поехал Федор к Софьюшке-волшебнице:
«Уж тобой я, душечка, призахвастался».
Тут спроговорит Софьюшка-волшебница:
«Уж теперича нам живым не быть».
Тут разъехались два брата, два Волховича:
«Выходи ты, Федор, на красное крыльцо».
Тут спроговорит Софьюшка-волшебница:
«Хоть лежать тебе, доброму молодцу, не отлежатися,
Хоть сидеть тебе, доброму молодцу, не отсидетися».
С душой Софьюшкой распростилися,
Выходил Федор на красно́е крыльцо.
Еще подкололи два брата, два Волховича,
На два копьюшка булатные.

Еще в ту пору Софьюшка-волшебница подкололася
На два ножечка булатные.
Еще в те поры два брата прослезилися:
«Уж не знали мы, сестрица, над тобой это слу́чится,
То совокупили бы мы голубя с голубицею».

КОРОЛЕВНА ВПУСКАЕТ МОЛОДЦА В ГОРОД

1

Передрог-перезяб добрый молодец,
За стеною стоючи́ белокаменной,
Красну девицу дожидаючи,
Что прекрасную Елену, дочь королевскую.
Что со сна-то пробуждалася красная девица,
Что прекрасная Елена, дочь королевская,
Она брала со столику золотые ключи,
Она пошла к широкиим воротам железныим,
Отпирала ворота железные,
Принимала молодца за белые руки,
Вела его во высок терем,
Вела да приказывала:
«Ты иди, мой миленький, потихонечку,
Говори, мил-сердечный друг, полегонечку,
Чтобы не слыхали наши солдаты
И все наши караульщики,
Не пробуди со сна мою матушку!»
Как со сна-то ее матушка просыпалася:
«Ты дитё ль мое, дитятко,
Ты дитё ль мое, чадо милое,
Ты прекрасная Елена, дочь королевская!
Ты кого называешь милыим,
Ты кого величаешь: мил-сердечный друг?»
— «Ах, государыня моя матушка!
Не хорош-то мне сон виделся:
Будто ты, моя матушка, переста́вилася,
Над тобою горят свечи воску ярого,
Над тобою поют всё попы, дьяконы:
Я тебя называла милыим,
Я тебя величала: мил-сердечный друг!»

2

Ай да что по балочкам было, по вершиночкам,
По тем по отножинкам,
Что по тем-то было ходят по отножинкам
Табуны ордынские.
Как и ездил там вокруг табуночиков
Молодой наездничек
В одной тоненькой, во новой альяненькой,
В беленькой рубашечке.
Захватила его, доброго молодца,
Сильная метелица.
Кругом города, круг славного Кеива,
Воротицы заперты,
Что булатными, крепкими замочками
Двери позамкну́тые,
Не железными крепкими задвижками
Они позадвинуты,
Часовые стоят они с каравульными,
Стоят, будто крепко спят,
Лишь одна-то не спит раздушечка Аннушка,
Дочка княжелецкая.
Что ходила-гуляла раздушечка Аннушка
По городу Кеиву,
Опущала она свою руку правую
Она во глубок карман,
Вынимала она, раздушечка Аннушка,
Свои золоты ключи,
Отмыкала она, раздушечка Аннушка,
Замочки булатные,
Отдвигала она, раздушечка Аннушка,
Задвижки железные,
Растворяла она, раздушечка Аннушка,
Ворота широкие,
Да впущала она, раздушечка Аннушка,
Свово друга милого.

МОЛОДЕЦ И КОРОЛЕВНА

1

Гулял молодец по Украйне
Ровно тридцать лет и три года,
Загулял молодец к королю в Литву,
Король молодца любил, жаловал,
Королевна не могла наглядетися
На его красоту молодецкую.
Как стал молодец упиватися,
Буйными словесами похвалятися:
«Уж попито, братцы, поедено,
В красне́ в хороше́ похожено,
С одного плеча платья поношено,
Королевну за ручку повожено,
С королевной на перинушке полежено».
Уж как злы-лихи на молодца своя братья,
Доносили на молодца самому королю:
«Ты гой еси, наш батюшко грозной король,
Не знаешь про то дело, не ведаешь:
Живет королевна с добрым молодцем».
Король на молодца вдруг прогневался,
Закричал, завопил громким голосом:
«Как есть ли у меня слуги верные?
Вы возьмите удалого добра молодца,
Посадите его в темну те́мницу,
А сами подите во чисто́ поле.
Вы ройте две ямы глубокие
И вы ставьте два столбичка высокие,
Перекладинку положите кленовую,
Вы петельку повесьте шелко́вую,
Поведите удалого добра молодца,
Не ведите вы его вдоль по улице,
Поведите вы его позади дворца,
Не увидела бы королевишна».
На перву ступень ступил молодец:
«Прости, прости, мой отец и мать».
На другу ступень ступил молодец:
«Прости, прости, весь род-племя»,
На третью ступень ступил молодец:
«Прости, мой свет королевишна!»

Далеко королевна голос слышала,
Бежала в свой во высок терем.
Брала она свои золоты ключи,
Отпирала шкатулу серебряну,
Вынимала два ножичка булатные,
Порола свои груди белые.
Молодец в чистом поле качается,
Королевишна на ноженьках кончается:
Пришел к ней скоро родной батюшка,
Не успел король лише взозрити,
Увидел убиту королевишну,
И он бил свои руки о дубовой стол:
«Ах свет ты моя дочь любезная,
Для чего мне заранее не поведала,
Что жила во любви с добрым молодцем —
Уж я бы доброго молодца пожаловал,
От смерти б добра молодца помиловал».
Закричал, завопил громким голосом:
«Уж есть ли у меня слуги верные?
Пошлите ко мне двух грозных палачей,
Рубили бы головы доносчикам,
Кто доносил на королевишну».

2

Ходил молодец из орды в орду,
Из орды в орду, да из земли в землю,
Загулял молодец в землю литовскую,
Ко тому королю литовскому.
Господь молодца помиловал,
Король молодца пожаловал,
Принял служить молодца конюхом.
Три года служил молодец конюхом,
Пожаловал король его ключником.
Три года молодец служил ключником,
Еще король его пожаловал
Постельником служить у своей дочери,
У этой Елены-королевичной.
Служил молодец тут постельником,
Расстилал он перинушки пуховыи,
Расправлял одеяла соболиныи,
У Елены был да во большой любви,

По времени был и на бело́й груди.
Говорит ему Елена-королевична:
«Ай же ты, удалой добрый молодец!
Не ходи, молодец, в беседу татарскую,
Не пей, молодец, зелена вина,
Не расхвастайся Еленой-королевичной!»
Во одну пору во это времечко
Выходил молодец прогулятися,
Приходил молодец во царев кабак.
Увидали тут татаровья-улановья,
Приняли его с честью, с радостью,
Брали его за белы руки,
Посадили его за дубовый стол,
Напоили молодца они до́пьяна.
Тут молодец порасхвастался:
«Я три годы служил во конюхах,
Три годы служил я во ключниках,
А теперь служу во постельниках.
Постилаю перинушку пуховую,
Расправляю одеяло соболиное,
А й по времени бываю у Елены на бело́й груди».
Тут скочили татаровья-улановья,
Брали молодца за желты́ кудри,
За желты́ кудри его, за белы́ руки,
Проводили его к королю литовскому.
«А вы сведите молодца во чисто́ поле,
Отрубите ему да буйну голову».
Тут взмолился удалый добрый молодец:
«Вы послушайте, татаровья-улановья!
Вы возьмите-тко с меня золотой казны,
Не ведите-ко меня во чисто поле,
Вы сведите-тко к Елены-королевичной».
Повели его татаровья-улановья.
Закричал молодец да зычным голосом:
«Ты прощай, прощай, мой белый свет,
Про́щай, милая Елена-королевична!»
А й услышала Елена-королевична,
Бросила́сь она в окошечко косивчато,
В одной тут рубашке без пояса,
Сама говорила таково слово:
«Ай же вы, татаровья-улановья!
Вы ведите молодца́ ко мне на ши́рок двор,

Вы берите с меня золотой казны,
Золотой казны сколько надобно».
А сама стала мóлодца спрашивать:
«Ты скажи, молодéц, не утаивай,
Не утаивай, меня не оманывай,
Холост ли ходишь или женат гуляшь?
Есть ли у тебя, мóлодец, отец и мать,
Есть ли у тебя молода жена,
Есть ли, молодец, малы деточки?»
Испроговорит удалый добрый молодец:
«Есть у меня отец и мать,
Есть у мóлодца молода жена,
Есть у меня малы деточки».
— «Ты возьми, молодéц, золотой казны,
Да поди, молодéц, в твою сторону,
Ты корми, молодéц, отца и мать,
Ты люби свою молоду жену,
А корми, молодец, малых деточек,
А й не хвастай ты Еленой-королевичной».

МОЛОДЕЦ И ХУДАЯ ЖЕНА

«Как женил-то меня батюшко неволею,
Родна матушка — неохотою.
И они брали из места из богатого,
И много-множество было приданого за ней,
И много-множество, а человека с дела нет.
И мне-ка нечем при своей братье похвастати».
И еще вздумал добрый молодец гулять идти.
И ушел-то добрый молодец ко синю́ морю.
Он ходил-гулял ровно девять лет.
Со синя́ моря туманы поднималися,
Молодцу пала кручина в ретивó сердце,
И еще вздумал добрый молодец домой идти:
«Мне к батюшке идти — живым не застать,
К роду-племени идти — не узнают меня,
Я пойду-ка, добрый молодец, к молодой своей жене».
И он идет-то, добрый молодец, по улице,
Вдоль по улице идет да по широкой.
Тут играли-поиграли два мальчика.

Он говорит таковы слова:
«Гой вы еси, два мальчика!
Кто этта живет? Чья изба это стоит?»
И проговорят два маленьких мальчика:
«Тут живет-то наша матушка родимая
И пречестная вдова благодатная».
— «А где у вас родимый батюшка?»
— «Ушел-то наш батюшка ко синю морю».
Услыхала их матушка из высокого из терема
И отворяла окошенку стеклянную,
И сама говорила таковы слова:
«И не всходило красно солнышко три года,
И не всходило красно солнышко шесть годов,
И не всходило красно солнышко девять лет,
А сегодня красно солнышко высоко взошло!»
И бежит она на улицу на широку,
И сама говорит таковы слова:
«Ой вы гой еси, мои дети милые!
И пришел-то ваш родимый батюшка,
И берите его за белы́ руки,
И ведите его в нову горницу,
Садите за столы за дубовые,
За скатерти браные,
За яствы за саха́рные,
И пойте, кормите, кланяйтесь».

ХУДАЯ ЖЕНА — ЖЕНА УМНАЯ

Закручинился добрый молодец, запечалился,
Повесил головушку ниже могучих плеч,
Утупил очи ясные во сыру землю:
«Как мне-ка, добру молодцу, не кручиниться,
Не кручиниться удалому, не печалиться!
Вечор-то я лег — не поужинал,
Поутру встал — не позавтракал,
Хватился обедать — и хлеба нет.
Еще-то меня, добра молодца,
Поневолили родители женитися,
Неволею женили, неохотою:
Они взяли во месте во богатоем,
Хоть приданого много, человек худой;

Цветное платьице на грядочке висит,
Худая-то жена на ручке спит;
Не с кем добру молодцу погладиться,
Не с кем добру молодцу полеститься!»
Оттого добрый молодец в гульбу пошел.
День за днем — как дождь дождит,
А неделя за неделей — как трава растет.
Проходил молодец из орды в орду,
Загулял молодец к королю в Литву,
Он задался к королю в услужение.
Служил не много, не мало — двенадцать лет,
Служил он королю верою-правдою,
Верой-правдою служил неизменноей.
Его бог, добра молодца, миловал,
А король удáлого жаловал:
Он ел сладко, носил краснó,
Спал на кроваточке тесовыя,
Спал на periночке пуховыя,
Со временем он спал на белых грудях,
Принажил золотой казны несметныя.
Стосковалося у молодца по свою родимую сторонушку,
Посмотреть хотит отцовского поместьица,
Хоть растет тут зеленая крапивушка.
«Ай же ты король литовскиий!
Отпусти-ка меня на родимую сторонушку,
Посмотреть хоть отцовского поместьица».
Говорит ему король литовскиий:
«Ай же ты удаленький добрый молодец,
Ай же ты слуга моя верная, неизменная!
Поезжай на родимую сторонушку,
На отцовское-родительско поместьице».
Как король ему жалует добра коня,
Королевна его жалует золотой казной.
Как поехал удалый добрый молодец
На свою родимую на сторонушку,
Не пешом идет, на коне едет.
Скоро скажется, тихо едется.
Приезжает на родимую сторонушку.
Как стоит-то хатенка немудрая,
Немудрая хатенка, безуглая,
Уж как бегают два малыих вьюношей.

Говорит удалый добрый молодец:
«Уж вы здравствуйте, малые вьюноши!
Вы какой семьи, роду-племени,
Вы какого отца-матери?»
— «Ай же ты наш дяденька незнамыий!
У нас нет семьи, роду-племени».
Говорит удалый добрый молодец:
«Ай же вы глупые-малые вьюноши!
Где же у вас ро́дный батюшка?»
— «Ай же ты наш дяденька незнамыий!
Не запомним мы своего родного батюшки,
Только слышали мы от родной матушки,
Слезно плакала, причитала нам:
„А же вы родимые детушки!
Уж как я вас повырощу, повыкормлю,
Ваш-от батюшка в гульбу ушел"».
Как закипело ретивое сердечушко у добра молодца,
Полились слезы рекой из ясных очей:
«Ведь это мои родимые малы детушки!
Ай же вы глупые-малые вьюноши!
Где же у вас родная матушка?»
Отвечают малые вьюноши:
«Наша матушка ушла на крестьянскую работушку».
Как сожидает удалый добрый молодец,
Сожидает до позднего вечера.
Как поздно по вечеру идет его худая жена,
Со крестьянской идет со работушки,
На правой руке несет косу вострую,
Во левой руке часты грабли,
На плечах несет дрова печи топить.
Как стретает удалый добрый молодец:
«Уж ты здравствуешь, вдова ли, жена ль мужняя!»
— «Ай же ты незнамый добрый молодец!
Не вдова я и не жена мужняя,
Сирота я есть прегорькая!»
Говорит удалый добрый молодец:
«Не вдова есть и не жена мужняя,
Сирота есть прегорькая!
Уж ты разве не знаешь ближнего сродника?
Росли-то мы в одном месте,
Играли часто во шахматы турецкие,
Я с тебя часто е́зды брал».

Говорит ему худая жена,
Хоть худая жена, жена умная,
Умная жена, разумная:
«Ай же ты незнамый добрый молодец!
Век я прожила в бедности, в сирочестве,
Я не знала шахматов турецкиих,
Я не знала игор молодецкиих».
— «Уже ты есть жена мужняя, разумная!
Поди-тко во правóй карман:
Во кармане есть шелков платок,
Во платке есть злачен перстень,
Которым с тобою обручалися».
Говорит жена мужняя, разумная:
«Я которым святителям молилася,
Я которым чудотворцам обещалася,
Что пришел ко мне законный муж!»

ЗЛАЯ ЖЕНА

Навязалась на меня, братцы, зла-худа жена.
Вы не знаете ль, братцы, братцы, от жены избыть?
Сокручу ль я жонку как боярыню,
Повезу жену-жонку в торг на ярмонку,
Я продам-то ли жонку за сто рублей,
Запрошу ли за жену три денежки.
Не дают ли за жену, за жену полденежки.
Я складу-то жену в саночки дубовые,
Отвезу я жену к отцу, ко матери;
Я пойду ли, молодой, край синя́ моря́,
Я куплю-то ли жене новый кораблличек,
Посажу ли я жену на новый кораблличек.
Поезжай-ка ты, жонка, на синé морé,
Поезжай-ка ты, жена-жонка, за сине море!
Положу ли я в корабль бел горюч камéнь.
Отпустил ли я жену-жонку на сине море,
Я пошел-то от бережку — запел песенку:
«Я избыл ли-то, избыл от своей лихой жены!
Уж вы братьица мои, братцы родимые,
Я отвез жонку на сине море,
Клал ли я, клал бел горюч камень!»
Что ли веет ветерок-ветер сильною,

Что тащит ли-то корабль к круту бе́режку,
Что сидит ли-то моя жена, как змея люта.
«Уж ты вор, вор мой, вор-разбойничек!
Уж ты с чем меня спустил, спустил на сине море?»
Приезжала-то жена к круту бережку,
Выходила с корабля на крутой на бережок,
Выносила с корабля бел горюч камень.
«Благодарствуй, камешек, ка́мень бел горюч!
Мы своего ли-то мужа-мужа повыищем!»

НАСИЛЬНЫЙ ПОСТРИГ

1

Папенька с маменькой спор спорили,
Спор спорили об своей дочери:
Маменька хочет игуменье отдать,
Папенька хочет за князя отдать.
Маменька пошла за сто двадцать верст,
Папенька пошел за сто семьдесят верст.
Немного погодя и маменька идет,
Маменька идет и игуменью ведет,
Игуменья идет, востры ножницы несет:
«Садись-ка ты, девица, мы станем постригать».
— «Дайте мне, девице, цветное платье снять!»
— «Снимешь ты, девица, как черно надевать».
— «Дайте мне, девице, русу косу расплесть!»
— «Расплетешь ты, девица, как станем постригать».
— «Дайте мне, девице, лицо бело измыть!»
— «Смоешь ты, девица, горючиим слезам».
— «Дайте мне, девице, с подружкам проститься!»
— «Про́стишься, девица, как в келию пойдешь».
Немного погодя и папенька идет,
Папенька идет и князя ведет.
Князь молодой удивляется:
«Чья это шапочка на столике лежит?
Чья это руса коса на гвоздике висит?
Чья это монашина хорошая сидит?»
— «Князь молодой, ступай с богом домой,
Уж верно мне, девице, не быть за тобой!»

2

Тятенька с маменькой спорили всё,
Меня-то, молодёшеньку, споро́дили.
Тятенька-то скаже: «Замуж дочку отдать!»
Маменька скаже: «В стари́цы постричь!»
Татенька пошел да ровно за́ тридцать верст,
Маменька пошла да ровно за́ двадцать верст.
Осталась молодёшенька во тереме одна.
Взглянула я в окошечко — маменька идет,
Маменька идет, за собою старца ведет.
Старец тот идет — золотой стул волокёт,
Золотой стул волокёт да со ножничками.
«Садись, садись, дитятко, на зо́лотой стул!»
— «Молчи, молчи, маменька, румяна смою!»
— «Смоешь, смоешь, дитятко, в келье живучи́,
В келье живучи́, да богу молю́чи́.
Садись-ка, садись, доченька, на зо́лотой стул!»
— «Молчи, молчи, маменька, белила сотру!»
— «Сотрешь, мое дитятко, в келье живучи́!
Садись, садись скорее на зо́лотой стул!»
— «Молчи, молчи, маменька, с подружками
прощусь!»
— «Про́стишься, мое дитятко, в келью идучи́,
Садись, садись, доченька, на зо́лотой стул!»
— «Молчи, молчи, маменька, во горенку схожу,
Во горенку схожу да в окошечко погляжу!»
— «Взглянешь, моя доченька, в келье живучи́!»
Взглянула я в окошечко — батюшка идет,
Татенька идет, за собой князя́ ведет,
Князь-от идет — за собой попа ведет,
Поп-от идет — да золоты венцы несет.
Прибегала доченька к маменьке на лицо:
«Маменька, маменька, — татенька идет!»
Хватила меня маменька за ру́су́ косу́,
Бросила родимая о сыру́ землю́.
Князь тут скаже: «Чья это тут лежит русая коса?»
Татенька скаже: «Не моей ли доченьки,
Не моей ли доченьки косынька лежит?»
Князь тут молодой да пал в грязь головой,
Поп молодой по дорожке пошел домой.

ИГРА ТАВЛЕЙНАЯ

По крутому, по красному по бережку,
По желтому, сыпучему песочку
Стояла избушка-волжаночка.
Во той во избе холостьба сидит,
Холостьба, братцы, сидит, неженатые,
Не много, не мало — тридцать девять человек.
Между ими сидит красна девица.
Играет девица с добрым молодцем
В большую игру во тавлейную,
Во те ли во тавлеи, во шахматы.
Играл молодец о трех кораблях,
А девица играла о буйной голове.
Уж как девица молодца óбыграла,
Выиграла девица три корабля:
Первый тот корабль — с красным золотом,
Другой тот корабль — с чистым серебром,
А третий корабль — с крупным жемчугом.
Сел добрый молодец, задумался,
Повесил свою буйну голову,
Потупил свои очи ясные.
Что взгóворит душа красна девица:
«Не печалься, не кручинься, добрый молодец.
Авось твои три корабля возворотятся,
Как меня ли, красну девку, за себя возьмешь:
Корабли твои за мной в приданое».
Ах, что взговорит удалый добрый молодец:
«Пропади вся моя золота казна,
Золота казна несметная,
Не взять мне души красной девицы.
Загадаю девице загадочку
Хитру, мудру, неотгадчиву:
«Ах, что у нас, девица, без огня горит?
Без огня у нас горит и без крыл летит?
Без крыл у нас летит и без ног бежит?»
Да что взговорит душа красна девица:
Уж как эта ли загадка не хитра, не мудра,
Не хитра, не мудра, лишь отгадлива.
Без огня у нас горит солнце красное,
А без крыл у нас летит туча грозная,
А без ног у нас бежит мать быстра река».

Ах, что взговорит удалый добрый молодец:
«Загадаю девице загадочку
Хитру, мудру, неотгадчиву:
Уж как есть у меня парень поваренный,
Так разве ведь он тебя за себя возьмет!»
Да что взговорит душа красна девица:
«Уж эта загадка не хитра, не мудра,
Не хитра, не мудра, лишь отгадлива:
Уж есть у меня девка-гусятница,
Уж разве она за тебя пойдет!»

ДЕВУШКА ПОБОРОЛА МОЛОДЦА

Ой да что не кунушка с черным соболем,
Кунушка она валялася,
Красная девочка, она с добрым молодцем,
С молодчиком забавлялася.
Позабавимши, красная девочка
С молодчиком поразмóлала,
Поразмоламши, красная девочка,
С младцом она позаспорила.
Не об сто рублей красная девочка
Позаспорила, не об тысячу —
Позаспорила красная девица
Об буйных она головушках:
Закладала красавушка девушка
Она будто золотой венец.
Закладает будто добрый молодец
Свои вот бы три корабличка,
Три корабличка добрый молодец,
Кораблички не порожние, —
Как-на первый-то был корабличек,
Корабличек с свинцом-порохом,
На другой-то бы корабь он залаживал,
Корабличек с мелким земчугом.
Красная девица, она добра молодца,
Молодчика обоспорила:
Подняла ж его она на белы́ руки
Да на землю его бросила.
Как и тут-то бы удал добрый молодец
Такую-то речь возгóворил:

«Ох и пропадай же вы, мои три корабличка,
Кораблики не порожние,
Ох и пропадай же ты, силушка сильная,
Волюшка моя вольная!»

ДЕВИЦА-МУДРЕНИЦА

1

Кровать моя, кроваточка, кровать тесовая,
Срублена кроваточка из бесчестна древа,
Поставлена тесовая на разлучном месте.
Девица с молодцем в компании сидела,
Красна с удалым да речь говорила:
«Молодец, молодец, душа, мое сердце,
Холост, неженатый, белый кудреватый!
Сошей мне башмачки из белой бумажки!»
— «Девица, девица, душа ль мое сердце!
Напряди мне вервий из дождевой капли,
Чтобы вервь не рвалась, башмак не поролся».
Кровать моя, кроваточка, кровать тесовая,
Срублена кроваточка из бесчестна древа,
Поставлена тесовая на разлучном месте.
Девица с молодцем в компании сидела,
Красна с удалым да речь говорила:
«Молодец, молодец, душа ль моя, сердце,
Холост, неженатый, белый кудреватый!
Сошей мне шлафор из макова цвету!»
— «Девица, девица, душа ль моя, сердце!
Напряди мне шелку из белого снегу,
Чтобы шелк не рвался, шлафор не поролся».
Кровать моя, кроваточка, кровать тесовая,
Срублена кроваточка из бесчестна древа,
Поставлена тесовая на разлучном месте.
Девица с молодцем в компании сидела,
Красна с удалым да речь говорила:
«Молодец, молодец, душа ль моя, сердце,
Холост, неженатый, белый кудреватый!
Слей мне перстень из солнечной лу́чи,
Вставь мне вставочку под восточну звёзду!»

— «Девица, девица, душа ль мое сердце!
Напой добра коня середь синя моря,
Коня не утопишь, сама не утонешь».

2

Как на речке, речке лежала дощечка,
Дощечка дубова, девка черноброва.
Девка платье мыла, громко колотила,
Громко колотила, сухо выжимала,
Сухо выжимала, по бережку стлала,
По бережку стлала, мила дружка ждала.
Как мой милый едет на воро́ном ко́не,
На вороном коне, в немецкой одёже.
Не доехадчи встает, сам бог-помочь подает:
«Бог-помочь, девица, на белы́м платье!
Девушка спесива, не скажешь: спасибо».
— «Удалой молодчик, загану загадку:
Сшей ты мне башма́чки из желта́ песочка».
— «Красная девица, напряди мне дратвы,
Напряди мне дратвы из дожжевой капли».
— «Удалой молодчик, сшей ты мне платье,
Сшей ты мне платье из макова ли́сту,
Прострочи мне строчку, не прорвя листочка».
— «Красная девица, напряди мне шелку,
Напряди мне шелку из белого снегу».
— «Удалой молодчик, купи мне платочек,
Купи мне платочек — аленький цветочек».
— «Красная девица, сшей ты мне жилетку,
Сшей ты мне жилетку из буйного ветру».
— «Удалой молодчик, слей мне перстенечек,
Слей мне перстенечек из солнечья лу́чья,
Вставь ты мил глазочек — восточную звёзду.
Где буду ходити, там буду сияти».
— «Красная девица, напой мово ко́ня —
Напой мово коня середь синя моря,
Середь синя моря, на камешке стоя,
Чтобы конь напился, ковер не мочился».
— «Удалой молодчик, сострой ты мне келью
К Петрову говенью, и то из леденьев».
— «Красная девица, припаси леденья,
Припаси леденья, сострою и келью!»

3

Вот шла девица
С хлудцом она по водицу,
Навстречу девицы
Удалой молодчик:
«Ты девица, девица,
Бела, круглолица!
Ты напой мово ко́ня
Середь синего моря,
Чтобы конь мой напился,
Ковер не смочился!»
— «Уж ты мо́лодец, мо́лодец,
Удалой молодчик,
Ну ты сшей мне сапожки
Из желтого песочку!»
— «Ты девица, девица,
Ох ты мудрени́ца!
Напряди мне дратвы
Из дожжевой капли!»
— «Ой ты молодец, молодец,
Удалой молодчик!
Ну ты сшей мне сорочку
Из кленова листочку,
Чтобы клен не засохнул,
Чтобы лист не завянул!»
— «Де́вица ты, деви́ца,
Ой ты мудрени́ца!
Ну скажи мне, девица,
Какого ты роду, —
Роду ли большого,
Роду ли меньшого?»
— «Я ли роду не большого,
Я ли не меньшого:
У меня есть батенька —
Свет светел месяц,
У меня есть маменька —
Вот красная солнца,
У меня ли есть братцы —
Всё частые звезды!»

СЕМЬ ЗАГАДОК

1

«Те бог на помочь, красна деви́ца,
Воду черпать!
Загануть ли те, красна девица,
Семь загадок?»
— «Загани-ка, сын боярский,
Хоша восемь!»
— «Таки что, красна девица,
Краше свету?»
— «Краше свету — красно солнце,
Красное солнце».
— «Таки что, красна девица,
Чаще лесу?»
— «Чаще лесу — часты звезды,
Частые звезды».
— «Таки что, красна девица,
По-под лесу?»
— «По-под лесу — пала ро́са,
Пала ро́са».
— «Таки что, красна девица,
Да без крылья?»
— «Что без крылья — белы сне́ги,
Белы сне́ги».
— «Таки что, красна девица,
Без умолку?»
— «Без умолку течет речка,
Течет речка».
— «Таки что, красна девица,
Без ответу?»
— «Без ответу — скот рогатый,
Скот рогатый».
— «Таки что, красна деви́ца,
Да без горя?»
— «Что без горя — горюч камень,
Горюч камень!»

2

Что бежит-то быстрая реченька,
Красная девушка дары мыла шелковые,
Что идет-то сын купецкой:
«Что беленько тебе, красная девушка,
Дары мыть шелковые!»
Отвечает же ему девица:
«Спасибо тебе, Ефим-сударь, купецкой сын,
На добром, на ласковом слове!»
Как возго́ворит же купецкой сын:
«Ох ты ой еси, красная девица,
Загадаю я тебе семь загадок!»
— «Ох ты ой еси, Ефим-сударь, купецкой сын,
Загадай хоть ты десяток!»
Как возговорит же купецкой сын:
«Еще что у нас, девушка, без умолку?
Еще что у нас, девушка, безответно?
Еще что у нас, девица, без кореньев?
Еще что у нас, девица, чаще рощи?
Еще что у нас, девица, выше лесу?
Еще что у нас, девица, краше свету?
Еще что у нас во всю зиму зелененько?»
Отвечает же ему красна девица:
«Ох ты ой еси, Ефим-сударь, купецкой сын!
Без умолку — быстрые реки,
Безответна — конь, добрая лошадь,
Без кореньев — горюч камень,
Чаще рощи — частые звезды,
Выше лесу — светлый месяц,
Краше свету — красное солнце,
Во всю зиму зелененько — в сыром бору со́сна».
Возговорит же Ефим-сударь, купецкой сын:
«Исполать тебе, красна девица, — отгадала!
А восьмая-то загадка — судьба божья!
Еще быть тебе, девушка, за мною,
За моею за молодецкою головою!»

ГИБЕЛЬ ПАНА

Как пошла млада панья
По своим по новым сеням,
Как почасту-ту младая панья
За окошечко смотрела.
Уж как из поля, поля,
Из широкого раздолья,
От там едут, да поедут
Все князи да бояра,
В тороках везут князя́
Всё кроваво цве́тно платье.
Как пошла-то пошла младая панья
Во свои-то новые сени.
На крылечико, на крылечико выходила
Да понизку челом била:
«Уж вы здравствуйте, князи,
Все князи да бояра.
Не видали, не видали ли вы
Моего жерябша пана,
Моего ли, моего ли
Прежнего мужа?»
Как перво́й князь слово молвил:
«Мы видо́м пана не видали».
Как второй князь слово молвил:
«Мы слыхо́м пана не слыхали».
Как третьёй князь слово молвил:
«Уж мы столько пана́ видали:
Предале́ча да в чисто́м поли
Его добро́й конь рыщет,
Его шелко́вой повод
Копытом лошадь заступает,
Его черкальское, черкальское ли да седелко
По подче́ревью скатилось,
Его ше́лкова, шелко́ва плетка
Лютою змеей да извивает,
Его буйная глава
Под ракитовым кусточком,
Его жолты́е кудри
Вихорем в поле разносило,
Его черные брови
Черные во́роны расклевали,

Его ясные очи
Ясные соколы разносили,
Его белое тело
Серы да волки растерзали,
Его резвые ножки
Во быструю-то ли реку да скатились».
Уж как сшибло у младой паньи
Белые ручки ко ретивому сердечку.
Как пошла, пошла мла́дая панья
Своих деточек будити:
«Уж вы станьте, постаньте,
Малые дети,
Как не стало у́ вас,
Малые дети,
Батюшка вашего родного,
Моего жерябша пана».

ПАНЬЯ

Как пошла па́нья
По своим новым сеням,
Как почасту, как почасту
Из окошечка смотрела:
Ажно и́з поля, из по́ля,
Да из далека чиста по́ля
Ажно едут-поедут
Да всё князья-бояра́,
В торока́х везут князя
Да всё кровавое платье.
Выходила млада панья
Да на прекрасное крыльцо,
Не дошедши млада панья
По-низкому челом довела.
«Уж вы здравствуйте, князи-бо́яра!
Вы видали ли князя
Моего-то бывшего пана?»
Как первой князь слово молвил:
«Мы его видом не видали».
Как второй-от слово молвил:
«Да мы слыхом не слыхали».

Как третей-то слово молвил:
«Уж мы столько видали:
Его добрый конь рыщет
По далеким чистым полям,
Его черкасско седелко
По подчéреву волочилось,
Его шелковый повод
Копытом лошадь заступает,
Его шелковая плетка
Лютою змеею извивает,
Его буйная глава
Под ракитовым кустышком,
Его русые кудри
Вихорем-ветром разносило,
Его ясные очи
Да ясны соколы разносили,
Его черные брови
Черные вороны расклевали,
Его бело тело
Серы волки расторзали».
Как пошла млада панья
Со своих новых сеней,
Как будила млада панья
Своих маленьких детей:
«Уж вы станьте, пробудитесь,
Мои маленьки детки!
Как у вас-то, малых деток,
Света-батюшка не стало,
А у меня-то, младой паньи,
Бывша пана не стало!»
Как на другой день млада панья
В зеленом лесу гуляла,
Во пригорье рвала
Траву васильевску,
Во прикрутье щипала
Цветы лазоревы
И прикладывала
К своим белы́м щекам:
«Будьте столько же аленьки,
Мои паньины щечки!»
Как на третий день млада панья
Во замуж выходила:

«Господа ле вы, господа,
Ко мне завтра на свадьбу,
Хлеба-соли кушать,
Вина-пива пити!»
Паньюшка по сени́чкам похаживала,
Хлопчика за ручку поважи́вала:
«Пойдем ты, хлопчик,
На кружельский двор,
Возьмем мы, хлопчик,
Чарочку винца и братыньку пивца,
И выпьем мы, хлопчик,
По чарочки с тобой:
Ты за мое здоровьице,
А я за твое.
Ты-то будешь пьяный,
А я весела.
Ты будешь плясать,
А я бу́ду скакать.
Мой-то пан уехал
Во большо́ гулять,
Меня пан оставил
Горе горевать,
То́ски тосковать.
Я ведь не умею
Горе горевать,
Тоски тосковать,
Тольки умею
Скакать да плясать!»
Мало-помалу
Сам-от пан на двор.
Выскочил хлопчик
Из полуокна,
Выставил хлопчик
Правую руку, а левую ногу.
Отсек пан у паньюшки
По плеч голову:
«Вот тебе, паньюшка,
Чарочка винца
Да братынька пивца,
Вот тебе, паньюшка,
Скакать да плясать!»

ДЕВИЦА ОТРАВИЛА МОЛОДЦА

Как по крутому, по красному по бережку,
Что по желтому, сыпучему песочку,
Как ходила тут, гуляла красна девица,
Она рыла себе кореньицо, зелье лютое,
Натопила она кореньица в меду, в патоке,
Напоила добра молодца до́пьяна,
Напоивши, положила спать,
Положивши, красна девица насмеялася:
«Ах, ты спишь, моя надёжа, или так лежишь?»
— «Я не сплю, не сплю, душа моя, едва жив лежу.
Ты умела, красна девица, отравить меня,
Так умей, душа, и схоронить меня.
Не клади меня, красна девица, у божье́й церкви́, —
Положи меня, красна девица, во чисто́м поле́,
При широкой дальной при дороженьке,
В головах поставь, красна девица, золотой крест,
На груди поставь, душа моя, калену́ стрелу,
Подле бок клади звончаты́ гусли́,
Во ногах поставь, красна девица, моего коня.
Буде стар человек пойдет — помолится,
Моему ли телу грешному поклонится,
Как охотники поедут, так настреляются,
Буде млад человек пойдет — в гусли наиграется,
Как поедут мои друзья, братья и товарищи —
На моем на добре коне наездятся».

ЗЛЫЕ КОРЕНЬЯ

Как злодеюшка ты, лютая змея!
Как по воде ты плывешь — извиваешься,
По траве ползешь — лист-траву сушишь,
Из норы ты глядишь — укусить хотишь.
Перелестница, раздушаночка, красная девица,
Перелестила она доброго молодца,
Перелестимши она, красная девица, к себе на пир звала,
Как и мне-то, доброму молодцу, идти-то не хотелося,

На пир-то пойти — мне живому не быть,
А на пир не идти — красную девицу разгневить.
Убирается добрый молодец на веселый пир,
Скидает с себя платье цвéтное,
Надевает на себя платье черное,
Идет-то добрый молодец на веселый пир,
И берет-то он гусли звонкие.
И идет-то добрый молодец к новому терему,
И восходит он, добрый молодец, на высокий на крылец,
Выходит к нему раздушаночка красная девица,
Берет-то его, доброго молодца, за правую руку
И ведет его во высокий терем,
Сажает его за дубовый стол,
Наливает ему чару зелена́ вина.
У рюмочки по краюшкам огонь горит,
А на донушке люта́ змея лежит.
Как ходила красна девица во зеленый бор,
В зеленом бору рыла злые кореньица,
Как я мыла-то, мыла злые кореньица во Суле-реке,
Сушила я, сушила, красная девица, на крутой горе,
Толкла я злые кореньица в ступочке,
Сеяла я злые кореньица на ситочке,
Сыпала я злые кореньица в зеленó вино,
Зазывала я доброго молодца к себе в гости, —
Подносила я доброму молодцу зелена вина.
Как с вечера у доброго молодца голова больно болит,
К полуночи добрый молодец преставился.

НЕУДАЧНОЕ ОТРАВЛЕНИЕ МОЛОДЦА

Светила звезда, она перед месяцем;
Валялась куница, она перед соболем;
Стояла девица, она перед молодцем.
Во левой-то руке держит вина скляницу,
Во правой-то руке держит золотой поднос,
Со чарочками-то она с позолочеными,
Со камушками драгоценными.
Наливала она зеленого вина,
Подносила она удалому доброму молодцу:
«Ты прийми, прийми, прийми, душа, выкушай!»

— «Принять-то чару мне, молодцу, — живому
не быть,
А не принять-то чару — прогневить девку!»
Принял-то душа добрый молодец
У девушки зеленого вина,
Выливал-то он вино во сырую землю.
Мать сырая-то земля, она загоралася,
А лютая-то змея, она возвивалася,
А красная-то девица, она испугалася
И доброму-то молодцу на шеюшку бросалася.

МОЛОДЕЦ И КНЯЖНА

«Где ты, мой друг, убираешься,
Убираешься, снаряжаешься?»
— «Я поеду гулять, молодец,
По зеленым лугам, по муравчатым».
Захватили молодца жары жаркие, всё петровские,
Лютые морозы, всё крещенские,
Глубокие снежочки, всё рождественски,
Захватили молодца-то во чистом поле,
Во чистом поле, по-близ города.
Как во городе все воротики позатворены,
Все немецкими замками позамкнутые,
А над ними-то караульные казачушки порасставлены.
Караульные казачушки они крепко спят.
Как кричал молодец громким голосом — не докликался,
Соловьем свистал — даром свист пропал:
Часовые-то казачушки не пробудилися.
Услыхала его красная девица, дочь отецкая,
княженецкая,
Надевала она сапожечки на босы ножечки,
Кунью шубочку нараспашечку,
Брала в руки красна девица золоты ключи,
Отмыкала замочки немецкие,
Отворяла ворота железные,
Она брала молодца за белы́ руки,
Повела его красна девица во высок терем,
Посадила молодца за дубовый стол, за скатерти
за шелковые,
За яствица за сахарные, за пойлица разнопьяные.

Она брала золотой поднос во праву руку,
Наливала она зелена вина, зелья лютого,
Подносила красна девица добру молодцу,
А подносила, всё приказывала:
«Когда любишь меня, то ты всю выпьешь,
А как я тебя люблю, рассказать нельзя».
— «Я люблю тебя, красну девушку-раздушаночку,
Но боюсь тебя, как змею лютую.
Ты сведешь меня с света белого,
Как свела ты моего братца ро́дного,
Что того ли было сына королевича».

ДЕВИЦА ПО ОШИБКЕ ОТРАВИЛА БРАТА

Кабы по гора́м, гора́м, по высокиим гора́м,
Кабы по дола́м, дола́м, по широкиим дола́м,
А и по край было моря синего
И по тем по хорошиим зеленым лугам
Тут ходила-гуляла душа красная девица,
А копала она коренья — зелья лютое.
Она мыла те кореньица в синем море,
А сушила кореньица в муравленой печи,
Растирала те коренья во серебряном кубце,
Разводила те кореньица меды сладкими,
Рассычала коренья белым сахаром
И хотела извести своего недруга,
Невзначае извела своего друга милого,
Она по роду братца родимого.
И расплачется девица над молодцом,
Она плачет, девица, убиваючи,
Она жалобно, девица, причитаючи:
«Занапрасно головушка погибнула!»

СЕСТРА-ОТРАВИТЕЛЬНИЦА

Вылетала галочка из зеленого садика,
Красная девица змею люту жарила,
Змею люту жарила, брату пиво делала,
Ожидала братика с поля широкого,
С поля широкого, из края далекого,
Наливала братику большой подорожничек,

«Выпей, выпей, братику, ты ведь из дороженьки!»
— «Выпей, выпей, сёструшка, себе на похмельице!»
Но сестра не пьет, а в рукав всё льет.
Пива брат не пьет, коню в гриву льет.
У вороного коника грива загорелася,
У родного братика слезы покатилися:
«Ведь я думал, сеструшка, что ты добродетельна,
А ты, моя родная, душепогубительна!»

БРАТ, СЕСТРА И ЛЮБОВНИК

Как у нас-то было, было в зеленом саду,
Под грушею было под зеленою,
Под яблоней было под кудрявою:
Стругал стружки добрый молодец,
Сбирала стружки красная девица,
Бравши стружки, она в костер клала,
В костер клавши, она змею пекла,
Змею пекла, пепел веяла,
Пепел веяла, зелье делала,
Состав составляла в зеленом вине.
Ждала к себе друга милого,
Своего она братца родимого.
Едет братец, что сокол летит,
Сестра к братцу, что змея сипит.
Встретила братца посреди двора,
Чару зелена вина наливаючи,
Свое горе, горе проклинаючи.
Уж как капнула капля коню на гриву,
У коня грива загоралася,
Уста у брата кровью запекалися,
Успел братец он сестре сказать:
«Схорони ты меня между трех дорог,
Обсей же меня ты цветочками,
В головах поставь поклонный крест,
А в ногах привяжи ворона коня:
Стар пойдет — он богу помолится,
А млад пойдет — на коне поездится,
А девушки пойдут — нагуляются.
А сестра-то пойдет — слезно наплачется».
Как вечор ко мне мой милой пришел:

«Ходи, мил друг, теперь смелей,
Извела я твоего недруга,
Своего братца родимого».
— «Коль умела ты братца известь,
Изведешь и меня, молодца.
Оставайся ж ты теперь одна!»
При том девушка слезно заплакала:
«Извела я брата родимого
И лишилася друга милого».

СЕСТРА БРАТА ИЗВЕСТИ ХОЧЕТ

Стругал стружки добрый молодец,
Брала стружки красная девица,
Бравши стружки, на огонь клала,
Всё змей пекла, зелье делала,
Сестра брата извести хочет.
Встречала брата середи двора,
Наливала чару прежде времени,
Подносила ее брату милому.
«Ты пей, сестра, наперед меня».
— «Пила, братец, наливаючи,
Тебя, братец, поздравляючи».
Как канула капля коню на гриву, —
У добра коня грива загорается,
Молодец на коне разнемогается.
Сходил молодец с добра коня,
Вынимал из ножен саблю острую,
Сымал с сестры буйну голову.
«Не сестра ты мне родимая,
Что змея ты подколодная!»
И он брал из костра дрова,
Он клал дрова середи двора,
Как сжег ее тело белое,
Что до самого до пепелу,
Он развеял прах по чисту полю,
Заказал всем тужить-плакати.
Что она над ним худо делала,
Ей самой так рок последовал,
От ее злости ненавидныя.

СУРА-РЕКА

Ой да старички мои, старички стародавние,
Ой да вы служили, мои старички, царю белому,
Ой да вы ходили, мои старички, по иным землям,
Ой да на иных-то бы землях, на Суре-реке.
Ой да как Сура-то, братцы, река, бежит из-под
камушка,
Ой да из-под камушка ну бежит, из-под белого.
Ой да как на камушке да сидит сестра с братцем
ро́дным.
Ой да как сестра братцу лихо мыслила,
Да она ему слово, слово мо́лала:
«Ой да ну ты ляжь, ляжь, братушечка,
Ляжь же ко мне во коленочки, —
Ой да поищу, то-то, поищу во буйно́й твоей
во головушке!»
Ой да находила в небе тучушка, туча грозная.
Ой да не лютá‌я-то да змея, сестра ро́дная,
Ой да как вынает-то она из ножо́н булатный меч,
Ой да ну сымает со братушечки буйную головушку.

ТРИ ЗЯТЯ

1

У отца у матери
Зародились три дочери:
Две дочери счастливые,
А третья несчастная.
Бо́льшая дочь говорит:
«Отдай меня, батюшка,
В Щигры за подьячего!»
Другая дочь говорит:
«Отдай меня, батюшка,
В Москву за посадского!»
А третья дочь говорит:
«Отдай меня, батюшка,
У Крым за татарина!»
Бо́льшая дочь приехала:

«Не плачь по мне, матушка,
Не тужи, сударь батюшка!
У моего-то у подьячего
Свечи неугасимые:
Всю ночь ма́стера сидят
И льют перстни золо́тые
На мои руки белые,
На мои руки нежные».
Другая дочь приехала:
«Не плачь по мне, матушка,
Не тужи, сударь батюшка!
У моего у посадского
Свечи неугасимые:
Всю ночь мастера сидят —
Шьют платья шелковые
На мое тело белое,
На мое тело нежное».
Третья дочь приехала:
«Поплачь по мне, матушка,
Потужи, сударь батюшка!
У моего у татарина
Свечи неугасимые:
Всю ночь мастера сидят —
Плетут плети шелковые
На мое тело белое,
На мое тело нежное».

2

Тпрунды-тпрундай и здунай най-най!
Що у тетушки, що было у вдовушки
Было три дочери:
Две были любимые,
Третья-то дочь была постыглая.
Тпрунды-тпрундай и здунай най-най!
Да перву-то дочерь отдала
В Ли́тву в город за боярина,
А втору дочерь отдала
В Мо́скву в город за посадского,
Да третью дочерь отдала
В Бри́тву в город за татарина.

Тпрунды-тпрундай и здунай най-най!
Перва-то дочи писала скорописчату грамоту:
«Чтобы да моя матенка потужила и поплакала:
А си́дят да у моего да боярина,
Да сидят куйны мастера,
Куют саблю вострую
На мою на шею белую».
Втора-то дочи писала скорописчату грамоту:
«Чтобы да моя матенка потужила и поплакала:
У моего да посадского
Сидят да плётны мастера,
Да плетут плети шелковы
На мое на тело на белое».
Третья-то дочи писала скорописчату грамоту:
«Чтобы моя матенка не тужила и не плакала:
У моего да у татарина
Сидят по́ртны мастера,
А шьют платье цветное
На мои плечья могучие».

СЕСТРЫ ИЩУТ УБИТОГО БРАТА

Воспоил, воскормил отец сына;
Воспоя, воскормя, невзлюбил сына;
Невзлюбя сына, со двора сослал:
«Ты поди, мой сын, со двора долой!
Ты спознай-ка, сын, чужую сторону,
Чужу сторону, незнакомую!»
Как у молодца в него три сестры,
Три сестры, три ро́дные;
Как большая сестра коня вывела,
Как середня седло вынесла,
Как меньшая сестра плетку по́дала;
Она подавши плетку, всё заплакала,
Во слезах братцу слово молвила:
«Ты когда ж, братец, к нам назад будешь?»
— «Уж вы сестры мои, вы родимые!
Вы подите-тка на синё море,
Вы возьмите-тка песку желтого,
Вы посейте-ка в саду батюшки;

Да когда песок взойдет, вырастет,
Я тогда ж, сестры, к вам назад буду».
Как прошло братцу ровно девять лет,
На десятой год сестры искать пошли:
Как большая сестра — в море щукою,
Как середняя сестра — в поле соколом,
Как меньшая сестра — в небо звёздою.
Как большая сестра про братца не слышала,
Как середняя сестра про братца слышала,
Как меньшая сестра братца видела:
Что лежит убит добрый молодец
На дикой степи, на Саратовской.
Его добрый конь в головах стоит,
Он копытом об сыру землю бьет:
«Ты устань, проснись, добрый молодец!
Тебя сестры всё искать пошли!»
Не сыскавши брата, всё летать стали
По степям, степям, по Саратовским,
Налетали на свово братца, на родимого:
«Ты устань, проснись, добрый молодец!»
Как и добрый молодец не просыпается.
Тут девушки слезно плакали;
Похоронили они свово братца родимого,
Похоронивши, они слезно плакали,
Они ковыль-травами прикрывали,
Они горюч камень прикладали,
Приложивши камень, полетели на свою
сторонушку.

ТРИ ЖЕРЕБЬЯ

1

Во славном во городе Симбирским
Выезжал майор-полковничек,
Молодых солдат наборщичек —
Из троих братьев в солдаты брать.
У отца было у матери
Было три сына, три умные,
Три умные, разумные:

«Сыновья вы мои умные,
Сыновья, дети разумные!
Большого сына жаль отдать,
А середнего не хочется».
А меньшой-ат сын расплачется,
Он расплачется, растужится,
Об сыру землю ударится:
«Ох, талан ты мой, талан худой,
Талан, участь моя горькая!
На роду участь написана,
Написана, напечатана».
Как возговорят отец и мать:
«Сыновья вы мои умные,
Сыновья, дети разумные!
Вы подите на конюший двор
Да возьмите по добру коню,
По добру коню неезжану,
По седеличку неседланому,
Поезжайте вы во чистó поле,
Во чисто поле, в ракитов куст.
Уж вы вырежьте по прутичку,
По прутичку волжаному,
Отрежьте все по жеребью,
По жеребью волжаному.
Вы пустите по Неве-реке,
По Неве-реке по быстрой,
На быструю, на сердитую».
Большого сына жеребей
По Неве-реке быстро пошел,
А середнего поверх пошел,
А меньшого сына жеребей на дно пошел.
Как меньшой-ат сын расплачется,
Он расплачется, растужится,
Об сыру землю ударится:
«Ох, талан ты мой, талан худой,
Талан, участь моя горькая!
На роду участь написана,
Написана, напечатана».

2

По широкой-то было славной улицы,
Ой по проезжей-то было дорожечке,
Ах выезжал-то маёр-полковничек,
Ах вывозил-то указ да немилостлив,
Ах то да немилостлив указ, нежалостлив,
Ах что из трех-то братьев да во солдаты брать,
Ах из четырех-то да в лекрута писать.
Ах что-то у нужного было да у крестьянина,
Что у нужного было да у бедного
Ох было три-то сына они хорошие,
Ах все-то хорошие, славны-пригожие,
Что-то хорошие были, пригожие,
Ох они-то в царскую службу гожие,
Ох они-то в царскую-государскую.
Ох как и спроговорит да родной татенька:
«Ох мне-то большого-то сына да его жаль отдать,
Мне-то середнего сына не хочется,
Ах что-то меньшому да сыну да бог судил,
Ох ему-то бог судил да во солдатушках быть,
Ох во солдатушках быть, царю служить,
Ох царю-то белому, да Петру Первому».
Ох как и то меньшой-от прирасплакался,
Ох и отцу-то матушке приразжалился:
«Ах и осударь ле да мой родной татенька,
Ах и осударыня ле да родына маменька,
Ах и неужели же я вам да не сын родной,
Ох и я-то не сын да родной, да я вам-то ох
да пасынок,
Я-то вам пасынок, да сосед чужой,
Ох и я-то сосед чужой, да супостат лихой».
Ох как и то спроговорит да родной татенька:
«Ох и уж вы дети ле мои, да деточки,
Ох уж вы все дети мине ровна-ровнакие,
Ох вы-то пойдите-тко вдоль по улице,
Ох вы-то зайдите-тко в нову кузницу,
Уж вы скуйте-ка, дети, себе по ножичку,
Ох вы пойдите-тко, дети, во чисто поле,
Ох вы зайдите-тко, дети, в част ракитов куст,
Ох уж вы срежьте-тко все по прутышку,
Ох и вы-то сделайте да все по жеребью,

Ох и пойдите-тко, дети, на Дунай на реку,
Уж вы киньте-тко да все по жеребью».
Ох как и то большой-от брат да кинул жеребей,
У него-то жеребей да как гусь плывет,
Как и то середней брат да кинул жеребей,
У него-то жеребей да поверху плывет,
Ох поверху плывет, как утка серая,
Ох как и то меньшой-от брат да кинул жеребей,
У него-то жеребей да как ключ ко дну.

ЖЕНА МУЖА ЗАРЕЗАЛА

1

За любовь-то жена мужа во сад повела,
За совет жена мужа в саду потеряла,
На любимой на яблоньке в саду повесила.
Он висит, качается,
Уж тут-то она сама образумилася:
«Ты слезай-ка, муж, долой,
Мил сердечный друг, пойдем домой!»
Во холодный, во студеный погреб бросила.
Приезжали к ней два деверя,
Уж как два ясны сокола:
«Ты невестка ль, невестушка,
Сноха наша, бела голубушка!
Да и где же наш большой брат?»
— «Деверья ль мои, деверья!
Уж вы два ясны сокола!
Уж пошел-то ваш большой-ат брат
Во темные леса гулять,
Уж во те ли во дремучие,
Он куниц, лисиц стрелять,
Уж тех ли черных соболев».
— «Ты невестка, невестушка!
Сноха, белая голубушка!
Да и где ж наш большой брат?
Мы сейчас только из лесу,
Не видали брата большего».
— «Деверья мои, деверья!

Уж вы мои два ясные сокола!
Как поехал-ат ваш большой брат
К Макарью на ярманку,
Со куницами, со лисицами,
Уж со теми со черными соболями».
— «Ты невестушка, невестка!
Сноха, бела наша голубушка!
Да и где ж наш большой брат?
Мы сейчас только с ярманки,
Мы теперь-то со Макарьевской,
Не видали брата большего!»
— «Деверья мои, деверья!
Уж как два ясные сокола!
Как пошел-то большой брат
Во зеленый сад гулять».
— «Ты невестка, невестушка!
Уж и нет в саду нашего брата большего.
Ты невестка, невестушка!
Сноха, бела наша голубушка!
Да и что у тебя во саду за руди́ца?»
— «Деверья мои, деверья!
Уж как два ясные сокола!
Белую рыбицу я чистила,
Во сад руду вылила».
— «Ты невестка, невестушка!
Сноха, бела наша голубушка!
Покажи нам белую рыбицу».
— «Деверья мои, деверья!
Уж как два ясные сокола!
Я от погреба ключи потеряла».
— «Ты невестка, невестушка!
Сноха, белая наша голубушка!
Приведем мы слесаря,
Приберем ключ к погребу».
— «Деверья мои, деверья!
Уж как два ясны мои сокола!
Вы берите саблю вострую,
Вы рубите мою голову:
Потеряла я вашего брата большего,
А своего друга любезного».

2

В большом селе Каверине
Жена мужа потеряла,
Острым ножом зарезала,
Под лавочку положила,
Панёвою задернула,
Скамейкой задвинула.
Пришел брат его Гаврилушка:
«Невестушка-голубушка,
Где мой брат Лукьянушка?»
— «Он пошел мосты мостить,
Мосты мостить, пруды прудить».
— «Я сам мостил, его нету там.
Невестушка-голубушка,
Где брат мой Лукьянушка?»
— «Пошел с охотою,
За зайцами и собольями».
— «Я сам там был, его нет там.
Невестушка-голубушка,
Где брат мой Лукьян?
Что у тебя на пороге руда?»
— «Кочета била индейского».
— «Невестушка-голубушка,
Покажи кочета индейского!».
— «Были гости, съели кочета».
— «Невестушка-голубушка,
Что в сенях руда?»
— «Коровушка отелилась,
Принесла бычка».
— «Невестушка-голубушка,
Покажи бычка».
— «Он молодехонек, на ножках не стоит».
— «Невестушка-голубушка,
<Что у тебя за скамеечкой?>
Подвинь ее ко мне,
Отодвинь ко мне, возьми
Покажи братца Лукьянушку!»
— «Деверьюшка Гаврилушка,
Загубил мою головушку!»

ДЕВУШКА ЗАЩИЩАЕТ СВОЮ ЧЕСТЬ

1

У меня ль, у красной девушки,
Нет ни батюшки, ни матушки,
Нет ни роду, ни племени,
Только одна злая мачеха,
Злая змея подколодная.
Посылает меня матушка
На высок терем постелю стлать.
«Ты иди, красна девушка,
На высок терем постелю стлать!
Ты стели, красна девушка,
Две постели пуховые,
Ты клади, красна девушка,
Изголовья высокие,
Одевай, красна девушка,
Одеялы собольими».
Как пошла красна девушка
На высок терем постелю стлать,
И взяла с собой девушка
Два ножа, два булатные,
Да веревочку пенёчную.
На дворе-то смеркается —
Красной девушки нет с терема;
На дворе-то и поздны́м-поздно —
Красной девушки нет с терема;
На дворе и к полуночи —
Красной девушки нет с терема;
На дворе-то белым-бело —
Красна девушка йдет с терема;
Русые волосы растрепаны,
Ясные очи заплаканы,
Белые руки опущены.
«Государыня матушка!
Ты иди, прибирай гостей:
Одного я зарезала,
А другого повесила».
— «Ах, злодейка проклятая!
Да и что ж ты наделала?
Ты холостого зарезала,
А женатого повесила!»

2

Как у ключика у кипучего,
У колодезя у глубокого
Красна девица воду черпала.
Почерпнувши, ведры поставила,
Поставивши, думу думала,
Думу думала, слово молвила,
Слово молвила, речь говóрила:
«Хорошо тому на свете жить,
У кого-то есть отец и мать!
У меня-то, у младешеньки,
Ни отца нету, ни матери,
Что однáя-то злая мачеха,
Змея лютая, подколодная.
Посылала-то меня мачеха
Во высокий терем перину стлать
Про двоих-то ребят холóстыих,
Что про третьего про женатого!»
У нас на дворе-то смеркается —
Красной девицы с платформы теремá нету;
У нас на дворе-то глухá полнóчь —
Красной девицы с высокá нету;
У нас на дворе-то зóря белый день —
Красна девица с теремá идет:
Что русá коса порастрепана,
Что ясны́ очи позаплаканы;
Во слезах девушка слово молвила,
Слово молвила, речь говóрила:
«Что не жаль-то мне двоих холóстыих,
Что жаль-то мне одного женатого:
У женатого молода жена,
Молода жена, малы детушки!»

ЖЕНА КОРОЛЯ УМИРАЕТ ОТ РОДОВ

Поехал наш королюшка на гуляньице,
Оставил он Марусеньку на гореваньице.
Пустил, пустил своего коня во зелены луга,
А сам взошел, королюшка, на крутý гору.

Раскинул же королюшка бел тонкой шатер,
Взошел наш королюшка во шатрик спать,
Привиделся королюшке пречудный страшный сон:
Из-под правой рученьки вылетал сокóл,
Из-под левой рученьки — сера утушка.
Оседлал королюшка ворона́ коня,
Поехал королюшка к своему дворцу.
Навстречу королюшке стара баушка.
«Старушенька, баушка, отгадай мой сон!»
— «Изволь, изволь, королюшка, изволь сказывать!»
— «Взошел я, королюшка, на круту гору,
Раскинул я, королюшка, бел тонкой шатер,
А сам я взошел, королюшка, в шатрик спать.
Привиделся мне, королюшке, пречудный страшный сон:
Из-под правой рученьки вылетал сокол,
Из-под левой рученьки — сера утушка».
— «Вечóр твоя Марусенька сына родила,
Сегодня же Марусенька сама померла!»
Упал, упал королюшка с своего коня.
Оседлал королюшка коня ворона,
Поехал наш королюшка к своему дворцу:
Тесовые воротички растворены стоят.
Пустил, пустил своего коня на широкий двор,
А сам взошел, королюшка, в высок терем:
Все мамушки, все панюшки во траурах сидят.
Ударился королюшка в дубовый гроб:
«Зачем, зачем, Марусенька, вспокинула меня,
Вспокинула, оставила плакать-горевать?»

ЖЕНА КАЗАКА УМИРАЕТ ОТ РОДОВ

Отъезжает казаченько на разгуляньице,
Покидает Марусеньку на гореваньице.
Пустил своего ворона коня в зелены́ луга,
А сам лежит в белóм шатре, на крутой горе.
Привиделся казаченьку дивнешенек сон:
Будто на его праву руку сокол прилетел,
Улетала с-под левой сера утица.
На ту пору Марусенька сына родила,
На третий день Марусенька сама померла.

Подъезжает казаченько к своему двору:
Широки его воротечки растворёные,
Хрустальные стеколечки повыбитые.
Всходит казаченько на высок терем:
Стоят попы и дьяконы, погребенье поют,
А деточки-малюточки как пчелки гудут,
А жену Марусеньку во гробе несут.
Ударится казаченько о дубовый гроб:
«Ой свет моя Марусенька, жена молода!
Бывало, твои резвы ноги устре́нут меня,
Бывало, твои белы руки обнимут меня,
Уста твои сахарные целуют меня!»

ЖЕНА КНЯЗЯ МИХАЙЛЫ ТОНЕТ

Как поехал же князь Михайло
Во чисто полечко погуляти
Со своими князьями-бо́ярами,
Со советничками потайными,
Со причетниками уда́лыми.
Его добрый-ет конь споткнулся.
«Что ты, добрый мой конь, спотыкаешься?
Али слышишь ты невзгодушку,
Али чувствуешь кручинушку?
Али дома у нас нездоровится?»
— «Молода моя княгиня нездорова!
Ума-разума лишилася,
Во синё море броси́лася».
Тут-то плыли-выплывали
Две лодочки дубовы́е,
Рыболовщички молодые:
Они кидали и бросали
Белосиненькие неводочки,
Белоду́бовые наплавочки.
Изловили да свежу рыбочку
Со руками да со ногами,
С буйною головою,
Со русою косою.
Того рыболовы испугалися,
Все по кусточикам разбежалися:

«Ай, поймали мы белую рыбочку
Со руками да со ногами,
Со буйною головою,
Со русою косою!»
Князь Михайло во в чистом поле
Задумал он крепку думушку
Про великую кручинушку.
Его ретивое сердце зашумело,
Ретивое ему не сказало
Про великую его досадушку.
Возговорит князь-ет Михайло тут
Слова ласковые, знакомые:
«Ай бо вы князья мои бóяра,
Вы советнички потайные!
Расскажите-ка кручинушку:
Мой-то добрый конь споткнулся здесь,
Повесил он буйную голову, —
Знать, печаль-то мне, кручинушка,
Мне великая невзгодушка!
Молода жена с ума сошла,
Она бросилась во в синё море,
Во в Кивач-реку быструю,
А Иртыш-река поперек бежит.
Воротитесь-ка, князья-бóяра,
Вы причетники богатые!»
Воротился князь Михайло тут
Он к себе-то во в высок терем.
Как встречали его домашние,
Они бросились на широкий двор,
На широком двору крепко плакали,
Все кричали громкúим голосом:
«Обо еси, великий князь!
Уж мы скажем те, проговорим,
Как случилася невзгодушка:
Княгиня-то наша матушка
Ума-разума лишилася,
Она бросилась во в синё море,
Во в синё море, к желты́м пескам!»

БРАТЬЯ-РАЗБОЙНИКИ И СЕСТРА

1

По край моря, моря синего,
По край моря ай веряжского,
По край синего моря веряжского,
Там стояла да хоромина некрытая,
А некрытая хоромина, немшоная.
Там жила-была вдова благочестивая,
Было́ у вдовушки девять сынов,
Во десятыих была одинакая дочь.
И эти все сынова́ в разбой пошли,
Оставалася дочка единёшенька.
Как из-за синего моря веряжского
Наехали на дочку к нею сва́това,
Она выдала дочку за синё море,
За этого за гостя за торгового.
Она там год жила — не стоснулася,
Другой жила — в уме не было,
На третий на годочек стосковалася,
Она у мужа у света подавалася,
У всёй семье сдоложилася.
Состроил ей муж червончатой кораб,
Он нос делал по-змеиному,
Корму делал по-звериному,
Нос грузил чистым сéребром,
Середочку грузил красным золотом,
Корму грузил скатным жемчугом.
Они сели с мужем в лодочку и поехали.
Тут не темная ноченька сустигла их,
Не частыи дождики обсыпали —
Наехали воры-разбойники,
Они гостя торгового зарезали,
Зарезали и в воду бросили,
Они жёночку-рязаночку в полон брали,
В полон брали, обесчестили.
Все эти разбойнички спать легли,
Меньший разбойничек не спит, не лежит,
Не спит, не лежит, думу думает,
У жёночки-рязаночки выспрашивает:
«Скажи, жёночка-рязаночка, с коёй орды,

С коёй орды, с коёй страны?»
— «Уж мы жили-жили по край моря,
По край синего моря веряжского,
Там стояла хоромина некрытая,
Некрытая хоромина, немшоная.
Во той было хоромине некрытоей
Жила-была вдова благочестивая.
Было у вдовушки девя́ть сынов,
Во десятыих была одинакая дочь.
У ней все сынова́ во разбой пошли,
Оставалася дочка одинёшенька.
Из-за синего моря веряжского
Наехали на дочку к ней сва́това,
Она выдала дочку за синё море,
За этого за гостя за торгового».
Тут разбойничек расплакался.
«Вы ставайте-ко, братцы родимые!
Мы не гостя торгового зарезали,
Зарезали и в воду бросили,
Мы зарезали зятя любимого.
Не жёночку-рязаночку в поло́н брали,
В полон брали и обесчестили,
Обесчестили сестрицу родимую».

2

Жила-была удовушка-вдова,
У этой удовушки было девять сыновей,
Девять сыновей, одинакая дочь.
Одинакую доче́рь замуж выдали
За шумяче за гремяче за Онегушко,
А девять сыновей да во разбой пошли.
Годик-то я жила; не стоснулася,
Дру́гой стала жить, да стосковалася
По своей по родимой по сторонушке,
По своей по родитель по матушке.
На третей-то годочек я сына ро́дила,
Сына родила, да приотро́стила,
Год мужа звала, да не вызвала,
На пятой-то годочек его вызвала.
Уж мы сели в малогрёбное суденышко
И поехали на родиму на сторонушку.

Мужа-господина на корму я поса́дила,
Сына малолетнего середь лодки́ клала́,
Сама молода во веселушки села́.
Уж мы выехали середины Онегушки
Шумячего, гремячего,
Завеяли как ветрушки буйные,
Ударили ураганы кру́тые,
Прибило нас ко кру́тому ко бережку.
Набежало тут девять разбойничков.
Оны сына моего да в воду бросили,
Мужа моего да во поло́н брали́,
Меня молоду́ да во полонщицы,
Во полон брали да обесчёстовали.
Восемь разбойничков спать легли,
Девятой разбойник богу молится,
Богу молится, сам спасается,
Он спасается да добирается:
«Скажи, скажи, полонщичка молоденькая,
Какого ты есть да роду-племени,
Какого ты есть да отца-матери?»
— «Роду-племечки я есть крестьянского,
А отца-то не упомню я,
А я дочь была сама молодчая,
А мать моя удова была,
А девять братьев ё старше меня.
Молодую меня замуж выдали».
— «А чем твои братья занималися?»
— «Пять лет как я заму́ж ушла,
Своей маменьки я не видела,
Про братьёв мне слыху не было».
Тогда старший брат да порасплакался,
Тут будил братьев со крепко́го сна:
«Вы ставайте-ко, братья родимые,
Большое дело мы здесь сделали:
Зятя своего мы в воду бросили,
А сестру свою во полон взяли,
Во полон взяли да обесчестили».
Тогда все ёны да домой пошли
Ко своей удовке к родной матери.
Когда стретила родна матушка
Всех своих детей,
Она стретила на перёном на крылечушке,

Не узнала ёна родной дочушки:
Пристарела-то у ей дочка белая,
Поседа́тели ру́сы волосы,
Двадцать пять лет дочи состарилась,
Не могла она промолвить ни единого словечушка
Родители своей матушке.
Происхожденьице рассказал тут старшой брат.
Сердце матерно да не вынесло,
На ступенях мать тут и по́мерла.

РАЗБОЙНИКИ И СЕСТРА

На Подоле жила вдова,
У ней было три сына, три дочери.
Как сынки взросли, на разбой пошли,
Дочки выросли, они в лес пошли,
Они в лес пошли да по ягоды.
Как одна-то дочь утонула,
А другую дочь в лесу зверь заел,
Как и третья дочь заблудилася,
Заблудилась она, на огонь нашла,
У огня сидят разбойнички.
Говорит один: «Мы сведем ее»,
Говорит другой: «Мы убьем ее»,
Говорит третий: «Мы расспросим ее:
Ты скажи-ка нам, уж ты чья така?
Ты какого, скажи, роду-племени?»
— «А я роду из Подолу, жила вдова,
А у ней было три сына, три дочери.
Как сынки взросли, на разбой пошли,
Дочки выросли, они в лес пошли,
Они в лес пошли да по ягоды.
Как одна-то дочь утонула,
А другую дочь в лесу зверь заел,
А я — третья дочь — заблудилася,
Заблудилася — на огонь нашла».
— «Ты сестра наша, ты родимая!
Мы — твои братья, братья ро́дные!»

ЖЕНА РАЗБОЙНИКА

1

Из-под кустышка было ракитова,
Из-под камешка было серого,
Протекала-то-де речка быстрая,
Речка быстрая, вода холодная.
Во этой речке быстроей, в воде холодноей
Красна девушка она мылася,
Бедна белилася.
Она мылась, слезно плакала,
Красоты она своей дивилася:
«Красота ли ты моя, красоточка!
Ох ты счастье ли мое, счастьице!
Талану-участи доля горькая!
На роду ли-то да мне написано,
На делу ли-то да мне досталося,
В жеребьи ли мне сповыпала:
Женихов ли про меня не было?
Сватовья ли на мне не сватались?
Из бояр-то ли да сватались бóяра,
Из купцов-то ли сватались на мне купцы,
Из крестьян-то ли сватались молодчики.
Как ныне отдал меня родной батюшко,
Просватала родна матушка
Как за вора да за разбойника,
За ночного да подорожника.
Со вечера да он коня седлал,
Со полуночи в разбой съезжал,
К утру-светичку домой въезжал.
Он кричит-зычит собачьим голосом:
«Ты ставай-ко-ся, жена немилая!
Немилая жена, постылая,
Добывай огня скорехонько,
Затопляй-ко печь крутехонько,
Уж ты грей-ко-ся воду ключавую,
Уж ты мой-ко-ся платье кровавое,
Кровавое платье, разбойницкое».
Я ставала млада скорёшенько,
Топила печку крутёшенько,
Я нагрела воды ключавоей,

Я стирала платье кровавое.
Перву вымыла я, не раздёрнула,
Втору вымыла, да развёрнула,
Нашла эту рубашеньку, знакомую,
Знакомую рубашечку, приметную.
Закричала я громким голосом,
Закричала я, сама заплакала:
«Ох ты гой еси, ладо немилое,
Немилый и постылый!
Ты почто убил моего брата любимого?
Своего шурина постылого?»
— «Не я убил твоего брата любимого,
Своего шурина постылого;
Не я убил — убила темна ноченька,
Подстрелила калена́ стрела».

2

Ай вот и мила-то, мила мне, славной
девчоночке,
Мне вольная волюшка,
Вольная волюшка!
Вот и сваталися за эту девчоночку
Два князя, два боярина,
Ай два боярина.
«Ай не отдай, не отдай, родной батюшка,
За князя да за боярина,
За боярина.
Ай вот и отдай же, отдай, родимый мой
батюшка,
За вольного добра молодца,
Добра молодца.
Ай вот и за молодца отдай меня, батенька,
За вора, за разбойничка,
Ай за разбойничка.
У того ли было у вора-разбойничка
Полюшко-раздольюшко,
Ай раздольюшко,
Ай вот и еще-то у него, у вора-разбойничка,
Раздушечка его, душа добрый конь,
Душа добрый конь!»
Вот и он со вечеру вор-разбойничек,

Стал младец коня он стал коня седлать,
Ай стал ко́нечка седлать.
По полу-то-ночи вор-разбойничек,
Стал он со двора, со двора съезжать,
Ай со двора съезжать.
Да вот и ко бело́й-то заре вор-разбойничек
Стал он со двора съезжать,
Ай стал разбой держать.
Да вот и он убил-то, убил, вор-разбойничек,
Убил свово тестя-батюшку,
Ай тестя-батюшку.
Да вот и еще-то убил вор-разбойничек,
Убил свою тещу-матушку,
Ай тещу-матушку.
Вот чуть свет-то заря, вор-разбойничек,
Стал он ко двору подъезжать,
Ай ко двору подъезжать.
Он стучал-то гремел вор-разбойничек,
Стучал-гремел об окошечку,
Ай об окошечку:
«Да отворись, отопрись, молодая жена,
Отвори мне воротицы,
Ай ну воротицы.
Убирай, прибирай, моя молодая жена,
Коня мово притомлёного,
Ай притомлёного.
Да вот и прибирай, прибирай, моя молодая жена,
Платье мое притравлёное,
Ай притравлёное.
Это платье было, молодая жена,
Твово родимого, твово батюшки,
Ай твово батюшки,
Да вот и шубёночка, молодая жена,
Родимой твоей, твоей матушки,
Ай твоей матушки.
Да вот и не пеняй на меня, молодая жена,
Не пеняй на разбойничка,
Ай на разбойничка.
Да вот и пеняй ты, пеняй, моя молодая жена,
Да на темную, ай да на ночушку!»

3

Как со вечера разбойник
Он коня свово поил,
Со полуночи разбойник
Он овсом его кормил.
А поутру он разбойник
Он оседлывал коня.
Молодой своей хозяюшке наказывает:
«Ты не спи-ка, не дремли,
Под окошечком сиди».
Я сидела и глядела
Вдоль по улице в конец:
Вот не идет ли мой миленький,
Не воротится ль назад.
Гляжу — миленький идет,
Девяти коней ведет.
На девятом, на вороном,
Сам разбойничек сидит.
Подъезжает ко двору,
Трижды тростью в воро́та:
«Отворяй, жена, воро́та,
Пускай молодца на двор,
За мной гонятся в погонь
Отец с матерью родной.
Еще на тебе подарок,
Не развертывай при мне!»
Не стерпела, развернула —
Не устояла на ногах.
«Уж ты вор ли, плут, мошенник,
Зачем брата зареза́л,
Ты зачем брата заре́зал,
Свово шурина сгубил?»
— «Я за то его зарезал,
Перва встреча встретилась:
Я на первой да на встрече
Отцу с матерью не спущу,
С плеч головушку снесу,
А другою-то я встречей
Я чужого пропущу,
Я чужого да другого,
Всё товарища свово.

Я рукой ему махал,
Головой ему качал:
„Не попадайся, брат и шурин,
Ты на первой на пути“».
— «Ты скажи теперь, разбойник,
Где они теперь лежат?»
— «Родный батюшка-то лежит под грушицей,
А родная матушка под яблонкой,
А родной братец лежит под вишенкой,
А сестрица под сырым дубом.
Ты скажи-ка, скажи, молодая жена,
Уж и чья же эта разлисья шуба?»
— «Разлисья-то шуба моей матушки».
— «Ты скажи-ка, скажи, молодая жена,
Уж и чей это волчий тулуп?»
— «Как и волчий тулуп мово батюшки».
— «Ты скажи-ка, скажи, молодая жена,
Уж и чья эта развостра сабля?»
— «Развостра сабля мово братца».
— «Ты скажи-ка, скажи, молодая жена,
Уж и чья это разруса коса?»
— «Разруса коса моей сестры.
Ты возьми-ка, возьми, муж-разбойничек,
Муж-разбойничек, душегубничек,
Ты возьми, возьми развостру саблю,
Ты сруби-ка мне буйну голову,
Ты забрось-ка ее во синё море,
Как синё море разволнуется,
Так тебе, вору, быть убитому».

ОХОТНИК И СЕСТРА

С вечера позднехонько девки думал-думали,
На белой-то зоре в лес по ягоды пошли,
За калинкою, за малинкой, за черной смородиной.
В лесу все девушки, все красны ягод принабрались
они.
Одна Машенька не набрала ничего,
Заплуталась красна девка во лесу,
Заплутавшись, становилась ко дубу.

Мимо девушки, мимо красной
Никто не проедет, не пройдет,
Только зайка серый пробежал,
Как за заинькой за серым люта львица прошла.
За львицей за лютой млад охотничек едет,
Не доехавши, охотник со добра коня слезал,
Подошедши к красной девке, низко кланялся он ей.
Не спрося он ума-разума своего,
Стал он с девкой шуточки шутить.
Отшутимши шуточки, стал выспрашивать ее:
«Скажи, девушка, скажи, красная,
Чьего матери-отца?»
Отвечала красна девка:
«Я не царского и не барского, богатого отца дочь;
Нас у батюшки было семь дочерей,
Восьмой-ет братец ко царю служить пошел,
А девятый братец в лес охоту возымел».
Узнает охотник — девка родная ему сестра,
Вынимает млад охотник свой булатный острый нож.
«Прощай, девка, прощай, красная,
Прощай, родная сестра!»
Зарезал охотник сам себя.

ИВАН ДОРОДОРОВИЧ И СОФЬЯ-ЦАРЕВНА

Еще было-то во городе во Киеве,
Ай у ласкового князя у Владимира,
Там была-то у него племянница любимая,
Еще та ли ведь Софья, всё царевна-та;
Еще был-то Иван да Дородо́рович.
Они жили-были-то от города неподалеку тут.
А народ, вси люди добры, про них всё проводили тут.
Говорил-то тут Иван всё Дородорович:
«Уж ты гой еси, ты Софья, ты царевна-я!
Ай поги́нули народ вси православные
Как за наши-те за души, души праведны!
Посмотри-ка ты сходи да в зелены́ сада́:
Вси опали-то сада, да с древа всяко листьице зеленое,

Через то ведь опал да всё зеленой лес,
Вси погинули народ весь православной-от, —
Осуждали они нас всё понапрасному».
Зазвонили-то к заутрене всё к раннюю,
Тут ставает Софья, всё царевна-та,
Она будит-то Ивана Дородоровича:
«Ай ставай-то ты, Иван свет Дородорович,
Двоюрóдный ты ведь мой да милой брателко!
У мня теплятся лампадки масла божьего,
Все затеплены свещи́ да воску ярого».
Говорит-то ей двоюродный всё брателко,
Что по имени Иван да Дородорович:
«Я сегодня всё ведь видел страшный сон,
Уж я страшный сон, всё я не знаю как:
Я иду будто, иду да во божью́ церкóвь,
Набегали мужики будто ко мне навстречу-ту,
Отрубили и отсекли мою голову».
Тут ставает он, скоро одевается,
Он приходит во божью церковь да богу молится.
Во божьей-то церквы все да его поносить стали:
«Уж ты гой еси, Иван свет Дородорович!
Разведитесь вы ведь с Софьей-то, с царевной-то,
Не приводите нас во грех, да людей многиих».
Говорит-то тут Иван да Дородорович:
«Кабы ум-то у вас был, дак не грешили бы:
Еще Софья-та-царевна — я ей считаю за родну сестру».
Не внимают мужики всё деревенские,
Говорят они ему да таковы речи:
«Мы ведь станем-то тебя да всё посматривать».[1]
Он приходит домой, да сам расплакался;
Говорит-то Софья, всё царевна-та:
«Не тужи-ка ты, не плачь, мой двоюрóдный брателко!
Не оставит нас господь, всё бог помилует».
Только покончили речь свою печальную,
Отпираются двери скоро на́ пяту.
Тут приходит два-то палача всё немилóстливы;
Они отсе́кли у Ивана Дородоровича,
И отсекли у него хоть буйну голову,
Они взяли-то Софью, всё царевну-ту,

[1] «Убить хотят» *(прим. исполнительницы)*.

Ее взяли они да за русу́ косу,
Ей убили тоже всё смертью напрасною.
Погребли они ведь скоро ихны всё святы́ тела,
У их выросло-то на могилах всё разны́ цветы,
Что у тех ли у мощей, мощей нетленныих.

ДЕТИ ВДОВЫ

1

Принёсла вдова два сына, и два ясна сокола.
Запелёнала она их в пеленочки
И запоясала она их поясиками,
И сколотила им дубочек из до́щочек;
И понесла вдова да ко чисту́ полю,
Ко чисту полю, да ко синю́ морю,
Ко синю морю, да ко солоному.
Она спущат да приговариват:
«Ты убай, убай, море синее,
Уж ты пой, корми, да поле чистое».
Пошла вдова ко чистому полю
С любимой дочерью богу молитися.
Молилась ровно тридцать лет,
И во снях-то ей да привиделося,
Наяву-то ей да показалося:
И как летит, летит два черна ворона,
Два черна ворона да два ясна сокола.
Тут пошла вдова тут ко синю́ морю,
Ко синю морю и ко солоному.
И стоят, стоят да черные корабли,
Взошла она на кораб да стала спрашивать:
«Откуль же вы да из какой земли,
Из какой земли да какого вы царя,
Вы какого царя вы небесного?
Уж как вы старые, дак я замуж иду;
Уж как вы младые, так я дочерь даю».
Один-от брат усумлеется:
«Это що, братцы, за чудо?
Это що, братцы, за диво?
Как родна-то мать да идет да за сына,
Как родну сёстру дават за брата».

Та стала у них выспрашивать:
«Из чего у вас да черны корабли?
Из чего у вас да грузные якори?
Из чего у вас да тонки парусы?»
— «Черны корабли да из дощочек,
Грузные якори из гвоздёчиков,
Тонки парусы да из пеленочек».
Тут-то мать догадалася.

2

Чтой было́-жило́ у вдовушки два сына,
Два сына у ей, как ясна сокола.
Зародилася у ей еще третья дочь.
Что задумала ведь вдовушка богу молитися.
Пеленала их пеленками камчатныма,
Что вязала их поясьицом шелко́вым,
Она клала на доще́чку на дубовую,
Опускала сыновей да во синё море,
И сама она им да приговаривала:
«Уж ты пой их, корми, да еще Спас Исус!
Ты на ум их наставь, да богородица!»
Удалилась она с дочкой во темны́ леса.
Во темны́х лесах богу молилася,
Ай молилась она с дочкой ровно тридцать лет,
Ровно тридцать лет да еще три года.
Захотелося вдовушке на Русь пойти.
Выбегает она с дочкой ко синю́ морю,
Ко синю она морю да ко солоному:
По подне́бесью да как соко́л летит,
По синю́ морю да там корабль бежит.
Закричала тут вдовка корабельщичка:
«Уж ты гой еси, уда́лой корабельщичек!
Ты возьми меня да за себя взаму́ж,
Мою доченьку возьми взамуж за брателка».
Отвечают тут вдовке корабельщички:
«На веку-ту чего было́ не слыхано,
На белом свете чего было́ да не написано,
Чтобы мать родна́ вышла взамуж за сына,
А сестричушка пошла взамуж за брателка!»

ЦАРЬ ДАВЫД И ОЛЕНА

У царя у Давыда
Был сын Соломон,
Была дочка Олена.
Дочку призывает:
«Ох ты дочка Олена!
Вставай ты поутру поране,
Умойся ты беленько,
Надевай ты платье подвенечно».
— «Ох ты батюшка разумный!
Кажи ты мне законного брака,
Что я буду его знати?»
— «Твой жених стоит в божьей церкви,
В божьей церкви тебя дожидается».
Она в божью церкву пришла,
Увидала свово брата:
Закон не примает,
Мать венца на главу не надевает.
Всё с себя цветно платье кидала,
Башмачки и чулочки с ног бросала.
Побегла она по беленькому по снежочку,
По лютому по морозу.
Подбегла она ко батюшкиному к окошку:
«Ох ты батюшка родимый, отоприся!»
— «Ох ты дочка Олена!
Назови ты меня лютыим свекром».
— «Ох ты батюшка родимый!
Где это виделося,
В котором царстве случилося,
Чтобы батюшку лютым свекром назвати?»
Побегла она ко матушкину к окошку
По беленькому по снежочку,
По лютому по морозу:
«Ох ты матушка родима, отоприся!
Все я ноженьки свои признобила».
— «Ох ты дочка Олена!
Назови ты меня лихою свекровью!»
— «Ох ты матушка родима!
Где это случилося,
Чтобы матушку свекровью назвати?»
Побегла она ко братнину к окошку:

«Ох ты братец, родимый ты, отоприся!
Все я ноженьки признобила».
— «Ох ты сестрица родима,
Назови ты меня законным браком!»
— «Ох братец родимый!
Где это случилося,
Чтобы сестру родну брату взяти?»
Побегла она во чистое поле,
Всплакнула она своим жалкиим голосом:
«Ох, вы сбегайтеся, лютые звери,
Вы съедайте мое бело тело:
Моя душа много согрешила.
Солетайтеся, карги-воро́ны, черны во́роны,
Растерзайте вы мое тело белое!»
И собегалися лютые звери,
Солетались карги-вороны, черны вороны,
Растерзали ее тело белое
И растаскали ее тело по чисту полю.
Пошла ее душенька ко господу богу.

ДОЧЬ ТЫСЯЧНИКА

Я у батюшки дочка была, у тысячничка,
У тысячничка.
Приневолил меня ро́дный батюшка
Замуж девушку идти,
Да идти да и замуж
Девушку идти,
На все грехи тяжки,
Грехи тяжки поступить,
Тяжки поступить.
Да дождуся я, девка, темной ночи,
Во полночи уйду во темный лес,
Да в лес.
Я молилась, девка, трудилась,
Девяносто лет, девка, я со зверьми,
Со зверьми.
Да не видала я, красна́ девчонка,
Человечьего лица,
Я лица.

Да не слыхала я, красна́ девчонка,
И я звону, я божьего,
Божьего.
Да как у девушки стало лицо
Как дубовая словно кора,
Да кора.
Да у девушки стали виски
Словно беленькой лянок,
Да лянок.
Я да пойду я, девка, побреду я
Ко своему батюшке на двор,
Я на двор.
Да навстречу мне, красной девчонке,
Да святой идет монах,
Да монах.
Да испужался он, святой монах,
Человечьего лица,
Да лица.
«Да не пужайся, святой монах,
Да эта кожа — человек,
Человек.
Да исповедай меня, причасти ты,
Во святые мощи отпусти».

СОН САЛАМАНОВА ОТЦА

Говорит царь Антоломан Антоломанович:
«Ты премудрый царь Давид Асеевич!
Мне ночесь спалось, во снях виделось:
Как быв у меня в зеленом саду
Вырастало деревцо саха́рнее,
И всем то деревцо изукрашено,
Листьицем оно изнавешено.
Из да́леча-дале́ча чиста́ поля
Налетала птичка малешенька,
Сердцем-тым зла, ногтем востра,
Села на деревцо сахарнее,
Распустила крылья до сырой земли:
Не видать того деревца из-под крыл его».
И проговорит царь Давид Асеевич:

«Царь Антоломан Антоломанович!
Я скажу тебе, попроведаю,
Сам твой я сон тот порассужу:
Не деревцо у тебя вырастало в зеленом саду,
У твоей царицы благоверныя
Будет чадо, едина дочь;
А не птичка налетела из чиста поля,
А у моей царицы благоверныя
Будет чадо, единый сын;
И пройдет времени ровно тридцать лет,
И, може, мой сын на твоей дочери женат будет».

БРАТ ЖЕНИЛСЯ НА СЕСТРЕ

На горе, горе
Стоял новый кабачок.
Как во этом кабачке
Удалы́е вино пьют.
Богачи дивуются.
«Не дивуйтесь, богачи!
За всё денежки отдам,
Из кармашка гроша два,
Целковеньких полтора».
— «Верю, верю тебе, пан,
На тебе синий кафтан,
За тебя дочку отдам,
Моя дочка панночка —
Настоящая кралечка».
Во субботу сватали,
В воскресенье венчали.
Приехали от венца,
Давай пива и вина!
Стали бражку распивать,
Стали пана поздравлять:
«Здравствуй, здравствуй, пан,
Откуда ты родиной?»
— «Родиной из Киева,
По прозванью — Карпов сын!»
— «Здравствуй, здравствуй, панночка,
Настояща кралечка!

Откуда ты родиной?»
— «Родиной из Киева,
По прозванью Карпова!»
— «Поди, сестра, в монастырь,
А я пойду в темный лес,
Где бы зверь-ит меня съел».

УГРОЗЫ ДЕВУШКИ МОЛОДЦУ

1

Что не ястреб совыкался с перепелушкою,
Солюбился молодец с красной с девушкою,
Проторил он путь-дорожку, перестал ходить,
Проложил он худу славу, перестал любить.
«Насмеялся ж ты мной, отсмею и я тебе!
Ты не думай, простота, что я вовсе сирота.
У меня ли у младой есть два братца родных,
Есть два братца родных, два булатных ножа.
Я из рук твоих, ног короватку смощу,
Я из крови твоей пиво пьяно наварю,
Из буйной головы ендову сточу,
Я из сала твово сальных свеч налючу,
А послей-то того я гостей назову,
Я гостей назову и сестричку твою,
Посажу же я гостей на кроватушку,
Загадаю что я им да загадочку,
Я загадочку неотгадливую,
Ну, да что ж таково: я на милом сижу,
Я на милом сижу, об милом говорю,
Из милого я пью, милым потчую,
А и мил предо мною свечою горит?»
Вот тут стала сестричка отгадывати:
«А говаривала, брат, я часто тебе,
Не ходи ты туда, куда поздно зовут,
Куда поздно зовут, да где пьяни живут».

2

«Не сиди, девушка, поздно вечером,
Ты не жги, не жги восковой свечи,
И не шей, не шей бра́на полога,
И не трать, не трать пусто золота!
Не спать девушке в этом пологе,
Тебе спать, девушка, во сине́м море́,
Во синем море, на желто́м песке,
Обнимать девушке круты́ берега́,
Целовать девушке сер горюч каме́нь!»
— «Не серди меня, добрый мо́лодец!
Ведь я, девушка, не безродная:
У меня, девушки, есть отец и мать,
Отец и мать, два братца милые.
Я велю братца́м подстрелить тебя,
Подстрелить тебя, потребить душу́.
Я из косточек терем выстрою,
Я из ребрышек полы выстелю,
Я из рук, из ног скамью сделаю,
Из головушки ендову солью,
Из суставчиков налью стаканчиков,
Из ясны́х очей — чары винные,
Из твоей крови́ наварю пива́.
Созову я в гости всех подруженек,
Посажу я всех по лавочкам,
А сама сяду на скамеечку:
«Вы подруженьки, мои голубушки,
Загану́ же я вам загадочку,
Вам хитру́-мудру́, неотгадливу:
Во мило́м живу, по мило́м хожу,
На милом сижу, из мило́го пью,
Из милого пью, кровь милого пью!»
Тут все девицы призадумались,
Одна девица и прирасплакалась.
Эта де́вица была се́стрица.
«Говорила я братцу ми́лому:
Не ходи, мило́й, к девушке в слободу,
Что она тебя ведь совсем сгубит».

КОРОЛЬ И ДЕВУШКА

Ишел братец во служебку, —
И брат сестре приказывает:
«Не ходи, сестра, на вулицу,
Не грай, сестра, с Большим королем!
Большой король насмешник злой».
Вот год прошел — нету мово братца,
Другой прошел — нету родимого.
На третий год мой брат пришел,
Пришел братец со служебки,
Вошел братец в высок терем.
В высоку тереме колыбель висит.
Висит колыбель малёшенька,
Да висит колыбель малёшенька,
Лежит дитя дробнёшенько.
Подошел братец, он стал качать:
«Баю, баю, мое дитятко,
Баю, баю, чадо милое!
Я не знаю, как тебя назвать
По батюшке и по матушке?»
— «Я по матушке — млад ба́рченок,
А по батюшке — тата́рченок.
А мой отец Большой король,
Большой король, насмешник злой.
Моя матушка — душа Аннушка».
Пошел братец во комнатку, —
Да во комнатке сестра сидит,
Русая коса растрепанная,
Ее локонцы по плечушки.
Взял братец сестру за косу,
Да взял . . . .
«Не руби мне, братец, во горенке,
Отруби мне, братец, на вулице,
Чтобы всем было на ди́вище,
Большому королю на позорище,
Что отрубил братец сестре голову».

ДОНЯ

У ворот, у ворот,
Ой у дубовых,
У ворот сосна расшаталась,
Белая Донюшка разыгралась
И расплясалась.
А воеводский сын
На крылецу стоит,
Поиграть велит:
«Ты поиграй, Донюшка,
Ты поиграй, белая.
Я тебя, Донюшка,
За себя возьму
Али за сына».
Белая Донюшка испужалася.
И пристрашилася,
Об сыру землю ударилась,
Об сыру землю, об горюч камень.
Со вечеру попа просила,
Ко полуночи переставилась,
Ко белой заре хоронить несут.
Воеводский сын вперед идет,
Он сам вперед идет,
Пук свечей несет,
Он идет-идет, остановится,
С ней распро́стится:
«Ты прощай, Донюшка,
Ты прощай, белая.
Вот твоя душа
Чисто в рай пошла,
А твои грехи
Все на мне пали».

КАЗАК ЖЕНУ ГУБИЛ

1

На заре было, на зорюшке,
На заре было на утренней,
На восходе было солнца ясного,

На восходе денечка прекрасного,
Случилося младцу мимо саду ехати,
Мимо садику зеленого, мимо терему высокого,
Да случилось младцу в саду голос слышати:
Как муж-то жену журил-бранил и убить грозил,
Как жена-то мужа уговаривала:
«Ты муж, мой муж, ты законный друг!
Ты не бей меня рано с вечера,
Ты убей меня во глуху полночь:
Наши деточки будут крепко спать,
Ничего-то они не будут знать!»
Поутру рано деточки проснулися,
Про родимую матушку встренулися:
«Наша матушка есть убитая,
Гробовой доской есть закрытая!
Найдите же, тучи грозные!
Гряньте же, громы громкие!
Разбейте вы гробову доску!
Встань, проснись, родимая матушка!»

2

Как у Дунюшки у голубушки
Лицо белое, набелёное,
Щечки алые разгораются,
Глаза черные, развеселые,
Брови черные, наведёные,
Ее буйная головка гладко чесана,
Ее русая коса мелко плётена,
Во русой-то ли косе лента алая,
Лента алая, Дуня — девка нравая.
Кто бы Дуню полюбил, тот счастливый был,
А от Дунюшки отстал, разбессчастный стал.
Середи поля, поля чистого,
У колодичка было у глубокого,
Что у камешка было у горючего:
Не донской-от ли казак воду черпает,
Воду черпает, он коня поит.
Не коня казак поит — муж жену губит.
Ему женушка возмолилася,
В праву ноженьку поклонилася:
«Уж ты муж ли мой муж, ладо милое!

Не губи-ко ты меня рано с вечера,
Погуби-ко ты меня со полуночи,
Когда милые дети спать улягутся,
Милы детушки спать улягутся,
Спать улягутся, успокоются,
Поутру рано встают, порасплачутся,
Порасплачутся, — матки хватятся:
«Уж ты тятенька! Где же наша маменька?»
— «Ваша маменька во сыром бору,
Во сыром бору берет ягоды!»
— «Наша маменька берет ягоды!
Мы пойдем, братцы, мы покличемте...
Уж ты тятенька! Где же наша маменька?»
— «Ваша маменька в новой горнице
Баско рядится, в гости ладится».
— «Мы пойдем, братцы, мы посмотримте...
Уж ты тятенька, где же наша маменька?»
— «Вы не плачьте-ко, милы деточки,
Приведу я вам молодую мать,
Я состою вам нову горницу».
— «Ты сгори, сгори, нова горенка,
Ты помри, помри, молодая мать,
Ты восстань, восстань, родимая мать!»

ЯМЩИК ЖЕНУ ГУБИЛ

Удалой ямщик коня поил,
Коня поил, сам думу думает:
«Как убить мне молоду жену?»
Жена мужу возмолилася,
Ему в ноженьки поклонилася:
«Ты не бей меня, муж, со вечера,
Ты убей меня со полуночи:
Малы детушки спать улягутся,
Все соседушки поразоспятся,
Ты снеси меня на болотинку,
Положи меня под колодинку!»
Пробуждаются малы детушки.
«Родной батюшка, где наша матушка?»
— «Ваша матушка в новой горнице,

В новой горнице бело моется,
Бело моется, в гости рядится».
Пошли детушки в нову горницу...
Расплачутся малы детушки:
«Родной батюшка, где наша матушка?»
— «Ваша матушка в божьей церкви,
В божьей церкви богу молится,
Богу молится, низко кланяется».
Пошли детушки в божью церковь,
Не нашли своей родной матушки.
«Родной батюшка, где наша матушка?»
— «Ваша матушка на болотинке,
На болотинке, под колодинкой».
Пошли детушки на болотинку,
Нашли свою родную матушку,
Все волосушки порастрепаны,
Белая грудь пораздавлена.
Повинился тут удалой ямщик,
Бит кнутом был и в Сибирь пошел.

МОЛОДЕЦ В ТЕМНИЦЕ

1

Как загу́лил голубочек
Рано на заре,
Заплакали новобранцы,
Стоя во строе.
«Ох вы братцы-новобранцы,
Вы товарищи!
Отъезжайте в чужу дальню сторону,
Вы скажите батюшке родному моему,
Чтобы батюшка своих волов избывал,
Из неволи свово сына выручал».
— «На что было б мне своих волов
избывать,
Из неволи свово сына выручать?»
Как загу́лил голубочек
Рано на заре,
Заплакали новобранцы,
Стоя во строе.

«Ох вы братцы-новобранцы,
Вы товарищи!
Отъезжайте в чужу дальню сторону,
Вы скажите моей матушке родной,
Чтобы матушка свою перинушку избыла,
Из неволи свово сына выручала».
— «На что б было мне свою перину избывать,
На что б было из неволи свово сына выручать?»
Как загу́лил голубочек
Рано на заре,
Заплакали новобранцы,
Стоя во строе.
«Ох вы братцы-новобранцы,
Вы товарищи!
Отъезжайте в чужу дальню сторону,
Вы скажите мому братцу родному,
Чтобы братец своих ко́ней избывал,
Из неволи свово братца выручал».
— «На что б было мне своих ко́ней избывать,
На что б было мне свово братца выручать?»
Как загу́лил голубочек
Рано на заре,
Заплакали новобранцы,
Стоя во строе.
«Ох вы братцы-новобранцы,
Вы товарищи!
Отъезжайте в чужу дальню сторону,
Вы скажите моей молодой жене,
Чтобы женушка свое злато-се́ребро избыла,
Из неволи свово мужа выручала».
— «Стану я свое злато-се́ребро избывать,
Из неволи свово мужа выручать!
Я не думала ни о чем в свете тужить,
Пришло время, — начало́ сердце крушить:
Злы люди примечают
И ругают и бранят!»

2

Ты воспой, воспой, млад жавороночек,
Сидючи весной на проталинке,
Распотешь ты нас, добрых молодцев,

Добрых молодцев, людей бедныих,
Людей честныих, поволжскиих!
Негде нам, молодцам, обогретися:
Все темны́ леса прирублены,
Все чисты́ поля припаханы,
Все товарищи на волюшке,
Один Ванюшка в неволюшке!
Сидит Ванюшка во темной тёмнице,
Что во каменной Москве,
За той стеной белокаменной.
Сидя Ванюшка слезно плачет он,
Пишет грамотку к отцу, к матери,
Не пером пишет и не чернилами —
Пишет Ванюшка горючьми слезми:
«Государь ты мой, родной батюшка!
Государыня, моя родна матушка,
Пожалейте-ка меня, постарайтесь обо мне!»
Как отец и мать отказалися:
«У нас таких воров в роду не было,
Таких воров не было и разбойничков».
Ты воспой, воспой, млад жавороночек,
Сидючи весной на проталинке,
Распотешь ты нас, добрых молодцев,
Добрых молодцев, людей бедныих,
Людей честныих, поволжскиих!
Негде нам, молодцам, обогретися:
Все темны́ леса прирублены,
Все чисты́ поля припаханы,
Все товарищи на волюшке,
Один Ванюшка в неволюшке!
Сидит Ванюшка во темной темнице,
Что во каменной Москве,
За той стеной белокаменной.
Сидя Ванюшка слезно плачет он,
Пишет грамотку к молодой жене,
Не пером пишет и не чернилами —
Пишет Ванюшка горючьми слезми:
«Государыня, моя молода жена!
Пожалей-ка меня, постарайся обо мне!»
Как и молода жена отказалася,
Отказалася, отступилася:
«У нас таких воров в роду не было,

Таких воров не было и разбойничков,
А еще ж я, Ванюшка, боюсь отца-матери,
Опасаюся людей добрыих».
Ты воспой, воспой, млад жавороночек,
Сидючи весной на проталинке,
Распотешь ты нас, добрых молодцев,
Добрых молодцев, людей бедныих,
Людей честныих, поволжскиих!
Негде нам, молодцам, обогретися:
Все темны леса прирублены,
Все чисты поля припаханы,
Все товарищи на волюшке,
Один Ванюшка во неволюшке!
Сидит Ванюшка во темной темнице,
Что во каменной Москве,
За той стеной белокаменной.
Сидя Ванюшка слезно плачет он,
Пишет грамотку к красной девице,
Не пером пишет и не чернилами —
Пишет Ванюшка горючьми слезми:
«Ты душа ль моя, красна девица,
Моя прежняя полюбовница!
Выкупай, выручай добра молодца,
Своего прежнего полюбовничка!»
Как возговорит красна девица:
«Ах вы нянюшки, мои мамушки,
Мои сенные верные девушки!
Вы берите мои золоты ключи,
Отмыкайте скорей кованы ларцы,
Вы берите казны сколько надобно,
Выкупайте скорей добра молодца,
Моего прежнего полюбовничка».

МОЛОДЕЦ, СЛУГА И ДЕВИЦА

Ой ты наш батюшка тихий Дон,
Ой, что же ты, тихий Дон, мутнехонек течешь?
— «Ах, как мне, тиху Дону, не мутному течи!
Со дна меня, тиха Дона, студены ключи бьют,
Посередь меня, тиха Дона, бела рыбица мутит,

Поверх меня, тиха Дона, три роты прошли:
Ай, первая рота шла — то донские казаки,
Другая рота шла — то знамена пронесли,
А третья рота шла — то девица с молодцом.
Молодец красну девицу уговаривает:
«Не плачь, не плачь, девица, не плачь, красная моя!
Что выдам тебя, девица, я за верного слугу;
Слуге будешь ладушка, мне — миленький дружок,
Под слугу будешь постелю стлать, со мной вместе спать».
Что взговорит девица удалому молодцу:
«Кому буду ладушка, тому — миленький дружок,
Под слугу буду постелю стлать, с слугой вместе спать!»
Вынимает молодец саблю острую свою,
Срубил красной девице буйную голову,
И бросил он ее в Дон во быструю реку.

УДАЛОЙ ГРЕЧИН

А-ой да вдоль, вдоль по улицы,
Вдоль по широкой
Удаленький добрый молодец,
Молодец идет,
Молодец идет.
Вот и как навстречу да ему,
Доброму молодцу,
Родимая ему мамушка,
Мамушка идет,
Мамушка идет:
«Ой да уж ты чада моя,
Чада милая!
Ты скажи жа, расскажи мене,
Чадушка моя,
Чадушка моя,
Ой да отчего то ли, почему,
Чада милая,
Не бел жа ты, не румян,
Не бел ходишь, не румян,
Не бел ходишь, не румян?»

— «Ой да государыня моя,
Ты родимая,
Родимая моя мамушка,
Жалкая ты моя,
Жалкая ты моя.
Ой да не тебе, моя маменька,
Было б спрашивать,
Не мене жа, мене молодцу,
Да не мне бы сказывать,
Да не мне бы сказывать:
Ой да ну служил-то я, молодец
Разудаленький,
На чужой дальней сторонушки —
Гречецкой земле,
Гречецкой земле, —
Ой да приобычился молодец,
Ну, привадился
К раздушечке красной девочке,
К гречаночке ко своей,
К гречаночке ко своей.
Ой да как велела мне девочка
Вот мне, молодцу,
Да к ней в гости поздно вечером,
В гости к ней притить,
В гости к ней притить!
Ой да не дождамши я, молодец,
Поры-времечка,
Пошел жа я, добрый молодец,
К сударушке ко своей,
К сударушке ко своей.
Ой да увидал мене, молодца,
Удалой гречи́н,
Перхватил жа разудаленький
Середи свово двора,
Середи свово двора,
Ой да как поднял мене, молодца,
Выше буйной головы,
Ну и вдарил об сыру землю
Животом-сердца моим,
Животом-сердца моим.
Ой да вот со той-то бяды
Добрый молодец,

Со того ли со несчастьица
Не бел хожу, не румян,
Не бел хожу, не румян, —
Ой да присушило мои
Кудри черные
Ко буйной моей головушке
Да к неудачливой!»

КНЯЗЬ ВОЛКОНСКИЙ И ВАНЯ-КЛЮЧНИК

1

В каменной Москве у князя у Волконского
Тут живет-поживает Ваня-ключничек,
Молодыя-то княгини полюбовничек.
Ваня год живет, другой живет, князь не ведает;
На третий-то на годочек князь доведался,
Через ту ли через девушку через се́нную,
Через сенную да через самую последнюю.
Закричал же князь Волконский зычным голосом:
«Уж вы слуги, мои слуги, слуги верные!
Вы сходите, приведите Ваню-ключника!»
И стал же князь Ванюшу да выспрашивати:
«Ты скажи, скажи, Ванюша, скажи правду всю:
Ты который год с княгиней во любви живешь?»
На перво́й-от раз Ванюша не покаялся.
Он выспрашивал Ванюшу ровно три часа.
Что и тут-то наш Ванюша не покаялся.
Закричал же князь Волконский громким голосом:
«Вы слуги ли, мои слуги, есть ли верные?
Вы ведите-ка Ванюшу на конюшный двор!»
Повели же ведь Ванюшу широки́м двором.
На Иванушке сибирочка пошумливает,
Александрийская рубашка ровно жар горит,
Козловы́ новы́ сапожки поскрипывают.
У Иванушки кудёречка рассыпаются,
А идет-то сам Ванюша — усмехается.
Привели же ведь Ванюшу на конюшный двор,
Там и начали Ванюшеньку наказывати.
Александрийская рубашка с телом смешана,

Казимирова сибирочка вся изорвана,
Русые кудеречки прирастрепаны,
Козловы новы сапожки крови полные.
Закричал же наш Ванюша громким голосом:
«Уж ты барин ли наш барин,
Ты Волконский-князь!
Поставлено зеленó вино — кто не пьет его?
Приготовлены закусочки — кто не кушает?
Как у нас-то со княгиней было пóжито,
Виноградных вин с княгиней было пóпито,
Приготовленных закусочек покушано!»
Закричал же князь Волконский громким голосом:
«Уж вы слуги, мои слуги, слуги верные!
Вы копайте-ка две ямы, две глубокие,
Становите-ка вы два столба, два высокие,
Перекладинку кладите вы кленовую,
Привяжите-ка вы петельку шелковую
И повесьте тут Иванушка-изменника,
Молодыя-то княгини полюбовника!»
Что Иванушка во петельке качается,
А княгиня-то во тереме кончается.

2

Середи-то было торгу-ярманки,
Большого базарику,
Прибесчестил вот бы князь Волконский,
Он красную девочку:
«Ты с чего же вот, красная девочка,
С чего ты худа, бледна,
Ой худа, бледна, красная девочка,
С чего в поясу толста?
Али тужишь ты, чи плачешь,
Али по моем сыну,
По моем ты сыну вот сыночику,
Сыну княжевецкому?»
— «Не тебе-то вот бы, князь Волконский,
Меня, девку, спрашивать,
Не тебе-то вот бы, князь Волконский,
Мне, девочке, сказывать.
Ты гляди-ка, гляди, князь Волконский,
За своей княгинею, —

Не живет ли всё твоя княгинюшка
Она с Ванькой-ключником,
Как со Ванюшкой со тем со ключничком,
Со твоим разлучничком!»
Вот и тут-то было князь Волконский
Крепко призадумался:
«Ну скажи же мне, красная девочка,
От кого ты слышала?»
— «Уж ни от кого-то я да не слышала,
Сама, девка, видела.
Довелося мне, красной девчоночке,
Ехать мимо терему,
Лучило́ся вот, красной девчоночке,
В окошечко глянути, —
Как твоя-то молода княгинюшка
На перинах нежится,
А и твой-то, вот бы, Ванька-ключничек
За белу грудь держится!»
Ускричал бы тут наш князь Волконский,
Скричал громким голосом:
«Уж вы слуги мои, вот бы, слуги верные,
Ай слуги примерные!
Да берите же вы, мои слуги верные,
Лопаты железные,
Да вы ройте же вы, слуги, ройте вы
Две ямы глубокие,
Урывайте же вы, слуги верные,
Столбочки высокие,
Да и вешайте же вы, мои слуги,
Всё рели шелко́вые,
Да берите же вы, вот бы, мои слуги,
Ваньку под белы руки!»
Ускричал-то, сгичал Ваня-ключничек,
Сгичал звонким голосом:
«Ну и тут-то было у нас по́пито,
Тут было поедено,
Да за белые-то, вот, груди высокие
Княгинючку держано!»
Вот и было у нас, — Ваня-ключничек
На релях качается,
А его-то молода княгинюшка
При смерти кончается.

ПОХИЩЕНИЕ ДЕВУШКИ

1

Во славном было городе Кронштате,
Гостиный сын по улице гуляет,
И он носит красно золото на цевке,
Окатистый крупный жемчуг на атласе.
Из высокого из нового терема
Увидела душа красна девица.
«Ах ты душечка удалый добрый молодец!
Ты продай, продай красно золото на цевке,
А окатистый крупный жемчуг на атласе!»
Да что взговорит удалый добрый молодец:
«Ах ты душечка-душа красна девица!
Красно золото на цевочке не чисто,
А окатистый крупный жемчуг не крупен.
Приходи, красна девица, к синю морю,
Ко тому ли ко хорошему кора́блю,
Как во городе люди приумолкнут,
А в тереме свечки приутухнут,
И батюшка с матушкой спать лягут».
Красна девица по светлице ходила,
Она буйну свою голову чесала,
Русую свою косу заплетала.
Пошла красна девица к синему морю,
Ко тому ли ко хорошему кораблю.
Гостиный сын по бережку гуляет,
Он душу красну девицу дожидает.
Принимает красну девицу под ручки,
Берет ее за золоты за перстни.
Повели красну девицу во кораблик,
Посадили красну девицу на стулик,
Подносили красной девице сладкой водки,
Напоили красну девицу допьяна.
Поизволила девица почивати
У гостиного у сына на кровати.
Гостиный сын по кораблику гуляет,
Молодым матросам повелевает:
«Ах вы свет мои бурлаки молодые!
Вы отвязывайте кораблик, не стучите,
Душу красную девицу не будите!»

Середи моря девица пробудилась,
Пробудившися, девица стала плакать:
«Ахти, я перед богом согрешила,
Отца и мать навеки прогневила!»
Гостиный сын по кораблику гуляет,
В звончаты свои гуселички играет,
Он душу красну девицу забавляет:
«Ты не плачь, не плачь, душа красна девица!
Уж как бог нас донесет с тобой в наш город,
И я буду просить у батюшки благословленья
На тебе, на красной девице, жениться.
Как станем мы с тобой жить во любови,
Отпущу тебя к твоему батюшке побывати,
На своей тебе сторонушке погуляти».

2

Не вечерняя заря, братцы, приутухла,
Полунощная звезда, братцы, восходила.
Что во славном было городе Казани,
Что на крутеньком на красном бережочке,
Что на желтом на сыпучем на песочке,
Тут не черные вороны солетались —
Собирались понизовые бурла́ки,
Они думали крепкую думушку заедино:
«Ах, состроим мы, ребятушки, гребной стружок,
И поделаем заключинки кленовые,
Изнавесим мы веселочки ветловые,
Что мы грянем, ребятушки, вниз по Волге,
Остановимся, ребятушки, среди Волги,
Супротив того стольникова дому!»
Что у стольничья приказчика дочь хоро́ша,
Что просилася дочь у батюшки погуляти:
«Ай, пусти, пусти меня, батюшка, погуляти,
Понизовых-то бурлаков поглядети!»
Понизовые бурлаки злы, лукавы,
Напоили красну девицу допья́на.
Уж как та ли красна девица уснула
У повольского атамана на коленах.
Да что взговорит повольской атаман:
«Что мы грянемте, робятушки, вниз по Волге,
Чтобы не было от стольника погони!»

Ото сна ли красна девица пробудилась,
И за-очи с отцом, с матерью простилась:
«Ты прости, прости, мой батюшка родимый!
Ты скажи от меня матушке челобитье!»

3

Ой, при торгу́-то было при широким,
Было при базару,
Ой, там ходила одна да гуляла
Она красная девочка.
Ой, дорогого себе да товарику
Девка накупляла.
Ой, накуплёмши она да товарику,
Сама с торгу едет.
Ой, как навстречу-то ей, красной девочке,
Сын Гусе́лев едет.
Ой, сын Гуселев-то вот добрый молодец,
Сам-то был разбойничек:
«Ой, да бог помочь тебе, красная девочка, —
Здоров с торгу едешь?»
— «Ой, да спаси-те Христос, добрый молодец, —
Здоров пьешь и гуляешь?»
— «Ой, да пойдем-ка с тобой, красная девочка,
На мой на кора́белик:
Ой, на моем-то было на кораблички
Чего твоей душе угодно.
Ой, хоть и злата возьми, красная девочка,
Возьми же хоть се́ребра.
Ой, а и мало тебе, красная девочка,
Возьми цветного шелку!»
Ой, как манил-то, сманил красную девочку
На свой на корабель.
Ой, да никто-то, никто красную девочку
Со двора не провожает.
Ой, провожал же ее, красную девочку,
Да свой глупый разум.
Ой, как сманимши ее, добрый молодец
Напоил ее пьяною.
Ой, напоимши ее, красную девочку,
Да и спать положили.

Ой, положимши ее, красную девочку,
Корабь в море отпустили.
Ой, как очнулась она, красная девочка,
Серёд синего моря,
Ой, да бросалась она, красная девочка,
Во синее море.

УСТИНЬЯ

Как сватался су вор Янька
Пять лет на Устинье,
Пять лет на голубке,
Не мог ее достати,
Не мог доступити.
Пошел-то вор Янька
К девушкам голубкам,
Устиньиным подружкам:
«Уж вы девушки голубки,
Устиньины подружки!
Я вам дам по златнице:
Выманите Устинью
В Марьинскую рощу!»
Пошли-то девушки,
Пошли-то красные
К бабушке-старушке,
Устиньиной мачке.
Устиньина мачка
На печке сидела,
Бабушка-старушка
Чуть их опознала.
«Спусти, спусти, бабушка,
Спусти, спусти, сударыня,
Свою-то Устинью
В Марьинскую рощу
С нами погуляти,
В хороводе поплясати!»
Как сговорит-промолвит
Устиньина мачка:
«Моя-то Устинья,
Моя-то голубка
Нигде не бывала,

Людей не видала!»
Устинья во сенях
Голову чесала,
Косу заплетала.
Надевала Устинья
Понизову юбку,
Штофну душегрею.
Пошли-то подружки,
Пошли-то голубки
Во Марьинскую рощу.
Надевал-то вор Янька
Понизову юбку,
Штофную душегрею,
Жеребьи бросали,
Попарно плясали.
Приходилось Устинье,
Приходилось голубке
С московскою гостьей.
Как сговорит Устинья,
Как сговорит голубка:
«Что это за гостья,
Что за московка?
Как барская хилка,
Как су вор Янька!»
Как сговорит вор Янька,
Взговорит Устинье:
«Пойдешь ли за меня замуж?»
Как взговорит Устинья,
Как взговорит голубка:
«Я что себе не прийму, —
За тебя замуж не пойду!»
Как вынимает вор Янька
Ножичек булатный,
Убивает Устинью,
Убивает голубку.
Приходят подружки,
Приходят голубки
К Устиньиной мачке:
«Бабушка-старушка!
Твоя-то Устинья
Кровию венчалась,
На ноже обручалась».

ПАРАНЯ

Как пошла наша Параня
С горы на гору гулять,
С горы на гору гулять
Яровое зажинать.
Она первый сноп нажала,
Алой лентой перевязала,
А другой сноп нажала,
Голубою перевязала,
А как третий сноп нажала,
За милы́м дружком бежала.
Как рассукин сын Ванюша
Он догадлив был,
Во перед забежал,
Под кустиком простоял,
Он Параню дожидал.
Как схватил-то он Параню
Поперек живота,
Как ударил он Параню
Об сырую мать землю;
Как насилушка Паранюшка
Опомнилася.
Как пошла наша Параня
Вдоль, вдоль по меже,
Навстречу Паране
Сударь батюшка идет:
«Отчего у тебе, Параня,
Растрепана коса,
Подбитые глаза?»
— «Сударь батюшка родимый,
Головка болит,
Сердечко щемит!»
Как и с вечера Параня
Переможилася,
С полуночи Параня
Причастилася,
К белу свету Параня
Переставилася.
Да и солнца на восходе
Хоронить понесли.
Да во городе в Орле

Во большой колкол звонят,
Знать, Парашу хоронят.
Рассукин сын Ванюша
Он догадлив был,
Во перед забежал,
На паперти простоял,
Воскову свечу держал,
Знать, Параню дожидал.
Он гробницу открывал,
Полотенцо подымал,
Он Параню целовал:
«Ты прости, прощай, Параня,
Прости, сердце мое!
Не досталася Параня
Ни мне, никому,
Ни злодею моему,
А досталася Параня
Сырой матери земле,
Гробовой доске.
Я хотел пошутить,
Да и до смерти убил!»

ДЕВУШКА И АДЪЮТАНТ

Уж как на лугах, лужечиках на зеленых,
На зеленых лужечиках на царевых,
Что не беленькие лебедушки солетались,
Собирались души ли красны девицы,
Что во нижние во лагери погуляти,
Адъютантских новых палатушек посмотрети.
В адъютантских новых палатах сидят солдаты,
Они думали крепкую думушку за едино,
Заманили их, красных девушек, во палаты,
Что пивцом-винцом красных девушек поили.
Еще все ли красны девицы не упивались,
Что одна из них красна девица упилася,
Приупившись, красна девица приуснула
Что у младого адъютанта на коленях.
Что не белая лебедушка стрепеталась —
От крепкого сну красная девица пробуждалась,

Что горючими слезами умывалась,
Что русой косой красна девица утиралась,
Во слезах она, красная девица, говорила:
«Уж я тяжко перед богом согрешила,
Уж я батюшку и матушку прогневила,
Весь и род-племя красна девица посрамила,
Что себя ли красна девица в стыд вронила,
Уж я младого адъютанта полюбила!»
Полюбивши, красна девица слезно плачет.
Во слезах она, красна девица, говорила:
«Мне ль за ветром в чистом поле не угнаться!
Что со вечера солдатам поход сказан
Что ко славному ко городу Кенизборгу,
Что на ту же на прусскую на границу!»

МУЖ-СОЛДАТ В ГОСТЯХ У ЖЕНЫ

Вы солдатики-уланы,
У вас лошади буланы!
Уж и где же вы, уланы,
Где вы были-побывали?
«Под Можайским воевали,
Мы Москвою проезжали,
Калин мостик перьезжали,
Во слободку заезжали,
У вдову́шки становились,
Просилися ночевати:
«Ты вдова, вдова Наталья!
Укрой, вдова, темной ночи,
Пусти, вдова, ночевати,
Ночевати, простояти!
Нас немножко, не маленько —
Полтораста нас на ко́нях,
Полтретьяста пешеходов».
А вдовушка не пущала,
Воротички запирала,
Солдатушкам отвечала:
«У меня дворик маленек,
А горенка невеличка,
А детушек четверичка!

И горенка не топлёна,
И щи с кашей не варёны!»
А мы силой ворвалися,
Во горенку вобралися,
Расселися все порядком:
Пешеходы — все по лавкам,
А конница — по скамейкам,
А большой гость впереди сел,
Впереди сел, под окошком.
А вдова стоит у печки,
Поджав свои белы ручки
Ко ретивому сердечку.
Стоит она, слезно плачет,
А большой гость унимает:
«Не плачь, вдова молодая!
Ты давно ль, вдова, вдовеешь,
Давно ль, горька, сиротеешь?»
— «Я живучи в горе забыла».
— «Уж и много ль, вдова, деток?»
— «У меня деток четверичка:
Три сыночка, одна дочка».
— «Уж и много ль, вдова, хлеба?»
— «У меня хлеба осьмина».
— «Уж и много ль, вдова, денег?»
— «У меня денег полтина».
— «Подойди, вдова, поближе,
Поклонися мне пониже,
Ты скинь, вдова, с меня кивер:
Во кивере есть платочек,
Во платочке узелочек,
В узелочке перстенечек,
Не твово ли обрученья?»
Как вдовушка догадалась
И на шеюшку бросалась,
Горючими слезьми заливалась,
Во новы сени выходила,
Малых детушек будила:
«Вы вставайте, мои детки,
Вы вставайте, мои малы!
Не светел-от месяц светит,
Не красное солнце греет —
Пришел батюшка родимый!»

А большой гость отвечает:
«Не буди ты малых деток!
Я пришел к вам ненадолго —
На один я вечерочек,
На единый на часочек!»

СОПЕРНИЦЫ

У лесика, у лесика у дремучего,
У ключика, у ключика у текучего,
Удалой донской казак свел коня поить.
Напоимши, он добра коня стал выглаживать,
Стал выглаживать, охорашивать,
Своему добру коню стал наказывать:
«Уж ты стой-ка, мой конь, стой до той поры,
Стой до той поры — до бело́й зари,
До белой зари, вплоть до солнышка!
Когда красно солнышко высоко взойдет,
Молодая шельма-вдовушка платье мыть пойдет,
Разлапушка красна девица за водой придет».
Как душа ли красна девица за водой сошла,
Размахнула она ведерочками широкохонько,
Почерпнула голубенькими глубохонько,
Почерпнувши, ведерочки прочь отставила,
С удалым добрым молодцем речи баяла.
Молодая шельма-вдовушка ей пригро́зила:
«Не ходить тебе, девушка, по белу́ свету,
Не носить тебе, девушка, платья цве́тного,
Не любить тебе, девушка, парня бравого!»
Через силу девушка ведры по́дняла,
Через велику моченьку до двора дошла.
Родимая ее матушка вышла, встретила:
«Милое мое дитятко, или где была,
Или где была, или что пила?»
— «Родимая моя матушка, нигде не была,
Нигде не была, ничего не пила,
С молодой только вдовушкой порассорилась».
Со вечера красна девушка разгасилася,
Ко полуночи красна девушка причастилася,
На белой заре красна девушка переставилась,

За обеденьку красну девушку хоронить несут.
Наперед красной девушки идет поп с дьяконом,
Позади красной девушки идет отец с матерью,
По правую сторонушку подружки идут,
По левую сторонушку — добрый молодец:
Идет добрый молодец, спотыкается,
Горючими слезами обливается.
Молодая вдовушка у ворот стоит — улыбается:
«Согнала я девушку со бела света во сыру землю!»

МОНАШЕНКА – МАТЬ РЕБЕНКА

1

Во городе во Москве
Случилася беда не маленькая:
Молоденькая монашенка
Дитё родила,
Ночкой темненькой
В Москву-реку снесла,
Забросила в Москву-реченьку.
Подметили рыбаченьки,
Закинули шелков невод.
Не поймали они белу рыбицу,
Поймали они дитё малое,
Принесли его в Москву-город.
«И беда эта монастырская», —
Сказала игуменьша.
Игуменьша испугалася,
Испугалася, сгоревалася.
Посылает она во зеленый сад,
В зеленым саду цветов набрать —
Всем монашенькам из живых цветов
Венки повить.
Положила игуменьша всем монашенькам
Венки на головушку.
Приударили в большой колокол,
Всех монашенек в собор ведут.
У всех монашеньков венки цветут,
На молоденькой монашеньке
Венок повял.

2

Раз молоденька монашка
Малюточку родила,
Спородивши малюточку,
Ручки, ножки связала,
Посвязавши ручки с ножкам,
В Шексну-речку бросила.
Она бросила во реченьку,
Домой пошла.
Попадали ей навстречу
Два охотничка,
Да рыболовничка.
Поймали эту малюточку
Шелковым неводком,
Понесли эту малюточку
Ко игуменье в дом.
Игуменьша молодая
Всех монашек собрала,
Собравши всех монашек,
Становила во кружок
И давала всем монашкам
По алому цветку.
Как у всех монашек
Во руках цветы цветут,
У одной ли-то монахини
Во руках цветок повял.
Не ходила ли черноброва
По трактирам, кабакам,
Не пила ли чернобровая
Зелена вина стакан,
Не любила ли чернобровая
Богатого купца?

ОБМАНУТАЯ ДЕВУШКА

Не велела мне матушка
Мне белиться, румяниться,
Начерно́ брови су́рмити,
В цветное платье рядитися,

В холостую горницу хаживать,
В холостую, женатую,
С холостыми речь говаривать,
С холостыми и с женатыми.
Я не слушалась матушки,
Я белилась, румянилась,
Начерно́ брови сурмила,
В цветное платье рядилася,
В холостую горницу хаживала,
В холостую, женатую,
С холостыми речь говаривала,
С холостыми и с женатыми.
Обманул меня молодец,
Обманул расканальский сын:
Он сказал, что нет отца, матери,
Уж как нет молодой жены,
Молодой жены с детушками.
Уж как я ль, красна девушка,
На его слова прельстилася,
С вихорем думу думала,
С вихорем я разгадывала.
Он повез на свою сторону,
На дороге всю правду сказал,
Всю правду, всю истинную:
«Не пугайся, красна девица,
Не пугайся, дочь отецкая!
Я хочу тебе всю правду сказать,
Всю правду, всю истинную:
У меня есть и отец и мать,
У меня есть молодая жена,
Молода жена с детушками».
Залилась я, красна девушка,
Я своими горючьми слезами,
Во слезах слово молвила:
«Ты удалый добрый молодец,
Ты зачем же меня обманывал?
Мою молодость подговаривал?»
Он привез на свою сторону.
Как встречает его и отец и мать,
Как встречает молода жена с детушками.
«Ты родимый, родной батюшка!
Я привез вам вековую работницу,

А тебе, родна матушка,
Вековую переменщицу,
А тебе, молодая жена,
Вековую постельницу,
А вам, малым детушкам,
Вековая вам нянюшка,
А себе, добру молодцу,
Вековую разувальницу».
Залилась красна девушка,
Своими горючьми слезами,
Во слезах слово молвила:
«Ты не смейся, добрый молодец!
Я отцу твоему не работница,
А матери не переменщица,
А жене твоей не постельница,
А детям твоим не нянюшка.
Ты удалый добрый молодец!
И ты дай мне ведры дубовые,
И я пойду на Дунай-реку,
На Дунай-реку по воду».
Почерпнула ведры, поставила,
На все стороны помолилася,
С отцом, с матерью простилася:
«Ты прости, мой родной батюшка,
Ты еще прости, государыня матушка,
Еще прощай, добрый молодец».
Уж в первóй-то она взошла
По свой шелков пояс,
А в другой-ат она взошла
По свои могучи́ плеча,
А уж в третий-та она взошла
По свою буйну голову.
Увидал добрый молодец
Со высокого терема,
Со косящатого окошечка,
Закричал он громким голосом:
«Не топись, красна девица,
Не топись, дочь отецкая!
Отвезу тебя на твою сторону,
К твоему ли к отцу, к матери,
К твоему роду-племени».

АБРАМ ГУБИТ ЖЕНУ

Ходил-гулял добрый молодец,
Абрам вдоль по улице.
Наряжал Абрам баб на барщину,
Мужиков-то Абрам — стога метать,
Стога метать барские.
На стогу-то стоит красна девица,
Абрамова любовница.
Красно солнышко закатается,
Все люди домой собираются,
Оставался удал добрый молодец,
Абрам с молодой женой.
В темный лес пошли;
Во лесочке огонь горит калиновый,
Дымок валит малиновый,
Котлы кипят немецкие,
Ножи точат булатные.
Абрама жена упрашиват:
«Ты пусти, Абрам, душу,
Не для меня — для милыих детушек!»
Вот приходит Абрам домой,
Встречают его малы детушки:
«Батюшка, где наша матушка?»
— «Ваша матушка в сыр бор гулять ушла».

ФЕДОР И МАРФА

1

Одна была песня,
Поблюду́ ее к весне:
Поеду весной пахати,
Стану сеять, засевати,
Эту песню распевати.
При широкой, при большой дорожке
Жил-был мужик Марко,
У Марка — сын Федор,
У Федора — жена Марфа.
Просилась Марфа в гости

К своей матери ненадолго,
Ненадолго, на три недельки.
Гостила Марфа неделю, гостила другую,
На третью Марфа стосковалась:
«Ох, матушка, тошно,
Мне, родимая, грустно!»
— «Ты залезь, Марфа, на печку,
Погляди с печи на окошко —
Не едет ли Федор?»
— «Охти, матушка, едет!
Государыня, скачет!»
Подъезжал Федор к воротам,
Стал стукать под окошко,
Стал стукать под другое, —
На двор Марфу вызывает:
«Мы поедем, Марфа, домой —
У нас дома нездорово:
Родной батюшка хворает,
Родна матушка часует;
У сестрицы три подружки —
Дарьюшка, да Марьюшка,
Да Бессоновска Танюшка».
Проводила мати Марфу,
Проводила через поле,
Проводила чрез другое —
На третьем стала распрощаться.
Возговорит Федор:
«Проводи, теща, подале,
Незнай увидишь, незнай нет».
Подъезжает ко воротам:
Лютой свекор дрова рубит,
Люта свекровь избу топит,
У золовки три подружки:
Дарьюшка, да Марьюшка,
Да Бессоновска Танюшка.
«Ты поди-ка, Марфа, топи баню».
— «Постой, Федор, разряжуся».
— «Ты топи во всем наряде!
А куда тебе наряд девати —
Разве дуба наряжати!»
Пошла Марфа топить баню,
Истопила Марфа баню,

Приходит домой:
«Ступай, Федор, в баню!»
— «И ты иди сейчас за мною!»
— «Ступай, Федор, сейчас иду за тобою».
Подошла Марфа к бане,
Отворила Марфа баню —
Сидит Федор, ножик точит.
Резвы ноги подкосились,
Белы руки опустились,
Головушка с плеч скатилась.
Зарезал Федор Марфу,
Схоронил в бане под полочком.
Приходит он из бани,
Дочь у них была невеличка
(Пяти годочков),
Расплакалась, разнежилась:
«Ох ты тятенька, тятенька!
Что нейдет долго маменька?»
— «Что это за мать!
Что за стара, нехороша!
Я тебе возьму мать молодую:
Либо вон Дарьюшку, либо Марьюшку,
Либо Бессоновску Танюшку».
— «Ты умри-ка и Дарьюшка, и Марьюшка,
И Бессоновска Танюшка!
Приди, моя маменька,
Приди, родная, из жаркой бани!»

2

За озерье, да во сторонке,
Да там живет мужик Карпуня,
Да у Карпуньки сын Федюня,
Да у Федюни жена Дуня,
Да там случилися две гостьи,
Да эти гостьи, две Федосьи,
Да одна гостья говорила,
Да вот другая потакала:
«Да ты убей-ка, Федор, Дуню,
Да мы найдем тебе другую».
Да Дуня речи услыхала,
Да скоро в гости отпрошалась:

«Да отпусти-ка, Федор, в гости,
Да отпусти-ка на недельку,
Да отпусти-ка на другую,
Да отпусти, Федя, на третью».
— «Да поезжай-ка, Дуня, с богом», —
Да отвечает Дуне Федор.
Да вот гостит Дуня недельку,
Да вот гостит Дуня другую,
Да вот гостит она и третью.
«Да что собаки-то как лают?
Да поглядите-ка, ребята,
Да вон не мой ли Федор едет?»
Да Федор в лесенку вздыматся,
Да Федор двери отпирает,
Да Федор богу помолился,
Да Федор богу помолился,
Да одной теще поклонился.
«Да мы домой поедем, Дуня,
Да все-то дома нездоровы —
Да свекор-батюшка на печке,
Да свекровь-матка на шесточке,
Да деверья-то все по лавкам,
Да все золовки по залавкам».
Да как пришла Дуня домой,
Да видит дома все здоровы,
Да свекор-батюшка за вязкой,
Да свекровь-матушка за прялкой,
Да деверья все по работам,
Да все золовки по беседам.
«Да затопи-тка, Дуня, баню,
Да вот без чаду, без угару».
— «Да наколи-ка, Федор, дровец,
Да ты без щепок, без осколков».
Да истопила Дуня баню,
Да вот без чаду, без угару:
«Да ты ступай-ка, Федя, в баню».
— «Да ты пойдешь, Дуня, со мною».
Да как подходит Дуня к бане,
Да резвы ножки подломились,
Да белы ручки опустились,
Да голова с плеч покатилась.
Да как пришел Федя из бани:

«Да ты поди-тка, матка, в баню».
Да как подходит матка к бане:
«Да ты чего, Федя, наделал!
Да головешка на трубешке,
Да белы груди на окошке,
Да белы руки на полочке,
Да резвы ноги под порогом,
Да резвы ноги под порогом,
Да тулово ее под лавкой!»

БАЛЛАДЫ ИСТОРИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-БЫТОВЫЕ

АВДОТЬЯ РЯЗАНОЧКА

Подступал тута царь Бахмет турецкиий,
И разорял он старую Казань-город подлесную,
И полонил он народу во полон сорок тысячей,
Увел весь полон во свою землю.
Оставалася во Казани одна жёнка Рязаночка,
Стосковалася жёнка, сгоревалася:
У ней полонил три головушки:
Милого-то братца родимого,
Мужа венчального,
Свекра любезного.
И думает жёнка умом-разумом:
«Пойду я во землю турецкую
Выкупать хотя единыя головушки
На дороги́ хорошие на выкупы».
Царь Бахмет турецкий,
Идучи от Казани от города,
Напустил все реки-озера глубокие,
По дорогам поставил он всё разбойников,
Во темных лесах напустил лютых зверей,
Чтобы никому ни пройти, ни проехати.
Пошла жёнка путем да дорогою:
Мелкие-то ручейки бродом брела,
Глубокие реки плы́вом плыла,
Широкие озера кругом обошла,
Чистые поля — разбойников — о полночь прошла
(О полночь разбойники опочин держат),
Темные леса — лютых зверей — о полден прошла
(О полден люты звери да опочин держат).

Она так прошла да путем да и дорогою,
Пришла-де во землю турецкую,
К царю Бахмы турецкому,
Понизешеньку ему поклонилася:
«Ты батюшка царь Бахмет турецкиий!
Когда ты разорял старую Казань-город подлесную,
Полонил ты народа сорок тысячей,
У меня полонил три головушки:
Милого-то братца родимого,
И мужа венчального,
Свекра любезного,
И пришла я к тебе выкупати хотя единыя головушки
На дорогѝ ли хоть на хорошие на выкупы».
Отвечал ей царь, ответ держал:
«Ты Авдотья жёнка Рязаночка!
Как ты прошла путем да и дорогою?
У меня напущены были все реки-озера глубокие,
И по дорогам были поставлены разбойники,
А во темных лесах были напущены люты звери,
Чтобы никому ни пройти да ни проехати».
Ответ держит ему Авдотья жёнка Рязаночка:
«Батюшка царь Бахмет турецкий!
Я так прошла путем да и дорогою:
Мелкие-то речушки бродом брела,
А глубокие речушки плывом плыла,
Чистые поля — разбойников — о полночь прошла
(О полночь разбойники опочин держат),
Темные леса — лютых зверей — о полден прошла
(О полден люты звери опочин держат),
Я так прошла путем да и дорогою».
Говорит ей царь Бахмет турецкий:
«Ты Авдотья жёнка Рязаночка!
Когда ты умела пройти путем да и дорогою,
Так умей-ка попросить и головушки
Из трех единыя,
А не умеешь ты попросить головушки,
Так я срублю тебе по плеч буйну голову».
Стоючись жёнка пораздумалась,
Пораздумалась жёнка, порасплакалась:
«Уж ты батюшка, царь Бахмет турецкий!
Я в Казани-то была жёнка не последняя,
Не последняя я была жёнка, первая.

Я замуж пойду, так у меня и муж будет,
Свекра стану звать батюшком,
Приживу я себе сына любезного,
Так у меня и сын будет,
Приживу я себе дочку любезную,
Воспою-вскормлю, замуж отдам,
Так у меня и зять будет.
Не видать мне буде единыя головушки,
Мне милого братца родимого,
Да не видать век да и пó веку».
Сижучись-де царь пораздумался;
Пораздумался царь, порасплакался:
«Ты Авдотья жёнка Рязаночка!
Когда я разорял вашу сторону, Казань-город подлесную,
Тогда у меня убили милого-то братца родимого:
Не видать буде век да и пó веку.
За твои-то речи разумные,
За твои-то слова за хорошие
Ты бери полону сколько надобно:
Кто в родстве, в кумовстве, в крестном братовстве».
Начала жёнка ходить в земле турецкия,
Выбирати полон во свою землю.
Она выбрала весь полон земли турецкия,
Привела-де полон во свою Казань-город подлесную,
Расселила Казань-город по-старому,
По-старому да по-прежнему.

ОМЕЛЬФА ТИМОФЕЕВНА ВЫРУЧАЕТ РОДНЫХ

Как была Омельфа Тимофеевна.
У ней есть семья да свой законный муж.
Виноваты они царю православному,
Далеко живут да в дальнём городе,
В дальнём городе, да в славном Питере,
В славном Питере да в каменной стены.
Набират та Омельфа подарочек,

Сорок черных соболей,
Как пошла да ко царю-ту там.
Принесла Омельфа-та подарочки,
Еще сорок черных соболей.
Говорит Омельфа да самому царю:
«Уж ты ой еси, да православной царь!
Уж ты выпусти да мои головы!»
Сговорит Омельфы да православной царь:
«Тебе которого да будет пуще жаль?»
Говорит Омельфа Тимофеевна:
«Я на мужа-то взгляну, дак мне мужа жаль,
Я на сына-то взгляну, дак мне сына жаль,
Я на зятя-то взгляну, дак мне зятя жаль,
Мне-ка всех жальче братца родимого».
Говорит Омельфы да православной царь:
«Еще что будет братца пуще жаль:
И не жить с братом тобе?»
— «Я на Русь выйду, дак и замуж пойду,
По закону буду жить, дак у меня сын будет.
У меня есть дома дочи на возрасте,
Я замуж отдам, дак у мня зять будет.
Не видать мине братца родимого».
Он за те слова да всё за верные
Он и выпустил четыре головы,
Четыре головы да виноваты были,
Виноваты были, — всё простилося.
Говорит Омельфы да Тимофеевны,
Говорит-то ей да всё православной царь:
«Уж ты как же шла да всё темны́ леса?
Как же шла да реки быстрые?
Еще кто у тебя да и товарищ был?
Еще кто у тебя да перевозчики?»
Отвечат Омельфа да Тимофеевна:
«У мня товарищи да горючи́ слезы,
Перевозчички да рыболовщички».
Как пошла Омельфа-та, похвастала:
«Уж я шла одна, да пошла пятеро».

ТАТАРСКИЙ ПОЛОН

1

Воевали татара по три годá,
По три года, по четыре года.
Как поехали оне на зеленые луга
Дел делить — кому девушки, кому денежки.
Одному татарину досталася стара старушенька,
И не может она работы работáть.
Подъезжает татарин ко широкому двору.
Вышла татарочка, встречает его,
Стала татарочка напенивати:
«Ах ты злой татарин, безрасчетиса!
Начто же ты везешь таку старушеньку,
Такую худенькую, такую дряхленькую,
Уж не может она работы работать».
Отвечает татарин татарочке:
«Уж дадим мы ей три работы работать:
Ногам-то дадим колыбель качать,
А рукам-то дадим кожан плести,
А глазам-то дадим гусей пасти».
Посадили старушеньку за зыбоньку.
Вышла татарочка, прислушиватся,
Встала к избяным дверям,
Что станет старушка прибаюкивати?
«Ты баю-спобáю, татарчоночок!
Уж ты по роду да роду русскому
Был бы ты мне да внучоночок:
Твоя мамонька да мне-ка милая дочь,
А твой-ет тятенька был бы зятюшок».
Услыхала татарочка — заплакала:
«По чему, родима мамонька, узнала меня?»
— «Я признала тебя да по белому лицу,
По румяной по щеке».
— «Ты родимая да моя мамонька,
Да начто же меня ты спородила,
Да начто на белый свет пустила?
Где бы ты родила — тут растоптала.
Ты родимая да моя мамонька,
Что ты впрежь не сказалася?
Я бы встрела тебя за воротами,

Не заставила бы тебя работы работать,
Не заставила бы тебя колыбель качать,
Не заставила бы я да кожан плести,
Не заставила бы я да гусей пасти.
Стала бы тебя я поить-кормить
Да на руках носить».
— «Дитятко да мое милое,
Пойдем-ко-ся на свою сторону,
На свою сторону, да на святую Русь».
— «Ты родимая да моя мамонька,
Я радым бы была да радехонька,
Да жалко мне-ка малых детонек».
— «Дитятко да мое милое,
Мы возьмем с собой малых детонек».
— «Милая да моя мамонька,
Злой татарчонко он погонится
И увезет с собой».
— «Ты дитятко да мое милое,
Проводи меня на свою сторону,
На свою сторону, на святую Русь».
И пошла татарочка мать провожать.
Им попалося да три дороженьки торных,
Спрашивает татарочка у матери:
«Куда перва дороженька пошла?»
— «На свою сторону — святую Русь;
А вторая дороженька — к татарину,
А третья дорожка — на круту гору».
И распростилась татарочка с матерью.

2

Как за речкою
Да за Дарьею
Злы татарове
Дуван дуванили.
На дуваньице
Доставалася,
Доставалася
Теща зятю.
Вот повез тещу зять
Во дикую степь,

Во дикую степь
К молодой жене.
«Ну и вот, жена,
Те работница,
С Руси русская
Полоняночка.
Ты заставь ее
Три дел делати:
Перво́е дело —
Куделю прясть,
Другое дело —
Лебедей стеречь,
А и третье дело —
Дитю качать».
Полоняночка
С Руси русская
Она глазками
Лебедей стережет,
А ручками
Кудель прядет,
А ножками
Колыбель колыша́т.
Ох, качает дитя,
Прибаюкивает:
«Ты баю-баю,
Боярский сын!
Ты по батюшке
Зол тата́рченок,
А по матушке
Ты русеночек,
А по роду мне
Ты внученок,
И моих черев
Ты урывочек:
Ведь твоя-то мать
Мне родная дочь,
Семи лет она
Во полон взята.
На правой груди в ней
Есть и родинка,
На лево́й ноге
Нет мизинчика!

Мне бить тебя —
Так грех будет,
Мне детей назвать —
Мне вера не та!»
Услыхали то
Девки се́нные,
Прибежали оне
К своей барыне.
«Государыня
Наша барыня!
Полоняночка
С Руси русская
Она глазками
Лебедей стережет,
А ручками
Кудель прядет,
А ножками
Колыбель колыша́т.
Ох, качает дитя,
Прибаюкивает:
„Ты баю-баю,
Боярский сын!
Ты по батюшке
Зол татарченок,
А по матушке
Ты русеночек,
А по роду мне
Ты внученок,
И моих черев
Ты урывочек:
Ведь твоя-то мать
Мне родная дочь,
Семи лет она
Во полон взята.
На правой груди в ней
Есть и родинка,
На лево́й ноге
Нет мизинчика!
Мне бить тебя —
Так грех будет,
Мне детей назвать —
Мне вера не та!“»

Что стучит-грючит,
По сеням бежит,
По сеням бежит
И дрожа дрожит.
Дочка к матери
Повалилася,
Повалилася
Во резвы́ ноги́:
«Государыня
Моя матушка!
Не спознала тебя,
Моя ро́дная.
Ты бери ключи,
Ключи зо́лоты,
Отпирай ларцы,
Ларцы кованы,
Ты бери казны
Сколько надобно;
Ты ступай-ко, мать,
Во конюшенку,
Ты бери коня
Что ни лучшего,
Ты беги, беги, мать,
На святую Русь».
— «Не поеду я
На святую Русь,
Я с тобой, дитя,
Не расстануся».

3

Отец с сыном на сенокос пошли,
А мила доченька им есть понесла.
«Уж ты, доченька, поди поверши нам зелен стог».
Стояла-то она на зеленом стогу,
Вершила-то она зелен стог.
«Что это, батенька, в поле затуманилось,
Затуманилося в поле, запылилося?
Всё людей везут скованных и связанных,
Связанных всё арканами волося́ными».
— «Уж ты, доченька, слазь-ка с зелена́ стога́,
Пойдемте спрячемтесь во зелен камыш».

— «Уж я, батенька, пересмотрю, перегляжу —
Что это за людей везут?»
А отец с сыном в камыш ушли.
Уж подбегаил же млад татáрченин,
Говорил же он красной девушке:
— «Уж ты, девушка, слазь-ка с зелена стога!»
Бросалась девушка на все на четыре сторонушки,
Опущала она свои ясны очи на сыру землю,
Опущала она свои рученьки на белую грудь.
Уж давал же ей млад татарченин кроваву рану,
Уж сымал же он ее с зелена стога,
Сажаил он ее на своего добра коня,
На добра коня, иноходого.
Повез-то ее во свою землюшку, в азиатскую.
Вводил же ее в свои высокие хоромушки.
«Уж ты будь же мне, девушка, хозяюшкой,
И я тебе, девушка, буду хозяином».
Отдавал же он ей с себя шелкóв пояс,
Отдавал же ей свои золоты́ ключи
И препоручал девушке свои золоты погребцы.
«Уж ты девушка, моя хозяюшка,
Ходи-ка ты в мои любимы погребцы».
Не задолго, не закоротко угождала к ним в полон
Ее родимая милая матушка.
Сажала она ее ногами дитя качать,
Руками же велела куделю прясть,
Глазами же велела гусей пасти.
Дитя качая, говорит родима матушка:
«Уж ты по-русскому млад боярский сын,
А по-татарскому млад татарченин.
Уж твой-то батюшка — мой зятюшка,
А твоя-то мать — мне дочь родна,
А сам ты мне — внученочек!»
Говорит тут доченька таковы слова:
«Уж ты маменька моя родная!
Кабы знала я, кабы ведала,
Не заставила б тебя дитя качать,
Не заставила б тебя куделю прясть,
Не заставила б тебя гусей пасти!»
Тут сажала она ее за дубовый стол,
Становила перед ней яства сахáрные,
Яства сахарные и пойла медвяные.

И стала матушка уговаривать доченьку:
«Пойдем-ка, доченька, убежим домой».
Говорит ей доченька таково слово:
«Нет, матушка, обзавелась я малыми
деточками»,
И говорит мать доченьке таково слово:
«Уж не стану я, доченька, жить у вас,
Отпустите меня в свой дом!»
Уж сажаил ее зятюшка на карего коня,
На карего коня, на иноходого,
Наделял ее золотой казной,
Отправлял ее во свою землю.
Проводили ее они с своего двора.

КОЗАРИН

1

Что у князя́ да у боярина,
У гостя́ да у торгового
Рожалося да две дочери,
И родился одинакой сын,
По имени Козарин Петрович.
На роду Козарина испортили,
От отца от матери отлу́чили,
Отец с матенкой да не возлю́били,
Называли его вором и разбойником,
Всяким же да подорожником.
Вырастал Козарин лет семнадцати,
Поезжал Козарин во чисто́ полё,
Во чисто поле да во раздольице.
Во чисто́м поле да во раздольицы
На дубу сидит да птица вещая,
Птица вещая да ворон черненькой.
Натягал Козарин свой нату́гой лук,
Натугой лук да калену́ стрелу,
Как спрого́ворит да птица вещая,
Птица вещая да ворон черненькой:
«Не стреляй меня, да добрый молодец,
Я скажу тебе да про чисто́ полё,

Про чисто полё да про раздольице.
Во чистóм полú да во раздольицы,
Во раздольицы стоит да бел шатер,
Во шатри девица полудённая,
По имени Марфа Петровна».
Она сама сидит да слéзно плачё,
Плачё она да причитá сидит:
«И кто бы меня да это выкупил,
И выкупил меня да выручил
От трех татар да некрещеные,
От трех собак да неблагословлёные?»
Как спроговорит да добрый молодец:
«Ты садись, девúца, на добрá конń,
Ты поедем, девица, во чистó полё,
Во чисто полё да во раздольице».
Садилась девица на добра коня,
Говорила девица дóбру молодцу:
«Ты поедем-ко, да добрый молодец,
Ко божьей церкви да повенчаемся,
Злаченым перстнём да поменяемся».
Как спрогóворит да добрый молодец:
«У нас ведь на Руси не водится,
Брат-от на сестры не жóнится».
Слазúла девица со добра коня,
Поклон далá да до белы́х грудéй,
Другой дала до шелковá поясá,
Третьéй дала да до сырой земли:
«Спасибо, брателко, родимой мой,
Выкупил-то меня, выручил
От трех тотар да некрещеные,
От трех собак неблагословлёные».

2

Из-за славное матки Кубань-реки
Подымалася сила татарская,
Что татарская сила, бусурманская,
Что на славную матку святую Русь,
Полонили матку каменну́ Москву.
Да доставалася девица трем татаринам,
Трем татаринам девица, бусурманинам.

Как первой-от говорил таково слово:
«Я душу красну девицу мечом убью».
Второй-от говорил таково слово:
«Я душу красну девицу копьем сколю».
Третей-от татарин говорил таково слово:
«Я душу красну девицу конем стопчу».
Как из да́леча, далёча из чиста́ поля́
Что не ясён сокол в перелет летит,
Что не серой-от кречет воспархивает —
Выезжает удалый доброй молодец.
Он первого татарина мечом убил,
Он второго татарина копьем сколол,
Он третьёго татарина конем стоптал,
А душу красну девицу с собою взял.
«Уж мы станем, девица, по третям ночь делить,
По третям ночь делить да ино грех творить».
Как спрого́ворит душа красна девица:
«Уж ты ой еси, удалой доброй молодец!
Ты когда был отца лучше матери,
А теперече стал хуже трех татар,
Хуже трех татар-бусурманинов».
— «Уж ты ой еси, душа красна девица!
Ты которого царства-отечества?»
— «Уж ты ой еси, удалой доброй молодец!
Я сама красна девица со святой Руси,
Со святой Руси да из славно́й Москвы,
Я не большого роду, не меньшего,
Что того же было роду княжейского.
Как у моего батюшка было девять сынов,
А десята-та я, го́регорькая.
Четыре-то брата царю служат,
А четыре-то брата богу молятся,
А девятой-от брат — богатырь в поли́,
А десятая-та я, горегорькая».
Как спроговорил удалой доброй молодец:
«Ты прости-тко меня, девица, во перво́й вины,
Во первой вины во великое:
Уж ты по роду мне сестрица родимая,
Мы поедем, девица, на святую Русь,
Мы поедем, девица, на святую Русь,
На святую Русь, во славну Москву».

3

У Петра-то было Карамышова,
У него была да единая дочь,
Единáя дочь да одинакая,
Единакая да Елисафия,
А охоча ходить была в зеленой сад.
Тут приехали воры и разбойники
Аль такии поганыи татарёна,
Увезли девúцу из чистá полú,
Привязали девицу ко белý шатру.
У белá шатра девица убивается,
У бела шатра девица убивается,
Она русóй косы да причитается:
«Ты коса моя да светлорусая,
Ты коса ль моя да крáса дéвочья!
Ты вечóр была, коса, зачесана,
Хорошохонько была заплётана.
Ты теперь, коса, да прирастрепана,
Ко белу шатру, коса, привязана:
Расплели косу да три татарина».
Выходил татарин из белá шатра,
Он собой-то был татарин не млад, не стар,
Уговáрил девúцу-дýшу красную:
«Ты не плачь, не плачь, девица-душа красная,
Заутрá, девица, будем дел делить,
Будем дел делить да паёк пáёвить:
На первóй пай кладем да красно золото,
На другой пай кладем да чисто сéребро,
На третий пай кладем да красну девицу.
Будет ты мне, красна девица, достанешься, —
Я свезу тебя да во свою землю́,
Я за братёлка да замуж вы́даю».
Уходил татарин во белой шатер.
Пуще старого девица стала плакати,
У бела шатра да убивается,
Ко русóй косы да причитается:
«Ты коса ль моя да светлорусая,
Ты коса ль моя да крáса дéвочья!
Ты вечор была, коса, зачесана,
Хорошохонько была заплётана,
Ты теперь, коса, да прирастрепана,

Ко белу шатру, коса, привязана:
Расплели косу да три татарина».
Выходил татарин из бела шатра,
Он собой татарин вовсе млад,
Уговаривал девицу-душу красную:
«Ты не плачь, не плачь, девица-душа красная,
Заутра будем, девица, дел делить,
Будем дел делить да паёк пáёвить:
На первóй пай кладем да красно золото,
На другой пай кладем да чисто серебро,
На третéй пай кладем да красну девицу.
Будет ты мне, красна девица, достанешься, —
Я свезу тебя да во свою землю́,
Я возьму тебя да за себя заму́ж».
Уходил татарин во белой шатер.
Пуще старого девица стала плакати:
У белá шатра да убивается,
Ко русóй косы да причитается:
«Ты коса ль моя да светлорусая!
Ты вечор была, коса, зачесана,
Хорошохонько была заплётана;
Ты теперь, коса, да прирастрепана,
Ко белу шатру, коса, привязана:
Расплели косу да три татарина».
Выходил татарин из белá шатра,
Уж собой татарин уж он вовсе стар,
Уговаривал девицу-душу красную:
«Ты не плачь, не плачь, девица-душа красная;
Заутра, девица, будем дел делить,
Будем дел делить да паёк паёвить:
На первой мы пай кладем да красно золото,
На другой мы пай кладем да чисто серебро,
На третéй мы пай кладем да красну девицу.
Будет ты мне, красна девица, достанешься, —
Я свезу тебя да во чисто полё,
Отрублю у тя да буйну голову».
Уходил татарин во белóй шатер.
Пуще старого девица прирасплакалась.
Что ль за этим ли за белым шатром
Тут стоял удалой доброй молодец,
Уж он всё эты речи-ты выслухивал.
Уж он бел шатер взял до подошвы срыл,

Одного татарина копьем сколол,
Он другого татарина конем стоптал,
Он третьёго татарина живкóм схватал.
Он подходит к девицы-души красныи:
«Уж ты ой есь, девица-душа красная!
Ты чьего отца да чьей ты матушки?
Ты чьего роду́ да чьего племени?»
Отвечает ему девица-душа красная:
«Я отца Петра да Карамышова,
Я была у его да единая дочь;
Еще был у его да единакой сын,
Единой Козарин Петрович млад,
Во чистом поли да он поля́кует».
Тут спроговорил удалой доброй молодец:
«Уж ты здравствуй-ко, здравствуй, роди́ма сестра!
Ты поди ко мне да на добра́ коня,
Я свезу тебя да к отцу, к маменьке».

ТУРЫ ЗЛАТОРОГИЕ

1

«Вы туры, вы туры да маленьки деточки!
Уж вы где вы, туры, да вы где были-хóдили?»
— «Уж мы были туры да на святой Руси».
— «Уж вы что, туры, там видели?»
— «Уж мы видели туры стену городóвую,
Уж мы видели туры башню наугольную;
Из той стены из городовыя
Выходила девица-душа красная,
Выносила она книгу евангелиё
Да копала она книгу во сырую во землю,
Она плакала над книгою, уливалася:
„Не бывать тебе, книга, да на святой Руси,
Не видать тебе, книга, свету белого,
Свету белого да солнца красного“».
— «Ох вы глупые туры да неразумные!
Не башня стояла да наугольная —
Стояла тут церковь соборная;

Да не девица выходила, не красная, —
Выходила запрестольна богородица;
Да не книгу копала да не евангельё —
Да копала она веру христианскую;
Она плакала над верой да уливалася:
„Не бывать тебе, вера, да на святой на Руси,
Не видать тебе, вера, свету белого,
Свету белого да солнца красного,
Солнца красного да зори утренной,
Зори утренной — поздно вечерние“»,

2

Ой да ввечеру, братцы,
Очень были пьяные,
Как заутра добры молодцы,
Чем же мы похмелимся?
Заболели у нас, молодцев,
Буйные головушки,
Защемили у казачушков
Ретивы сердечушки.
Мы пойдемте в чисто полюшко,
Пойдем, разгуляемся,
Уж и выйдем мы, ребятушки,
Выйдем на высок курган.
Уж и глянем мы, поглянем-то,
Братцы, на все стороны:
То не пыль, братцы, не ку́ра летит,
В поле подымается,
Не туманушки будто во́ поле,
В поле расстилаются, —
Там бегут, вот и пробегают
Туры златорогие.
Подбегают гнеды турушки
Они ко синю́, ко синю морю́.
Во синём-то бы они морюшке
Воды напивалися,
В зелены́х-то во лужочках
Травы наедалися.
Приплывали гнеды турушки
Ко крутому бережку.

Насустречу турам мамушка
Тура златогривая.
Ну и стала-то гнедых турушков,
Стала она спрашивать:
«Ну и где же вы, мои детушки,
Где были-гуляли, где гуляли вы,
Где же, мои турушки, погуливали?»
— «Уж и были мы, были в Шахове,
Были мы у Ляхове.
Белорусскую мы земелюшку,
Всю ее наскрозь, всю наскрозь прошли.
На бело́й-то бы да на зореньке
Были в стольном Киеве,
Ну нигде же такой диковины,
Братцы, мы не видели,
Нигде мы не видели:
На широкой бы светлой площади
Стояла там будто девица,
Стояла там красна девица.
Во руках-то держит девица
Книгу незнакомую.
Сама плачет, красна девица,
Плачет, как река, как река льется:
„Вот придет-то на нас победушка,
Да на наш славный Киев, славный Киев-град!“».

ЕГОРИЙ

Наезжал цари́ще Грубиянище,
Он князей-бояр да всех повырубил,
Во княгинюшок да во полон берет,
Оставалося да чадо милое,
Чадо милое, Егорий храброе.
«Ну-ко станем Егорья-света мучити
Его всякыма мукамы разноли́чныма,
Ну-ко станем Егорья топором рубить».
У топора лезьё всё приотпа́дало,
А Егорью-свету не досталося.
«Ну-ко станем Егорья тут пилой пилить!»
У пилы зубьё всё прикрошилося.
«Ну-ко станем Егорья во котли варить!»

А во котли Егорий он стоём стоит,
Он стоём стоит, да всё стихи поет.
На котли стаёт да пена золото,
А под котлом растет трава муравая.
Копали Егорью темный погреб-то,
Кидали Егорья в темный погреб-от,
И кольём да колодой заколачивали,
Серым-то камнем да заволачивали,
Желтыма пескамы да призасы́пали,
Муравой травой да замуравили.
Тут еще вор-собака похваляется:
«Не бывать Егорью на святой Руси,
Не видать Егорью света белого,
Не видать ему честной вдовы Марфы Алексеевны».
От тут пали ветры буйные,
Ветры буйные, ветры холодные.
Всё кольё-колодьё разворочало,
Серо каменье прираска́тало,
Мураву траву всю размуравило,
И желты́ пески все приразвеяло,
И выходил Егорий на святую Русь,
Увидал Егорий свету белого,
И садился Егорий на добра коня,
Приезжал Егорий ко своей родной матери,
Приезжал он ко красну крыльцу.
«Здравствуй, Егорий храбрыя!»
— «Благослови-ка, маменька, мне-ка съездить
во чисто́ поле́,
Я убью, убью да кровь татарскую,
Изменю, изменю на христианскую».
Вот садился Егорий на добра коня,
И поезжал он во чисто поле.
Выходит царище Грубиянище:
«Здравствуй-ко-стё, Егорий храбрыя!
Станем с тобой крестами бра́таться,
Крестами брататься да перстнём назва́ниться.
Пусть, говорит, я тебе меньшой брат,
А ты мне большой!»
Не черный ворон крылом махнул,
А махнулася сабля острая.
«Я убил, убил я кровь татарьскую,
А изместил, изместил я кровь христианскую».

ЧУДЕСНОЕ СПАСЕНИЕ

Да лелим мне, лелим!
Сидела Аннушка у тереме под окошком,
У тереме под окошком,
У Юрьевой головушки.
Завидела Аннушка —
Далеко у чистом полю́
Белые шатры стоят,
Жаркие огни горят,
Сивые кони ходют.
«Братец Юрьючка,
Куды ж то мне деться,
Куды ж то мне деться,
Да куда схорониться?»
— «Схороню тебе, сестрица,
У каменных палатах,
Посажу тебе, сестрица,
На белом камушку,
Поставлю, сестрица,
Да тридевять каменных палат,
Закутаю, сестрица,
За тридевять дубовых дверей,
Замкну тебе, сестрица,
За тридевять золотых замков,
Поставлю, сестрица,
Да тридевять караульщичков».
Як приехал царь крымско́й
Со чистого поля,
Со чистого поля,
От зеленой дубровы,
Ударил царь крымской
Об Юрьины воротики.
Да тридевять караульщичек
Да усе разбегалися,
Да тридевять дубовы́х дверей
Усе раскутались,
Да тридевять золотых замков
Усе разомкнулись,
Да тридевять каменных палат
Усе развалились.
Осталась Аннушка

На белом камушку,
Ударилась Аннушка
Об сырой бело́й камень.
Иде Аннушка пала —
Там церковь постала,
Иде ручки да ножки —
Там елки, сосо́нки,
Где буйная головка —
Там крутые горки,
Где русая ко́са —
Там темные ле́сы,
Иде цве́тные платья —
Там зеленый лес,
Иде кровь проливала —
Там синие моря.

КНЯЗЬ РОМАН И МАРЬЯ ЮРЬЕВНА

1

Жил-был князь Роман Митриевич,
С жонкой спал, и ей прищавилось ночью,
Что у ней перстень спал с правой руки,
С правого перстечка, с мезеночка,
И рассыпался на мелкие зёрнотка.
Она все собрала, одного не могла отыскать.
«Даем мы знать по всем землям, по всем ордам,
Чтобы твой сон рассудили,
Чтобы твой сон рассказали».
— «Я свой сон сама рассужу,
Я свой сон сама расскажу:
Прибегут ко мне из-за моря
Три червленых три корабля,
Увезут меня, Марью, за сине море,
За сине море за соленое,
Ко тому Мануилу сын-Ягайлову».
Он не слушал тех речей,
Он ушел скорей в тихи-мелки заводи,
Стрелять гусей, белых лебедей,
Маленьких пернастых серых уточек,

Она села к окошечку косивчиту
И глядит: бежат из-за моря,
Из-за моря из-за синя,
Три черныих три корабля,
Приворачивают к ним в гавань корабельную,
И видит Марья — «увезут меня
За сини моря за соленые!»
Она запирала окошечко косивчато,
Пошла по палате белокаменной,
Из белых палат на новы сени,
С новыих сеней на красно́ крыльцо,
С красного крылечка на дубовый мост,
С дубового моста на тропиночку,
По тропиночке Марья в чисто поле
И засела под яблонь кудреватую.
И прибегали три кораблика три черныих
Прямо в гавань корабельную,
Подбирали парусы поло́тняны,
И метали якори булатные,
И выпущали ше́енки шелковые,
И спущали на воду шлюпку легкую,
И садились в шлюпочку, приехали
Прямо в гавань корабельную.
И шли в палаты белокаменны,
И искали Марью: не могут найти.
Один был вор, поваренный детинушка,
Не иско́м ищет — следочки выправливает,
Выравнивает да вырезывает,
По тропиночке Марьи следочки выправливает,
Детинушка поваренный вырезывает:
И нашел ее под яблонью кудреватою.
«Ты ли есть Марья Юрьевна?»
— «Я не Марья Юрьевна,
Я Марьина служаночка».
— «Скажи, ты ли есть Марья Юрьевна?»
— «Я есть Марья Юрьевна, лебедь белая».
Он и брал ее за ручки белые
И за те ли перстни злаченые,
И увозил ее на червленом на корабле
За сине море за соленое.
И пришел детинушка поваренный
К Мануиле сыну Ягайлову.

Он встречает его с честью с радостью,
Он брал Марью за руки за белые,
За те ли перстни злаченые,
Он хочет целовать ее в сахарны уста.
Говорит ему Марья Юрьевна:
«У нас до трех годов не цалуются, не обнимаются».
И ушел Мануило Ягайлович
На тихи-мелки заводи,
Стрелять гусей, белых лебедей,
Маленьких пернастых серых уточек.
По́йдучи матери наказывал:
«Дай ей нянюшек-служаночек,
Ежели она закручинится».
Она сидела у окошечка косивчата,
Глядела в околенку стекольчату.
Вот мать его идет — спрашивает:
«Чего ты сидишь у окошечка у косивчата,
Чего плачешь-уливаешься?»
— «Сегодня у меня на Руси велик праздник,
Велик праздник — светло Христово воскресение.
Гуляют жены христианские,
Купеческие, министерские, крестьянские,
И последние жены солдатские,
И голи кабацкие,
А я сижу у окошечка,
Проливаю свои слезы горючие!»
Мать дала ей няничек-служаночек, в сады гулять,
И дала напитков всяких разныих,
И дала козла любимого Моналинова.
Она напоила нянек допьяна,
Что няньки лежат са́ми бе́з себя.
Вот она взяла козла — зарезала,
Пришла Марья на гору высокую,
Скидавала свое платье цве́тное,
Надевала на лесиночку
И пошла с горы.
Ей навстречу быстра́ река,
И быстра река идет,
Что гром гремит.
И возмолилась Марья быстро́й реке:
«Ой же ты, мать Дарья-река!
Сделайся по женским перебродищам,

Станьте переходы узкие, переброды мелкие,
Пропустите меня, Марью Юрьевну!»
И река Марьи послушалась:
Сделалась по женским перебродищам.
Перебрела она через быстру реку,
Пошла она вперед попадать,
И пришла ей больше того река,
Она видит, что перейти нельзя.
Смотрит — плавает на другой стороне колода белоду́бова,
И взмолится Марья той колоде белоду́бовой:
«Ой же ты, колода белодубова!
Перевези меня через быстру реку.
А выйду на святую Русь,
Вырежу тебя на мелки кресты,
На чудны образы
И вызолочу червонным красным золотом».
И колода ее послушалась:
Перевезла ее через быстру реку.
И пришла Марья Юрьевна
К Роману Митриевичу,
Сама взговорит таковы речи:
«Ой еси ты, Роман князь Митриевич!
Вывезем мы колоду белоду́бову
На святую Русь,
Вырежем на мелки кресты
И на чудны образы
И вызолотим червонным красным золотом».
И вывезли ту колоду белодубову
На святую Русь,
И вырезали на мелки кресты
И на чудны образы,
И вызолотили червонным красным золотом,
И разослали по всем церквам.

2

Уж ты ой еси, Марьюшка Гурьевна,
Хотелося Марьюшке погуляти,
Погуляла Марья в зеленом саду,
Тут гуляла Марьюшка сколько хотелося.

Подхватили с гор да ветры буйные,
Подхватил Гвоздяк-то Крутогорович,
Он унес во земли во лесовские,
Во лесовские земли, во ножовские;
Тут принес Гвоздяк да Крутогорович
Он ко матушке Оруке Бородуковны;
«Уж ты гой еси, матушка Орука Бородуковна,
Я принес к тебе да слугу верную,
Я служаночку принес надейную».
— «Уж ты ой еси, Гвоздяк да Крутогорлович,
Не слугу ты мне принес, не верную,
Не служаночку мне-ка надейную —
Ты моему лицу да супротивницу».
Тут и год-то Марьюшка жила — не ту́жила,
Она другой ведь год жила — не плакала,
А на третей год да прирасту́жилась,
Прирастужилась Марьюшка, прирасплакалась.
Собирал Гвоздяк да Крутогорлович
Он пирушечку да пированьице,
Пированьице да столованьице.
Собирал гостей да всех лешовочок,
Всех лешовочок, да всех ножовочок,
Собрались тут гости все чертовочки,
Все чертовочки, да тимножовочки,
Тут садились гости за столы да за дубовые,
Да за скатерти да за камчатые.
Угощал Гвоздяк да Крутогорлович
Он гостей да зелены́м вином,
Зеленым вином да сладкой водочкой.
Сидела Марьюшка невеселая,
Буйну голову да с плеч повесила.
Говорил тут ей Гвоздяк да Крутогорович:
«Уж ты что же, Марьюшка, невеселая,
Буйну голову да с плеч повесила,
Разве, разве мы тебя обидели,
Разве рюмочкой тебя обно́сили,
Разве чарочкой тебя обде́лили?»
— «Нет, нет, рюмочкой меня не о́бнесли,
Нет, нет, чарочкой да не обде́лили;
У вас негде здесь разгулятися,
У вас нету здесь да зелены́х садов».
Говорил Гвоздяк да Крутогорович:

«У нас есть-то, Марья, зелены сады,
Ты бери-ко, Марья, золоты ключи,
Отмыкай-ко, Марья, зелены сады,
Ты гуляй-то, Марья, сколько тебе хочется».
Тут брала-то Марья золоты ключи,
Отмыкала Марьюшка зелены сады,
Надавали Марьюшки чертовочок,
Тут чертовочок да и лешовочок,
Рассыпала Марьюшка прядки жемчуга,
Кака подберет, така и ослепнет.
Тут стояли горы-ти высокие,
Они сошли тут гора с горой, да столкнулися,
Никакого тут нет проходу да проезду.
«Уж вы гой еси, да горы высокие,
Пропустите Марьюшку на святую Русь».
Разодвинулись горы высокие:
«Ты поди, поди, да Марья Гурьевна,
Не страмила Марьюшка златых венцов,
Постояла Марья за закон божей».
Тут прошла-то Марьюшка Гурьевна,
Говорила тем горам высокиим:
«Вы содвиньтесь, горы, пуще старого,
Пуще старого, да пуще прежнего,
Чтобы не прошел Гвоздяк да Крутогорович».
Подходила Марьюшка к Бузынь-реке,
Течет-течет матушка Бузынь-река,
От востока течет до запада.
«Уж ты ой еси, Бузынь-река,
Уж ты сделай часты переходики,
Уж ты мелкима да перебродики,
Пропусти-ко Марью на святую Русь».
— «Ты поди, поди, да Марьюшка Гурьевна,
Постояла Марья за закон божей,
Не страмила с головы да золоты венцы».
Тут и сделалась матушка Бузынь-река
Она частыма да переходами,
Она мелкима да перебродами.
Перешла тут да Марьюшка Гурьевна
Через эту матушку Бузынь-реку:
«Уж ты ой еси, матушка Бузынь-река,
Течи, течи пуще старого,
Пуще старого да пуще прежнего,

Чтобы не прошел Гвоздяк да Крутогорович!»
Течет, течет морюшко синее,
От востока течет море до запада,
Тут попросила она-ко-сь Марьюшка да Гурьевна:
«Уж ты ой еси, море синее,
Переправь-то Марьюшку Гурьевну
На свою родимую на сто́ронку».
Несет, несет тут гнилую колодинку,
Приносило ей ко круту ко бе́режку:
«Ты поди, поди, да Марьюшка Гурьевна,
Переправлю я тебя через сине море,
Ты поди садись-ко, Марьюшка Гурьевна,
Постояла Марьюшка за закон божей,
Не страмила с главы да золоты венцы».
Тут садилась Марьюшка да на колодушку,
Переправила да к другому бережку,
Перенесло тут Марью ко бережку,
Ко песочку-то ей ко желтому,
Ко ракитову-то ей ко кустышку.
Тут садилась-то Марья Гурьевна
Под ракитов-от под кустышек.
Слышит Марьюшка — идет охотничек,
Да тут охотничек Иван царевской сын,
Подбегал к Марьюшке да Гурьевне
Тут ведь ейной муж Иванушка царевич был,
Он берет-то ей да за белы руки,
Целовал-то ей саха́рны уста.
— «Не бери меня, Иванушко царев сын,
За мои да за белы руки,
Не целуй меня да сахарны уста:
Я была в земле да во лешовскою,
Во лешовскою да во ножовскою,
Уж я ду́ху-то всякого нахваталася,
Уж я погани-то всякой там наелася,
На мне платье-то всё изорвано.
Ты сходи домой, Иван царевской сын,
Принеси-ко мне-то платье новое,
Платье новое, необновлёное,
На главу-то шапочку золоту,
Ты чулочки мне-ка со стрелками,
Ты ботиночки мне неси сафьяновы».
Побежал Иванушко радешенек,

Приносил тут Марье заказ ейно́й,
Омывалась Марьюшка ключевой водой,
Одевалась Марьюшка в платьицо,
Платьё новоё, необновлёное,
На головушку надела шапочку золо́тую,
Одевала чулочки со стрелками,
Надевала башмаки сафьяновы.
Тогда брал тут Марью за белы руки,
Целовал Иван да сахарны уста.

ДЕВУШКА ВЗЯТА В ПЛЕН ТАТАРАМИ

1

Как пошли красные девушки в лес по ягоды.
Как все-то красные девушки ягод понарвалися,
А одна-то красная девушка ягод не нарвалася,
Не нарвалася красная девушка, она там оставалася,
Заболела у красной девушки буйная головушка.
Как и тут-то красная девушка слезно плакала:
«Как и где-то я, девушка, ночку ночевать буду?
Заночую я, красная девушка, под сырым дубом,
Под сырым дубом, под кудрявчатым!»
Как и тут-то наезжали на девушку три татарина,
Три татарина, они три басурманина.
Как и первый-то говорит красной девице:
«Я тебя конем стопчу!»
А другой говорит на девушку:
«Я тебя копьем сколю!»
Как и третий говорит красной девице:
«Я тебя в полон возьму!
Садися ты, красная девушка, на моего добра коня,
Как поедем мы с тобой во зеленые луга!»
Как и стали они красную девушку пытать-спрашивати:
«Скажи-ка ты, красная девушка, чьего роду-племени?»
— «Как и я ли, красная девушка, роду не простецкого:
Государь мой родной батюшка боярин был,
Государыня моя родная матушка была боярыня;
Как и я ли, красная девушка,
Роду не простого, — боярского».

2

В поле дороженька, в поле неширокая пролегала.
Никто не хаживал по этой дороженьке и сроду
не езживал;
Только шла красна девица, шла она, опозднилася,
Опоздниваши, она заблудилася, в поле остановилася,
На восход богу молилася и затем она спать ложилася.
Как наехали на красну девицу три татарина,
Три татарина-басурманина,
Как взяли они красну девицу, посадили за круты
бедра,
Повезли ее в землю татарскую, землю басурманскую.
И просит красная девица:
«Вы напишите белу грамотку к моему родимому
батеньке,
Чтоб достал он свою золоту казну,
Чтоб ехал выкупать меня из чужой земли!»

КРАСНАЯ ДЕВУШКА ИЗ ПОЛОНУ БЕЖИТ

Не белая лебедка в перелет летит —
Красная девушка из полону бежит.
Под ней добрый конь растягается,
Хвост и грива у коня расстилаются,
На девушке кунья шуба раздувается,
На бело́й груди скат жемчуг раскатается,
На белой руке злат перстень как жар горит.
Выбегала красна девушка на Дарью-реку,
Становилась красная девушка на крутой бережок,
Закричала она своим звычным голосом:
«Ох ты гой еси, матушка Дарья-река!
Еще есть ли по тебе броды мелкие?
Еще есть ли по тебе калины мосты?
Еще есть ли по тебе рыболовщички?
Еще есть ли по тебе перевозчички?»
Неоткуль взялся перевозчичек.
Она возговорила своим нежным голосом:
«Перевези-ка ты меня на ту сторону,
К отцу к матери, к роду-племени,
К роду-племени, на святую Русь!

Я за то плачу тебе пятьсот рублей,
А мало покажется — восемьсот рублей,
А еще мало покажется — ровно тысячу;
Да еще плачу я добра коня,
Да еще плачу с плеч кунью шубу,
Да еще плачу с груди скат жемчуг,
Да еще плачу свой золо́т персте́нь,
Свой золот перстень о трех ставочках:
Первая ставочка во пятьсот рублей,
А вторая ставочка в восемьсот рублей,
А третья ставочка ровно в тысячу,
Самому перстню сметы нету-ка».
— «А пойдешь ли, красна девица, замуж за меня?»
— «Сватались за меня князья и боярины,
Так пойду ли я за тебя, за мордовича?»
Бежали за девушкой два погонщичка,
Два погонщичка, два татарина.
Расстилала красна девица кунью шубу,
Кидалась красна девица во Дарью-реку,
Тонула красна девица, словно ключ ко дну.

СПАСЕНИЕ ПОЛОНЯНКИ

По степи, степи Саратовской
Отец с дочерью стога метал.
Красна девушка на стогу стоит,
На стогу стоит, сама в степь глядит.
Увидала она двух киргизинов,
Двух киргизинов, басурманинов:
«Ты убойся, родной батюшка,
Ты бросай вилы на сыру землю́,
А сам беги в камыш-траву,
А мне, девушке, знать, так бог велел».
Подъезжали басурманины
К тому стогу несвершоному,
Закричали они громким голосом:
«Ты убойся, красна девушка,
Ты слезай, слезай с того стога,
С того стога несвершоного.
Если слезешь ты, мы тебя в плен возьмем,
А не слезешь — мы стог сожжем!»

Красна девушка убоялася,
С того стога на сыру землю бросалася.
Подъехали, ее подняли,
На добра коня посóдили,
Стали удалятися.
Подъезжали они к Дарье-реке,
Через Дарью переправлялися.
Красна девушка от них удалялася.
Конь добра лошадь, как сокол летит,
На ней шубочка раздувается,
Красна девушка удаляется.
Переезжала она через Дарью-реку,
Там рыбаченьки рыбачили.
Закричала она громким голосом:
«Вы рыбаченьки, вы молоденьки,
Сберегите меня, красну девицу,
Красну девицу, молоду пленницу!»

МОЛОДАЯ ХАНЧА́

Как у нас, да й братцы, во улусишках,
Да братцы, во калмыцкиих,
Во калмыцкиих,
Собиралися да вот они собиралися,
Э да й они люди вольные соезжалися,
Вольные да люди вольные,
Темиргорцы-собаки вместе с бесерменцами.
Да все вместе собиралися,
Да сбиралися они думали
Да и вот крепкую думушку,
Да ее они заединую,
Заединую:
«Во которую мы сторонушку,
Да братцы, на удар да пойдем,
На удар пойдем?
Мы ударимся, да братцы, во улусишки, во калмыцкие,
Во калмыцкие,
Да что на полю на нее,
Да во кибитушку да ее белу ханскую».
Да во ту пору его, молодого хана,

Да в доме не случилося,
Не случилося.
Да как поехал наш хан
Во мать во Расеюшку,
Да во мать каменну́ Москву,
Каменну Москву.
Молодая ханча да крепко испужалася,
Да она об двух конь-то ушла,
Об двух конь-то ушла, на полюшка шла,
Она и другую ишла да сама становилася,
Становилася,
Что кричит да зынчит своим громким голосом,
Своим княженецкиим,
Княженецкиим:
«Уж вы воины да вы мои служители,
Да вы мои служители,
Вы служители.
Да на кто же из вас да из вас перевозчиком,
Да из вас перевоз держи́т,
Перевоз держит?
Переправьте да меня, молодую ханчу́,
На свою сторонушку,
На сторонушку!
За работу вам дам уж я на пятьсот-то рублей,
На пятьсот-то рублей.
Если мало буди́т, отдам всею́ тысячу,
Всею тысячу,
Если мало буди́т — да отдам я с руки золотой персте́нь!»

РАЗБОЙНИЧИЙ ДУВАН

Яик ты наш, сын Горынович!
Золотое твое, Яикушка, донышко,
Серебряны твои, Яикушка, бе́режки!
Весною ты, Яик, быстрехонек бежишь,
Урываешь ты свои круты бережки,
Посреди себя выметываешь часты о́стровы!
На тех островах казаки, братцы, дуван дуванят.
Делили они золоту казну пуховой шляпой.

Одного добра молодца задуванили:
Доставалась ему, добру молодцу, красная девица;
За досаду ему это показалося,
Возгóворил добрый молодец таковы слова:
«На бою была моя головушка самая первая,
А на дуване — самая последняя!»
Тут берет он красну девицу
За правую руку, за золот перстень,
Обнажил он свою саблю острую
И хотел отрубить ей буйну голову.
И тут красна девица возмолилася,
Молодцу в резвы ноги поклонилася;
Возгóворит ему красна девица:
«Ой ты гой еси, добрый молодец!
Не руби ты мне буйну голову:
Вот тебе с меня золотой перстень во пятьсот рублей,
Вот тебе кунья шуба во всю тысячу,
А я тебе, девица, ни за что пришла!»

ПАН ПРИВОЗИТ ЖЕНЕ РУССКУЮ ПОЛОНЯНКУ

Панушко по двору гуляет,
Доброго коня выбирает.
Паньюшка у стремени стояла,
Панушку плеть подавала;
Сама панья пану говорила:
«Не езди ты, панушко, на службу,
На ту государеву-цареву,
Не быть тебе, панушку, живому, —
Быть тебе, пану, убитому!»
— «Не тужи, слышь, моя панья!
Съезжу я в добром здоровье,
Привезу тебе, паньюшка, гостинцы —
С Руси русскую девку полонянку,
Тоненьку, долгоньку, высоконьку,
В беленькой рубашке миткалиной,
В алом во тафтяном сарафане,
В широкой ленте во низаной,
В аленьких башмачках во сафьянных,
В беленьких чулочках во бумажных».

Пойду я, выйду я в новы сени,
Из новых сеней на крылечко,
С крылечика в чисто поле;
Погляжу на синее море,
Как было на синем-то на море
Вдруг забелились парусочки,
Вдруг зачернели три стружочка.
Как было во первом-то стружочке —
Везут паново платье,
Паново платье немецкое.
Как было во другом-то стружочке —
Везут пана не живого;
Убит пан, да не до смерти.
Как было во третьем-то стружочке —
Везут паньюшке гостинцы:
С Руси русскую девку полонянку,
Тоненьку, долгоньку, высоконьку,
В беленькой рубашке миткалиной,
В алом во тафтяном сарафане,
В широкой-то ленте во низаной,
В аленьких башмачках во сафьянных,
В беленьких чулочках во бумажных.

НА ЛИТОВСКОМ РУБЕЖЕ

Как да́лече-дале́че во чисто́м поле́,
Далече во чистом поле,
На литовском на рубеже,
Под Смоленским городом,
Под Смоленским городом,
На лугах, лугах зеленыих,
На лугах, лугах зеленыих,
Молода коня имал,
Молодец коня имал,
Дворянин-душа спрашивает:
«А и конь-то ли, доброй конь,
А конь наступчивой!
Зачем ты травы не ешь,
Травы, конь, зеленыя?
Зачем, конь, травы зеленыя не ешь,
Воды не пьешь ключевыя?»

Провещится доброй конь
Человеческим языком:
«Ты хозяин мой ласковой,
Дворянин-душа отецкой сын!
Затем я травы не ем,
Травы не ем зеленыя
И воды не пью ключевыя,
Я ведаю, доброй конь,
Над твоей буйной голове
Невзгоду великую:
Поедешь ты, молодец,
На службу царскую
И на службу воинскую,
А мне, коню, быть подстрелену,
Быть тебе, молодцу, в пойманье.
Потерпишь ты, молодец,
Потерпишь, молодец,
Нужи-бедности великия,
А примешь ты, молодец,
Много холоду-голоду,
Много холоду ты, голоду,
Наготы́-босоты вдвое того».
Позабыл доброй молодец
А и то время несчастливое,
Повестка ему, молодцу,
На ту службу на царскую.
Поехал он, молодец,
Он во полках государевых.
От Смоленца-города
Далече во чистом поле
Стоят полки царские,
А и роты дворянские,
А все были войска российские.
Из далéча чиста поля,
Из раздолья широкого
Напущалися тут на их
Полки неверные,
Полки неверные,
Всё чудь поганая.
А Чуда поганая на вылазку выехал,
А спрашивал противника
Из полков государевых,

Из роты дворянския —
Противника не выскалось,
А он-то задорен был,
Дворянин, отецкой сын,
На вылазку выехал
Со Чудом дратися,
А Чудо поганое о трех руках.
Съезжаются молодцы
Далече во чистом поле,
А у Чуда поганого
Одно было побоища,
Одно было побоища —
Большая рогатина,
А у дворянина — сабля вострая.
Сбегаются молодцы,
Как два ясные соколы
В едино место слеталися.
Помогай бог молодцу
Дворянину русскому!
Он отводит рогатину
Своей саблей вострою
Что у Чуда поганого;
Отвел его рогатину,
Прирубил у него головы все,
Идолища поганая.
Подстрелили добра коня,
Подстрелили добра коня
У дворянина смоленского —
Он ведь пеш, доброй молодец,
Бегает пеш по чисту́ полю́,
Кричит-ревет молодец
Во полки государевы:
«Стрельцы вы старые,
Подведите добра коня,
Не выдайте молодца
Вы у дела ратного,
У часочку смертного!»
А идолы поганые
Метались грудою все,
Схватили молодца,
Увезли в чисто поле,
Стали его мучати:

И не поят, не кормят его,
Морят его смертью голодною
И мучат смертью неподобною.
А пало молодцу на ум
Несчастье великое,
Что ему доброй конь наказывал.
Изгибла головушка
Ни за едину денежку.

МОЛОДЕЦ И РЕКА СМОРОДИНА

Когда было молодцу
Пора-время великая,
Честь-хвала молодецкая, —
Господь-бог миловал,
Государь-царь жаловал,
Отец-мать молодца
У себя во любве держал,
А и род-племя на молодца
Не могут насмотретися,
Суседи ближние
Почитают и жалуют,
Друзья и товарищи
На совет съезжаются,
Совету советовать,
Крепку думушку думати
Оне про службу царскую
И про службу воинскую.
Скатилась ягодка
С сахарного деревца,
Отломилась веточка
От кудрявыя от яблони,
Отстает доброй молодец
От отца, сын, от матери.
А ныне уж молодцу
Безвременье великое:
Господь-бог прогневался,
Государь-царь гнев взложил,
Отец и мать молодца
У себя не в любве держал,

А и род-племя молодца
Не могут и видети,
Суседи ближние
Не чтут, не жалуют,
А друзья-товарищи
На совет не съезжаются
Совету советовать,
Крепку думушку думати
Про службу царскую
И про службу воинскую.
А ныне уж молодцу
Кручина великая
И печаль немалая.
С кручины-де молодец,
Со печали великия,
Пошел доброй молодец
Он на свой конюшенной двор,
Брал доброй молодец
Он добра коня стоялого,
Наложил доброй молодец
Он уздицу тесмяную,
Седелечко черкасское,
Садился доброй молодец
На добра коня стоялого,
Поехал доброй молодец
На чужу дальну сторону.
Как бы будет молодец
У реки Смородины,
А и взмолится молодец:
«А и ты мать быстрá река,
Ты быстра река Смородина!
Ты скажи мне, быстра река,
Ты про броды конины,
Про мосточки калиновы,
Перевозы частые!»
Провещится быстра река
Человеческим голосом,
Да и душой красной девицей:
«Я скажу те, быстра река,
Доброй молодец,
Я про броды конины,
Про мосточки калиновы,

Перевозы частые:
Со броду конинего
Я беру по добру́ коню,
С перевозу частого —
По седелечку черкесскому,
Со мосточку калинова —
По уда́лому молодцу,
А тебя, безвремянного молодца,
Я и так тебя пропущу».
Переехал молодец
За реку за Смородину,
Он отъехал, молодец,
Как бы версту-другую,
Он своим глупым разумом,
Молодец, похваляется:
«А сказали про быстру реку Смородину:
Не пройти, не проехати
Ни пешему, ни конному —
Она хуже, быстра река,
Тое лужи дожжевыя!»
Скричит за молодцом
Как в сугонь быстра река Смородина
Человеческим языком,
Душой красной девицей:
«Безвремянной молодец!
Ты забыл за быстрой рекой
Два друга сердечные,
Два востра ножа булатные, —
На чужой дальной сторонe
Оборона великая!»
Воротился молодец
За реку за Смородину,
Нельзя что не ехати
За реку за Смородину,
Не узнал доброй молодец
Того броду кониного,
Не увидел молодец
Перевозу частого,
Не нашел доброй молодец
Он мосточку калинова.
Поехал-де молодец
Он глубокими омуты;

Он перву ступень ступил —
По черев конь утонул,
Другу ступень ступил —
По седелечко черкесское,
Третью ступень конь ступил —
Уже гривы не видети.
А и взмолится молодец:
«А и ты мать быстра река,
Ты быстра река Смородина!
К чему ты меня топишь,
Безвремянного молодца?»
Провещится быстра река
Человеческим языком,
Она душой красной девицей:
«Безвремянной молодец!
Не я тебя топлю,
Безвремянного молодца,
Топит тебя, молодец,
Похвальба твоя, пагуба!»
Утонул доброй молодец
Во Москве-реке, Смородине.
Выплывал его доброй конь
На крутые береги,
Прибегал его доброй конь
К отцу его к матери;
На луке на седельныя
Ерлычок написаной:
«Утонул доброй молодец
Во Москве-реке, Смородине».

ГОРЕ

1

От чего ты, Горе, зародилося?
Зародилося Горе от сырой земли,
Из-под камешка из-под серого,
Из-под кустышка с-под ракитова.
Во лаптишечки Горе пообулося,
В рогозйночки Горе понаделося,
Понаделося, тонкой лычинкой подпоясалось;

Приставало Горе к добру молодцу.
Видит молодец: от Горя деться некуды, —
Молодец ведь от Горя во чисто́ поле,
Во чисто поле серым заюшком.
А за ним Горе вслед идет,
Вслед идет, тенета несет,
Тенета несет, всё шелко́вые:
«Уж ты стой, не ушел, добрый молодец!»
Видит молодец: от Горя деться некуды, —
Молодец ведь от Горя во быстру́ реку,
Во быстру реку рыбой-щукою.
А за ним Горе вслед идет,
Вслед идет, невода несет,
Невода несет всё шелковые:
«Уж ты стой, не ушел, добрый молодец!»
Видит молодец: от Горя деться некуды, —
Молодец ведь от Горя во огнёвушку,
Во огнёвушку, да в постелюшку.
А за ним Горе вслед идет,
Вслед идет, во ногах сидит:
«Уж ты стой, не ушел, добрый молодец!»
Видит молодец: от Горя деться некуды, —
Молодец ведь от Горя в гробовы доски,
В гробовы доски, во могилушку,
Во могилушку, во сыру землю.
А за ним Горе вслед идет,
Вслед идет со лопаткою,
Со лопаткою да со тележкою:
«Уж ты стой, не ушел, добрый молодец!»
Только добрый молодец и жив бывал:
Загребло Горе во могилушку,
Во могилушку, во матушку сыру землю.
Тому хоробру и славу поют.

2

Еще было-то бедному крестьянину
Еще горюшко ему да доставалося.
«На роду ли мне горе было уписано,
На делу́ ли ты мне, горе, доставалося,
В жеребью́ ли ты мне, горюшко, повыпало?

Я пойду теперь от горя во темны́ леса,
Что за мной горе летит тут черным вороном.
Я пойду ли я от горя на синё морё,
Ай за мной-то ведь горе — серой утицей.
Я пойду-ту от горя на друго́ море,
Как за мной-то ведь горе-то сизы́м орлом.
Я пойду-ту от горя во то ли во чисто́ поле,
Тут летит-то за мной горе ясным соколом.
Я пойду-схожу от горюшка на тихи за́води,
Поплыву-ту я по тихим всё по заводям,
Тут за мной-то ведь горюшко да белой лебедью,
Я пойду-схожу, от горя далеко́ уйду,
Я уйду-пойду во те леса во темные.
Я во те уйду во степи во Саратовски,
Тут за мной-то ведь горе — серым заюшком.
Я уйду, уйду от горя по крутой горы́,
Тут за мной-то ведь горе — горносталюшком,
Я уйду же я от горя в матушку сыру землю;
Еще тут-то всё мое горе осталося,
Еще тут-то мое горе миновалося.
Не достанься ты, мое горе великое,
Ни отцу ты, мое горюшко, ни матушке,
Ты ни брату, мое горе, ни родной сестры,
Не достанься ты, мое да горе горькое,
Ты ни другу моему, всё ни приятелю, —
Ты останься со мной в матушке сырой земли!»

3

В воскресеньицо матушка замуж отдала,
К понедельничку горе привязалося.
«Уж ты матушка, свет Михайловна!
Мне куда с горя подеватися?
Я пойду с горя во темны́ леса».
Горе вслед бежит, само го́ворит:
«Я леса срублю, тебя до́ступлю».
— «Уж ты матушка, свет Михайловна!
Мне куда с горя подеватися?
Я пойду с горя во чисты́ поля».
Горе вслед идет, само говорит:
«Я поля прижну, тебя доступлю».

— «Уж ты матушка, свет Михайловна!
Мне куда́ бедной с горя подеватися?
Я пойду с горя в зелены́ луга».
Горе вслед идет, само говорит:
«Я луга скошу, тебя доступлю».
— «Ах ты матушка, свет Михайловна!
Мне куда с горя подеватися?
Я пойду с горя во высок терем».
Горе вслед идет, само говорит:
«Я терем зажгу, тебя доступлю».
— «Ах ты матушка, свет Михайловна!
Мне куда с горя подеватися?
Я пойду с горя во круты горы».
Горе вслед идет, само говорит:
«Я черво́м совьюсь, горы выточу,
Горы выточу, тебя доступлю».
— «Ах ты матушка, свет Михайловна!
Мне куда с горя подеватися?
Я пойду с горя во сыру землю».
Горе вслед идет
Со тупи́цами, вострыми заступами,
Устоялося, рассмеялося:
«Уж ты дочь моя ро́дная!
Ты умела горюшко повыгоревать!»

МОЛОДЕЦ И ГОРЕ

Уж ты зла-лиха свекровочка неласкова,
Не давала снохи она ни жить, ни быть,
Не давала снохи она ни ись, ни пить;
Как случилось молодцу да в поле ехати,
Как во ту во дорожку во дальную,
Да во дальную дорожку незнакомую;
Как во то-де времё, во ту пору
А как зла-лиха свекровушка неласкова
Овернула ей сноху теперь березонькой,
Прутья-листья у березки серебряные,
А вершинка у березки позолочена.
Как после того было, после этого,
Случилось молодцу да туды ехати:

«Как не горюшко-де мне да показалося,
А несчастьицо ли мне да повстречалося».
А во ту было пору, во то времечко,
Как задумал молодец ехать к березоньке,
Обнажил он свою да саблю вострую,
В своем уме теперь парень раздумывал:
«Как несчастье, видно, мне да повстречалося,
Как великое горе привязалося,
Отсеку я у березоньки вершиночку».
Не успел молодец да слово вымолвить,
Как-де свистнула его да могуча́ рука,
Как отсек он со березоньки вершиночку,
Во своем уме детинушка раздумыват:
«Как несчастье, видно, мне да повстречалося,
Видно, горюшко велико привязалося».
Поворачивал конем, да как люты́м зверём,
Полетел на коне в чисто в раздольице,
Ко своему-де прекрасному широку́ двору;
Не доехавши к крылечку ко прекрасному,
Кричит ли, зычит да зычным голосом:
«Уж вы ой еси, нянюшки, все мамушки!
Все придворные мои да вы служаночки!
Выходите-ко теперь да на красно крыльцо».
Услыхали-де мои няньки, мамушки,
Как придворные мои да все служаночки,
Выбегали-де скоро на красно крыльцо
И стречали удала добра молодца;
Как сидит-то удалой на добро́м коне,
Говорит очень смелы строговы слова:
«Уж вы все-то теперь мои нянюшки,
Уж вы все мои придворные служаночки!
Как же все-то теперь меня встречаете,
Уж где же нынь теперь дорога семья,
Дорога моя семья, да дорога жена?
Не встречает меня да добра молодца,
Как трудна ли, больна, во постель легла?
Или отошла она во огробы?»
Выходила родимая моя маменька,
Говорила она да таково слово:
«Уж ты ой еси, мое чадо милое!
А да зла твоя жена да змея лютая,
Отошла она, злодейка, во чисто поле,

Овернулася она да там березонькой,
Чтобы прутье-де, листье серебряное,
А вершинка у березки позолочена,
Овернулась она да там березонькой,
Как без ветру-то ее чтобы шататися,
Прутьем, листьем по земли да расстилатися!»
Говорит на то удалой доброй молодец:
«Уж ты ой еси, маменька родимая!
Зла-лиха волшебница неласкова!
Не сама ведь овернулася березонькой,
Овернула ты-де, зла-лиха волшебница,
Ты родимая моя да родна матушка,
Уж ты бляти ведьма стольне-киевска!
Я отсек на дорожечке березоньку,
Отсеку я у тебя да буйну голову!»
Как соскакивал удалой доброй молодец
Со своего коня да он со доброго,
Забегает удалой в нову горницу,
Он садился на крутой да нынь ремещат стул,
Он-де смотрит в окошечко косявчато,
Как во ту же околенку стеклянную,
Во своем уме детина приraздумался:
«Как-де матушку я кончил саблей вострою,
Аж отсек я у березоньки вершиночку,
Хоша взял бы я теперь себе другу жену,
Не найти и не купить мне родной матери.
А несчастье, видно, мне-ка повстречалося,
А великое, видно, горе привязалося».
А умел молодец да горе мыкати,
Как хотел молодец горя избегнути,
А садился молодец да на добра коня,
Полетел молодец да по чисту полю,
А как горюшко его да переди бежит,
Как-де лютым зверишком, как-де льво́вишком.
А хотел молодец горя избегнути,
А хотел люта зверя он конем стоптать,
Он хотел люта зверя он копьем сколоть,
А не мог люта зверя всё избегнути.
Овернулся молодец да ясным соколом,
Полетел молодец да по поднебесью,
Как-де горюшко летит да переди его,
Как немудрою птицою сорокою.

Он хотел молодец горя избегнути,
Он хотел-де молодец ее настигнути,
Он хотел-де молодец схватить в свои когти́,
Да не мог его, горюшка, избегнути.
Овернулся-де сокол да рыбой щукою,
Он спустился молодец да во синё морё,
Он хотел молодец горя избегнути,
Как-де горюшко бежит да переди его,
Как немудрою рыбинкой соро́гою,
Он хотел эту рыбинку настигнути,
И хотела эта щука всё сглонуть ее,
Не могла-де эта щука поимать ее,
А не мог молодец горя избегнути.
Выходил молодец да во чисто полё,
Выходил он на прекрасен крутой бережок,
Овернулся молодец да серы́м волком,
Побежал молодец да по чисту полю,
Как-де горюшко бежит да переди его,
Не добрым зверьком, да заечком.
Овернулся молодец да горностальчиком,
Побежал молодец да по подзе́мелью,
Как-де горюшко его да переди бежит,
Как немудрым зверьком бежит, гнусиною,
Как не мог молодец горя избегнути.
Выходил молодец да из подзе́мелья,
Как-де горюшко идет да переди его,
Оно тонко, жидко да пережи́мисто,
Лыком-де горе подпоясалось,
А идет надо мной да колыхается,
Надо мною-де, над молодцем, надсмехается,
И велит молодцу да бити-грабити,
Чтобы за то молодца чтобы повесили.
Во ту было пору и во то времё
Случилась молодцу да скора смерточка,
А да горюшко-то взяло топорёнышко,
Да взяло нынь-де горюшко гробёнушко,
Хоронило молодца да во сыру землю,
Стало горюшко молодчика оплакивать:
«Как худому-де горе не привяжется,
Верно, умел молодец да горе мыкати».

НЕПРОСТИМЫЙ ГРЕХ

«А прости, прости ты, матушка сыра́ земля,
А прости, прости, сыра матери,
И меня прости, покай да добра молодца.
Во перво́м греху прости, покай меня:
Уж я жил ведь со кумой да со крестовою,
Уж я прижил у кумы да млада отрока».
— «Уж я в том греху я могу простить,
Я могу простить, могу покаяти:
Уж ты малый был да молодехонек,
Умом-разумом да был глупехонек».
— «Во втором греху покай, матушка сыра земля,
Ты покай да добра молодца:
Я бранил отца да бранил матушку».
— «Уж я в том греху тебя да ведь могу простить,
Уж могу простить, могу покаяти:
Уж ты молод был да молодехонек,
Своим разумом да был глупехонек».
— «Во третьём греху покай, да мать сыра земля,
Ты покай, прости да добра молодца:
Уж я ездил, добрый молодец, да по чисту полю,
Я убил в чисто́м поли купца, гостя торгового».
— «Уж я в том греху тебя ведь, молодец, да не могу простить,
Не могу простить, да не покаяти:
Не купца убил, гостя да не торгового,
Как убил ведь своего брата́ крестового,
Как порушил ведь да крестно знаменье».

АНИКА-ВОИН

1

Жил-был Аника-воин
Два ста лет и двадцать лет.
Отживал он останное время.
Он при пире при беседе похваляется,
И при попах и при дьяконах:
«Я поеду, Аника-воин.

В Иерусалим-град,
Весь Иерусалим-град порублю,
Весь в полон возьму!»
Едет он путем-дорогою.
Валяется середи пути-дороженьки
Чудо престрашное.
Он Чуде воздивился.
Воздивился, устрашился:
«Что это за Чудо
Середи пути-дороженьки валяется?
Царь ли ты, царевич,
Или король, королевич,
Иль из иной земли скорый посол?»
— «Я не царь, не царевич,
Не король, королевич,
Не из земли я скорый посол —
Я твоя-то смерть,
Хочу тебя воскусити,
Не хочу тебя
До Иерусалима-града допустити».
— «Я смерти этой не вздивляюся:
Я палицу всподымаю,
Хочу ударить тебя по главе».
— «Аника-воин, не бодрися:
Были не в твою высоту,
И то смерти, меня, не миновали.
Был сотворший бог,
Сотворил небо и землю,
И луны, и звезды,
И то меня, смерти, не миновал».
Невзвидимо к нему
Смерть подкралася,
Косой ноги ему подкосила,
Пилой она ему руки подпилила, —
Он с добра коня свалился,
Он и смерти возмолился:
«Ох, матушка ты моя, смерть!
Дай ты мне пожити хоть на годочек».
— «Не дам я тебе пожити на часочек».
— «Ох, матушка ты моя, смерть!
Дай ты мне пожити хоть на месяц:
Я в свое житье-бытье съезжу,

С отцом с матерью распрощуся,
С родом с племенем поклонюся.
У меня казны много-множество,
Я свою казну расточу
По нищим по братьям,
По церквам, по соборам».
— «Аника-воин!
Твоя казна кровавая:
В твоей казне
Душе пользы не будет».

2

Жил да был на земле
Храбрые человек Аника.
Много он полонил,
Много он покорил
Царей и царевичей,
Королей, королевичей,
И сильныих-могучих богатырей.
Собирается Аника
В Ерусалим-град:
Хочет Аника
Святую святыню погубити,
Господень гроб разорити.
Едет Аника через поле.
Навстречу Анике едет Чудо:
Голова у Чуда человеческа,
Власы у Чуда до пояса,
Тулово у Чуда звериное,
А ноги у Чуда лошадиные.
Аника на коне становился
И этому Чуду дивился:
«Скажи ты мне, Чудо, проведай,
Царь ли ты, ли царевич,
Король ли ты, королевич,
Или ты сильные-могучий богáтырь?»
Чудо ему отвещает:
«Я не царь, не царевич,
Не король, королевич,
И не сильный-могучий богатырь,

А я смерть, страшна и грозна,
Вельми непомерна,
Сердцем своим непосульна.
Кто сотворил небо и землю,
Кто сотворил облаки, звезды,
Тот меня сотворил,
По всей земле попустил.
Где кого застану, искошаю:
В пути, в дороге застану — искошаю,
В избе, на подворье застану — искошаю.
Хочу и тебя, Аника, искосити».
Возговорит храбрые человек Аника:
«Я палицу подыму, палицей пришибу,
Либо коня попущу, конем потопчу
По главе по твоей».
Она ему отвещает:
«Был на земле Самсон-богатырь,
Был на земле Святогор-богатырь —
И я их искосила,
Хочу и тебя, Аника, искосити».
Возговорит храбрые человек Аника:
«О смерть, страшна и грозна!
Дай ты мне сроку хоть на полгода:
Сострою я тебе церковь,
Спишу твой лик на иконе,
Поставлю твой лик на престоле,
И будут к нам съезжаться
Князья и бояре
И сильные-могучие богатыри,
И станут нам свозить
Казну золотую».
Она ему отвещает:
«Кабы-де брать мне казну золотую,
Были бы у меня горы золотые,
От востока и до запада».
Вынимает пилы невидимые,
Потирает его по рукам и по ребрам.
Возговорит храбрые человек Аника:
«О смерть, страшна и грозна!
Дай ты мне сроку на один год:
Есть у меня казна золотая,
Раздам я ее по тюрьмам,

<По тюрьмам> и по богадельням».
Она ему отвещает:
«Казна твоя кровавая
Душе твоей не помога».
Вынимает пилы невидимые,
Потирает его по костям и по жилам.
Возговорит храбрые человек Аника:
«О смерть, страшна и грозна!
Дай ты мне сроку хоть на полгода:
Есть у меня отец и мать,
Дай ты мне с отцом с матерью проститься».
Она ему отвещает:
«Как же ты ехал на ратное дело,
Зачем с отцом с матерью не простился?»
Вынимает пилы невидимые,
Потирает его по костям, по жилам,
Аника на коне шатается,
И смертные уста запекаются,
Аника с коня повалился.
Тут по Анике и слава.

ДВА ЛАЗАРЯ

Было два братца, два Лазаря:
Один братец — богатый Лазарь,
А другой братец — убогий Лазарь.
Пришел убогий к брату своему:
«Братец ты, братец, богатый Лазарь!
Напой, накорми, на путь проводи!»
Выговорил богатый: «Отойди прочь,
Скверный, отойди прочь от меня!
Есть дружья-братья получше тебя:
Князья, княгины — те дружья мои,
Богатые ку́пцы — те братья мои».
Вывел богатый брата своего,
На чистое на поле выпроваживал,
Науськал богатый тридцать кобелей,
Стали убогого рвать и терзать.
Взмолился убогий самому Христу:
«Сошли мне, господи, грозных ангело́в,
Грозных ангелов, двух немилостливых!

Вынимайте душу от белого тела!»
Услышал господи молитву его:
Сослал ему господи легких ангелов,
Легких ангелов, двух архангелов:
Изымали душеньку со радостью,
Кладывали душеньку на золоту мису,
Проносили душу самому Христу.
Как бросило богатого о сыру землю,
Не узнал богатый ни дому, ни детей,
Ни дому, ни детей, ни жены своей.
Взмолился богатый самому Христу:
«Сошли мне, господи, легких ангело́в,
Легких ангело́в, двух архангелов,
Вынимайте душу от белого тела!»
Не слушал господи молитвы его:
Сослал ему господи грозных ангело́в,
Грозных ангелов двух немилостливых.
Вынимали душу не со радостью,
Кладывали душеньку на вострое копье,
Проносили душу во огненну реку,
Во огненну реку, во кипучу во смолу.
Увидал богатый брата своего:
«Братец ты, братец, убогий Лазарь!
Омочи-ка, братец, безыменный перст в окиян-море,
Помажь-ка, братец, печальные уста».
Отвечал убогий брату своему:
«Братец ты, братец, богатый Лазарь!
Как жили мы были на вольном на свету́,
Не знали мы, братец, никакого греха:
Брат брата братцем не назы́вывали,
Голодного не накармливали,
Жаждущего не напаивали,
Голого не одёвывали,
Босого не обу́вывали,
Красную девицу из стыда не вывели,
Колодников-тюремщиков не наве́щивали,
Убогого в путь во дорожку не проваживали.
Теперь воля не моя, воля господа,
Воля господа, царя небесного».

ПРОДАННЫЙ СЫН

1

Был-жил князюшко да сын Иванушко;
Он от батюшка Иванушка от умного,
Да он от матушки жены было разумныи
Зарождалося чадушко неумное,
Что ль неумное чадо, неразумное,
Зарождался Иванушко Гостиной сын.
Он охвоч был ходить да на царев кабак,
Он охвочий был пить да зелена́ вина,
Он охвоч был то́щить золотой казны;
Уж он знается со девками со дурками,
Со тема ли со жонками-плутовками,
Со теми голя́ми со кабацкима».
Унимала его да ро́дна маменька:
«Ай же ты Иванушко Гостиной сын!
Тебе полно ходить да на царев кабак,
Тебе полно пить да зелена вина,
Тебе полно тощить да золотой казны;
Ты не знайся со девками со дурками,
Со теми ль со жонками-плутовками,
Со теми голями со кабацкима».
Не слуша́л Иванушко да ро́дной матушки,
Он бранит-ругат да ро́дну матушку
Он такою бранью неподобною,
Неподобною бранью, всё по-матерну:
Не стерпела его да родна матушка:
Она брала Ивана за белы́ руки,
Поводи́ла на пристань корабельную,
Продавала купцам-гостям замо́рянам,
Ай заморянам купцам да вавилонянам.
«Ай же вы еси, купцы-гости замо́ряна,
Вы заморяна да вавилоняна!
Вы купите-тко да добра молодца,
Уж вы дайте мне-ка денег пятьдесят рублей».
Торговал тут Павел гость заморенин,
Гость заморенин да вавилоненин:
«Уж ты ой еси, да молода вдова!
Уж ты вора продаешь али разбойника,
Ты таки ль ночного подорожника?»

Отвечала ему молода́ вдова:
«Я не вора продаю, не разбойника,
Продаваю своего-то чада милого,
Чада милого да одина́кого,
Единого Иванушка Гостиного».
Тут спроговорил Иванушко Гостиной сын:
«Уж ты ой еси, Павел гость заморенин,
Гость заморенин да вавилоненин!
Не жалей-ко ты денег пятьдесят рублей,
Уж ты дай-ко бабы денег сто рублей, —
Я сгожусь тебе молодец во повары».
Что ль на ту пору, на то времечко
Повели Иванушка во кузницу,
Что ль связали у Иванушка белы́ ручки
Что ль во теи веревочки шелко́вые,
Сковали у Иванушка резвы́ ножки́
Что ль во трои и во двои во кавелды,
Во ручные, во ножные во заплётины.
Тут спрого́ворил Иванушко Гостиной сын:
«Уж ты ой еси, да мать родна!
По лицу-ту ты будто и мать родна,
По сердцу-ту ты дак змея лютая,
Змея лютая да подколодная».
Повезли Ивана на черно́й кора́б,
Посадили во трупь-ту корабельную.
Тут катали якори булатные,
Подымали парусы поло́тняны,
Отправлялись за синёе море-то.
Тута смолился Иванушко Гостиной сын
Пресвятой пречистой богородице:
«Пресвятая пречиста богородица!
Уж ты дай-ко мне-ка ти́шину способну,
Ты снеси меня за синее море-то».
Уж он год служил да верой-правдою,
Он другой служил да неизменою...

На третий год он стал начальствовать над тридцатью кораблями, пришел за море за матерью и увез ее к себе.

2

А родители да были умные,
Уж как чадушка пали безумные,
Пошли чадышка по ка́бакам погуливать,
Золоту казну стали прокидывать,
А со девками, со вдовками погуливать.
Уж как маменька на молодца да распрогневалась.
Пошла маменька во гавань корабельную:
«Вы купцы, гости да ведь торговые!
Вы купите у меня да чада милого,
Чада милого, чада любимого».
— «Не вора ли ты продашь да не разбойника,
Не церковного продашь да ты грабителя?»
— «Продаю-то я да чада милого,
Чада милого да я любимого.
Мое чадышко стоит пятьсот рублей, —
Я за чадышка возьму да только сто рублей».
Не березонька в ответ да к земли да клонится,
Не кудрявая к сырой земли да приклоняется —
Добрый молодец со маменькой прощается:
«По житью-бытью — да моя мать родна,
По досады, по разлуке — змея лютая!»
Уж как прого́ворит да добрый молодец:
«Вы купцы, гости да всё торговые!
Уж вы дайте моей маменьке да за меня не сто рублей,
Уж вы дайте за меня да целу тысячу,
Не ходила бы ведь моя мать да по подо́конью,
Не сбирала бы да ку́сков ломаных,
Кусков ломаных да ло́мтей резаных!»
Забривали тут ведь молодца да во солдатики,
Надевали на него шинель солдатскую.
С кормы на́ нос он по ко́раблю да запогуливал,
Запогуливал, сам запоплакивал,
Он поплакиват, горе причитыват:
«Ты талань ли ты моя да участь горькая!
Ты куды, талань, теперь да сподевалася?
Ты в темны́х лесах, талань моя, да заблудилася,
Ты в чисто́м поли, талань, бога́тыри тя по́били?
Охо-хо, хо-хо, да охти мнешенько!
Некуда уйдешь, некуда денешься!

Я куда пойду, да горе всё с собой,
Мне на час горе да не отвяжется».
Привозили добра молодца да во чисто́ поле,
Посадили добра молодца да на добру́ лошадь,
Награждали добра молодца да что медны́м ружьем,
Что медны́м ружьем да золотым копьем.
По чисту́ полю добрый молодец да запоезживал,
Запоезживат да сам поплакиват,
Сам поплакиват, горе свое причитыват.
Он с того горя да со кручинушки
Он свалился прочь да со добра́ коня.
Что резвы ноги да во быстро́й реки,
Что буйной главой да под ракитов куст.
Что на ту пору́, да на то времечко
Прилетело ведь три птички, три кукушицы:
Как една кукуша на бедну́ главу села,
А друга кукуша — на белы́ груди,
А третья́ кукуша на резвы́ ноги́.
На буйно́й главы да сидит мать родна,
На белы́х грудях — да родима́ сестра,
Во резвы́х ногах да молода жена.

ПРАВЕЖ

Как у нас-то было в матушке каменно́й Москве,
Что пымали доброго молодца безвинного, без поличного.
Повели доброго молодца на бел горюч камень;
И стали бить доброго молодца безвинного, без поличного.
Стоит добрый молодец — сам не тря́хнется,
Его русые куде́рюшки не воро́хнутся,
Только катятся у молодца горючи́ слезы
По его лицу по румяному.
Лучилось тут ехать самому царю Ивану Васильевичу.
Как не золотая трубонька вострубила,
Что возго́ворит наш батюшка православный царь:
«Ох вы гой еси, бурмистры-целовальнички,
Большие головушки, ларечнички!

За что вы доброго молодца пытаете?»
Что возговорят бурмистры-целовальнички:
«Ой ты гой еси, наш батюшка православный царь!
Требуем мы с него золотую казну,
Не много, не мало — сорок тысяч рублей».
Как возговорит надёжа православный царь:
«Ой ты гой еси, удалый добрый молодец!
Почему эта казна тебе доставалася
И почему причиталася?»
Что возговорит удалый добрый молодец:
«Это, батюшка, казна не царская и не барская,
А эта казна монастырская,
Того ли монастыря Соловецкого.
Я охоч был, батюшка, гулять по чисту́ полю,
И была у меня, батюшка, дубиночка,
Не мала́, не велика — ровно в тридцать пуд.
Заходил я, батюшка, во темны́ леса Соловецкие.
И вышел я, батюшка, на полянушку,
Тут добрые молодцы дуван дуванили.
Поднял я, батюшка, дубинушку выше себя
И ударил выше себя об зеленой дуб,
То они с шуму, с грому разбежалися,
А со звуку, батюшка, раскидалися.
Потому эта казна мне, батюшка, доставалася
И потому причиталася».
Что возговорит надёжа православный царь:
«Ой вы гой еси, бурмистры-целовальнички!
Заплатите доброму молодцу за увечьице,
Заплатите за бесчестьице,
И отдайте доброму молодцу сорок тысяч рублей».

МОЛОДЕЦ И КАЗНА МОНАСТЫРСКАЯ

А ходил-гулял добрый молодец по чисту полю,
Искал себе поединщичков,
И находил во чистом поле:
Сидят шестьдесят удалых добрых молодцев
И поделяют ёны́ золоту казну.
И приходит этот дородний добрый молодец,
Сам говорит таковы слова:
«Ай же вы, удалы дородни добры молодцы!

Дайте мне-ка-ва золотой казны
Хоть малый жеребеечек?»
И проговорят все удалы добры молодцы:
«Голячок ты, удаленький молодец!
Не можешь нажить себе золотой казны!
А не дадим тебе малого жеребеечка,
А не дадим тебе и трех рублей,
А не дадим тебе и трех алтын!»
Показалось ему это слово
За досаду за обиду за великую.
Ухватил черленый вяз
И ударил черленым вязом по сырой земле;
От того удара богатырского
Мать сыра земля сколыбалася,
А добры молодцы испугалися,
По чисту полю разбегалися,
И оставили ёны́ золоту казну.
Взял удалый добрый молодец золоту казну
И понес в каменну Москву.
Приходит в каменну Москву на царев кабак
И купил-брал зелена́ вина.
Сам говорил таковы слова:
«А пейте, братцы, зелена вина!
Не пропить моей золотой казны:
Есть у меня золотой казны сорок тысячей».
И пригодилися служки монастырские,
И доносили его царскому величеству.
И приводят этого удалого добра молодца.
И стал царь его допрашивати:
«Скажи, скажи, удалый дородний добрый молодец,
Был ли ты красть монастыря Румянцева,
И был ли ты нести золотой казны?»
Говорит удалый добрый молодец:
«Ай же ты, царь Петр Алексеевич!
А не был я красть монастыря Румянцева,
И не был я нести золотой казны.
А ходил-гулял по чисту полю
И находил во чистом поле
Шестьдесят удалых добрых молодцев,
И поделяют ёны золоту казну,
И золотой казны сорок тысячей,

И просил я у них золотой казны
Хотя малого жеребеечка.
А ёны говорят, удалые молодцы:
«Голячок ты, удаленький молодец!
Не можешь нажить себе золотой казны!
А не дадим тебе малого жеребеечка,
А не дадим тебе и трех рублей,
А не дадим тебе и трех алтын!»
Показалось мне это слово
За досаду за обиду за великую,
Ухватил я черленый вяз
И ударил черленым вязом по сырой земле;
От того удара богатырского
Мать сыра земля сколыбалася,
А добры молодцы испугалися,
По чисту полю разбегалися,
И оставляли ёны золоту казну».
Проговорит его царское величество:
«Ай же ты, удалый дородний добрый молодец!
Ходи-гуляй по чисту полю
И стой за веру христианскую!»

ВСТРЕЧА ЦАРЯ С МОЛОДЦЕМ В ИЗБУШКЕ

По край моря синего, на усть батюшки Дона тихого,
Да стояла там избушечка малым-мала,
Малым-мала избушечка таволжаная,
Покрыта та избушечка черным бархатом,
Потолочки и полочки чистого серебра,
А весы-провесы мелкого жемчуга.
Никто-то в ту избушечку не захаживал,
Ни пешему, ни конному следа не было;
Как случилось заезжать самому царю,
Самому было царю православному
Сы теми ли казаками сы гвардейцами.
Захватили они в избушечке доброго молодца,
Его босого и всего-то прираздетого,
Стал он доброго молодца расспрашивать:
«Ты скажи, скажи, удалый добрый молодец,
Не ты ль воровал, не ты ль разбойничал?»
Ответ держит молодец самому царю:

«Не я воровал, не я разбой держал,
Разбивали-разоряли донские казаки,
А я, добрый молодец, им товарищ был.
При дуване меня, молодца, задуванили,
Доставалась мне шубеночка худым-худа,
Худым-худа шубеночка, вся излатана;
Левая пола-то у ней в сто рублей,
Правая пола у ней во тысячу,
А стану с рукавами и цены нету».

ГРОЗНЫЙ И ДОМНА

Я вечор был у заутрени
У прихода Благовещенья,
Я не столько богу молился,
Сколько глядел на красавицу,
На игуменьи племянницу.
Я пошлю ли свата доброго,
Своего дядюшку родного,
Ко честной-то ко игуменье.
Подъезжает дядюшка царев
К широку двору ко игуменье;
Растворяются воротички;
Тут встречает игуменья,
С игуменьей красавица,
Что встречают, сами спрашивают:
«Вам какая нужда крайняя
Что до нашего монашества?»
Отвечал же царев дядюшка:
«Нам такая-то нужда крайняя, —
Ты отдай свою красавицу
За царя-то православного,
За Ивана за Васильевича».
Услыхала же красавица,
Заплакала горьким голосом:
«Ты родима моя тетушка!
Я нейду-то за носастого,
Я нейду-то за глазастого,
Не хочу любить губастого, —
Не хочу идти за царя-то православного,
За Ивана за Васильевича».
Как поехал его дядюшка

Со двора же со игуменьина,
Подъезжает к двору царскому.
Как встречает православный царь,
Он встречает, сам выспрашивает:
«Что сказали тебе, дядюшка,
Что сказали те, родимой мой?»
— «И тужила, горевала,
Лицо белое слезила,
И таков ответ красавица держала:
„Я нейду-то за носастого,
Я нейду-то за глазастого,
Не хочу любить губастого,
Не хочу идти за царя-то православного,
За Ивана за Васильевича“».
На то царь не сержается:
«Я пошлю ли сваху добрую,
Свою тетушку родную,
Ко честной-то ко игуменье».
Растворяются воротички,
Встречает ее игуменья,
И с ней ее красавица,
Встречают, сами спрашивают:
«Вам какая нужда крайняя
Что до нашего монашества?»
— «Я приехала к игуменье
От царя-то православного,
От Ивана от Васильевича.
Ты отдай свою красавицу
За царя-то православного».
Как растужится,
Как расплачется красавица:
«Ты родима моя тетушка!
Я нейду-то за носастого,
Я нейду-то за глазастого,
Не хочу любить губастого,
Не хочу идти за царя-то православного,
За Ивана за Васильевича».
Как поехала его тетушка
Со двора же со игуменьина,
Подъезжает к двору царскому,
Растворяются воротички,
Въезжает она на широкой двор,

Встречает же православный царь,
Он встречает, сам выспрашивает:
«Что сказали тебе, тетушка,
Что сказали те, родимая моя?»
— «И тужила, горевала,
Лицо белое слезила,
И таков ответ красавица держала:
„Я нейду-то за носастого,
Я нейду-то за глазастого,
Не хочу любить губастого,
Не хочу идти за царя-то православного,
За Ивана за Васильевича“».
Придумал же царь такую думу:
Посылает он сестру свою родную
Ко честной-то ко игуменье:
«Собери ты, сестра родная, су́прядку
Про красных девушек,
Поезжай-ка ты за красавицей,
Зови к красным девушкам на супрядку,
А царя-то, скажи, дома нет,
У боярина дитя крестит».
Как поехала его сестра родная
Ко честной-то ко игуменье.
Подъезжает к широку двору,
Растворяются воротички;
Как встречает же ее монашина,
Что встречает, сама спрашивает:
«Вам какая нужда крайняя
Что до нашего монашества?»
На ответ ей сестра царская:
«Я еду ко игуменье».
Въехала она на широкой двор,
Входит же ко игуменье
Во новую горницу,
Во светлую све́тлицу.
Увидала же игуменья:
«Вам какая нужда крайняя
Что до нашего монашества?»
Отвечала же ей сестра царская:
«Приехала я за красавицей
К красным девушкам на супрядку,
А царя-то дома нет,

У боярина дитя крестит».
Услыхала же красавица;
Подходит сестра царская к красавице:
«Собирайся-ка, красавица,
Свет Домна Перфильевна,
Я сделала супрядку
Про красныих девушек,
А царя-то дома нет,
У боярина дитя крестит,
Надевай-ка платье цве́тно».
Отвечает же красавица,
Осударыня Домна Перфильевна:
«Уж я не еду в дом царской,
Уж я боюсь-то царя Грозного,
Еще нет у меня платья цве́тного,
Еще есть-то у меня платье черное,
Платье черное, монашеско».
Возговорит же сестра царская:
«Не отговаривайся, красавица,
Поедем во платье черныим».
Белое лицо красавицы приусмягнуло,
Алые румянцы призакрылися,
Ясные очи помутились.
Возговорила же красавица:
«Ты родима моя тетушка!
Мне сегодняшню темну ночь
Мало спалось, много виделось,
Привиделся во сне сон нехорош,
Что отпала моя русая коса
Со лентою со алою».
Как возговорит ей тетушка:
«Ты родимо мое дитятко!
Как поедешь ли во царский дом,
Не говори царю слова гру́бного,
Слова грубного, противного,
Еще срубит с тебя царь головушку
По могучи твои плеченьки».
Как поехала красавица
Со царевой же сестрой ро́дною,
Подъезжают к двору царскому,
Растворяются воротички,
Въехали на широкой двор,

Встречает же православный царь,
Встречает, сам выспрашивает
И берет ее за белу руку:
«Ты пожалуй, гостья спесивая,
Ты пожалуй, гостья ломливая,
Уж идешь ли ты за носастого,
Уж идешь ли ты за глазастого,
Уж ты хочешь ли любить губастого,
Уж ты хочешь ли идти за царя-то православного,
За Ивана за Васильевича?»
Отвечает же красавица:
«Я нейду-то за носастого,
Я нейду-то за глазастого,
Не хочу любить губастого,
Не хочу идти за царя-то православного,
За Ивана за Васильевича».
На то царь не сержается,
Он опять ее выспрашивает:
«Ты идешь ли за носастого,
Ты идешь ли за глазастого,
Хочешь ли любить губастого,
Хочешь ли идти за царя-то православного,
За Ивана за Васильевича?»
Отвечает же красавица:
«Я нейду-то за носастого,
Я нейду-то за глазастого,
Не хочу любить губастого,
Не хочу идти за царя-то православного.
За Ивана за Васильевича».
Закричал же православный царь:
«Вы подайте, слуги, саблю вострую,
Я срублю ее головушку
По могучи ее плеченьки!»
А сам стал опять ее выспрашивать:
«Ты идешь ли за носастого,
Ты идешь ли за глазастого,
Хочешь ли любить губастого,
Хочешь ли идти за царя-то православного,
За Ивана за Васильевича?»
И опять ему в ответ красавица:
«Я нейду-то за носастого,
Я нейду-то за глазастого,

Не хочу любить губастого,
Не хочу идти за царя-то православного,
За Ивана за Васильевича».
Как срубил же с нее царь головушку
По могучи ее плеченьки.
Покатилась же головушка
К добрым коням под копыточки,
Добры кони стоят, не шело́хнутся.
Закричал же православный царь:
«Вы подайте, слуги, золото блюдо!»
Положил головушку красавицы
На золото́ блюдо,
Сам заплакал горючьми слезми,
Во слезах возго́ворил:
«Вы возьмите, слуги, золото блюдо
С буйной с этою головушкой,
Отнесите ее ко игуменье,
Ко родимой ее тетушке,
Поставьте-ка на дубовой стол!»
Принесли же головушку красавицы
Ко честной-то ко игуменье,
Поставили на дубовой стол.
Увидала ее тетушка,
Заплакала горьким голосом:
«Ты родимо мое дитятко!
Не могла меня послушаться,
Говорила я тебе, наказывала:
Не говори царю слова грубного, противного;
Вот он срубил твою головушку
За твои слова дерзкие,
Лишил тебя свету вольного».

КАЗАНЬ-ГОРОД

1

Соловей кукушку подговаривал,
Подговаривал, всё обманывал:
«Полетим, кукушка, во темны́ леса́,
Мы совьем с тобою тепло гнездушко».
Молодец девицу подговаривал:

«Поедем, девица, во Казань-город,
Казань-город на красе стоит,
На красе стоит, на крутой горе,
Казаночка-речка медова́ течет,
Мелки ключики — зелено́ вино,
По лугам-лугам трава шелкова,
По горам-горам цветы алые,
Цветы алые, всё лазоревы».
— «Не обманывай, добрый мо́лодец:
Я сама давно про то ведаю,
Что Казань-город на костях стоит,
Казаночка-река крова́ва течет,
Мелки ключики — горючи слезы,
По лугам-лугам всё во́лосы,
По крутым горам всё головы
Молодецкие, всё стрелецкие».

2

У ключа, ключа, у колодеца
Добрый молодец поил коня,
Поил коня и не допаивал,
Красну девицу он подговаривал:
«Пойдем, девушка, в наш Казань-город,
Наш Казань-город на красы стоит,
Казань-реченька медом и́стекла,
Быстры ручейки зелены́м вином,
И по горам-горам высокиим
Лежат камешки самоцветныи,
По лужкам-лужкам сенокосныим
Лежат по́ясы шелко́выи».
— «Не обманывай ты, добрый молодец,
Я в Казань-городе была ро́жена,
В Казань-реченьке была кре́щена,
В мелких ру́чейках была купана.
Ваш Казань-город на ножах стоит,
Казань-реченька да кровью про́текла,
Быстры ру́чейки горючмы слезмы.
По горам-горам высокиим
Лежат головы человечески,
По лужкам-лужкам сенокосныим
Лежат гады, гады серыи».

ДЕВУШКИ И СОЛДАТЫ

Шли солдатушки слободой,
Манят девушек за собой:
«Вы пойдемте-ко, девушки, с нами,
С нами, добрыми молодцами,
Недалече, до Казани:
Во Казани-то жить привольно,
Жить привольно, гулять охотно,
У нас денежек предовольно,
У нас домики пребогаты,
Белокаменные стоят палаты,
Меж домами-то течет речка,
Течет реченька медова́я,
По ней струечка золотая».
Что за реченькой стоял кустик,
Стоял кустик, куст ракитов,
На кусточке соловейко,
Соловеюшко сидит, громко свищет,
Громко свищет он, воспевает,
Красных девушек унимает:
«Не сдавайтесь вы, девки красные,
На солдатские на обманки:
У солдатушек домы — горы,
Домы — горы каменисты,
Меж домами-то текет речка,
Текет реченька да кровяная,
По ней струечка слезена́я».

БЕГЛЫЙ КНЯЖИЧ

Во тихом Дону, во тихом Дону,
Там купались три молодчика,
Два молодчика — братцы ро́дные, лицом сходные,
Не воры, охотнички, донские разбойнички,
Татарские рожи, на черта похожи.
А третий молодчик был чужесторончик,
Православный русской, из земли он Курской,
Княжеского роду, отроча опальный,
Отроча опальный, сиротинушка бесталанный,

Унес буйную головушку из Москвы от плахи,
Где скончался во темнице его батюшка родимый,
старый князь Василий.
Как один из братьев стал так говорити:
«Как нам молодца этого убити?»
Отвечает братец: «Постой, погоди,
Постой, погоди, расспросим его,
Расспросим его: какого он роду-племени,
Есть ли у него родимый отец,
Есть ли у него родимая мать,
Есть ли у него братья-молодцы,
Есть ли у него сестры родные,
Есть ли у него молода жена,
Есть ли у него малы деточки?»
— «Тихий Дон-река — мой отец родной,
Сырая земля — родна матушка,
Соловей в бору — родимый мой брат,
Кукушка в лесу — сестрица моя,
Белая березушка — жена молода,
От нее отростушки — мои детушки!»
Головка бесталанная покатилася,
Тихий Дон-река замутилася.
«Тихий Дон-река, родной батюшка, ты обмой
меня!
Сырая земля, мать родимая, ты прикрой меня!
Соловей в бору, милый братец мой, ты запой
по мне!
Кукушка в лесу, во дубровушке,
Сестрица моя, покукуй по мне!
Белая березушка с своими отростками, пошуми
по мне».

ПОСТРИЖЕНИЕ ЦАРИЦЫ

Ахти́, во Москве у нас, братцы, нездоро́во!
Заунывно во Царь-колокол благовести́ли:
Видно, царь на царицу прогневи́лся
И хочет сослать ее в ссылку,
Во славной Суздаль-городочек,
Во прече́стной монастырь во Петровской.

Тут заплакала благоверная царица,
Во слезах говорит такое слово:
«Ох вы гой естя, мое белокаменны палаты!
Уж мне в вас, полатушки, не бывати,
От свово царя ласкова слова не слыхати!»
Собирал-то царь возочек,
Высылал царицу в городочек.
Тут возговорит благоверная царица:
«Ох вы гой естя, извозчички мое молодые!
Вы потише поезжайте — не свищите:
Авось ли царь да на меня не умилится,
Не велит ли мне назад воротиться!»
Подъезжают оне к Петровскиим воротам,
Встречает ее игуменья с сестрами,
Тут возго́ворит благоверная царица:
«Отойди́сь ты прочь, игуменья с сестра́ми:
Не на час я к вам пришла часова́ти,
Не на е́дну темну ночку ночевати,
Я пришла к вам ве́ки вековати!»

ЖЕНА КНЯЗЯ ВАСИЛИЯ

На синём было на́ море,
На тихо́м было за́водье,
Потонул тут Василий-князь,
От злата венца идучи.
Оставала́сь молода княжна:
«Уж вы бо́яра, бо́яра!
Воротите вы ко́моня
На родимую сторону
Ко родимому батюшке,
К государыне матушке».
Они приехали к батюшке;
Посмотрела в окошечко
Молодая невестушка:
«Богоданная матушка!
К нам не гостьюшка приехала,
К нам приехала надворница,
Вековая постельница».
— «Ой вы гой еси, бояра!
Воротите вы комоня

Ко святому мона́стырю,
К самобольшей игуменье. —
Ты честна́я игуменья!
Постриги меня в ста́рицы,
Ты построй мне-ка келейку,
Просеки три окошечка:
Первое-то окошечко
Ко святому Благовещенью,
А второе-то окошечко
На родимую сторону,
А как третье-то окошечко
На синёе на́ море,
На тихое на за́водье:
Потонул тут мой венчанный муж,
Мой венчанный муж — Василий-князь!»

СКОПИН

1

У князя было у Владимира,
Было пированье почетное,
Ой кстили дитя княженецкое.
Ах, кто кум тот был, кто кума была?
Ай кум-от был князь Михайла Скопин,
Князь Михайла Скопин сын Васильевич,
А кума-то была дочь Скурлатова.
Они пили-ели, проклажалися,
Пивши-евши, похвалялися.
Выходили на крылечко на красное,
Уж как учели похвалу чинить князья-бояра.
Один скажет: «У меня много чистого
серебра»,
Другой скажет: «У меня больше красна
золота».
А что взговорит князь Михайла Скопин,
Михайла Скопин сын Васильевич:
«Еще что вы, братцы, выхваляетесь?
Я скажу вам не в похвалу себе:
Я очистил царство Московское,

Я вывел веру поганскую,
Я стал за веру христианскую».
То слово куме не показалося,
То крестовой не пондравилось:
Наливала она чару водки крепкия,
Подносила куму крестовому.
Сам же он не пил, а ее почтил:
Ему мнилось, она выпила,
А она во рукав вылила.
Наливала еще куму крестовому:
Как выпил князь Михайла Скопин,
Резвы ноги подломилися,
Белы руки опустилися.
Уж как брали его слуги верные,
Подхватили его под белы руки,
Повезли его домой к себе.
Как встречала его матушка:
«Дитя мое, чадо милое!
Сколько ты по пирам ни езжал,
А таков еще пьян не бывал».
— «Ах ты гой еси, моя мать родная!
Сколько я по пирам ни езжал,
А таков еще пьян не бывал:
Съела меня кума крестовая,
Дочь Малюты Скурлатова!»

2

Скопину-то рано мати наговаривала:
«Ты не езди, Скопин, в каменну́ Москву,
Не торгуйся с купцами Саморонскими,
Не бери ты товару саморонского,
Не кумися ты с дочерью Малютиной!»
Не послушался Скопин родну матушку,
Уж поехал-то Скопин в каменну Москву,
Подружился он с купцами Саморонскими,
Покумился он с дочерью Малютиной,
Покрестил-то он сына Скурлатовых.
«Я чего, кум, сижу, к куме в гости нейду?»
— «Я чего, кума́, сижу, ку́ма не потчиваю?»
Подходила к поставцу доморубленному,

Доставала она чару серебряную,
Наливала тое чару заморским вином.
По краям тоя чары змеи шипят,
Посредине той чары ключи кипят.
Принимал Скопин чару единой рукой,
Выпивал-то он чару на единый дух.
Его белые ручки опустилися,
Его резвые ноги подломилися,
Его ясные очи помутилися...
Выходил-то Скопин на краснó крыльцо,
Еще падал-то Скопин на добра коня,
Приносила его лошадь добрая
В отцовский дом к родной матушке.
Выходила Скопина мать на красно крыльцо:
«В старину-то я Скопинушке говаривала:
Ты не езди, Скопин, в каменну Москву,
Не дружи ты с дочерью Малютиной!
Не послушал, Скопин, родну матушку,
Уж поехал ты, Скопин, в каменну Москву,
Подружился ты с дочерью Малютиной,
Уж и съела кума молодого Скопина,
Погубила, злодейка, добра молодца!
Не стоять уж Скопину на резвых ногах,
Уж и быть Скопину полоненному,
Во темной во могиле схороненному!»

КНЯГИНЯ И ЗМЕЙ

Ходила княгиня по крутым горам,
Ходила она с горы на гору,
Ступала княгиня с камня нá камень,
Ступала княгиня на люта змея,
На люта змея, на Горыныча.
Кругом ее ножки змей обвился,
Кругом башмачка сафьянова,
Кругом ее чулочка скурлат-сукна,
Хоботом бьет ее в белые груди,
Во белые груди человечески,
Целует во уста ее сахарные.
От того княгиня понос понесла,
Понос понесла, очреватела.

Носила во утробе чадо девять месяцев;
На десятый-то чадо провéщилось,
Провещилось чадо, проговорилось:
«Уж ты гой еси, родимая матушка!
Когда я буду на возрасте,
На возрасте, пятнадцати лет,
Уж ты скуй мне палицу боевую,
Боевую палицу во сто пуд.
Мне палица легка покажется,
Уж ты скуй, матушка, в полтораста пуд.
Уж тогда-то я, матушка, буду со змеем воевать.
Я зайду-то к нему в пещерички змеиные,
Сниму ему буйну голову,
Подниму его головушку на острый кол,
Поднесу его головушку к твоему дворцу».

ИНДРИК-ЗВЕРЬ

1

А и где-то бы, слышно, глупому жить,
Да глупóму жить, неразумному?
А и где, слышно, есть Индей-земля,
Индей-земля, всё богатая?
Как и много там злата-серебра,
Да на больше того доброго земчуга.
Во Индей-земле степя́ дикие,
Степя дикие, леса темные.
Да во тех лесах живет Индрик-зверь:
На нем шорсточка вся земчужная,
А и грива-хвост позлаченая,
А копытца у него всё булатные,
Из ноздрей у него огонь пышет,
Из ушей у него идет дым столбом.
Он и бегает пить во Тарью-речку,
Он бежит, бежит — вся земля дрожит.
Прибегает он во Тарью-речку,
Забродит он да по щеточку,
Он и воду пьет, как ушатом в себе льет.

Как Тарья-речка сколыхалася,
Сколыхалася, раскачалася,
Раскачалася на двенадцать верст.
На крутых горах там и львы свищут,
На сырых-то дубах всё орлы скрыжут.

2

Ай что воздóлеко было, воздалéченько,
Было во чистóм-то поле,
Было во чистом поле.
Что не пыль-курá по чистом-то полю,
Кура подымалася,
Кура подымалася.
Не звериная эта стадица
Стада собиралася,
Ай стада собиралася.
Впереде, впереде его, того стадечка,
Ну бежит зверинушка,
Ну бежит зверинушка.
Ай вот бежит, впереде бежит
Вот этот зверинушка,
Под ним всё земля, всё земля дрожит,
Под ним всё земля дрожит.
На нем шорсточка, на этом на Индричку,
Будто не звериная,
Не звериная.
Ах на нем рожечки, на этом на Индричку,
Рожечки серебряные,
Ай рожечки серебряные.
Ну отросточки на этих на рожечках
Будто позлачёные,
Они позлаченые.
Из ушей, из ушей у него, этого Индричка,
Только дым столбом валит,
Дым столбом валит.
Ай из ноздрей, изо рта у того зверинушки
Пышет жаркая пóламья,
Жаркая пóламья.
Ну бежит, толичка бежит этот Индричек,
Бежит извивается,
Бежит извивается.

Ай у него грива с хвостом
По чистом по полюшку
Она, грива, развивается,
Грива развивается.
Ой да за ним толичка гони́т,
За этим за Индричком,
Го́нит млад донской, млад донской казак,
Ай гонит млад донской казак.
Эх да вышиною-то казачок,
Млад охотничек,
Только выше трех, выше трех сажне́й,
Только выше трех сажней.
Ай да у плечах, у плечах в него,
Этого охотничка,
Будто больше трех, больше трех аршин,
Ай больше трех аршин.
Ах между глаз толичка в него,
Этого охотничка,
Больше трех, будто больше трех пядей,
Больше трех пядей.
Ой да прибегает он, этот зверинушка,
К Сыр-Дарье-реке.
Ай к Сыр-Дарье-реке.
Вот и Сыр-Дарья-то река,
Она под зверинушкой,
Река, взволновалася.

СКИМЕН-ЗВЕРЬ

Как из да́леча-дале́ча, из чиста́ поля́,
Изо того было раздольица из широкого,
Что не грозная бы туча накаталася,
Что не буйные бы ветры подымалися,
Выбегало бы там стадечко змеиное,
Не змеиное бы стадечко — звериное.
Наперед-то выбегает лютый Скимен-зверь.
Как на Скимене-то шерсточка буланая,
Не буланая-то шерсточка — булатная,
Не булатна на нем шерсточка — серебряна,
Не серебряная шерсточка — золо́тая,
Как на каждой на шерстинке по жемчужинке.

Наперед-то его шерсточка спрокинулась,
У того у Скимена рыло, как востро копье,
У того у Скимена уши — калены стрелы,
А глаза у зверя Скимена, как ясны звезды.
Прибегает лютой Скимен ко Днепру-реке;
Становился он, собака, на задние лапы,
Зашипел он, лютый Скимен, по-змеиному,
Засвистал он, вор-собака, по-соло́вьему,
Заревел он, вор-собака, по-звериному.
От того было от шипу от змеиного
Зелена́ трава в чистом поле повянула;
От того было от свисту от соло́вьева
Темны лесы ко сырой земле клонилися,
От того было от рева от звериного
Быстрой Днепр-река сколыбалася,
С крутым берегом река Днепр поровнялася,
Желты мелкие песочки осыпалися,
Со песком вода возмутилася,
В зеленых лугах разливалася,
С крутых гор камни повалилися,
Крупны каменья по дну катятся,
Мелки каменья поверху несет.
Заслышал Скимен-зверь невзгодушку:
Уж как на небе родился светел месяц,
На земле-то народился могуч богатырь.

УСТИМАН-ЗВЕРЬ

Как не пыль-то во чистом поле запылилася,
Не туманушки со синя моря подымалися —
Появлялися со дикой степи таки звери:
Не два соболя бегут со куницею,
Наперед у них бежит стар Усти́ман-зверь.
На нем шорсточка, на Устимане, бумажная,
А щетинушки на Устимане все булатные,
Как на каженной на щетинушке по жемчужинке,
Посередь спины у него, Устина, золото блюдо.
Не чистой-то жемчуг по блюду рассыпается,
Все-то звери лютые разбегаются.
Подбегали звери дивные к Яику к реке.

Воскричал, взгаркнул тут Устиман-зверь
Своим вельми громким голосом.
Все сыры дубы с кореньев посломалися,
А быстра река Яикушка возмутилася,
Устоял только один сыр-матерый дуб.
На дубу на том сидел не сизой орел,
Не сизой орел — удалый добрый молодец.
Уж он метился из винтовочки глазом верныим;
Попадал же он Устину-зверю в ретиво́ сердце.
И падал тут Устиман-зверь на мать на сыру землю.
Застонала мать сыра земля и расступилася,
Пожрала она зверя лютого, самого Устимана.

КАК ВО СЛАВНОМ БЫЛО ГРАДЕ ВАВИЛОНЕ

Не во славном было граде Вавилоне,
Вавилоне.
Там жила ли была вот красная девушка,
Она дочь отецкая,
Дочь отецкая.
Прожила ли она, вот красная девица,
Ромно тридцать лет,
Ромно тридцать лет.
Не имела себе вот красная девушка
Себе одного, ай одного греха,
Одного греха.
Приезжали к ее вот родимому батюшке
Всё из гор князья,
Князья-узденя.
Приезжал ли к ее вот родимому батюшке
Сам Султан-паша, ай турецкой султан,
Турецкой султан.
Как в его ли лицо вот красная девушка,
Вот она влюбилася,
Вот влюбилася.
Она в его ли красу вот она прельстилася,
Перельстилася.
Совершала она, вот красная девушка,
Богу тяжкий грех,
Богу тяжкий грех.

Породила она младого юношу,
Сына Македонского,
Македонского.
Как узнал-то ли, узнал вот родной ее батюшка,
Стал журить-бранить.
Ай что журит-то ли он бранит вот красную
девушку,
Ее со двора вон долой гони́т,
Он долой гонит:
«Ты сойди-ка, сойди, вот красная девушка,
С мово широка, ай широка двора,
Широка двора.
Ты снеси-ка, снеси ее, худу славушку,
Худу славушку».
Как взяла-то ли, взяла вот красная девушка
Младого юношу, сына Македонского,
Его Александрушку,
Александрушку.
Как пошла-то ли она вот не стёжечкой,
Не дорожечкою,
Не дорожечкою, а тропиною она всё,
Вот всё звериною,
Всё звериною.
Как навстречу ей, вот красной девушке,
На младой охотничек,
Да охотничек:
«Да бог помощь тебе, вот красная девушка,
Куда тебя бог бедну несет?
Бог бедну несет».
— «А иду ли я, иду я, красна девушка,
По скрай моря синего,
Моря синего».
— «Еще я просить буду, я просить буду —
Не губи-ка ли ты младого юношу,
Сына Македонского!
Македонского».
— «Как построим тебе, вот красная девушка,
Вот теплую гнёздушку,
Да и гнёздушку.
Да с окошечками тебе, вот красная девушка,
Уж мы во чисту́ поля,
Во чисту поля,

А воротичками мы во синю́ моря,
Во синю моря.
Да как будут приезжать всё из гор кораблички,
Да кораблички,
А младой юноша уж и будет признавать
Родимого батюшку».

СТАРЫЙ ОРЕЛ

Летал-то, летал млад сизой орел по крутым горам.
Он, летаючи, состарился;
Пробивала у него housединушка между резвых крыл,
Побелела у него головушка, ровно белый снег,
Потусмели у него, сиза орла, очи ясные,
Примахал сизой орел свои крылья резвые,
Обломал свои остры когти вплоть до пальчиков.
Прилетали ко сизу орлу три черных ворона,
Прилетали к нему и в глаза глядят ему,
Во глаза-то глядят, ему речи говорят:
«Полно, полно тебе, стар сизой орел,
По крутым горам летать, гусей-лебедей бивать!»
— «Ах, кабы были мои прежние залетные крылышки,
Мои крылья резвые, когти острые!
Догнал бы я вас всех, трех воронов,
И избил бы я вас вплоть до бела тела!»
Начали молодца три черных ворона клевать
И ретивое его сердце вынимать.
«Ах вы братья-товарищи, где вы подевалися?
Или вы по крутым горам разлеталися?»

ГНЕЗДО ОРЛА

На батюшке было на Киянь-море,
На его было на крутых бережках,
На желтых его песках сыпучих,
На сыпучих песках, мелких, рассыпчатых.
Вырастало тут купарис-древо.
Со комелю деревцо свилевато,

Ко середочке деревцо сучковато,
Ко вершиночке деревцо кудревато,
На самой вершиночке были развилочки;
На развилочках сидел млад сизой орел.
Он сидел, орел, ровно три года.
Прилетала к орлу орлинушка;
Они начали совыкатися;
По совыканьицу стали вить тепло гнездо:
На завив кладут бело серебро,
Середочку выкладывают красным золотом,
Краюшки вынизывают мелким жемчугом,
В уголушки втирали дороги драгоценные
и самоцветные камни.
Выводил орел своих детушек,
Сизых молодых орлятушек.
Как добрый молодец стал на возрасте,
Его детушки стали быть на вóзлете.
Вдруг несчастьице на Киянь-море случилося:
Подымалася полуденная погодушка,
Со всего свету сильна полоса;
Всколыхала она Киянь-море
С краю во край и с конца в конец,
Подрывала куларисовы кореньица,
Потопляла орлино тепло гнездышко,
Во гнездышке малых его детушек.
Тут воскликнул, восплакнул млад сизой орел:
«На что было мне, орлу, орлинушку,
На что было мне, орлу, тепло гнездышко?
На что были мне, орлу, малы детушки?»
Взвивался орел высокохонько,
Опущался орел низехонько,
Ушибался орел о бел горюч камень.

КОНЬ И СОКОЛ

Сколько я, добрый молодец, пеш ни хаживал
И на добром моем коне ни езживал,
Но диковинки такой, как раз видел я, не видывал.
Наехал я на диковинку — на сыр крепкий дуб;
Как во этого сыра дуба кореньица всё булатные,

На сыру дубу шкорочка железная,
Цветочки во сыра дуба всё хрустальные,
А на веточках листушки коровайного золота,
Цвет и желуди на сыром дубу, они все алмазные.
На сыру дубу свито гнездышко соколиное,
А под ним-то стойлице кониное.
Как не душечка-душа добрый конь,
С ясным соколом он заспаривал
Не о сто рублев, не об тысячу,
А заспорили они о свои буйные головушки:
Кто скорей будет у местечка у урочного,
У того ли было колодезя у студеного.
Как коню бежать по сырой земле,
Ясну соколику лететь по поднебесью.
Прибегает душа добрый конь прежде сокола,
Он травы хватил да воды испил и у стойла стал.
Прилетает ясен сокол опосля коня,
Падает он коню во резвы ноги:
«Ты прости, уважь, душа добрый конь, моей глупости:
Соколиные мои крылушки залетные,
Глазушки у меня, сокола, завидущие:
Налетел я на стадо лебединое
И убил во той стадушке бела лебедя,
Да за тем за сем я, сокол, призамешкался,
Будь же мне, душа добрый конь, мне набольший брат!»

СОКОЛ И СОКО́ЛИНКА

Ой как и во́ поле было,
Было во чисто́м-то поле,
В широки́м раздольицы,
Ой да во раздольицы.
Вот при шляху-то ли было,
Было при дорожечке
На большом кургашике,
Ой да на кургашике.
Ой там лежал-то, лежал
Во этой раздольицы,

Лежал бел горюч камень,
Ой да бел горюч камень.
Ой как на этим-то было,
На этим на камушке
Сидел млад ясмён сокóл,
Ой да млад ясмён сокол;
Ой прилетала бы к нему,
Ко ясному сóколу,
Ясная вот сокóлинка,
Ой да вот соколинка.
Вот и садилася ему,
Ясному да соколику,
На левую ему сторону,
На левую сторону,
Ой под тóю-то ли было
Только соколиную
Да под сизую вот под крылушку,
Под сизую крылушку.
Ой как и сидучи она,
Ясная да соколинка,
Ему и речь возгóворит,
Вот и речь возговорит:
«Ой да на полно бы тебе,
Полно, млад ясмён сокол,
Сидеть да на камушке,
Ой да на камушке, —
Ой ну и этот камушек,
Этот бел горюч камень,
Камушек он заклят лежит,
Ой ну заклят лежит:
Вот заклинала бы его,
Этот бел горюч камень,
Матушка сыра, мать сыра земля,
Ой да мать сыра земля.
Ай ненадолго-то она
Будто заклинала его,
Вот бы на пятнадцать лет,
Ой да на пятнадцать лет.
Ой ну подымемся с тобой,
Млад ясмён соколик мой,
Вот подымемся да и полетим,
Ой да полетим с тобой.

Ой да и выше полетим,
Млад ясмён соколик мой,
Выше леса, леса темного,
Ой да леса темного.
Ой да и сядем жа с тобой,
Вот бы млад ясмён сокол,
Да на сыр на кудрявый дуб,
Ой да на кудрявый дуб.
Ой как у сырого было
Дубочка кудрявого
Присадушка соколиная,
Вот и соколиная.
Ой изукрашенный жа был
Вот этот зеленый дуб
Разными да укра́сами,
Ой да всё украсами.
Ой как и листушки в него,
У сырого дубика,
Листушки всё бумажные,
Листушки бумажные.
Ой да и шкорочка на нем,
На сыром на дубику,
Шкорочка да всё жестя́ная,
Шкорочка жестяная.
Ой как и веточки в него,
У сырого дубика,
Веточки да всё хрустальные,
Веточки хрустальные.
Ой ну корешики в него,
У сырого дубика,
Корешики всё булатные».

ЛЕБЕДУШКА И СОКОЛ

Да по морюшку, да было морю по Верейскому,
По Верейскому,
Да там плавала, да плавала белая лебедушка,
Ну лебедушка.
Да она плавала, да не так-то сама слезно плакала,
Слезно плакала,

Жалобу творит да она жа на ясного сокола,
Ясна сокола:
«Да ты, глупенький, да сокóл глупый, неразумненький,
Неразумненький!
Да за что, ты почто ты разбил стада лебединая,
Лебединая,
Да и убил ты, убил да мово белого лебедя,
Мово лебедя,
Разорил, разгромил да мою же вот теплую гнездушка,
Мою гнездушка,
Посирóтил ты да моих малых детушек,
Малых детушек,
Малых детушек да моих жа малых лебедяточек,
Лебедяточек!»
— «Да не плачь, не горюй, не горюй, белая лебедушка,
Ну лебедушка.
Узовьюся я, узовьюся вот бы выше облака,
Выше облака,
Полечу жа я да пущусь, вот бы млад ясмён сокол,
Млад ясмён сокол,
Полечу же я, да пущусь вот за океян-моря,
Океян-моря,
Соберу, пригоню, пригоню же стада гусей-лебедей,
Гусей-лебедей,
Да поставлю их, да поставлю вот бы в одну линию,
В одну линию:
Выбирай жа ты, выбирай жа, белая лебедушка,
Ну лебедушка,
Выбирай себе да по совести себе лебедя,
Себе лебедя!»
— «Не найтить жа мне да по совести себе лебедя,
Себе лебедя,
Не найтить, не найтить да своим деткам отца рóдного,
Отца родного:
Да как мой лебедь, да ведь он был лебедь приметливый,
Был приметливый,
Да и мой-то лебедь через пёрушку ведь он позолоченый!»

СОКОЛ И ВОРОНЫ

Не от пламечка, не от огничка
Загоралася в чистом поле ковыль-трава;
Добирался огонь до белого до камешка.
Что на камешке сидел млад ясен сокол.
Подпалило-то у ясна сокола крылья быстрые,
Уж как пеш ходит млад ясен сокол по чисту́ полю.
Прилетали к ясну соколу черны во́роны;
Они граяли, смеялись ясну соколу,
Называли они ясна сокола вороною:
«Ах ворона ты ворона, млад ясе́н сокол!
Ты зачем, зачем, ворона, залетела здесь?»
Ответ держит млад ясен сокол черным во́ронам:
«Вы не грайте, вы не смейтесь, черны вороны!
Как отрощу я свои крылья соколиные,
Поднимусь-то я, млад ясен сокол, высокошенько,
Высокошенько поднимусь я, млад ясен сокол,
по подне́бесью.
Опущусь я, млад ясен сокол, ко сырой земле,
Разобью я ваше стадо, черны вороны,
Что на все ли на четыре стороны.
Вашу кровь пролью я в сине море,
Ваше тело раскидаю по чисту полю,
Ваши перья я развею по темны́м лесам!»
Что когда-то было ясну соколу пора-времечко,
Что летал-то млад ясен сокол по поднебесью,
Убивал-то млад ясен сокол гусей, лебедей,
Убивал-то млад ясен сокол серых уточек.
Что когда-то было добру молодцу пора-времечко,
Что ходил-то гулял добрый молодец на волюшке.
Как теперь-то добру молодцу поры-время нет.
Засажон-то сидит добрый молодец во победности,
У злых ворогов добрый молодец в земляной тюрьме.
Он не год-то сидит, добрый молодец, и не два года,
Что сидит-то добрый молодец ровно тридцать лет,
Что головушка у добра молодца стала седешенька,
Что бородушка у добра молодца стала белешенька.
А всё ждет он, поджидает выкупу, выручки.
Был и выкуп бы, и выручка, своя волюшка,
Да далечева родимая сторонушка!

СОКОЛ НА ВОЛЕ

У нашего у царя, света батюшка,
У нашею у царицы благоверную
Потерялася потере́ячка, потерялася немалая,
Немалая и невеликая —
Не во сту рублей потеря́ и не во тысячу,
Потерялася потеря во три тысячи.
Из того было из садичку из зеленого,
Из той-ту из-за решеточки из середнию,
Из-за середнию, из серебряно́ю
Ушел у нас, улетел млад ясён соко́л.
За соко́лом бежит погоню́шка — молодой солдат,
Кричит-зычит соколику зычным голосом:
«Стой-ко, постой, млад ясён сокол, стой,
не улетай!
За тебя, говорит, меня, сколи́чек, царь ска́знить
хочет,
Благоверная царица ска́знить-повесить хочет».
Умел соко́л ему ответ сдержать:
«Когды я был, соколи́чек, во пойманню,
Не умели меня, соколи́чка, во често́ держать,
Ко́рмили меня, соколичка, хлебом-оржаниною,
Поили меня, соколика, водою болотною.
А теперь я, соколичек, на своей воле:
Полечу я, соколичек, на Му́рские заводи,
По́дшибу я, соколичек, лебедь белую,
На́пьюся я, соколичек, крови горячею,
Крови горячею, лебединою,
На́емся я, соколичек, мяса лебеди́ного».

ГИБЕЛЬ МОЛОДЦА У ПЕРЕВОЗА

1

Не былинушка в чистом поле зашаталася,
Зашатался, замотался удал-добрый молодец.
В одной тоненькой, в альяненькой во рубашечке,
Во шелковенькой опоясочке.
И прикачнулся он, привалился ко тихому Дону,
Ко тихому, ко смирному, ко крутому бережку́.

И скричал он, сгаркнул он своим братцам-товарищам:
«Вы братцы мои, товарищи, перевозчички,
рыболовщички,
Перевезите меня на ту сторону!
Вы возьмите с меня хоть сто рублей,
А если мало вам покажется,
Возьмите всию тысячу.
Перевезите меня на другую сторону,
Причастите меня и пособоруйте,
И схороните меня промёж трех дорог:
Промёж Питерской, Московской, третьей Киевской,
Вы делайте мне крест из трех дощек:
Из питеру, из китеру, из кипáрису.
За крест, за часовенку привяжите моего добра коня.
Кто ни пойдет, ни поедет,
На часовенку богу помолится,
На добра коня слезно всплачутся».

2

Ай вы леса-ле мои, лесочки, леса, бывали темные,
Ай вы куста-ле мои, кусточики, были куста частые,
Да станы-ле вы наши, станочики, станы, были теплы,
Ай друзья, товарищи всё были верные.
Еще все вы нонче, лесочики, все припосечены,
Ай-и, аи, еще все наши теплы станочики приразорены,
Ай-и, аи, все-то дружья, братья да товарищи, все
припойманы,
Ай-и, аи, все-то поиманы мои товарищи, они все
припосажены,
Ай-и, аи, все-то посажены мои товарищи, они все
приповешены.
Ай-и как да един-то из них доброй молодец он
не пойман был,
Ай-и он не поиман был, доброй молодец, он не посажен
был.
Ай-и прикачнулся ведь он, пришатнулся доброй
молодец,
Ай-и пришатнулся да прикачнулся ко Дону, всё
ко тиху Дону.
Ай-и он выспрашивал на тихом Доне перевозчичков,
он ведь всё перевозчичков:

«Еще есть-ле у вас на тихом Доне, братцы, всё перевозчички?
Ай-и переправьте меня, добра молодца, меня всё через тихой Дон».
Ай-и он переправился, доброй молодец, он через тихой Дон,
Он переправился, наш доброй молодец, сам ведь тут кончаться стал:
«А вы да братцы мои да всё товарищи перевозчички!
Вы положите-тко мое тело ай всё между трех дорог:
Между Питерской, между Московской да третьей славной Киевской.
Ай-и в зголовье вы поставьте всё животворящий крест,
Ай-и во резвы-то ноги да всё мине поставьте коня доброго,
Ай-и во праву-ту руку мне поставьте саблю вострую,
Ай-и во леву-то руку мине поставьте-тко мине копье долгое:
Ий кто да пойдет, кто всё мимо поедет, всё кресту помолится,
На добра-та коня всяк посмотрят, всяк обзарятся,
Ай на востру саблю посмотрят, все они устрашатся».

СМЕРТЬ РАЗИНА

Вы леса ль мои, лесочки, леса темные,
Вы станы ль мои, станочки, станы теплые,
Уж как вы ль, мои станочки, поразломлены,
Все товарищи, все приятели поразловлены,
По злодейкам по тюрьмам порассожены.
Только я-то ли, добрый молодец, не пойман был,
По прозваньицу меня звали Стенька Разин сын.
Я не год гулял, я не два года,
Я гулял-то ровно тридцать лет;
Как пошел-то я ко синю́ морю́,
Ко синю морю, ко Дунай-реке,
У Дунай-реки перевоз кричал:
«Перевезите-ка меня, добра молодца,
На ту сторону, на белый камешек!»
На белом камешке стал скончатися,

При кончинушке стал наказывать,
Стал наказывать и выговаривать:
«Ах вы милые сотоварищи!
Похороните меня, добра молодца,
Промежду трех дорог — первой Питерской,
Другой Владимирской, третьей Киевской.
Во в правую ручку дайте саблю вострую,
Во в левую ручку калену стрелу,
В головах поставьте чуден-дивен крест,
Во в ногах поставьте воронá коня.
Кто ни йдет, кто ни едет мимо молодца,
Мимо молодца, всяк помолится:
„Что не вор ли лежит тут, не разбойничек,
Тут лежит-то Стенька Разин сын!“».
Приходили тут сотоварищи,
Помолилися на чуден-дивен крест,
Тому-то братцы сдивовалися,
Стеньке Разину поклонялися:
«Уж ты выстань-ка, сотоварищ наш,
Ты возьми-ка в руки саблю вострую,
Во в леву руку калену́ стрелу,
Ты ударь-ка буйной палицей
По бедрам нашим широкиим!
Кабы знали мы, уж ведали,
Выручили бы с белá камня́,
С бела камня, со Дунай-реки,
Со Дунай-реки со широконькой.
Покажи-ка нам златы латы тут,
Златы латы тут серпентинные!»
Погрузили во Дунай-реку
Сотоварищи Стеньку Разина.
Со Дунай-реки сотоварищи
На Амур пошли думу думати.
У Амур-реки крута гора,
Крута гора высокая;
На той горе распрощалися,
Друг другу поклонялися:
«Уж мы, братцы, разойдемтесь-ка,
Разойдемтесь-ка по дики́м местам!»

РАЗБОЙНИЧЬЯ ЛОДКА

Из-под камешка речка разливалася,
С бережочками поравнялася.
По этой быстрой речке плыла веточка.
Ну хорошо как, братцы, ветка изукрашенная:
Еще нос-корма у ветки подзолочена,
Рытым бархатом ветка обколочена.
Во носу сидит, братцы, есаул с ружьем,
Во корме сидит атаман с копьем.
Ну посередь ветки лежит золота казна,
На казне, братцы, красной ковричок,
На ковру сидит красна девица,
Атаманова, братцы, полюбовушка,
Есаулова, братцы, родна се́стричка.
Сновидением она во сне видела:
«Атаманушку-дружку быть убитому,
Есаулушку-братцу пойманному,
А золотой казне быть похищенной,
А мне, красной девице, полоненой быть».
Тут спроговорил, значит, атаманушко-дружок:
«Ну не может быть, — сказал бы, — и уж так же сбудется,
Ну станем пить-попивать да зелена́ вина».
Ан и тут спроговорила да красная девица:
«Ну как пить-то вы, пить-то, только не воспивайтеся!»
— «Ну может быть, еще и не станется».
Вот стали пить они зелена вина, ну и сильно испилися.
Вдруг нагрянула погонушка несносная,
Есаулушка-брата уж поймали его,
А атаманушка-дружка солдат на копье держал.
Тут спроговорил, братцы, атаманушка:
«Еще прощай, моя душа красна девица,
Полюбовушка ты моя любезная,
Ну не верил я тебе, не верил тебе,
Уж не думал я, что так и сбудется».
И атаманушко-брат тут и помер.
Поймали есаулушка, повезли его
И посадили его, есаулушка, во тюрьму
И меня, красну девицу, вместе с ним.
И меня, красну девицу, вместе с ним
Посадили во тюрьму во глу́мную.

ЦАРЬ В КАБАКЕ

Что из славного города из Санкт-Питера
Пролегала путь широкая дорожечка.
Что по той пути широкия дорожечке
Туда шло-прошло удалых тридцать молодцов;
Молодец к молодцу, волос к волосу,
Волос к волосу молодцы, да голос к голосу.
Случилось им идти мимо царев кабак,
Мимо то же кружало государево.
Еще все они, молодцы, на проход прошли,
Что один из них, добрый молодец, остается.
Приворачивал молодец на царев кабак,
Что на то же кружало государево.
Отворяет он кабацкие двери на́ пяту,
Да он молится Спасу и Пречистой,
Поздравляет он бурмистров со ларешными:
«А вы здравствуйте, бурмистры и ларешные!
Вы отмеряйте питья мне за пятьсот рублев,
А товарищам моим за целую тысячу».
Уже как в то время бурмистры соглянулися,
Соглянулися бурмистры, рассмехнулися;
Уж как стали у молодца выспрашивать:
«Еще как тебя, добрый молодец, по имени зовут,
Еще коего города урождением?»
Что ответ держит удалой добрый молодец:
«Урождением города каменно́й Москвы,
Что квартирушка стоит в Кремле-городе,
В Кремле-городе, против Ивана Великого».
Уж как в то время бурмистры испугалися:
«Ах ты ой еси, батюшко наш православный царь,
Золота твоя казна не запечатана,
Твои погребы глубокие не заперты».

ИВАН ЛЕВШИНОВ

Из-за гор крутых,
Было из-за кру́тых гор,
Ай из-за крутых гор,
Из провалица было из глубокого,
Ай, было из глубокого,

Не белой-то кречет он вылетывал,
Ай, кречет он вылетывал,
Не лютой молодой турчин всё наезживал,
Ай, вот турчин всё наезживал
На своем душечке добру́, на добру коню,
На добру коню.
У него добрый-то конь, коник, ровно лютый змей,
Коник, ровно лютый змей,
На нем сбруица, сбруя азиятская,
Ай, сбруя азиятская,
На нем платьице, платье ровно жар горит,
Ай, ровно жар горит,
На нем шапочка, шапка-кабардиночка,
Ай, шапка-кабардиночка.
Выезжал-то турчин вот он на высок курган,
Ай, на высок курган.
Он глядит-то турчин на четыре на все стороны,
Ай, четыре на все стороны,
Он глядит-то, смотрит на полки на пехотные,
На полки на пехотные,
А и больше глядит на полки на казачие,
На полки на казачие.
Он кричал-то шумел своим громким голосом,
Ай, своим громким голосом,
Вызывал, выкликал вот себе он охотничка,
Вот себе охотничка,
Супроти-то себе, турку, поединщичка,
Ай, турку поединщичка.
Вот один-то казак, казак сыохотился,
Казак сыохотился.
Со Ершова полка, со шестой сотни,
Ай, вот бы со шестой сотни,
Ну из самой задней со шеренгочки,
Из задней шеренгочки,
Выезжал-то младец, донской малолеточек,
Донской малолеточек,
По прозванию он Иван Левшино́в казак,
Ай Иван Левшинов казак.
По полку-то ездит, со всеми он прощается,
Ай, со всеми прощается:
«Вы простите мене, милые вы товарищи,
Милые товарищи!»

Ну и сам-то взвился, вроде ясна сокола,
Вроде ясна сокола.
Вот и вдарился с своим сопротивничком,
Ай, своим сопротивничком, —
Он сбил-то казак турка-неприятеля,
Ай турка-неприятеля.
Ухватил-то его коня за шелков чунбур,
Коня за шелков чунбур,
Он и едет к своему полку со добычею.

МОЛОДЕЦ И ТРИ ТАТАРИНА

При курганчике, при широком раздольице,
Добрый молодец спочив имел,
Спочив имел, день до вечеру,
Осеннюю темную ночушку до белой зари.
Наезжали на доброго молодца три охотничка,
Три охотничка, три татарина.
Один говорит: «Из ружья убью»;
А другой говорит: «Я копьем сколю»;
А третий говорит: «Я живого возьму».
Добрый молодец от сна пробуждается,
За шелков чумбур хватается,
На своего доброго коня наскоро сажается.
Он и первого татарина сам из ружья убил;
А другого татарина копьем сколол;
А третьего татарина живьем повел.

ДВА НЕВОЛЬНИКА

Как шли двое невольников
Из неволи,
Из той орды проклятой
Из Хивинской;
Пришли они к быстрой реке
Ко Уралу.
На ту пору Урал-река
Возмутилась,
С песком она да с желтеньким
Посмешалась,

Ледком она да тоненьким
Сомыкалась,
Снежком она да беленьким
Покрывалась.
Один из них пустился в путь
Через реку;
Он правой своей ножкой в снег
Становился.
И только что успел он в лед
Упереться,
Как беленький снежочек вдруг
Распахнулся,
А тоненький ледочек вкруг
Обломился,
Удалой добрый молодец
Стал тонути.
Товарищу он взгаркнул тут
Благим матом:
«Ты гой еси, товарищ-друг,
Брат назва́ный,
Не дай ты мне в мои года
Жалко сгибнуть,
Беги да протяни скорей
Праву руку!»
— «И рад бы я тебе
Протянути,
Да рука-то теперь моя
Коротенька,
А быстра Урал-речушка
Глубоконька».

КАЗАК И ШИНКАРКА

1

На горе, горе, полугоре
Стояла корчма, корчма польская,
Корчма польская, королевская.
Как во той во корчме
Да два молодца пьют —
Поляк да казак.

Поляк водку пьет,
Дукаты кладет;
Казак водку пьет,
Ничего не кладет,
Шинкарку манёт:
«Да поедем, шинкарочка,
К нам на тихий Дон!
Как у нас на Дону
Не по-вашему:
Не ткут, не прядут,
Хорошо ходют».
Прельстилась шинкарочка
На казачьи слова,
И садилась шинкарочка
Коню за бедра.
Да повез он шинкарочку
Во темны леса,
Повесил шинкарочку
Он на сосенку,
Зажег казак сосенку
Снизу до́верху.
Сосенка горит,
Шинкарочка кричит:
«Да донские казаки
Все обманщики!»
— «А вот тебе, шинкарочка,
Да наш тихий Дон».

2

Говорят про Персию,
Что богатая;
Она не богатая, —
Распроклятая.
Через эту Персию
Дорожка лежит,
При этой дороженьке
Корчажка стоит;
Во этой корчаженьке
Три молодца пьют:
Поляк и пруссак, братцы,
И гребенской казак.

Поляк, братцы, водку пьет,
Монеты кладет;
Пруссак, братцы, водку пьет,
Червонцы кладет;
Гребенской казаченька,
Он пить-то не пьет,
На выдумку бьет,
Молодую шинкарочку
С собою зовет:
«Поедем, шинкарочка,
Со мной на Кавказ!
У нас на Кавказе
Не по-вашему:
Не ткут, не прядут,
Девки хорошо ходют».
Сдавалася шинкарочка
На его слова,
Садилася шинкарочка
Верхом на коня,
Верхом на коня, братцы,
Позади седла.
Повез казак шинкарочку
Во темный лесок;
Привязал он шинкарочку
Ко сосниночке;
Он зажег сосниночку
Снизу до́верху.
Соснинка, братцы, горит,
Шинкарочка кричит.

МОЛОДЕЦ УБИВАЕТ ЦЕЛОВАЛЬНИКА

Мила матушка своему сыну наказывала:
«Дитё ли ты мое, дитятко, чадо милое мое!
Послушай, дитятко, наказа моего:
Не ходи ты, мое дитятко, поздно во царев кабак, —
Во царевом кабаке сидят твои недруги
И большие неприятели твои;
Хотят, мое дитятко, поймать тебя,
Поймать тебя хотят — зарезати;

Буйну твою головушку хотят отрезати,
Белую твою грудушку хотят взрезати,
Накрыть хотят белой грудью твои очи ясные,
Вынуть хотят из тебя, дитятко, ретиво́ сердце».
Подпоясал добрый молодец саблю острую,
Побежал он, добрый молодец, во царев кабак.
Прибежал добрый молодец во царев кабак,
Не застал он там неприятелей,
Стращат он бурмистров, целовальничков:
«Гой ты гой еси, целовальничек, скажи правду-истину,
Кто меня в кабаке изгубить хотел?»
Таит целовальник разбойников и не сказыват.
Разгоралося у молодца ретиво сердце,
Не стерпя сердца, срубил целовальничку буйну голову;
Сказал им молодец таковы слова̊:
«А ищите меня, доброго молодца, за быстрым
Днестром».

ДЕВИЦА — АТАМАН РАЗБОЙНИКОВ

Загуляла я, красна девица, загуляла
Со удалыми со добрыми молодцами,
Со теми ли молодцами, со ворами.
Не много я, красна девица, гуляла,
Гуляла, красна девица, тридцать шесть лет,
Была-то я, красна девица, атаманом
И славным и преславным ясаулом,
Стояла я, красна девица, при дороге
Со вострым я со ножичком булатным:
Ни конному, ни пешему нет проезда.
Не много я, красна девица, душ губила,
Погубила я, красна девица, двадцать тысяч,
А старого и малого в счет не клала.
Я ездила по городам, по уездам,
Захотела, красна девица, загуляти
Во славное в Московское государство,
Захотелось мне, красной девице, посмотрети,
Богатых там купцов мне поглядети,
Мне каменны полаты поломати,
Железные запоры отпирати.

Загуляла я, красна девица, загуляла
На славное Петровское на кружало.
Без счету я, девица, деньги выдавала,
Не глядя рублевички на стоичку бросала.
«Вы пейте, мои товарищи, веселитесь!»
Уж тут-то я, красна девица, бодрость оказала,
Уж храбро я и бодро поступала,
Атамановы поступки показала.
Уж тут меня, девицу, признавали,
По имени красну девицу называли,
По отечеству меня величали;
Назад руки красной девице завязали,
Повели меня, красну девицу, в полицу,
Подымали красну девицу на дыбу.
Уж смело красна девица отвечала:
«Постойте, судьи мои, не судите!
Чего вам от меня больше желати?
Сама я вам, красна девица, повинюся:
Не много-то я, красна девица, гуляла,
Гуляла я, красна девица, тридцать шесть лет,
Была я, красна девица, атаманом,
Стояла я, красна девица, при дороге
Со вострым я со ножичком булатным:
Ни конному, ни пешему нет проезда.
Не много я, красна девица, душ губила,
Погубила я, красна девица, двадцать тысяч,
А старого и малого в счет не клала.
Захотела я, красна девица, загуляти
Во славное в Московское во царство,
По широкиим по улицам походити,
Богатых там купцов поглядети,
Мне каменны полаты поломати,
Железные запоры отпирати.
Загуляла я, красная девица, загуляла
На славное Петровское кружало,
Не глядя я рублевички вынимала,
За стоичку без счету подавала,
Атамановы поступочки показала.
Уж тут меня, девицу, признавали,
По имени красну девицу называли,
По отечеству меня величали,
Назад руки красной девице завязали,

Повели меня, красну девицу, в полицу.
Судите, судьи, меня поскорее,
Раскладывайте огни на соломе,
Вы жгите мое белое тело,
После огня мне голову рубите,
Вы слушайте, судьи, моего приказа:
Ведите меня с товарищи в чисто поле,
Зачинайте вы класть всех сряду,
Меня, красну девицу, напоследок».
Я, лежа там, красная девица, возрыдала,
Об товарищах своих я пожалела,
Что рано я вас, девица, погубила.
«Я в сей вине, красна девица, причина;
Простите, мои приятели, доброхоты!»

ВОР ГАВРЮШКА

Ты долина моя, долинушка, раздолье широкое!
Ничего на тебе, моя долинушка, не уродилось;
Уродился на тебе, моя долинушка, только зелен садик.
Мимо садика мимо зелена лежала дорожка,
Что лежала-то дороженька неширокая;
Никто по той дороженьке нейдет, не проедет.
Проезжал же по той дороженьке один вор Гаврюшка,
Он на трех на своих троечках разношерстных:
Перва троечка у него коней вороных,
Друга троечка у него коней гнедыих,
Третья его троечка коней соловыих.
Что гнались-то за вором Гаврюшенькой три погони:
Первая погонюшка — злые татары,
Другая погонюшка — злые корсаки,
Третья погонюшка — молоды казаки.
Не догнали вора Гаврюшеньку всего версты на три.
Приезжает вор Гаврюшенька во город Воронеж;
Он атласу и бархату закупает,
Никто-то вора Гаврюшеньку не признáет,
Что за купчика вора Гаврюшеньку почитают.
Случилось идти вору Гаврюшеньке мимо темницы,
Признавали вора Гаврюшеньку своя братья.
«Уж ты батюшка наш Гаврюшенька, разбей ты темницу,
Уж ты выпусти нас всех, колодничков, на волю,

*

На ту ли на волюшку — на матушку Волгу!»
— «Уж вы братцы мои, товарищи, мне теперь не время:
За мной ли за Гаврюшенькой гонят три погони;
Первая погонюшка — злые татары,
Другая погонюшка — злые корсаки,
Третья погонюшка — молоды казаки.
Первой-то я погонюшки не боюся,
Другой-то я погонюшке поклонюся,
Третьей-то я погонюшке покорюся!»

ИЛЬЯ КУМ ТЕМНЫЙ

Еще было во городе Чернигове,
Там ведь жил-то молодой-от князь-от душечка,
Еще душечка да князь Семен Михайлович;
Живучись-то ихна жисть да хорошо жилась.
Им на радость ту господь послал да чада милого,
Чада милого послал, да всё любимого,
Да родился у них маленький княжевич-сын.
Собирает он на радости почестен пир,
Собирает он всех князей-то, всех он бóяров,
Он ведь всех гостей-купцей торговыих.
Научили его нянюшки-ти, мамушки:
«Ты поди-ка, душечка князь Семен Михайлович,
Ты зови, зови к себе всё кума стретного,
Кума стретного зови, кума крестового».
Тут князь-от не отслышался,
Он ведь звал-то себе да кума стретного,
Он того ли звал ведь темного разбойника,
Звал он темного разбойника да Илью Клúманта.
Говорит ему княгина таковы слова:
«Уж ты душечка князь Семен Михайлович!
Ты худого, нехорошего себе привел кума,
Откажись возьми от кума Ильи Климанта».
Говорит-то ведь он да таковы слова:
«Угощу я на пиру кума крестового, —
На меня ведь лихо кум всё не подумает».
Приходил-то темный-от разбойник Илья Климантов,
Одержал он себе крестника любимого.
На пиру-ту он сидит, разбойник Илья Климантов,

Он сидит-то на пиру не пьет, не ест, не кушает,
Он ведь беленькой лебедочки не рушает.
Говорил ему-то душечка князь Семен Михайлович:
«Уж ты что сидишь, да кум ты мой крестовый-от,
Ты сидишь у мня не пьешь, не кушаешь,
Еще беленькой лебедочки не рушаешь?
Налили́сь-то очи ясны всё кровью́ у тя горячею.
Разве местом я тебя обсадил теперь,
Обнесли-то разве тебя золотой чарой,
Надсмеялся разве кто-нибудь над тобой, крестовый кум?»
Говорит-то душечка князь Семен Михайлович:
«Не убил ты сегодня человека понапрасному,
Ты не пролил разве крови христианскою?»
Говорит темно́й разбойник Илья Климантов:
«Ты не бойся, мой крестовый кум Семен Михайлович,
Ты не бойся середи да дня ты белого,
Ты побойся во полно́чь хошь ночки темныя;
Ты спомянешь всё тогда кума крестового!»
Говорит-то тут ведь душечка-та князь Семен Михайлович:
«А не хвастай-ка ты, мой да кум крестовыя,
Ай ты тот ли наш разбойник Илья Климантов!
Я теперича услышал похвальбу твою, —
Я зало́жусь на крепки́ замочки тут заморские,
Я поставлю тут ведь верных караульщичков,
Не зайти теперь бы чтобы, не попасть никак».
Говорит темно́й разбойник Илья Климантов:
«Попаду-ту я к тебе, да я зайду к тебе».
<Говорит ему княгина таковы слова:>
«Уж ты душечка, ты князь Семен Михайлович!
Немалу́ ты теперь шуточку нашу́тил тут;
Эта шуточка тебе да как ведь с рук сойдет?»
Говорит-то ей ведь князь Семен Михайлович:
«Мы не будем ведь спать да во полночь ту, ночку темную».
Говорит ему княгина таковы слова:
«Подавай да дороги ему подарочки».
Он снимает свою шапку с буйной го́ловы,
Подавает своему куму́ крестовому:
«Уж ты милый, любимо́й кум крестовый мой,
Еще тот ли ты разбойник Илья Климантов!

Ты бери, бери подарочки, как я дарю».
Принимает он подарочки да единóй рукой,
Не дават ему спасиба всё кумý крестовому.
Почернело тут у разбойника Ильи всё у Климанта,
Почернело лицо-то, кровь-та богатырская,
Богатырска в лице кровь переменилася:
«Я хошь взял-то у тебя подарки, кум крестовый мой,
Не укрепил ты моего теперь да ретивá сердца.
Разгрубил ты всё мое да ретивó сердце».
Тут пошел у них кум да со честнá пиру,
Запирает он двери крепко-накрепко.
Они тут ведь уж ночку ту уж нé спали,
Они всю ту ночь ведь господу молилися.
На другу-ту они ночку запиралися
Что на те ли на замки, замки на крепкие;
У замков были поставлены караульщики верные.
Говорит-то ведь душечка князь Семен Михайлович:
«Что же мы ведь станем на замках да запираться мы?
Уж уехал теперь мой крестовый кум».
Ай ведь ý кума крестового была у Ильи Климантова,
Ай была у его шубка-невúдимка,
Ай была-то у его шапка-невúдимка.
Заходил-то кум крестовый на белóм свету,
На белом свету зашел — его уж не увидишь тут.
Повалился под тесóву под кроваточку,
Он держал в своих руках да саблю острую.
Он сидел-то, всё лежал да до полуночи,
Он в полночь ту ведь ставал да на резвы́ ноги,
Ай отсек-то он у кума крестового,
Он отсек-то у него да буйну голову,
Он отсек же у княгины буйну голову,
Он отсек-то у любимого у крестничка.
Отбрызнýла от младéня-та горя́ча кровь,
Что брызнýла во его-то во ясны́ очи,
Во ясны-ти очи Илье Климанту;
Он ослеп-то Илья; да Илья Климантов,
Закричал-то он своим-то зычным голосом:
«Вы секите, вы рубите мою грешну голову!
Что засек я своего кума любимого,
Я засек-то свою куму любимую,
У крестового у дитятка отсек я буйну голову;

Мне попала кровь горя́ча во ясны́ очи».
Захватили тут его всё за черны́ кудри,
Увезли они его на поле на Кули́ково,
Что отсекли-отрубили буйну голову.

КРЕСТОВЫЙ БРАТ

Еще был-то жил купец богатой-от.
Помирал-то купец да в молодых летах,
Оставлял он именье своему сыну,
Своему-то он сыну одина́кому.
С того горюшка сынок купеческой
Полюбил-то он пить да сладку водочку,
Сладку водочку пить и зелено́ вино.
Пропивал-то всё именье ро́дна батюшка,
Проиграл-то он да вдвое в карточки,
Прогулял-то, проживал да он три лавочки
С дорогима он заморскима товарами.
Он пошел-то во кабак да к зелену́ вину,
Напивался в кабаки-то зелены́м вином,
Говорил-то. он голя́м, голям кабацкиим:
«Я скажу-то вам, скажу, голям кабацкиим:
Я ходил, голи́, сегодня я по городу,
Я искал-то всё себе брата крестового,
Я крестового себе брата, назва́ного;
Я не мог себе найти брата крестового,
А никто со мной крестами не побратался;
Как идут мимо меня, всё надсмехаются,
Надсмехаются идут да сами прочь бежат».
Вдруг стоит-то тут у стойки голь кабацкая,
Голь кабацкая стоит, всё горька пьяница,
Говорит-то он ему всё таковы слова:
«Мы побратаемся мы с тобой крестами золотыма мы!»
Говорит-то всё ему да голь кабацкая:
«Неужели у тебя имеется да золотой-от крест?»
Говорит-то тут кабацка голь таки речи:
«Я сижу-ту хошь за стойкой, прохлаждаюся,
Я ведь был-то на веку́ не голь кабацкая,
Я имел ведь у себя-то черны ка́рабли,

Я имел ведь у себя товары разные,
Ай несчетно у мня было золотой казны!»
Скинывáл-то он с ворота золотой всё крест,
Ай побратались крестами золотыма тут.
Обдирало-то у их да хмель-то пьяной тут,
Стали они да всё заплакали:
«Нам ведь полно-то ходить да нам шалéть больше!
Нам ведь надоть наживать живот, как раньше был».

БАЛЛАДЫ САТИРИЧЕСКИЕ И КОМИЧЕСКИЕ

ЧУРИЛЬЯ-ИГУМЕНЬЯ И СТАФИДА ДАВЫДОВНА

Да много было в Киеве божьих церквей,
А больше того почестных монастырей,
А и не было чуднее Благовещения Христова.
А у всякой церкви по два попа,
Кабы по два попа, по два дьякона
И по малому певчему, по дьячку;
А у нашего Христова Благовещенья честного
А был у нас-де Иван-пономарь,
А горазд-де Иванушка он к заутрени звонить.
Как бы русая лиса голову клонила,
Пошла та Чурилья к заутрени:
Будто галицы летят, за ней старицы идут,
По правую руку идут сорок девиц,
Да по левую руку друга сорок,
Позади ее девиц и сметы нет.
Девицы становилися по крылосам,
Честна Чурилья в алтарь пошла.
Запевали тут девицы четью петь,
Запевали тут девицы стихи верхние,
А поют они на крылосах, мешаются,
Не по-старому поют, усмехаются.
Проговорит Чурилья-игуменья:
«А и Федор-дьяк, девий староста!
А скоро походи ты по крылосам,
Ты спроси, что поют девицы, мешаются,
А мешаются девицы, усмехаются».
А и Федор-дьяк стал их спрашивать:
«А и старицы-черницы, души красные девицы!

А что вы поете, сами мешаетесь,
Промежду собой, девицы, усмехаетесь?»
Ответ держат черницы души красные девицы:
«А и Федор-дьяк, девий староста!
А сором сказать, грех утаить,
А и то поем, девицы, мешаемся,
Промежду собой, девицы, усмехаемся:
У нас нету дьяка-запевальщика,
А и молоды Стафиды Давыдовны,
А Иванушки-пономаря зде же нет».
А сказал он, девий староста,
А сказал Чурилье-игуменье:
«То девицы поют, мешаются,
Промежду собой девицы усмехаются,
Нет у них дьяка-запевальщика,
Стафиды Давыдьевны, пономаря Иванушки».
И сказала Чурилья-игуменья:
«А ты, Федор-дьяк, девий староста!
А скоро ты побеги по монастырю,
Скоро обойди триста келий,
Поищи ты Стафиды Давыдьевны.
Али Стафиды ей мало можется,
Али стоит она перед богом молится?»
А Федор-дьяк заскакал-забежал,
А скоро побежал по монастырю,
А скоро обходил триста келий,
Дошел до Стафидины келейки:
Под окошечком огонек горит,
Огонек горит, караул стоит.
А Федор-дьяк караул скрал,
Караулы скрал, он в келью зашел,
Он двери отворил и в келью зашел:
«А и гой еси ты, Стафида Давыдьевна,
А и царская ты богомольщица,
А и ты же княженецка племянница!
Не твое-то дело тонцы водить,
А твое бо дело богу молитися,
К заутрени идти!»
Бросалася Стафида Давыдьевна,
Наливала стакан винца-водки добрыя
И другой — медку сладкого,
И пали ему, старосте, во резвы ноги:

«Выпей стакан зелена вина,
Другой — меду сладкого
И скажи Чурилье-игуменье,
Что мало Стафиде можется,
Едва душа в теле полуднует».
А и тот-то Федор, девий староста,
Он скоро пошел ко заутрени
И сказал Чурилье-игуменье,
Что той-де старицы, Стафиды Давыдьевны,
Мало можется, едва ее душа полуднует.
А и та-та Чурилья-игуменья,
Отпевши заутрени,
Скоро поезжала по монастырю,
Испроехала триста келий
И доехала ко Стафиды кельицы,
И взяла с собою питья добрые,
И стала ее лечить-поить.

СТАРЕЦ ИГРЕНИЩЕ

Из монастыря да из Боголюбова
Идет старец Игренище,
Игренище-Кологренище,
А и ходит он по мона́стырю,
Просил честныя милостыни,
А чем бы старцу душа спасти,
Душа спасти, душа спасти, ее в рай спусти.
Пришел-та старец под окошечко
Человеку к тому богатому,
Просил честную он милостыню,
Просил редечки горькия,
Просил он капусты белыя,
А третьи — свеклы красныя.
А тот удалой господин добре
Сослал редечки горькия
И той капусты он белыя,
А и той свеклы красныя
А с тою ли девушкой поваренною.
Сошла та девка со двора она
И за те за вороты за широкие,

Посмотрит старец Игренище-Кологренище
Во все четыре он во стороны,
Не увидел старец он, Игренище,
Во всех четырех во сторонушках
Никаких людей не шатаются, не мотаются,
И не рад-та старец Игренище
А и тое ли редечки горькия,
А и той капусты белыя,
А третьи — свеклы красныя,
А и рад-та девушке-чернавушке.
Ухватил он девушку-чернавушку,
Ухватил он, посадил в мешок
Со тою-та редькою горькою,
И со той капустой белою,
И со той со свеклой со красною.
Пошел он старец по монáстырю,
И увидели его ребята десятильниковы,
И бросалися ребята они ко старцу,
Хватали они шилья сапожные,
А и тыкали у старца во шелковый мешок:
Горька редька рыхнула,
Белая капуста крикнула,
Из красной свеклы рассол пошел.
А и тута ребята десятильниковы,
Они тута со старцем заздорили.
А и молится старец Игренище,
А Игренище-Кологренище:
«А и гой вы еси, ребята десятильниковы!
К чему старца меня обидите?
А меня вам обидеть — не корысть получить.
Будьте-тка вы ко мне в Боголюбов монасты́рь,
А и я молодцов вас пожалую:
А и первому дам я пухов колпак,
А и век-то носить да не износить;
А другому дам камчат кафтан,
Он весь-та во тетивочку повыстеган;
А третьему дам сапожки зелен сафьян
Со теми подковами немецкими».
А и тут ему ребята освободу дают,
И ушел он, старец Игренище,
А Игренище-Кологренище
Во убогие он свои во келейки.

А поутру ранeнько-ранешенько
Не изробели ребята десятильниковы,
Промежду обедни, заутрени
Пришли они, ребята десятильниковы,
Ходят они по мона́стырю,
А и спрашивают старца Игренища,
Игренища-Кологренища.
А увидел сам старец Игренище,
Он тем-та ребятам поклоняется,
А слово сказал им ласковое:
«Вы-та ребята разумные,
Пойдем-ка ко мне, в келью идите».
Всем рассказал им подробно всё:
А четверть пройдет — другой приди,
А всем рассказал, по часам рассказал.
Монастырски часы были верные,
А который побыстрее их, ребят,
Наперед пошел ко тому старцу ко Игренищу.
Первому дал он пухов колпак:
А брал булаву в полтретья пуда,
Бил молодца по буйной голове —
Вот молодцу пухов колпак,
Век носить, да не износить,
Поминать старца Игренища.
И по тем часам монастырскиим
А и четверть прошла — другой пришел.
А втапоры старец Игренище
Другому дает кафтан камчатной:
Взял он плетку шелковую,
Разболок его, детину, донага,
Полтораста ударов ему в спину влепил.
А и тех-та часов монастырскиих,
Верно-та, их четверть прошла,
И третей молодец во монастырь пошел
Ко тому старцу ко Игренищу,
Допрошался старца Игренища.
И завидел его старец Игренище,
Игренище-Кологренище,
А скоро удобрил и в келью взял.
Берет он полено березовое,
Дает ему сапожки зелен сафьян:
А и ногу перешиб и другую подломил.

«А вот вы, ребята десятильниковы,
Всех я вас, ребят, пожаловал:
Первому дал пухов колпак,
А и тот ведь за кельей валяется,
А другому наделил я камчат кафтан,
А и тот не ушел из монастыря,
А последнему — сапожки зелен сафьян,
А и век ему носить да не износить!»

ТЕРЕНТИЙ-ГОСТЬ

Ой ты гой еси, Терентий-гость,
Славен ты, богат человек!
У тебя, дескать, жена молода
Оленушка Клементьевна,
Клементьевна-Дементьевна.
Ее с вечера недуги берут,
К полуночи ее немочь бьет,
К белой заре лихорадка трясет:
Немочь-то — черная,
Лихорадка — красная,
Пухота́, подживо́тна скорбь.
Тут возговорит жена молода
Оленушка Клементьевна:
«Ой ты гой еси, Терентий-гость,
Ты славен, богат человек!
Что ты мастеров не спрашиваешь,
Подмастерьев не допытываешь?»
Тута Терентий-гость
Встает поутру́ ранёхонько,
Обувается гладёхонько,
Умывается белёхонько,
Надевает шубу новую,
Он пошел по Новугороду,
Он стал проти́во креста,
Проти́ креста, проти́в чудного,
Проти́ чудна Остафейского.
Навстречу ему скоморохи.
Скоморохи, люди вежливые,
Люди вежливы, очестливые;

Они взглянутся — улы́бнутся.
А отвернутся — рассмéхнутся.
Тут возговорит Терентий-гость:
«Ой вы гой еси, скоморохи,
Скоморохи люди вежливые,
Люди вежливы, очестливые!
Вы много по земле ходоки́,
Вы много всем скорбя́м знатоки.
Вы скорби ухаживаете,
А недуги уговариваете.
У меня, братцы, жена скорбна́,
Оленушка Клементьевна,
Клементьевна-Дементьевна,
Ее с вечера недуги берут,
В полуночь черна немочь бьет,
К белой заре лихорадка трясет».
Ин тута скоморохи
Сглянутся — улы́бнутся,
Отвернутся — рассмéхнутся:
«Ой ты гой еси, Терентий-гость,
Славен, богат человек!
Ты пойди-ка во холщовой ряд,
Купи холщовой мех,
Ты недорого — три денежки дай,
А мочалище — полденежки,
Стало, без полушки грош,
Садися в холщовой мех!»
Пошли они к Терентью старому,
К Оленушке Клементьевне,
Клементьевне-Дементьевне.
Встречат их молода жена
Оленушка Клементьевна:
«Ой вы гой еси, скоморохи,
Скоморохи, люди вежливые,
Люди вежливые, очестливые!
Не видали ли неми́лого мово,
Терентья старого,
Терентья богатого?»
И тут скоморохи
Взглянутся — улы́бнутся,
А отвернутся — рассмéхнутся:
«Мы видели немилого твово́

Терентья старого
Против креста, проти чудного,
Проти чудна Остафейского:
Его вороны потаскивают,
Черны́ кобели́ поволакивают».
Возговорит жена молода
Оленушка Клементьевна:
«Избыла-де я немилого свово
Терентья старого,
Терентья богатого,
Нажила я свою волюшку!»
Тут возговорят скоморохи,
Скоморохи, люди вежливые,
Люди вежливы, очестливые:
«Ты слышишь ли, мешок,
Ты слышишь ли, холщов,
Что про тебя говорят,
Про твою буйну головушку?»
Он стал в мешке потягиваться,
Стал поволакиваться;
Холстинушка разо́рвалась,
А мочалище по́рвалось.
Встает тут Терентий-гость
На свои на резвы́ ноги,
Он берет трость жимолостну,
Половина свинцу налита,
Он стал скорби ухаживати,
Стал недуги уговаривати.
Тут возго́ворят скоморохи,
Скоморохи, люди вежливые,
Люди вежливы, оче́стливые:
«Ой ты гой еси, Терентий-гость!
Ты сам скорби ухаживаешь,
А недуги уговариваешь!»

ТЕРЕНТИЙ-МУЖ

Жил-был Терентий-муж,
У него была жена молода
Да Прасофья Ивановна.

Она с утра больна и трудна,
Она под вечер недужна вся.
«Уж ты ой еси, Терентий-муж!
Да ты ходи-тко по Нову́-городу
Да кричи-тко во всю гору,
Наживай хитрых-мудрых дохтуров,
Да не знают ли моей жены пособить
Да Прасофьи Ивановны?»
Настрету стретились Терентьищу
Скоморохи, люди вежливые,
Скоморохи очестливые.
«Да не знаете ли вы пособить моей жоны
Прасофьи Ивановны?»
— «Уж ты ой еси, Терентий-муж!
Пойди-ко ты в холщовой ряд
Да купи-тко себе холщовой мех,
Чтобы он тебе не долог был,
Чтобы он тебе не короток был».
Да пошел тут Терентий-муж
Да во холщовой ряд,
Да купил себе Терентий да холщовой мех.
Дожидают тут Терентьища
Скоморохи, люди вежливые,
Скоморохи, люди очестливые.
Он садится к скоморохам на саночки,
Залезает в холщовой мех.
Заходят тут скоморохи, люди вежливые,
Скоморохи, люди очестливые,
Ко Терентию во двор.
Они сами идут, саночки за собой волокут.
Как зашли скоморохи, люди вежливые,
Скоморохи, люди очестливые,
Ко Терентию-ту во двор.
Как стречает скоморохов Прасофья Ивановна,
Спрашивает скоморохов:
«Уж вы ой еси, скоморохи вежливые,
Да скоморохи очестливые!
Не видали вы стара́ мужа́ Тере́нтьища?»
— «Уж мы видеть-то не видели, только слышали:
На дороженьке убит лежит,
Да голова прочь отсеченая».
— «Уж вы ой еси, скоморохи, люди вежливые,

Да скоморохи, люди очестливые!
Спойте мне песню про стара мужа Терентьища,
Слава богу, что убили-то Терентьища.
Играйте вы в гусельки,
Играйте вы в звончаты,
Стара мужа Терентьища проклинайте,
Сердечного дружка споминайте».
Как запели скоморохи, люди вежливые,
Да скоморохи, люди очестливые,
Про стара мужа про Терентьища:
«Жив ли ты, мешок?
Глух ли ты, мешок?
Глуп ли ты, мешок?»
Как Терентьищо потянется —
Холщовой мех развяжется,
Сбил у гостя шапку малиновку
Да кафтан василькового сукна.

СЕРГЕЙ ХОРОШ

Ай уж ли вы миряне,
Государевы дворяне,
Благословите-тка вы, дворяне,
Про Сергея-та сказать,
Про Сергея Боркова
Сына Федоровича.
А не сергеевской Сергей,
Не володимерской Сергей,
А живал всё Сергей
На Уфе на реке,
В ямской слободе,
У попа во дворе,
В приворотней избе.
Спознала про Сергея
С гостиного двора
Гостиная жена,
Гостиная жена,
Крестиною зовут.
Она пива наварила
И ведро вина купила,

Позвала его, Сергея,
На пирушечку.
Приходил Сергей
Всех прежде людей,
А для-ради Сергея
И суседей позвала.
А и тот с борку,
Иной с борку,
Уже полна изба
Принабуркалася.
А и день к вечеру
Вечеряется,
Сергей молодец
Напивается,
Изволил он, Сергей,
Ко двору своему идти,
Ко подворью своему.
А в доме Сергей
Он опаслив был,
Он опаслив был
И не верил жене,
И не верил жене
И ревнив добре́.
Заглянет Сергей
В огороде-хмельнике,
В огороде-хмельнике,
На повети в се́ннике,
На перине на боку,
В шитом браном пологу́,
А и тут Сергей
Не видал никого.
Заглянет Сергей
Во свином котухе́,
А увидел он, Сергей,
Чужого мужика,
А чужого мужика
На жене-то своей

. . . .

Сергей заревел,
Мужика испужал,
А мужик побежал,

На поветь скакнул,
На поветь скакнул,
Он поветь обломил,
Да скотину задавил,
Он быка задавил,
Овцу-яловицу,
Овцу-яловицу,
Семерых поросят.
А стало у Сергея
Три беды во дому:
Первая беда —
Мужик поветь обломил,
А другая беда —
То скотину задавил,
А третья беда —
То жену его . . .
А сел Сергей,
Сам расплачется:
«А не жаль мне повети
И скотины своея,
Жаль мне того

. . . .

С тоски пропадет.
А кабы-де он . . . . ,
Спасиба бы сказал,
А спасиба бы сказал,
Могорец заплатил.
А поветь-та бы цела
И скотина-та жива,
И скотина-та жива
И жена бы весела,
А столь бы весела,
Будто ни в чем не была.

ХМЕЛЬ

Как во городе было во Казани,
Середи было торгу на базаре,
Хмелюшка по выходам гуляет,
Еще сам себя хмель выхваляет:

«Уж как нет меня, хмелюшки, лучше,
Хмелевой моей головки — веселее!
Еще царь-государь меня знает,
Князья и бояре почитают,
Священники-попы благословляют;
Еще свадьбы без хмеля не играют,
И крестины без хмеля не бывают;
Еще где подерутся, побранятся,
Еще тут без хмеля не мирятся.
Один лих на меня мужик-крестьянин:
Он частешенько в зеленый сад гуляет,
Он глубокие борозды копает,
Глубоко меня, хмелину, зарывает,
В ретиво сердце тычиночки втыкает,
Застилает мои глазоньки соломкой.
Уж как тут-то я, хмель, догадался:
По тычинкам вверх подымался,
Я отростил свои ярые шишки.
Но всё лих на меня мужик-крестьянин:
Почастешеньку в зеленый сад гуляет;
Он и стал меня, хмелюшку, снимати,
И со малыми ребятами щипати,
В кулье, в рогожи зашивати,
По торгам, по домам развозити.
Меня стали мужики покупати
И со суслицем во котликах топити.
Уж как тут-то я, хмель, догадался:
Я из котлика вон подымался,
Не в одном мужике разыгрался,
Я бросал их о тын головами,
А во скотский помет бородами».

ТРАВНИК

А и деялося в весне
На старой на Канакже,
Ставил Потанька плужок
Под окошко к себе на лужок.
От моря-та синего,
Из-за гор высокиих,

Из-за лесу, лесу темного
Вылетал молодой Травни́к.
Прилетал молодой Травник,
Молодой зуй болотиник,
А садился Травник на лужок,
А травку пощипывает,
По лужку похаживает.
Ходючи Травник по лужку,
Да попал Травник в плужок
Своей левой ноженькой,
Он правым крылышком
Да мизиным перстичком.
А и пик, пик, пик Травник!
Сидючи Травник на лужку,
На лужку Травник во плужку,
Едва Травник вырвался.
Взвился Травник высоко́,
Полетел Травник далеко́,
Залетел Травник в Москву
И нашел в Москве кабачок,
Тот кабачок-то кручок.
А и тут поймали его,
Били его в дуплю,
Посадили его в тюрьму.
Пять недель, пять недель посидел,
Пять алтын, пять алтын заплатил.
И за то его выпустили,
Да кнутом его вы́стегали,
По рядам его вы́водили.
Едет дуга на дуге,
Шелудяк на хромой лошади,
А все Травника смотреть,
Все молодого смотреть —
Едва Травник вырвался.
Взвился Травник высоко,
Полетел Травник далеко,
На старую Канакже,
Ко Семену Егупьевичу
И ко Марье Алфертьевне,
И ко Анне Семеновне.
Залетел Травник в окно,
По избе он похаживает,

А низко спину гнет,
Носом в землю прет,
Збой за собой держит
И лукавство великое.
А Семен Травника́ невзлюбил,
Господин Травника невзлюбил:
«А что за птица та,
А что за лукавая?
Она ходит лукавится,
Збой за собой держит,
А и низко спину гнет,
А носом в землю прет».
И Семен Травника по щеке,
Господин по другой стороне,
А спину-хребет столочил,
Тело-печень прочь оттоптал.
Пряники сладкие,
Сапогами печатанные,
Калачи крупичатые,
Сапогами толоченные.
Втапоры мужики,
Неразумные канакжана,
Оне ходят дивуются:
«Где Травника не видать!
Где молодого не слыхать?
Не клюет травоньки
Он вечно зеленыя».
Говорит Травникова жена,
Душа Анна Семеновна,
А наливная ягодка,
Виноградная вишенье:
«А глупы мужики,
Неразумные канакжана!
Травник с похмелья лежит,
Со Семенова почести,
А Семен его потчевал,
Господин его чествовал:
Спину-хребет столочил,
Тело-печень оттоптал».

ЗУЁК

Ах ты Сенька, ты Сенька-Семен,
Господин в Москве не бывал,
Господин зуйка не видал!
Не велик зуёк серенькой,
У его задок беленькой,
Право крылышко серенькое,
У него ножки желтенькие.
Чи-ги виль-виль зуенёк,
И спорхнул-полетел за реку,
На болото, на травоньку,
Весной на проталинку,
Ко Потаньке на зеленый лужок.
Он носиком травку клюет,
Правой ножкой притопывает,
Над Потанькой насмехается:
«Танька-Потанька мужик,
Ты поставь-ка, поставь крупик,
Волосяно силышко,
Крутолобу лапочку!»
Попадал-попадал зуенёк
В волосяно силышко,
В крутолобу лапочку
Своей правою ноженькою
И своим правым крылышком;
Праву ножку повыломал,
Право крылышко повыдергал.
Приезжали с государева двора,
Взяли-поймали зуя,
Посадили его в санки́,
Во сани́чики резаные,
Во оглоблицы писаные.
Привезли зуя в Москву
К благоверному нашему царю,
Посадили зуя на стол.
По грехам и выспрошали,
По рядам и высчитали,
На спине калачи пекли
И пряники жареные,
Сапогам напечатанные.
Полежал зуенёк на боку,

Спорхнул-полетел за реку
Ко своей к молодой жене
Марье Екимовне.
«Где, зуенёк, побывал?»
Побывал зуенёк в Москве
У царя на потешности,
У Потаньки на похвальбе.

НЕДВИГА

Как звали Недвигу во пир пировать,
Во пир пировать, во беседу сидеть.
Да что наша Недвига отнекивалась,
Отнекивалась, отговаривалась:
«И мне не в чем идти, и мне не от кого!»
А после Недвига сбиралася, снаряжалася
Во атласницу да во бархатницу;
Приказала мужилушке дома сидеть:
«Ты сиди, муж, дома, сиди, супостат!
И ты масло пахтай, пшеницу просей,
Цыплят стереги и дитя колыхай!»
Приезжала Недвига к широкому двору;
Что садилась Недвига повыше всех,
Наедалась Недвига посытее всех,
Напивалась Недвига попьянее всех.
Селиван наливал, Афросин подносил,
Афросин подносил, Феклист кланялся;
Да что зять Куприян, он насмех поднимал.
За то наша Недвига рассердилася,
Рассердилася, разгузынилася,
Она вон пошла, дверью хлопнула.
Навстречу Недвиге стар старичок,
Стар старичок, кривой колпачок,
На соломенной лошадке, сани писаные.
«Ты садись, Недвига, в сани, поедем с нами!
У нас на Руси да три радости:
У Романа жена себе сына родила —
Без пальца нога, без мизинца рука,
Без уса борода, без ума голова!»
Приезжала Недвига к широкому двору.

«Ты здорово ль, мужилушка, спал-ночевал?»
— «Я не пуще здорово спал-ночевал:
И я масло пролил, пшеницу просыпал;
Прилетел коршун, ухватил цыплака,
Ухватил цыплака поперек живота;
А я кинулся — опрокинулся,
За копыл зацепил и дитя задавил!»

ИСПРАВЛЕНИЕ ЖЕНЫ

На печке сижу,
Посиживаю,
Заплатки плачу,
Приплачиваю,
Всё мужа браню,
Прибраниваю:
«Продай, муж, корову
С лошадушкою!
Купи, муж, шубейку —
Всю на золоте,
Опушку боброву,
Жемчужной борт,
А я соберуся —
К обедне пойду.
А люди-то скажут:
«Чья тaкá идет:
Либо с барского двора,
Либо земского жена?»
От обедни приду —
Пообедаю,
На печке лягу,
Погреюся».
Идет муж с двора,
Несет воровины вожжи,
Воровины вожжи,
Несмоленый кнут.
«Слезай, жена, с печки,
Надевай хомут!
Поедем, жена, в рощу,
В рощу по дрова».

Приехал в целик,
Наклал воз велик.
Он в горку-то едет —
Подхлыстывает,
А с горки-то едет —
Подсвистывает,
В деревню-то едет —
Ребятам кричит:
«Ребята, ребята,
Кобылка добра!
Кобылка добра —
Великий воз везла».
Приехал ко двору,
Выпрягал жену,
Засыпал жене
Сена и овса,
Сена и овса:
«Ешь, моя жена!»
В скороем время
Возмолилася:
«Продай, муж, шубейку
Всю на золоте,
Купи, муж, коровенку, —
Хоть безрогиньку,
Купи, муж, лошадку, —
Хоть бесхвостеньку».

ПЕТУХ И ЛИСИЦА

1

Как сидел петуше́йло, духовное дитя,
во березоньке,
Как пришла тут лисица ко березоньке,
Стала она петуха есть обманывати,
Ай обманывати да подговаривати:
«Ай же петушейло е духовное дитя!
Опустись теперь на́ землю».
Стал петушок опущатися,
С ивинки на ивинку да перепурхивати,
С пруточка на пруточек перескакивати.

Поймала лисица петуха в когти,
Стала держать его плотно.
Как спроговорит петушейло духовное дитяти:
«Ай спусти петуха меня, духовная мати!
Будешь ты в Даниловом монастыре просвиро́в
печи».
Тут у лисицы отслабли ногти,
Отпустила она петуха.
Тут-то пошла лисица ко боярину на двор,
Думала себе она куру изловить.
Тут-то петух запел, зарычал,
Тут-то лисица перепала есть.
Побежали на лисицу девки с кокота́мы,
Бабы с помеламы,
Тут-то едва меня, лисицы, не убили.
Тут-то думает лисица: уловлю я петуха!
Тут поднялся петух е на се́дало.
Надо той лисице петуха изловить,
Изловить, уморить петуха, его жизни решить.
Как пришла тут лисица опять,
Опять стала петуха обманывати,
А обманывати да подговаривати:
«Ай ты петушейло, духовно дитя!
Опустись теперь на землю».
Смотрит петушейло на лисины слова,
Отвечат он лисице:
«Ты обманешь теперь, задавишь петуха».
— «Ты не бойся теперь, духовный сын,
Не обману теперь, не за́давлю».
Тут-то лисица оба́яла да обсоветовала.
Опустился петух на сыру землю.
Сгребла петуха она в когти,
Стала держать его плотно.
«Ай же ты есть духовная мати лисица,
Спусти ты петуха!»
— «Не отпущу я от себя петуха:
Ты жил-был у господина на двори,
Захотелось мне курицу уловить,
Ты затрёснул, запел, зарычал.
Налетели тут девки с кокотамы,
Бабы с помеламы,
Так едва меня, лисицы, не убили в ты поры.

Вы блудники, беззаконники,
По девяти, по десяти жен держите,
А на улицу сходите да деретёсь,
Не над малою корыстью
Напрасную резвую кровь проливаете!»
Крылушка обломала,
Перышка общипала,
Стала с бочка теребить, —
Только и жив был пе́тюшка.

2

Как бежала-то лисицынька со крутых же гор,
А она бежала темныма лесами дремучима,
А по чисту́ полю́ бежала, по широкому раздольицу,
А услыхала-то лисицынька, что петух сидел,
А и петушок сидел на се́дели с цыплятами в одном
месте-то.
А и говорила-то петушку лисичка-то:
«Эй же, пету́ше, чадо мое,
А ты ймешь жен по двадцати, по тридцати же всё,
А ты имей одну жену наложную,
А как другую ты имей да всё законную,
А без трете́й-то обойтись никак нельзя!»
А и петушок тут закокурекал: «Кокуре́ку-то!»
А и тут сцепила его лисичка во свои когти́,
И понесла его, петушка, да во чисто́ поле,
А и во темны-то леса понесла дремучие,
А и на круты́ горы́ понесла она высокие,
А и тут петушок-то заговорил лисичке таковы слова:
«А и лисичка, ты лисичка, ты же всё меня несешь,
А и во своих когтях несешь да во темны́ леса,
Во темны леса несешь да за круты́ горы́.
Ох, лисичка, я жил три года во матушке во сла́вной
в каменно́й Москвы,
А уж я жил-то у митрополита, служил у его,
А мня кормили-то во матушке в каменной Москве,
А меня просвирами кормили, меня же мягкима́,
А меня поили медовой водой досы́та-то,
А теперя-то мне приводится-то смерть в твоих когтях!»
Тут лисичка-та на петушка да оглянулася,
И оглянулася она да из когтей его да выронила.

А вылетел-то петушок да из когтей же лисичкиных,
А вылетал-то он на лесиночку на верхиночку,
А и сам говорил-то он лисичке таковы слова:
«А проздравляю тя, лисичка, ешь... да всячину́!»
А побежала-то лисичка в лес, согнулася,
А со стыду-то она побежала со великого,
А она согнулася же побежала, как горбатой бес.

МЫЗГИРЬ

По край болота
Жили мызгирь толстой, клоп простой,
Мошка грязная да строка некошная.
Они завоевали, да и заворовали:
Дескать, друг дружку и хвалят,
А мызгиря-борца ни к какому делу не ставят.
Это мызгирю стало вредно,
И взяло его великое непокорство.
Он с горя, с кручинушки стал ножками трясти,
Да мережки плести,
И ставить те мережки на те пути-дорожки,
Где мухи летали.
Одна муха летала, да в мережку и попала.
Мызгирь пришел, в мережке муху застал,
Ей руки и ноги связал,
И стал ее бити-губити и за горло давити;
А муха вопити.
Услыхала их драку честная госпожа оса.
Она прилетела в скорости, боса,
Да и без пояса;
Прилетала, да тут же в мережку и попала.
Однако рвалась да вырвалась и говорит:
«Ах, тошно моей голове!
Лучше жить бы мне в своей слободе:
У нас выезды частые,
А у мызгиря-плута вымыслы лихие!»
Вот пропустили про мызгиря такую славу,
Будто бы его заслали в дальные города,
Будто бы ему там руки и ноги связали
И шибко-больно наказали.

Мухи после того первую весенку летают
Да песенки попевают;
В барские домы летают, крестьян кусают.
Как бы муху убить,
А она, плутовка, и улетит.
Вот мухам стал жар не по нутру,
И все они забрались в дуплю.
А мызгирь тогда сдружился с клопом, да с тараканом,
И со сверчком-блинником,
И дуплю подтенётил.
Сверчок-смолчок сел на ковер, да в дудочку заиграл,
А клоп да таракан учали бить в барабан.
Мухи такого шуму испугались,
Тотчас все из дупли выбирались,
И все в мережку попались.
Мызгирь их в мережке застал,
Всем им руки-ноги связал,
И учал их бити-губити и больно за горло давити;
А мухи вопити.
Тогда мухи, которые и по воле летали,
К мызгирю тут прилетали,
И все ему покорство воздавали.
Сему судному делу конец,
А кто сложил про его — молодец!

ПТИЦЫ НА МОРЕ

1

А й от чего-те зима да зачалася,
А й красное лето состоялось?
Зачалася зима да от мороза,
А и красно лето от солнца,
А й богатая осень от лета.
И по тыя-то осени богатой
Вылетала малая птица,
А и малая птица певица.
Садилась в зелену́ садочку,
А на тое на дерево калину,
А и начала пети, жупети,
Всякими она-те ясаками.

А й услыхали русские птицы,
Сбиралися стады́ оны стадами,
Прилетали к зелену садочку.
А й садились птицы рядами,
В одну сторону да головами.
А начали пети, жупети,
Заморскую птицу пытати:
«Ай малая птица певица!
Скажи божью правду, не утайся:
Кто у вас за морем большúе,
Кто за Дунаецким меньшúе?»
А ответ держит птица певица:
«Глупые вы русские птицы!
А зачем же сюда да прилетали,
За́чем про синё морё спрошали?
Все у́ нас за́ морем большие,
Все за Дунаецким меньшие.
А й крестьяна у нас по деревням,
А десятски у нас по селеньям,
Ай старосты у нас по воло́стям,
Попы-дьяки у нас по погостам,
Старцы игумны в монасты́рях,
Подьячие люди по присутствам,
А гости торговы по посадам.
Воеводы живут у нас по мызам,
Солдаты идут по походам,
Цари да царствуют по царствам.
А все ль-то у нас оны по службам,
Все ль-то у нас и по работам.
А еще бы за Дунаецкиим морем
Белой-от колпик был царик,
Белая колпица — царица.
А гуси те на́ мори́ бояра,
Лебеди — боярицкие жены,
Соловей при них весёлы́и
Во всякие игры играёт,
Всё ведь он бояр и спотешаёт.
Воробьи — боярски холопы,
Колья-жердьё да работа́ли,
Крестьянски коно́пля разбивали,
Оттого сыты пребывали.
А голубчик-от на мори попик,

Голубу́шка-та была попадью́шка,
А й косачки́ — дьячки церковны,
Тетерки-ты дьяческие жёнки,
Кулик — пономарь церковной.
А травни́к-от был протаможник.
А тёрпук-от был трапезник,
А канюк-от был ведь целовальник,
Рябчик-от на мори стряпчий.
А ластушки — красны́ девицы,
Утки да были молодицы,
Селезень — гость торговой,
А й по синему морю ведь он плавает,
Всякими товарами торгует.
Чайки-ты были водоплавки,
Гагары-ты были рыболовки,
А с озера в озеро ныряли,
Всяку о́ны рыбу добывали.
На го́ры их рыба не бывала,
А в торгу их рыбы не видали,
Крестьяна их рыбы не едали.
А журавль-от был перевозчик:
По синему морю ведь он бродит,
Русские птицы перевозит,
Цве́тного платия не мочит.
Галицы были́ черницы,
Чёрные вран да игумен,
А ястреб был и атаманом,
А филин-от тать да разбойник,
Соко́л-от скорыи посланник,
Орел-от на мори налётник,
Единожды в год и прилета́ё,
А велику себе дань и собира́ё —
По три головы́ да по четыре,
Иногда по целому десятку.
А мошник-от на мори крестьянин,
Ко́ппала — крестьянская жёнка.
А синька б.... и полежлива,
Часто лежит она хворает,
Долго она не пропадает,
Работы работать она не может,
Казака нанять она не смыслит.
Дрозд-от у ней казаче́нко,

День-то он ночи работа́ё,
Гроша он найму́ да не вида́ё,
Кокуша — победна горюша,
Много она я́иц выкладает,
А счету во я́ицах не знает,
Детей выводити не умеет.
Куропать — бобыль беспоместной,
Штаники он носит с напуска́ми,
Из куста во куст перебродит,
Поместья себе да не имеет.
Дятел-от на мори плотник,
Желна́-та церковной строитель,
По темному лесу летает,
Всяко она дерево пытает,
Церквы-соборы работает.
Сорока — кабацкая же́нка,
Черные че́боты держала,
С ножки на ножку скакала,
На́ груди подолы подымала,
Молодых ребят приманяла:
Без колача да есть не сядет,
Без молодца да спать не ляжет;
Пешь же она, курва́, не ходит,
Всё ль-то едё на подводах,
А пара у ней коней вороных,
Извозчички ребята молодыи.
Ворона-та на мори бабка,
Когти толсты́и, грязны́и,
Порядню-ту водит худую.
Пе́тухи — казаки донскии,
То-то молодцы да удалыи:
По́ многу жён оны содёржат,
По́ три жёны́ да по четыре,
Инои до целого десятка,
А всех нарядити он умеет,
Всема разрядити разумеет,
Не так, как на́ Руси у мужа, —
Одна его бажоная жёну́шка,
И той нарядити он не умеет,
На работу разрядить не разумеет.
А курица — последняя птица,
Кто ни ею да поимаёт,

Всякой в дыре да ковыряет,
Всё из яица́ бедну́ пытает,
Любимым зятевьям и припасает.
Лев тот на мори мясник был,
Медведь-от был кожедерник,
Много он кож придирает,
Сапогов на ногах не видает.
Волк тот и на́ мори овчинник,
Много он овчин придирает,
А й шубы он на плечах не видает,
Велику себе стужу принимает.
Олень-от скорыи посланник,
Зайко-то на мори калачник,
А ножки тоне́ньки беле́ньки,
Калачики пекёт он и мяко́ньки.
А лисица моло́да молодица,
Долог хвост — и не наступит,
Сделает вину — она не скажё.
А собака-та зла-лиха свекрова,
День она ночи варайда́ёт,
Дела никакого не скажет.
А й кошки эты́ были вдовицы,
То-то сироты да бобылицы:
Днем кошки лежа́ по печкам,
Ночью пойдут по добычкам,
А криночки-горшочки открывают,
Без ложки сметанку снимают,
За то же их бьют и беспощадно».
А всем молодцам был и роспуск,
Всем удалым был и ро́зъезд:
Красным девицам по тере́мам,
А й моло́дым молодца́м был и по лавкам,
А мо́лодыим моло́дкам по скамейкам,
Старым старикам и по полатям,
Старыи́м старушкам по печкам.
То-то старуха на печке,
То-то старухе надо е́ства, —
Кринка овсяного теста.
А ела бы старуха, молчала,
Молчала бы старуха, не ворчала... тпру.

2

От чего это, братцы, зима становилась?
Становилась зима от морозов трескучих,
От зимы становилась весна красна,
От весны красной становилось лето тепло,
После лета теплого приходила осень богатая.
Мужики-крестьяна стогй поклали:
Жить им весело и прокладно.
Цари живут по царствам,
Бояра живут по поместьям,
Господа живут по мызам,
Гости торгуют по посадам,
Подьячьи сидят по приказам,
Воеводы по уездам,
Бобылишка по подворьям,
Старые старики по скамейкам,
Молоды молодицы по кроватям,
Красные девицы по терёмам,
По ясному соколу в беремях
И под теплым одеялом по другому.
Впредь сего временам
Говорили своим детям,
Говорили — поучали,
Чтобы миру было весто,
Что старой старухе на печи место,
Крынка под носом с тестом,
Ела бы она, не ворчала...
Из-за тихого Дунайского моря
Прилетала малая птица,
Малая птица синица,
Над русскима птицами царица;
Садилась на деревце калину,
Она начала петь-жупети,
Тонко воспевати,
И говорила русскиим птицам:
«Ай же вы русские птицы!
Там же вы не бывали,
Нужды-горя не видали,
Живете здесь по домам, по рагузам.
Как у нас на славной тихой заводи
Даром птички хлебца не тратят:

Все птички по службам,
Всяк человек по работам,
Куньки-гагары — рековечные рыболовы:
Из озера в озеро летают,
Победным своим голосом рыдают,
Много рыбы они добывают,
На тую рыбу век призору не бывает.
Петухи — молодцы удалые,
По многу жен имеют,
По две и по три,
И по целому десятку,
И всем женам наряжают.
У крестьянина на Руси
Одна жонка бажóна,
И той нарядить не может.
Цапля ты, цапля,
Худой человек необычайный,
Журав черкацкой,
Сам питербургский!
В большой колокол ударит,
Обедать-ужинать просит,
Ходит по мóсту,
А мосту мостить не умеет:
Ножки тоненьки,
Чулочки узеньки
И платьица коротеньки.
Сокол — птица надлéтник:
Часто в деревню прилетает,
Годовую десятину обирает,
Сирот-вдовиц обижает, —
И в том эта птица нерассудна.
Попугай-птица на море веща.
Куропать на море бескромешна:
Из куста в куст перебродит,
Подворья себе не имеет.
Чайки на море — попадейки.
Гуси на море — бояра.
Лебеди на море — дворяна.
Олень на море — посланник.
Медведь на море — кожемяка:
Много кож снимает,
Сапогов никогда не бывает.

Серый волк — овчинник:
Много овчин снимает,
Полушубка на себе не бывает».

СТАРИНА О БОЛЬШОМ БЫКЕ

Да все-то теперь разбежалися,
Да все-то теперь раскучалися
И со того со двора со боярского,
Да со того поместья государского:
Да князья, послушайте,
Да бояра, послушайте,
Да мужички-ты земские,
И старички деревенские,
Да ребятушки ма́хотные,
Да крестьянушка па́хотные,
И не шумите — послушайте.
Да я вам старинушку скажу
Про того-де большого быка,
Робода́новика,
У которого сте́пи рукой не достать,
Промежду-то рогами косая сажень,
На рогах была подпись та книжная,
Того Василья Богда́новича,
Самого-де Робода́новича.
Да ли был Алешенька Кутятин-от,
Да не ел ли он да ни утятинки,
Да не ел ли он ни лебедятинки,
Захотел поесть урослой телятинки,
Да-де собрал ён почестной пир.
И говорил-то Алеша таково слово:
«Да кто бы у мня да во честно́м пиру,
Да кто бы у мня да на ножку скор,
Да кто бы у меня да на походку лего́к,
Да скочил бы за Москву за реку
Да на тот бы на боярской двор,
Ко тому бы боярину
Да к Василью Богдановичу
К самому Рободанoвичу?»
Да был Зеновка на ножку скор,

Да был на походку легок,
Да скочил за Москву за реку
Да на тот ли на широкий двор,
Да к тому ли Василью Богдановичу,
К самому ён да ли Рободанович у.
Да обул-то бытца в лапотци,
Да повернул быка пятами на́ перёд,
Да сам-то быку да приговаривал:
«Да кто-то быка как увел,
Да тому бы как безвестно уйти,
Да кто-то быка к дереву вязал,
Да тому бы как в то ве́зиво попасть».
Да был Алешенька мясник,
Да были у его кулаки толсты.
И расскочился — быка палкой в лоб,
Да ткнул-де его ножом в бок.
Да сдирали кожу с бычоночка,
Совивали кожу трубочкой,
Завязали кожу урывочком,
Поносили кожу кожевнику.
Ихние урывочек срывается,
Ихна кожа развивается,
Да собаки-ты облаяли,
Да черные вороны ограяли,
Пала кожа — дело не у́дало.
Три года в деле была,
Да середочка у ей повы́гнила,
Да краёчкой у ей да не осталося,
Да-де вовсе-то кожа потерялася.
Да тому-то кожевнику
Да набили-то спину кнутом
Да справили двести с рублем,
Да двести с полтиною,
Да полно, дело покинули.
Да не люди-ты добрые,
Да не заступы-ты крепкие,
Да не гости-ты Стро́ганые,
Да только кожевнику бы головой вершить
Да та беда — не беда,
Лишь бы больше вперед не была.
Да была Марья-кишочница,
Она старая харчевница.

Да состроила харчевенку,
Наварила она студенца,
Наварила она хорошего,
Да сварила она с прóросью,
Господам-то есть было с легкостью,
Да не с того ли большого быка,
Робода́новика,
У которого степи рукой не достать,
Промежду-то рогами косая сажень,
На рогах была подпись та книжная,
Того-то Василья Богдановича,
Самого-де Робода́новича.
Да той-то Марье-кишочнице
Да набили-то спину кнутом,
Да справили двести с рублем,
Да двести с полтиною,
Да полно, дело покинули.
Да не люди-ты добрые,
Да не заступы-ты крепкие,
Да не гости-ты Стрóганые.
Да только бы Марье и головой вершить.
Да та беда — не беда,
Лишь бы больше вперед не была.
Да был у их Васенька,
Да был у их Васильюшко,
Да состроил он волыночку
Да на новую переладочку.
Да стал-то Васенько пощалкивать,
Да стали господа-ты посматривать,
Да стали Василья подхваливать:
«Да то-то наш Васенька,
Да тот наш Васильюшко!
Как состроил он волыночку
Да не с большого ли быка,
Рободановика,
Промежду-то рогами косая сажень,
На рогах была подпись та книжная,
Того Василья Богдановича,
Самого-де Рободановича».
Да тому-то ли Васеньке
Да набили спину кнутом
Да справили двести с рублем,

Да двести с полтиною,
Да полно, дело покинули.
Да не люди-ты добрые,
Да не заступы-ты крепкие,
Да не гости-ты Стро́ганые,
Да только Василью и головой вершить.
Да тот-то бык стал во шестьсот рублёв,
И во шестьсот рублёв, кроме становы́х костьёв.
Дунай, Дунай — больше вперед не знай.

ВАСИЛЬЮШКА ПУТЯТИНСКИЙ

Жил свет Васильюшка Путятинский,
Ён трудно-больно во постелюшке лежал,
Что не сможа ён головы поднять.
Выпил чарочку зелена́ вина,
С винца голова весела,
Со пива просыпанье тяжело,
Со калачика шейка бела,
Со попряничка румяньице,
Со кисленька поектанийце,
С толоконца порыганийце:
Мне гусятинки не хочется,
Поросятинка на ум нейдет,
Захотелося говядинки,
Право свежьей бычачинки,
Вот я крикну свою скорую слугу,
Слугу, свою верную посылочку:
«Ты поди ко мне, скорая слуга,
Поди, верная посылочка,
Походи по рынку, по дворам,
Поцепи быка веревкой за рога,
Доведи быка к болотийцу,
Привяжи быка к сосоночке,
Приударь быка березинкой,
Хорошенько с быка кожу сними,
Половину на куски разруби,
А дру́гую на поварню отошли,
Прикажи мати нажарить, наварить,
Чтоб до свету артель накормить,

Чтобы не было пеняльщиков,
А после того жалальщиков,
Во дворе пану не сказывали б».
Была баба шельмилица,
Была старая харчевница,
Ничаво-то ена не взяла,
Только бычьи рожки да ходилочки.
Хорошо баба выпаливала,
Чередно яну выскабливала,
Ету стюдиньку наваривала,
По начовочкам разливывала,
На боярушек выпахывала,
А боярушки откухывали,
Калачом яну закусывали,
Ету стюдиньку похваливали:
«Хороша твоя, бабушка,
Хороша твоя стюдинька!»
— «На здоровье вам, боярушки,
На здоровье, кормилицы,
На здоровье, мои батюшки,
Со великою со сытностью,
Что со вашего ж со добрыих!»

СТРЕЛЬЦЫ И КРЕСТЬЯНИН

Шли стрельцов молодцов
    Пятьдесят человек,
Сами сговорились,
    Сами смóлвилися:
«Ежели бы нам, ребятушки,
    Кобылушку соловую!
Нам бы только экипаж везла,
    Сами бы мы пешки шли!»
Едет крестьянин,
    Дуб сволóк;
Под крестьянином
    Кобылушка солóвая.
Взглянули они,
    Сами смéхнулися:
«Что в Христа молили,
    То господь нам дал!

Ну-ка, сем-ка мы, ребятушки,
    Нава́лимся!»
Видит крестьянин
    Неминучее свое,
Распрягает кобылушку
    Соловую,
На колене дугу
    Распрямливает:
Всех перебил,
    Будто волк переел,
Спины понабил,
    Как сычуг снарядил.
«Ну-ка, ребята,
    Челобитную писать,
Челобитную писать,
    К Москве посылать,
К Москве посылать,
    Ко царю подавать!
К Москве нам идтить, —
    Нам и правыми быть,
Правыми быть,
    Виноватыми слыть.
Ну-ка, ребята,
    По своим домам!
Заставим мы жен
    Банюшки топить,
Банюшки топить,
    Свои спинушки лечить.
Раны на нас
    Не копейчатые,
Раны на нас —
    Всё дубинный шлях!»

УСЫ

Эй, усы, усы проявились на Руси,
Проявилися усы за Москвою за рекой,
За Москвою за рекой, за Смородиною;
У них усики малы, колпачки на них белы,

На них шапочки собольи, верхи бархатные,
Ой смурые кафтаны, полы стеганые,
Пестрядинные рубашки, золотны воротники,
Со напуском чулки, с раструбами сапоги,
Ой, шильцем пятки, остры носки,
Еще окол каблучка хоть яичком покати.
Собирались усы во единый круг,
Ой, один из них усище атаманище,
Атаманище, он в азямище.
Еще крикнул ус громким голосом своим:
«Ох, нуте-тка, усы, за свои промыслы́!
Вы берите топоры, вы рубите вереи!
За Москвою за рекою что богат мужик живет,
Он хлеба не сеет, — завсегда рожь продает,
Он пшеницы не пашет, — всё калачики ест,
Он солоду не ростит, — завсегда пиво варит,
Он денежки сбирает, да в кубышечку кладет.
Мы пойдемте, усы, разобьемте мужика!
И вы по полю идите, не гаркайте,
По широкому идите, не шумаркайте,
На забор лезьте, не стукайте,
По соломушке идите, не хрястайте,
Вы во сенички идите, не скрыпайте,
Во избушку идите, всё молитовку творите!»
Ой, тот ли усище атаманище,
Он входит в избу, сам садится впереду,
Ничего не говорит, только усом шевелит,
По сторонушкам он посматривает.
Напырялась-нашвырялась полна изба усов:
Ой, на печи усы и под печью усы,
На полатях усы, на кроватушке усы.
Ой, крикнул ус громким голосом своим:
«Ой, ну-ка, хозяин, поворачивайся,
Поворачивайся, раскошеливайся,
Ты давай нам, хозяин, позавтракати!»
Ой, хозяин тот несет пять пуд толокна,
А хозяюшка несет пять ведр молока.
И мы попили-поели, мы позавтракали.
«Ой, ну-ка, хозяин, поворачивайся,
Поворачивайся, раскошеливайся,
Ты давай нам, хозяин, деньжоночки свои!»
Ой, хозяин тот божится: «Нету денег у меня»,

А хозяюшка ротится: «Нет ни денежки у нас».
Одна девка за квашней: «Нет полушки за душой»,
А дурак сын на печи, он свое говорит:
«Ах, как-то у батьки будто денег нет!
На сарае сундук во пшеничной во муке!»
Ой, крикнул ус громким голосом своим:
«Ой, нуте-ко, усы, за свои промыслы́!
Ой, кому стало кручинно, нащепай скоро лучины,
Вы берите уголек, раскладывайте огонек,
Вы кладите хозяина с хозяюшкою!»
Ой, хозяин на огне изгибается,
А огонь около его увивается,
А хозяин-от дрожит, за кубышечкой бежит;
А хозяюшка трясется, да с яндовочкой несется.
Ой, мы денежки взяли и спасибо не сказали.
Мы мошоночки пошили, кошельки поплели,
Сами в низ поплыли, воровать еще пошли.

ВОРЫ-СКОМОРОХИ

Веселые по улочке похаживали,
Гусельцы, волынки понашивали.
Попросились у бабушки-старушки ночевать:
«Бабушка-старушка, пусти нас ночевать,
Гудков посушить, да струнок посучить!»
Бабушка-старушка радешенька,
Отворяла ворота широкошенько,
Пускала веселыих веселешенько.
Как у бабушки посижанушки,
Посижанушки красны девушки,
Как тут веселые порасхвастовались:
У кого есть полтинка, у кого есть рубелек,
У кого есть рубелек, подавай нам на гудок!
Не нашли своей родной матушки.
Из куниц шуба лежит на грядочке,
Бабушка-старушка на печи в углу сидит,
Через грядочку глядит, таку речь говорит:
«У меня ли, у старушки, есть четыреста рублей,
Во кубышечке лежат, в подпольице стоят».
Первый веселый стал в гуселечки играть,

Другой веселый под гуселечки плясать,
Третий веселый половницу подымать,
Кубышечку выставлять.
«Ну пойдем, братцы-ребята, под ракитов куст,
Станем денежки делить, будем бабушку хвалить:
Бабушка Федора, проживи, радость, подоле,
Покопи денег поболе!
Мы твой дом найдем, — опять зайдем.
Как тебя дома застанем, так тебя убьем,
Тебя дома не застанем, так твой дом сожжем!»

ФОМА И ЕРЕМА

Фома да Ерема были братенички,
Прокуратиннички.
Они пили-ели сладко да носили хорошо:
Ерема носил рогожу, а Фома-то торпьё.
«Не лучше ль нам, Ерема, пашенку пахать,
Пашенку пахать, да и хлеб засевать?»
Ерема купил лошадь, а Фома-то жеребенка,
Ерема купил соху, а Фома-то борону,
У Еремы-ти не едет, у Фомы-ти не везет.
Уж и по боку ножом, еще кожу на рожон.
«Уж и ну к черту, Ерема!»
— «С этим промыслом, Фома!»
— «Так не лучше ль нам, Ерема, за охотою ходить,
За охотою ходить, серых зайчиков ловить?»
Ерема купил суку, а Фома-то кобеля́.
Как Фомин-от кобель серу мышь задавил.
Навстречу им злодей — медведь-лиходей,
На Ерему-то ревет, а Фому-то дёром дерет.
А Ерема-то бежит, не оглянется,
А Фома-то за ним порет, не останется.
«Уж ты, брат, постой, Еремей честной!
Уж и ну к черту, Ерема!»
— «С этим промыслом, Фома!»
— «Так не лучше ль нам, Ерема, обеденки служить?»
Ерема стал на крылос, а Фома-то на алтарь.
Ерема закричал, а Фома-то зазычал.
Навстречу им злодей — пономарь-лиходей,
Он Ерему-то дубиной, а Фому-то вязовой.

А Ерема-то бежит не оглянется,
А Фома-то за ним порет, не останется,
«Уж ты, брат, постой, Еремей честной!
Не лучше ли нам, Ерема, овинчики сушить,
Овинчики сушить да рожь молотить?»
Ерема овин садит, а Фома теплину валит,
Ерема-то колотит, а Фома заберег воротит.
Колотили-молотили да овин сожгли.
Как Ерема-то бежит, не оглянется,
А Фома-то за ним порет, не останется.
«Уж ты, брат, постой, Еремей честной!
Уж и ну к черту, Ерема!»
— «С этим промыслом, Фома!»
— «Так не лучше ль нам, Ерема, при дороженьке стоять,
При дороженьке стоять да обозы разбивать?»
Ерема взял дубину, а Фома-то вязову,
Навстречу им злодей — мужик-лиходей,
Он Ерему-то дубиной, а Фому-то вязовой.
Вот Ерема-то бежит, не оглянется,
А Фома-то за ним порет, не останется,
«Уж ты, брат, постой, Еремей честной!
Уж и ну к черту, Ерема!»
— «С этим промыслом, Фома!»
— «Так не лучше ль нам, Ерема, белу рыбицу ловить?»
Ерема сел в лодку, а Фома-то в ботничо́к.
Они три года ныряли, да со дна-то не бывали.

КАК ФИЛИНА ЛОВИЛИ

Прикажи, суда́рь хозяин,
Прикажи же, господин,
Из-за лавки стать,
Поскакать, поплясать,
Да прошеньице сказать
Про Лаврентья старика,
Про Ефрема мужика.
Да Борисович Иван
Поутру рано́ вставал,
Утру свету дожидал,

Он зари не просыпал,
Он к суседу побежал,
Ко суседу ко Петру
Ко Тарасовичу.
Колотился под окном
Он толсты́м кулаком
Всё о ше́стонько:
«Разбудися, мой сусед,
Да Тарасович Пе́тр!
Еще что у нас тако́
Что удеялося,
Учинилося?
Там за Дедковой за пожней,
За сосновым наволочком,
За Кырой за рекой,
Да там кошкою кунярка
С собакой горчит,
Пищит, верещит,
Спредиковывает.
Там прежито живут,
Две скотины бьют».
Петрушка-то встает,
Умывается,
Оболокается,
Богу молится.
Он молитву творил
Всё Исусову.
Собиралися ребята
Во единую избу.
Они садились вдруг
По скамейкам в круг,
Они думали, гадали,
Советовали.
Да Клементий Клим
Несоветлив был,
Да он по полу ходил,
Не по их речь говорил.
Они били да бранили,
Взяли прочь да прогонили.
Как пошли наши ребята
Хилина ловить.
Петрушка ходит — слуша,

Не хилин ли сидит,
А Матюша ходит — тюкает,
Хочет со́сну валить,
А Чика ходит — чиркае,
Хочет хилина стрелить.
Стрели́ли хилина́
Из большого из ружья,
Из оленного.
Попало хилину́
По заду́ да по перу́.
Хилин стрепетался,
Чика . . . .
Хилин выше поднялся
На сосну на сушину,
На самую вершину,
Под ним сук не погодился,
Хилин на землю свалился.
«Уж мы как будем, ребята,
Хилина делить?»
— «Да Петруше полтуши,
Матюше серы уши,
Харлану — ноги драны,
Борису ноги лысы».
Пришел Лу́чка,
Взял за кры́лко,
Бросил о́ землю:
«Уж вы глупые ребята,
Неразумны старики,
Вам на що его делить,
Как нельзя его варить?
Мы повесим хилиночка
Ко Чикину гумешку,
На проезжу на дорожку.
Кто ни про́йде, ни прое́де,
Всяк про хилина вспомяне:
«Как теперя хилиночку
Не по сосенкам летать,
Как не нас же пугать».

ВАСЬКА ШИШОК

По реке было по Ваге, по всем городам,
Да по всем городам, да по всем волостям,
Тут ехал торговый Самойлов Лука,
Да доехал торговый до Це́льца-горы.
Да на Цельце-горы живет Васька Шишок,
Живет Васенька Шишок да топоренка кует,
Топоренышка кует да привора́ивает...
После этого Васенька на Вашке бывал,
Он на Вашке бывал, да во-ново воровал:
Он ведь клещи-ти украл да со молотами
Да под лодочку связал, сам на низ уплывал.
Приплыл-то Васька ко Цельца-горы,
Да на Цельце-горы еще Кузьку да Треську в кабак заманил.
Он в кабак заманил, их вином напоил,
Как вином напоил да про деньги спросил,
Да про денежки спросил да про батюшковы,
Он про батюшковы да про матушкины;
Кузька да Треська разляпалися,
Да про деньги сказали про батюшковы,
И про батюшковы и про матушкины:
«У нас деньги в онбаре в середнем сусеке,
Ай заклады-те на пя́трах в большой коробье,
Еще чусов да серег ровно сотной мешок,
Да пять вязков овчин, на число пятьдесят».
Васька времени не медлил, поры не упущал:
Скоро в кузницу бежал да он ключики ковал
Ко чужим замкам, да ко Микифоровым;
Заходил он в онбар, еще всё уносил.
Ваську пытом пытали, не выпытали,
Ваську стегом стегали, не выстегали;
Да на них на всех Васька улики навел:
С кого пять, с кого шесть, с кого десять рублей,
А с Гришки, с шурина своего, пятнадцать рублев,
Да за ласковы слова да за приятливые.

ДУРЕНЬ

А жил-был дурень,
А жил-был бабин,
Вздумал он, дурень,
На Русь гуляти,
Людей видати,
Себя казати.
Отшедши дурень
Версту, дру́гу,
Нашел он, дурень,
Две избы пусты,
В третей людей нет.
Заглянет в подполье —
В подполье черти
Востроголовы,
Глаза что ча́сы,
Усы что вилы,
Руки что грабли,
В карты играют,
Костью бросают,
Деньги считают,
Груды переводят.
Он им молвил:
«Бог вам помочь,
Добрым людям!»
А черти не любят,
Схватили дурня,
Зачали бити,
Зачали давити,
Едва его, дурня,
Жива опустили.
Пришедши дурень домой-та,
Плачет, голосом воет,
А мать — бранити,
Жена — пеняти,
Сестра-та — также:
«Ты глупой, дурень,
Неразумной, бабин!
То же бы ты слово
Не так же бы молвил,
А ты бы молвил:

„Будь, враг, проклят
Именем господним
Во веки веков, аминь“.
Черти б убежали,
Тебе бы, дурню,
Деньги достались,
Место кла́ду».
— «Добро ты, баба,
Баба-бабариха,
Мать Лукерья,
Сестра Чернава!
Потом я, дурень,
Таков не буду».
Пошел он, дурень,
На Русь гуляти,
Людей видати,
Себя казати.
Увидел дурень
Четырех братов, —
Ячмень молотят.
Он им молвил:
«Будь, враг, проклят
Именем господним!»
Бросилися к дурню
Четыре брата,
Стали его бити,
Стали колотити,
Едва его, дурня,
Жива опустили.
Пришедши дурень домой-та,
Плачет, голосом воет,
А мать — бранити,
А жена — пеняти,
Сестра-та — также:
«А глупой, дурень,
Неразумной, бабин!
То же бы ты слово
Не так же бы молвил,
Ты бы молвил
Четырем братам,
Крестьянским детям:
„Дай вам боже

По́ сту на день,
По тысячу на неделю!“»
— «Добро ты, баба,
Баба-бабариха,
Мать Лукерья,
Сестра Чернава!
Потом я, дурень,
Я таков не буду!»
Пошел же дурень,
Пошел же бабин
На Русь гуляти,
Себя казати.
Увидел дурень —
Семь братов
Мать хоронят,
Отца поминают,
Все тут плачут,
Голосом воют.
Он им молвил:
«Бог вам в помочь,
Семь вас братов,
Мать хоронити,
Отца поминати!
Дай господь бог вам
По́ сту на день,
По тысячу на неделю!»
Схватили его, дурня,
Семь-та братов,
Зачали его бити,
По земле таскати,
В говне валяти,
Едва его, дурня,
Жива опустили.
Идет-та дурень домой-та,
Плачет, голосом воет.
Мать — бранити,
Жена — пеняти,
Сестра-та — также:
«А глупой, дурень,
Неразумной, бабин!
То же бы ты слово
Не так же бы молвил,

Ты бы молвил:
„Прости, боже, благослови,
Дай, боже, им
Царство небесное,
В земли упокой,
Пресветлой рай всем!“
Тебя бы, дурня,
Блинами накормили,
Кутьей напитали».
— «Добро ты, баба,
Баба-бабариха,
Мать Лукерья,
Сестра Чернава!
Потом я, дурень,
Таков не буду!»
Пошел он, дурень,
На Русь гуляти,
Себя казати,
Людей видати.
Встречу ему свадьба,
Он им молвил:
«Прости, боже, бласлови!
Дай вам господь бог
Царство небесно,
В земле упокой,
Пресветлый рай всем!»
Наехали дру́жки,
Наехали бояра,
Стали дурня
Плетьми стегати,
По ушам хлестати.
Пошел, заплакал,
Идет да воет.
Мать — его бранити,
Жена — пеняти,
Сестра-та — также:
«Ты глупой, дурень,
Неразумной, бабин!
То же бы слово
Не так же бы молвил,
Ты бы молвил:
„Дай господь бог

Новобрачному князю
Сужено поняти,
Под злат венец стати,
Закон божий прияти,
Любовно жити,
Детей сводити!“»
— «Потом я, дурень,
Таков не буду».
Пошел он, дурень,
На Русь гуляти,
Людей видати,
Себя казати.
Встречу дурню
Идет старец,
Он ему молвил:
«Дай господь бог
Тебе же, старцу,
Сужено поняти,
Под злат венец стати,
Любовно жити,
Детей сводити!»
Бросился старец,
Схватал его, дурня,
Стал его бити,
Костылем коверкать,
И костыль изломал весь:
Не жаль старцу
Дурака-та,
Но жаль ему, старцу,
Костыля-та.
Идет-та дурень домой-та,
Плачет, голосом воет,
Матери расскажет.
Мать — его бранити,
Жена — журити,
Сестра-та — также:
«Ты глупой, дурень,
Неразумной, бабин!
То ж бы ты слово
Не так же бы молвил,
Ты бы молвил:
„Благослови меня, отче,

Святы игумен!“
А сам бы мимо».
— «Добро ты, баба,
Баба-бабариха,
Мать Лукерья,
Сестра Чернава!
Потом я, дурень,
Впредь таков не буду!»
Пошел он, дурень,
На Русь гуляти,
В лесу ходити,
Увидел дурень
Медведя за со́сной:
Кочку роет,
Корову коверкат.
Он ему молвил:
«Благослови мя, отче,
Святы игумен!
А от тебя дух дурен!»
Схватал его медведь-ат,
Зачал драти,
И всего ломати,
И смертно коверкать,
И ж... выел,
Едва его, дурня,
Жива оставил.
Пришедши дурень домой-та,
Плачет, голосом воет,
Матери расскажет.
Мать — его бранити,
Жена — пеняти,
Сестра-та — также:
«Ты глупой, дурень,
Неразумной, бабин!
То же бы слово
Не так же бы молвил,
Ты бы зауськал,
Ты бы загайкал,
Ты бы заулюкал».
— «Добро ты, баба,
Баба-бабариха,
Мать Лукерья,

Сестра Чернава!
Потом я, дурень,
Таков не буду!»
Пошел же дурень
На Русь гуляти,
Людей видати,
Себя казати.
Будет дурень
В чистом поле,
Встречу дурню
Шишков-полковник.
Он зауськал,
Он загайкал,
Он заулюкал.
Наехали на дурня солдаты,
Набежали драгуны,
Стали дурня бити,
Стали колотити,
Тут ему, дурню,
Голову сломили
И под кокору бросили,
Тут ему, дурню,
И смерть случилась.

НОВЫЕ БАЛЛАДЫ

МОРЯЧКА

На берегу сидит девица,
Она шелками шьет платок.
Работа чудная такая,
А шелку лишь недостает.
И вот на счастье парус вьется,
Скользя в сияньи ясном дня.
«Моряк любезный, нет ли шелку,
Хотя немного, для меня?»
— «Ну как не быть, такой красотке!
Какой угодно цвет для вас?
У нас есть белый цвет и алый».
— «Мне нужен нежный белый цвет,
Я для самой принцессы шью!»
— «Вы потрудитесь поскорее
Войти на палубу мою!»
Она взошла, поднялся парус,
А шкипер шелку не дает,
И про любовь в стране далекой
Он песню чудную поет.
Под шум волны и пенья звуки
Она уснула крепким сном.
И, пробудившись, видит море,
Всё море синее кругом.
«Моряк, пусти меня на берег,
Мне душно от волны морской!»
— «Проси, что хочешь, но не это,
Ты здесь останешься со мной!»
— «Нас три сестры: одна за графом,
Другая — герцога жена,
А я, всех лучше и моложе,

Простой морячкой быть должна!»
— «Не беспокойся, дорогая,
Оставь печальные мечты,
Ведь не морячкою простою,
А королевой будешь ты.
Я восемь лет искал повсюду
Тебя, прелестная моя,
И, если хочешь знать ты, кто я —
Я — сын наследный короля».

СВИДАНИЕ

Кончен, кончен дальний путь,
Вижу край родимый,
Сладко будет отдохнуть
Мне с подружкой милой.
Долго в грусти ждет она
Казака младого.
Вот забрезжилась луна
С неба голубого.
И веселый Дон течет
Тихою струею,
В нетерпеньи конь мой ржет,
В землю бьет ногою...
Там у чуждых берегов,
Где в счастливой доле
Средь знакомых табунов
Он гулял по воле.
«Верный конь, скачи скорей
И как вихорь мчися,
Лишь пред хатою моей
Ты остановися».
Так казак спешил домой,
Понукал гнедого,
Борзый конь летит стрелой
До дому родного.
Вот приблизился донец
К своему селенью.
«Стой, товарищ, стой, конец
Нашему стремленью».

Видит он невестин дом,
Входит он в светлицу —
И объяту сладким сном
Будит он девицу:
«Встань, коханочка моя,
Нежно улыбнися,
Обойми скорей меня
И к груди прижмися!»
Что же милая его?
Пробудилась, встала,
И, взглянувши на него,
В страхе задрожала.
«Наяву ли иль во сне
Зрю тебя, мой милый?
Ах, недаром же во мне
Сердце приуныло!
Долго я тебя ждала
И страдала в скуке,
Сколько слез я пролила
В горестной разлуке!
И отчаясь зреть тебя,
Быть твоей женою,
Отдалась другому я
С клятвой роковою».
— «Ну так бог с тобой!» — сказал
Молодец удалый
И — к воротам, где стоял
Конь его усталый.
«Ну, сопутник верный мой! —
Он сказал уныло, —
Нет тебе травы родной,
Нет мне сердцу милой».
С словом сел он на гнедка,
Шевельнул уздою,
Дал он шпоры под бока,
Быстрый конь стрелою
Полетел в обратный путь
От села родного;
Но тоска терзала грудь
Казака младого.
Он в последний раз взглянул
В ту страну родиму,

И невольно воздохнул,
Скрылся в даль незриму.
Что и родина, коль нет
Ни друзей, ни милой,
Ах, тогда нам целый свет
Кажется могилой.

ПОД ВЕЧЕР, ОСЕНЬЮ НЕНАСТНОЙ

Под вечер, осенью ненастной,
В пустынных дева шла местах
И тайный плод любви несчастной
Держала в трепетных руках.
Всё было тихо: лес и горы,
Всё спало в сумраке ночном;
Она внимательные взоры
Водила с ужасом кругом.
И на невинном сем творенье,
Вздохнув, остановила их...
«Ты спишь, дитя, мое мученье,
Не знаешь горестей моих.
Откроешь глазки и, тоскуя,
Ты не прильнешь к груди моей,
Не встретишь завтра поцелуя
Несчастной матери своей!
Ее манить напрасно будешь,
Мой вечный стыд, вина моя,
Меня навеки ты забудешь,
Но не забуду я тебя...
Дадут покров тебе чужие
И скажут: «Ты для нас чужой!»
Ты спросишь: «Где ж мои родные?» —
И не найдешь семьи родной!
Несчастный! Будешь с грустной думой
Томиться меж других детей
И до конца с душой угрюмой
Взирать на ласки матерей.
Повсюду, странник одинокий,
Всегда судьбу свою кляня,
Услышишь ты упрек жестокий...
Прости, прости тогда меня!

Ты спишь, позволь тебя, несчастный,
Прижать к груди в последний раз.
Закон неправедный, ужасный
К страданью осуждает нас.
Пока лета не отогнали
Невинной радости твоей,
Спи, милый! Горькие печали
Не тронут детства тихих дней».
Но вдруг за рощей осветила
Вблизи ей хижину луна.
Бледна, трепещуща, уныла,
К дверям приблизилась она,
Склонилась, тихо положила
Младенца на порог чужой,
Со страхом очи отвратила —
И скрылась в темноте ночной.

ТРИ СПУТНИКА

Три спутничка в гости к старушке взошли:
«Прими, приюти нас на темную ночь!»
— «Принять, приютить вас готова, друзья».
— «Но где же красавица дочка твоя?»
— «Скончалась красавица дочка моя!»
В светлице красавица в гробе лежит.
Первóй, открывая покров гробовой,
На мертвую смотрит с унылой душой.
Второй покрывало на гроб наложил,
Сам горько заплакал и взор устремил.
Третéй покрывало на гроб налагал
И мертвую бледну в уста целовал:
«Тебя я любил, мне тебя не забыть,
Тебя я извечности буду любить!»

ЧЕРНАЯ ШАЛЬ

Гляжу, как безумный, на черную шаль,
И хладную душу терзает печаль.
Когда легковерен и молод я был,
Младую гречанку я страстно любил;

Прелестная дева ласкала меня,
Но скоро я дожил до черного дня.
Однажды я созвал веселых гостей;
Ко мне постучался презренный еврей;
«С тобою пируют (шепнул он) друзья;
Тебе ж изменила гречанка твоя».
Я дал ему злата и проклял его,
И верного позвал раба моего.
Мы вышли; я мчался на быстром коне;
И кроткая жалость молчала во мне.
Едва я завидел гречанки порог,
Глаза потемнели, я весь изнемог...
В покой отдаленный вхожу я один...
Неверную деву лобзал армянин.
Невзвидел я света; булат загремел...
Прервать поцелуя злодей не успел.
Безглавое тело я долго топтал
И молча на деву, бледнея, взирал.
Я помню моленья... текущую кровь...
Погибла гречанка, погибла любовь!
С главы ее мертвой сняв черную шаль,
Отер я безмолвно кровавую сталь.
Мой раб, как настала вечерняя мгла,
В дунайские волны их бросил тела.
С тех пор не целую прелестных очей,
С тех пор я не знаю веселых ночей.
Гляжу, как безумный, на черную шаль,
И хладную душу терзает печаль.

ТАМАРА

В глубокой теснине Дарьяла,
Где роется Терек во мгле,
Старинная башня стояла,
Чернея на черной скале.
В той башне, высокой и тесной,
Царица Тамара жила:
Прекрасна, как ангел небесный,
Как демон, коварна и зла.
И там сквозь туман полуночи

Блистал огонек золотой,
Кидался он путнику в очи,
Манил он на отдых ночной.
И слышался голос Тамары:
Он весь был желанье и страсть,
В нем были всесильные чары,
Была непонятная власть.
На голос невидимой пери
Шел воин, купец и пастух:
Пред ним отворялися двери,
Встречал его мрачный евнух.
На мягкой пуховой постели,
В парчу и жемчу́г убрана,
Ждала она гостя. Шипели
Пред нею два кубка вина.
Сплетались горячие руки,
Уста прилипали к устам,
И странные, дикие звуки
Всю ночь раздавалися там.
Как будто в ту башню пустую
Сто юношей пылких и жен
Сошлися на свадьбу ночную,
На тризну больших похорон.
Но только что утра сиянье
Кидало свой луч по горам,
Мгновенно и мрак и молчанье
Опять воцарялися там.
Лишь Терек в теснине Дарьяла,
Гремя, нарушал тишину;
Волна на волну набегала,
Волна погоняла волну,
И с плачем безгласное тело
Спешили они унести;
В окне тогда что-то белело,
Звучало оттуда: «Прости».
И было так нежно прощанье,
Так сладко тот голос звучал,
Как будто восторги свиданья
И ласки любви обещал.

ТРОСТНИК

Сидел рыбак веселый
На берегу реки,
А перед ним по ветру
Качались тростники.
Сухой тростник он срезал
И скважину проткнул,
Один конец взял в руки,
В другой конец подул.
И, будто оживленный,
Тростник заговорил,
То голос человека,
То голос ветра был.
И пел тростник печальный:
«Оставь, оставь меня,
Рыбак, рыбак прекрасный,
Терзаешь ты меня.
И я была девицей,
Красавицей была,
У мачехи в темнице
Я некогда цвела,
И много слез горючих
Невинно я лила,
И раннюю могилу
Безбожно я звала.
И был сынок любимец
У мачехи моей,
Обманывал красавиц,
Пугал честных людей.
И раз пошли под вечер
Мы на берег крутой,
Смотреть на сини волны,
На запад золотой.
Моей любви просил он,
Любить я не могла,
И деньги мне дарил он,
Я денег не брала.
Несчастную сгубил он,
Ударил в грудь ножом,
И здесь мой труп зарыл он
На берегу крутом.

И на моей могиле
Взошел тростник густой,
И в нем живут печали
Души моей младой.
Рыбак, рыбак прекрасный,
Оставь ты мой тростник,
Ты мне помочь не в силах,
А плакать не привык».

ХУТОРОК

За рекой на горе
Лес зеленый шумит;
Под горой, за рекой,
Хуторочек стоит.
В том лесу соловей
Громко песни поет;
Молодая вдова
В хуторочке живет.
На реке рыболов
Поздно рыбу ловил,
Погулять, ночевать
В хуторочек приплыл.
«Рыболов мой, душа,
Не ночуй у меня:
Свекор дома сидит —
Он не любит тебя.
Не сердися, плыви
В свой рыбачий курень;
Завтра ж, друг мой, с тобой
Гулять рада весь день».
— «Сильный ветер подул,
А ночь будет темна!
Лучше здесь на реке
Я просплю до утра».
Опозднился купец
На дороге большой,
Он свернул ночевать
Ко вдове молодой.
«Милый купчик-душа!

Чем тебя мне принять?
Не топила избы,
Нету сена, овса.
Лучше к куму в село
Поскорее ступай;
Только завтра, смотри,
Погостить заезжай!»
— «До села далеко,
Конь устал мой совсем;
Есть свой корм у меня,
Не печалься о нем.
Я вчера в городке
Долго был — всё купил;
Вот подарок тебе,
Что давно посулил».
— «Не хочу я его!
Боль головушку всю
Разломила насмерть,
Ступай к куму в село».
— «Эта боль — пустяки!..
Средство есть у меня:
Слова два — заживет
Вмиг головка твоя».
Засветился огонь,
Закурилась изба;
Для гостей дорогих
Стол готовит вдова.
За столом с рыбаком
Уж гуляет купец
(А в окошко глядит
Удалой молодец.)
«Ты, рыбак, пей вино!
Мне с сестрой наливай!
Если мастер плясать,
Петь мы песни давай!
Я с людями люблю
По-приятельски жить.
Ваше дело — поймать,
Наше дело — купить.
Так со мною, прошу,
Без чинов — по рукам;
Одну басню твержу

Я всем добрым людям:
«Горе есть — не горюй,
Дело есть — работай,
А под случай попал —
На здоровье гуляй».
И пошел с рыбаком
Купец песни играть,
Молодую вдову
Обнимать, целовать.
Не стерпел удалой,
Загорелась душа,
И — как глазом моргнуть —
Растворилась изба...
И с тех пор в хуторке
Никого не живет;
Лишь один соловей
Громко песни поет.

ХАС-БУЛАТ

«Хас-Булат удалой,
Бедна сакля твоя,
Золотою казной
Я осыплю тебя.
Дам коня, дам кинжал,
Дам винтовку свою;
А за это за всё
Ты отдай мне жену.
Ты уж стар, ты уж сед,
Ей с тобой не житье —
На заре юных лет
Ты погубишь ее.
Под чинарой густой
Мы сидели вдвоем;
Месяц плыл золотой,
Всё молчало кругом.
Она мне отдалась
До последнего дня
И аллахом клялась,
Что не любит тебя!»

— «Князь, рассказ ясен твой,
И напрасно ты рек:
Вас с женой молодой
Я вчера подстерег.
Полюбуйся поди,
Князь, игрушкой своей:
Спит с кинжалом в груди
Она в сакле моей».
Тут рассерженный князь
Саблю выхватил вдруг —
Голова старика
Покатилась на луг.

ЕРМАК

Ревела буря, дождь шумел,
Во мраке молнии сверкали,
И беспрерывно гром гремел,
И ветры в дебрях бушевали.
Ко славе страстию дыша,
В стране суровой и угрюмой,
На диком бреге Иртыша
Сидел Ермак, объятый думой.
Товарищи его трудов,
Победы, громозвучной славы
Среди раскинутых шатров
Беспечно спали средь дубравы.
«Вы спите, милые герои,
Друзья, под бурею ревущей,
С рассветом глас раздастся мой,
На славу иль на смерть зовущий.
Кто жизни не щадил своей,
В разбоях злато добывая,
Тот должен думать ли о ней,
За Русь святую погибая?
Нам смерть не может быть страшна,
Свое мы дело совершили:
Сибирь царю покорена!
Не праздно мы на свете жили!»
Кучум, презренный царь Сибири,

Подкрался тайно на челнах...
И пала грозная в боях,
Не обнажив мечей, дружина.
Ермак воспрянул ото сна
И, гибель зря, стремится в волны;
Душа отвагою полна,
Но далеко от брега челны.
Иртыш волнуется сильней,
Ермак все силы напрягает,
Своей могучею рукой
Седые волны рассекает.
Тяжелый панцирь, дар царя,
Стал гибели его виною,
И бурны волны Иртыша
Сокрыли от врагов героя...
Ревела буря, дождь шумел,
Во мраке молния сверкала,
Вдали чуть слышно гром гремел...
Но Ермака уже не стало.

ШЛИ СО СЛУЖБЫ ДВА ГЕРОЯ

1

Шли с похода они, два героя,
Подходили они ко двору,
Подходили они ко двору:
«Разлюбезная наша хозяйка,
Пусти ночку ты нас ночевать,
Пусти ночку ты нас ночевать».
— «Разлюбезные мои герои,
Я бы рада была вас пустить,
Я бы рада была вас пустить.
Я бы рада была вас пустила —
Три дня печку да я не топила,
Три дня печку я не топила,
Три дня печку да я не топила,
Не варила для вас ничего,
Не варила да я ничего».
— «Разлюбезная наша хозяйка,

Нам не надо твово ничего,
Нам не надо твово ничего.
Шли с похода да мы приустали
И желали бы здесь отдохнуть,
И желали бы здесь отдохнуть».
— «Разлюбезные мои герои,
Прошу милости в хату зайти,
Прошу милости в хату зайти».
Заходили они, два героя,
И молились святым образам,
И молились святым образам.
Помолившись, они поклонились
И садились они по местам,
Садились они по местам.
Как постарше, да он сел на лавку,
А помладше супротив него,
А помладше супротив него.
Сединой голова вся покрыта,
Грудь увешана е́го в крестах,
Грудь увешана е́го в крестах.
Разлюбезная наша хозяюшка
Залилася горькой слезой,
Залилася горькой слезой.
«Разлюбезная наша хозяюшка,
О чем плачешь, о чем слезы льешь,
О чем плачешь, о чем слезы льешь?»
— «Разлюбезные мои герои,
Как мне не плакать, как слез не лить,
Как мне не плакать, как слез не лить?
Тридцать лет тому назад проходит,
Как я мужа свово лишила́сь,
Как я мужа свово лишилась,
И пятнадцать лет проходит,
Как я сына свово сокола́,
Как я сына свово сокола».
— «Разлюбезная наша мамаша,
Не узнала у нас никого,
Не узнала у нас никого:
Вот папаша, пришел он в отставку,
А сыночек дом, мать повидать,
А сыночек дом, мать повидать».

2

Закатилось красно солнышко
За темные леса,
В лесу пташки призамолкли
И садились по местам.
Под деревцом они садились
И не жупили ничего,
А под этим деревцом кудрявым
Нова хижина стоит.
А во этой хижине во новой
Там солдатская жена живет.
С часу на час она сожидала
Мужа с дальней стороны.
Как по Питерской славной дороженьке
Что ль не пыль столбом стоит,
А два храбрых, храбрых два молодчика
Они ружьями гремят,
Орденами грудь у них покрытая,
И медали висят на грудях.
Ко избушке солдаты подходили
И просились ночевать:
«Разлюбезная наша хозяюшка,
Пусти-ка, пусти поночевать!»
— «Разлюбезные мои солдатики,
Три дня я печки, печки не топлю,
Не варила я, право, ничего».
— «Разлюбезная наша хозяюшка,
Нам не нужно твоего ничего.
Со походу шли мы, приустали,
И желаем мы только отдохнуть».
— «Разлюбезные наши солдатики,
Всю вам правду, правду расскажу:
Во двенадцатом году таки году
Объявил француз войну,
Моего мужа тогда забрали,
А сына взяли чередой».
— «Разлюбезная наша хозяюшка,
А муж на лавочке сидит,
А сын его родной напротив стоит».

ОДИН ИЗ КАЗАКОВ, НАЕЗДНИК ЛИХОЙ

1

Один из казаков, наездник лихой,
Он году не прожил с женой молодой,
Сбирался на битву, прощался с семьей,
Прощался с семьею, с женой молодой:
«Ну, жена мила́я, ты будь мне верна!»
— «Верна до могилы!» — сказала она.
Окончив сраженье, поехал домой,
Мать его встречает с иконой святой,
А сестра родная с горючей слезой,
Жена молодая с пригульной дитей.
Мать его просила: «Прости, сын, жену».
— «Тебя, мать, прощаю, жену — никогда».
Заблестела шашка в могучих руках,
Скатилась головка с неверной жены.

2

Ишли два солдата со службы домой,
Одному солдату навстречу отец,
Одному солдату навстречу отец.
«Здорово, папаша!» — «Здорово, сынок!»
— «Расскажи, папаша, как наша семья,
Расскажи, папаша, как наша семья?»
— «Семья, слава богу, прибавилася:
Жена молодая сына прибрела,
Жена молодая сына прибрела».
Сын отцу ни слова, седлает коня,
Приезжает к дому — стоят мать с женой,
Приезжает к дому — стоят мать с женой.
Мать стоит с улыбкой, жена со слезой,
Мать стоит с улыбкой, жена со слезой.
Мать сына просила: «Прости, сын, жене!»
— «Тебе, мать, прощаю, жене — никогда,
Тебе, мать, прощаю, жене — никогда».
Заблестела сабля в казачьей руке,
Слетела головка с неверной жене,
Слетела головка с неверной жене.

«Ой боже мой, боже, що я наробил,
Жену молодую со света сгубил,
Жену молодую со света сгубил.
Жену похоронят, меня закуют,
Маленьку малюточку людям отдадут,
Маленьку малюточку людям отдадут!»

УБИЙСТВО ДОЧЕРИ КУПЦА

Под яблоней такой,
Под кудрявой зеленóй,
Сидел молодец такой,
Не женатый, холостой,
Держал гусли под полой.
Уж вы гусли, гусли,
Гуслицы мои!
Заиграйте, гусли-мысли,
Я вам песенку спою
Про женитьбу свою.
Женитьба, женитьба,
Женитьбица моя!
Женила молодца
Чужа дальна сторона,
Чужа дальна сторона —
Макарьевска ярманка.
Вот как вниз было по матушке
По Волге по реке,
У Макарья в ярманке,
Близ гостиного двора
У Сафонова купца
Сучинилася беда,
Случилося несчастьице:
Не на сто рублей пропало,
Не на тысячу у него,
А пропала у него
Дочь любимая его,
Дочь любимая его,
Зовут Катенькой,
А личиком бравенькая.
Вот искал эту пропажу

По трактирам, погребам,
По трактирам, погребам,
По купеческим домам;
А нашлась эта пропажа
На Машковом на дворе
В новой бане, на полке.
Ее буйная головушка
Проломленная,
Ее русая косынька
Растрепанная,
Миткалевая рубашечка
Разорванная,
Ее цветное платьице
На стенке висит,
А жемчужная цепочка
На окошке лежит,
А самый тот разбойник
Под окошком сидит,
Под окошком сидит,
Сам в окошечко глядит,
Сам в окошечко глядит,
Таки речи говорит:
«Не ко мне ли гости и́дут,
Не меня ли в гости звать?»
Вот как звали молодца,
Позывали удальца
Не во пир пировать,
Не в беседушку сидеть,
А взяли молодца,
Посадили удальца,
Посадили удальца
Во клеточку за решеточку.

КУПЕЧЕСКАЯ ДОЧЬ

У московского купца
Была дочь хороша,
Звали Дунюшка.
Поизволила Дуняша
В особливой спальне спать,
С едной нянюшкою,

Со Татьянушкою.
Со господского двора
Младой принц приезжал,
Штоф рому привозил,
Таню пьяну напоил,
Сам Дуняшу увозил.
Родной батюшка схватился:
По всей улице бросился,
У соседушек спросил:
«Вы соседы, вы соседы,
Вы соседушки мои!
Не видали ли Авдотьюшки моей?»
— «Уж мы знать про ней не знаем,
Только слышали об ней:
Спит у принца на руке,
На кисейном рукаве,
На злаченом на перстне».
Родной батюшко идет,
По всей улице ведет,
По белому лицу бьет,
Приговаривает:
«Ты не будь такова,
Как моя прежня жена,
Твоя матушка родна».

НА ВОЛГЕ

Меж крутых бережков
Волга-речка течет,
А по ней по волнам
Легка лодка плывет.
В ней сидит молодец,
Шапка с кистью на нем,
Он с веревкой в руках
Волгу резал веслом.
Он ко бережку плыл,
Лодку вмиг привязал,
Сам на берег взошел,
Соловьем просвистал.
А на том берегу
Высок терем стоял,

В нем красотка жила,
Он ее вызывал.
Муж красавицы был
Воевода лихой,
Да понравился ей
Молодец удалой.
Одинока она
Растворяла окно,
Приняла молодца
По веревке умно.
Погостил молодец...
Утром рано, с зарей,
Отправлялся домой
Он с красоткой своей.
Долго-долго искал
Воевода жену,
Отыскал он ее
У злодея в плену.
Долго дрались они
На крутом берегу,
Не хотел уступить
Воевода врагу.
Вот последний удар
Их судьбу порешил
И конец их вражде
Навсегда положил.
Волга в волны свои
Приняла молодца,
И по ней по волнам
Шапка с кистью плыла.

ВАНЬКА-КЛЮЧНИК

В саду ягода-малинка
Под закрытием росла,
Свет-княгиня молодая
С князем в тереме жила.
Как у князя был Ванюша,
Ванька-ключник молодой,
Ванька-ключник, злой разлучник,
Разлучил князя с женой.

Он не даривал княгиню
Он ни златом, ни кольцом,
А княгиня к Ване льнула,
Как сорочка на плечо.
Целовала, миловала,
Приглашала ночевать:
«Ты ложись, ложись, Ванюша,
Спать на князеву кровать».
Ванька с нянькой поругался,
Князь дознался про жену,
Князь дознался, догадался,
Посадил жену под ключ.
«Уж вы слуги, мои слуги,
Слуги верные мои,
Вы подите приведите
Ваньку-ключника ко мне».
Вот ведут, ведут Ванюшу,
На нем кудри ветром бьют,
У княгини в своей спальне
В три ручья слезы текут.
«Ты скажи, скажи, Ванюша,
Сколько лет с княгиней жил?»
— «Только знает друг-подушка
Да перина пухова,
Еще милая подружка
Знает князева жена».
Как повесили Ванюшу
На шелковом пояске.
Как висит, висит Ванюша,
Как былинка на меже,
А княгиня молодая
Умирает на ноже.

ИЗ-ЗА ОСТРОВА НА СТРЕЖЕНЬ

Из-за острова на стрежень,
На простор речной волны
Выплывают расписные
Острогрудые челны.
На переднем Стенька Разин,
Обнявшись, сидит с княжной,

Свадьбу новую справляет
Он, веселый и хмельной!
Позади их слышен ропот:
«Нас на бабу променял,
Одну ночь с ней провозжался —
Сам наутро бабой стал».
Этот ропот и насмешки
Слышал грозный атаман,
И он мощною рукою
Обнял персиянки стан.
Брови черные сошлися,
Надвигается гроза:
Буйной кровью налилися
Атамановы глаза...
«Всё отдам, не пожалею,
Буйну голову отдам», —
Раздается голос Стеньки
По окрестным берегам.
А она, закрывши очи,
Ни жива и ни мертва,
Молча слушала хмельные
Атамановы слова.
«Волга, Волга, мать родная,
Волга — русская река!
Не видала ты подарка
От донского казака.
Чтобы не было раздора
Между вольными людьми.
Волга, Волга, мать родная,
На, красавицу прими!»
Одним взмахом поднимает
Он красавицу княжну
И за борт ее бросает
В набежавшую волну...
«Что ж вы, черти, приуныли,
Эй ты, Филька, черт, пляши!
Грянем, братцы, удалую
На помин ее души!..»
Из-за острова на Волгу,
На простор речной волны
Выплывают расписные
Острогрудые челны.

БРОДЯГА

По диким степям Забайкалья,
Где золото роют в горах,
Бродяга, судьбу проклиная,
Тащится с сумой на плечах.
Рубашонка на нем вся худая,
Из разных тюремных заплат,
Шапчонка на нем изорвáна
И серый тюремный халат.
Идет он глухою тайгою,
Где звери одни лишь живут,
Котел его сбоку тревожит,
Сухарики с ложкою бьют.
Бродяга к Байкалу подходит,
Рыбачью он лодку берет,
Унылую песню заводит,
Про родину что-то поет.
Бродяга Байкал переехал,
Навстречу — родимая мать.
— «Здорова ль, родная мамаша,
Живой ли отец мой и брат?»
— «Отец твой давно уж в могиле,
Землей призасыпан, лежит,
А брат твой давно во Сибири,
Давно кандалами гремит.
Пойдем же, пойдем же, сыночек,
Пойдем же в курень наш родной,
Жена там по мужу скучает,
И плачут детишки гурьбой».

КОЧЕГАР

Раскинулось море широко,
И волны бушуют вдали,
Товарищ, мы едем далеко,
Подальше от нашей земли.
Не слышно на палубе песен,
И Красное море шумит,
А берег суровый и тесен —

Как вспомнишь, так сердце щемит.
«Товарищ, я вахты не в силах стоять, —
Сказал кочегар кочегару, —
Огни в моих топках совсем не горят,
В котлах не сдержать больше пару».
— «Ты вахты не кончив, не смеешь бросать,
Механик тобой недоволен.
Ты к доктору должен пойти и сказать, —
Лекарство он даст, если болен».
За поручни слабо хватаясь рукой,
По трапу наверх он взбирался:
Идти за лекарством в приемный покой
Не мог — от жары задыхался.
На палубу вышел — сознанья уж нет,
В глазах у него помутилось,
На миг увидал ослепительный свет,
Упал. Сердце больше не билось...
К нему подбежали с холодной водой,
Стараясь привесть его в чувство,
Но доктор пришел, покачал головой:
«Напрасно здесь наше искусство...»
Всю ночь в лазарете покойник лежал,
В костюме матроса одетый,
В руках восковую свечу он держал,
Воск таял, жарою согретый.
Проститься с товарищем утром пришли
Матросы, друзья кочегара.
Последний подарок ему принесли:
Колосник обгорелый и ржавый.
К ногам привязали ему колосник
И койкою труп обернули.
Пришел корабельный священник-старик,
И слезы у многих блеснули.
Напрасно старушка ждет сына домой,
Ей скажут, она зарыдает...
А волны бегут от винта за кормой,
И след их вдали пропадает.

ОДИН КУПЕЦ РАССКАЗЫВАЛ РАССКАЗ

Про один случай рассказывал купец:
Добрый молодец девчонку облестил,
С ёй руки колечко получил,
Со своей руки зóлот перстень подарил,
Обещался за себя замуж взять.
Потом вышел на паратную крыльцо,
Свистнул-гаркнул семь лакеев-кучерей:
«Эх вы братцы, семь лакеев-кучерей,
Вы подайте тройку вóроных коней!»
Сел в коляску, быстры кони понеслись,
Разлюбезна стала плакать и рыдать,
Про несчастну стали люди замечать.
Отец кажет: «Что за темная за ночь!»
А мать кажет: «Разбессчастна наша дочь,
С малолетства негодяя любилá».
Взяла ведры, сама по воду пошла.
Почерпнула, ведерóчки ставилá,
Перькрестилась, сама под воду пошла.

СЕСТРЫ-СОПЕРНИЦЫ

1

Когда-то был в Англии царь удалой,
Имел он двух дочек, красавиц собой.
Бледнее, чем день, была младшая дочь,
Старшая — смуглянка, как бурная ночь.
Старшая младшую манила тайком:
«Пойдем, пойдем, сестрица, на берег вдвоем».
Тихо было в море, покров голубой,
И пеной украшен был берег морской.
«Смотри-ка, сестрица как море смугла,
А я, молодая, как пена бела».
Вскипела смуглянка, гневом полна,
Сестру свою в море столкнула она.
Смутилися волны, завыли леса...
«Спаси меня, друг мой! — взмолила краса. —
Не дай меня в жертву свирепым волнам,
Тебе я свой пояс златистый отдам!»

— «Не бейся, красотка, в круты берега,
На божию землю не ступит нога.
Когда же жених мой в чертог поведет,
Златистый твой пояс мой стан обовьет».
— «Спаси же, сестрица, спаси от греха,
Тебе уступаю кольцо жениха...»
— «Когда захлебнешься в холодной воде,
Жених по наследству достанется мне.
С твоим удалым, молодым женихом
Сам царь нас обручит жемчужным кольцом».
— «Скажи же поклон мой царю и отцу,
Скажи, что меня отдала ты к венцу,
Скажи при поклоне родною моей,
Что свадебный кубок я пью средь морей,
Скажи жениху молодому в тоске,
Что ложе стелю на холодном песке!»
Рыба́ки рыбачили в глухую полно́чь,
Поймали рыбаки меньшу царску дочь..
Из них один был арфист молодой,
Сказал своим товарищам: «Я сделаю живой,
Составлю я арфу из белых костей,
Натяну я струны из белых власей.
Поставлю я арфу у царских ворот,
Чтоб мог ее слышать весь здешний народ».
Цветами украшен высокий алтарь,
За брачной трапезой пирует сам царь.
«Вот новый арфист, — некто сказал, — у ворот,
Послушай, невеста, что арфа споет!»
На первый аккорд говорила струна:
«В златистый мой пояс сестра убрана!»
Бледнеет невеста, но бодро глядит,
В руке ее кубок заздравный дрожит.
Удар повторился, и струны — как гром:
«Сестра обручилась с моим женихом!»
И... дурно... невеста потупила взор,
Дева с невесты снимает убор.
На третий аккорд возопила струна:
«Сестра меня волнам морским предала!»
В чертоге смятенье... и вопли и плач...
И гордой секирой сверкает палач.

2

Королик ты, королик,
Королик молодой.
Имел же ты, королик,
Двух царских дочерей.
Первая дочь — красотка,
Вторая — темная ночь.
К первой-то, красотке,
Присватался купец,
Ко второй, темной ночке, —
Семи земель король.
Королик ты, королик,
Королик молодой.
И старша дочь меньшую
Манила всё тайком:
«Пойдем, пойдем, сестрица,
На тот берег крутой,
Посмотрим же, сестрица,
Чем берег сукрашён».
Сукра́шен белый берег
Морскою глубиной,
И старша дочь меньшую
Столкнула под волну:
«Плыви, плыви, сестрица,
Куда бог понесет!»
Рыбачили рыба́ки
В глухую темну ночь,
Поймали же рыбаки
Меньшую царску дочь.
И думали, гадали,
Что сделать из нее?
«Мы сделаем гитару
Из ее белы́х костей».
И струны натянули
Из ее русых волос.
Со первого удара
Пришла родная мать,
Со второго удара
Пришел родной отец,
А с третьего удара
Пришла родная сестра:

«Сестрица ты, сестрица,
Сгубила я тебя,
Нисколь же мне, сестрица,
Не лучше без тебя».

МАЛЬВИНА

1

Солнце скрылось за горами,
Водворилась тишина,
Горнею течет стезею
Одинокая луна.
Сон объемлет гор вершины,
Сумрак ночи на полях,
Все спят рощи и долины,
Воды дремлют в берегах.
Храбрый рыцарь всё стремится
Ко Молвине молодой,
Вдруг он видит: ярко блещет
Пышный замок за рекой,
Ярко освещенный замок,
Замок весь огнем горит,
К замку спущен мост подъемный,
Страж на башне не стоит.
Шумно в замке ликованье,
Слышен гул его в полях,
И огней большо сиянье
Отражается в волнах.
Что там пиршеству причина?
Что там в замке веселит?
Брак Оскара и Молвины
Совершает Гордефрид.
У Молвины слезы льются,
Как поток шумят по ней,
Час прощальный их с Одвином
Тяжко ей терзает грудь.
«Не забудь меня, Молвина».
— «Не забуду, милый друг!»
И на память привязала
Шарф на шею голубой.

Собралися все подруги,
Песни свадебны поют.
«Не спешите вы, подружки,
Дайте сердцу погрустить,
О едином мне скажите,
Могу ль я рыцаря забыть?»
Уж к венчанью всё готово,
И священник в церкви ждет.
Отец сурово к ней подходит
И к алтарю ее ведет.
И священник их венчает,
И кольцами обручает.
Видит он кольцо чужое,
А совет произнесен.
Вдруг какое там смятенье,
К замку рыцарь прискакал.
Блещет шлем его пернатый,
Крест на панцире златой,
У бедра висит богатый
Меч на шарфе голубом.
«Стой! Прерви обряд венчанья,
Мне венец принадлежит!»
— «Поздно едешь, гость надменный,
Поздно!» — рыцарь говорит.
— «Нет, не поздно для злодеев,
Кто мог счастия лишить!
Бог судья, Оскару мщенье,
Защищайся, вот удар!»
И сразилися мгновенно,
Упал Одвин, и с ним Оскар.
А что же с бедною Молвиной?
Она — безмолвна и бледна,
Упав на хладну грудь Одвина,
И свет оставила она.
С тех пор уж замок опустелый,
Живет один в нем Гордефрид.

2

Тихо, стройно за морями,
Где хранилась тишина,
Все спят рощи и долины,

Волны плещут в берега.
Храбрый рыцарь всё стремится
Ко Маврике молодой.
А Маврику снаряжают,
Ведут бедную к венцу.
Она плачет, слезы льются,
Как поток шумят оне.
«Вы, подружки, не сердитесь,
Дайте сердцу погрустить.
Вы единые скажите,
Как мне милого забыть?
Я терплю мученье, скуку,
Я пожертвую собой.
Отдаю вам праву руку,
Как велел папаша мой.
Вот вам перстень обручальный,
Мне венец принадлежит».
Поздно едет гость нежданный,
Поздно рыцарь молодой,
Для злодея всё не поздно,
Рыцарь саблю обнажил.
Востра сабля в грудь впилася,
И Маврика померла.
Померла наша Маврика,
С ней и кончилась любовь.
Ручки к сердцу приложили,
Грудь закрыли полотном,
Отпевати тело можно,
Воротить души нельзя.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЖЕНИХА

Как во селе, селе Покровском,
На проезжей большой улице
Собирались красны девушки,
Все играли хороводами.
Одна девушка не в кругу стоит,
Не в кругу стоит, задумалась.
Очи ясные заплаканы,
Не вплетает в косу русую,

В косу русую ленту алую,
А всё прячет под косынкой белою.
К ней подходит молодой солдат,
Молодой солдат израненный,
Стал он с девушкой разговаривать:
«Что ты, девушка, не в кругу стоишь,
Не в кругу стоишь, не с девушкам?
Не вплетаешь в косу русую,
В косу русую ленту алую,
А всё прячешь под косынкой белою?»
— «Ах, служивый, я не девушка,
Не вдова я, не молодушка,
Сирота я вовсе круглая.
Вот три года тому минуло,
Как бурмистр и мир рассéрдились
На мово на друга милого,
Жениха мне обручального.
Нет ни весточки, ни грамотки:
Видно, мой милóй на войне убит!»
— «Ты душа ли, красна девица,
Вот, возьми-ка полотенечко:
Не твое ли рукодельице?
В полотенечке золот перстень,
Не с твоей ли правой рученьки?»
Тут девица взрадовалася,
Узнавала друга милого,
Жениха ей обручального.

ОТЕЦ СЫНУ НЕ ПОВЕРИЛ

1

Лет семнадцати мальчишка,
Неженатый, холостой,
Вот задумал он жениться,
Позволенья стал просить:
«Позволь, батюшка, жениться,
Дозволь взять, кого люблю!»
Отец сыну не поверил,
Что на свете есть любовь.

«Есть на свете любовь равна,
Всех вообще должно любить!»
Мальчишечка слезно всплакал,
Отцу слова не сказал.
И пошел он по дорожке
Прямо к Саше под окно...
«Прощай, Сашенька, мила́я,
Дай с руки злато кольцо».
Назад скоро возвращался
По дорожке столбовой...
Вынул саблю, вынул остру,
Поразил он сам себя.
Его буйная головка
Покатилась по траве,
Его очи голубые
Смело в солнышко глядят,
Его письма дорогие
Прямо к Саше в дом летят.
Саша письма получала
И читала во слезах.
Где читала, тут упала,
Тем и кончилась любовь.

2

При собраньи, при компаньи
Парень девку приобнял,
Стало девке парня стыдно,
Стала плакать и рыдать.
Стало парню девки жалко,
Стал он девку унимать:
«Не плачь, девка, не плачь, красна,
Я ведь холост, не женат.
Я теперь буду жениться,
Возьму замуж за себя.
Пойду татеньку спроситься,
Дозволеньице спросить:
«Позволь, татенька, жениться,
Позволь взять, кого люблю».
Отец сыну не поверил,
Что на свете есть любовь:

«Все на свете люди равны,
Надо всех равно любить».
Отвернулся сын, заплакал,
Отцу слова не сказал.
Вышел Ваня на крылечко,
Утерся беленьким платком:
«Выйди-ка, Саша, на крылечко,
Поменяемся кольцом.
Если ты, Сашенька, не выйдешь —
Не видаться нам с тобой».
Взял он саблю, взял он востру,
Пошел по дорожке столбовой.
Вынул он саблю востру —
Срубил голову себе.
Покатилась с плеч головка
На шелковую траву.
Его глазки голубые
Будто звездочки горят,
Его письма дорогие
Прямо Сашеньке летят.
Прочитала Саша письма
И от страха померла.

НА ТОМ ЛИ ОСТРОВЕ БУЯНЕ

На том ли острове Буяне
Стоял огромный монастырь,
Спасался юноша прекрасный,
Спасался мóлодый монах.
Читал он божественные книги
И пел духовные стихи.
Однажды юноша прекрасный
Он сдумал с братии уйти.
Он шел по бережку крутому,
И шел он, куда глаза глядят.
Вдруг видит чудо пред собою —
Девицу, спящу крепким сном.
«Вставай ты, дева, пробуждайся,
Заря восходит, первый час».
От сна девица пробудилась
И видит друга пред собой.

«Везде, везде тебя искала,
Но не могла нигде найти,
В саду, в саду тебя видала,
Когда ж ты с братией гулял,
Платочком я тебе махала,
Но ты платка не замечал.
Теперь ищи себе вторую,
А я нашла себе дружка!»
Монах обнял деву рукою,
А сам заплакал, как дитя.
«Могу, могу тебе поверить,
Что любезнóй любúт тебя».

СКАЗКИ МОРСКИЕ

Сказки морские — порою жестокие сказки!
Жил-был рыбак с черноокою дочкой своей,
Дочка не знала отказа, заботы, — всё ласки,
Крепко любил ее старый рыбак Тимофей.
Выросла дочка стройна и красива собою,
Волны и ветры морские растили дитя.
Брови густые, глаза словно спелые сливы,
Тихая, скромная, всё ей давалось шутя.
Часто с отцом уплывали в открытое море,
Сети чинила, катала на лодке господ,
Пела, смеялась, как чайка жила на просторе.
Но от судьбы своей тоже никто не уйдет.
Как-то под вечер зашли к рыбаку за водою
Шестеро юношей, был между ними один,
Смелый красавец с улыбкою нежной, но злою,
Пальцы в перстнях — настоящий купеческий сын.
Вышли они, и вдруг стало темнее в лачуге,
Девичьи очи затмила любовная мгла...
Он тут, красавец, последний из кружки напился,
Кружку взяла и остаток она допила.
Так и пошло — полюбили друг друга на горе
Смелый красавец и скромная дочь рыбака.
Каждую ночь он украдкой стучался в лачугу,
Каждую ночь она с лаской встречала дружка.
В лодку садились и в синюю даль уплывали,

Ветры морские им были приветом любви,
Волны морские им жаркую страсть охлаждали,
Скалы им пели волшебные песни свои.
Старый рыбак почернел от стыда и кручины:
«Дочка, опомнись, твой милый — картежник и вор!»
Раз он сказал: «Берегись, берегись, Катерина,
Лучше убью, чем отдам я тебя на позор!»
Девушка петь и смеяться совсем перестала,
Пала на личико темная, хмурая тень,
Щечки поблекли, и белые руки ломала,
Словно слепая ходила она целый день.
Как-то под вечер, вернувшись из города, грубо
Крикнул отец: «Ну, конец молодцу твоему —
В краже попался, иди, посмотри, коли любо, —
В драке убили, туда и дорога ему».
Девушка молча, накинув платочек, помчалась.
Город был близок, смотрю — у кафе одного
Куча народу, насилу она протолкалась,
Бросилась к трупу, целуя, лаская его.
Он неподвижен, опущены черны ресницы,
Алая кровь запеклась на губах молодца...
Словно невеста, одела венчальное платье,
Бросилась в море с высокой отвесной скалы.
Верно, дороже, дороже любовные страсти
Женскому сердцу, а море сильней, чем любовь.
Сказки морские — порою жестокие сказки...
Раз рассказал, дак не в силах рассказывать вновь.

МОРСКАЯ ЛЕГЕНДА

Свершилось ужасное дело, —
Командой убит капитан.
Кровавое, бледное тело
В волнах своих скрыл океан.
Годами терпели матросы,
Как зверь он был с ними жесток,
Как звери они отупели,
Был страшен мучителя рок.
Кто первый нанес ему рану,
За этим никто не следил,

А каждый свой нож капитану
С проклятием в тело вонзил.
Покончивши вместе расправу,
Не глядя друг другу в глаза,
Свершители мести кровавой
Спешили поднять паруса,
Чтоб место оставить скорее,
Где волны закрыли его.
Назад оглянуться не смели,
Не смели сказать ничего.
И волны корапь рассекает,
Послушный движеньям руля.
Смеркается, ночь наступает,
Вдали показалась земля.
Так мрачно чернеют утесы
Сквозь серый вечерний туман,
Вдруг в ужасе смотрят матросы:
На мостике стал капитан.
Стоит неподвижно, безмолвно
И вдаль на утесы глядит,
Туда, где холодные волны
Дробятся о черный гранит.
Вот руку мертвец поднимает,
Командует: «Вправо руля!»
Дрожит, цепенея, внимая
Ему, экипаж корабля.
Берутся за снасти матросы,
Противиться нет больше сил.
А штурман, привычный к приказам,
Налечь на штурвал поспешил.
И все повинуются сразу,
И снова команда звучит.
Кораблик несет на утесы,
На верную гибель он мчит.

Я С РЫБАЦКОЮ ВЕРНОЙ ДУШОЮ

Я с рыбацкою верной душою
С малых лет по рыбалкам пошла
И осталась с трех лет сиротою,
Вся семья в один год умерла.

На рыбалке цвела и завяла
Наша первая с Колькой мечта,
На рыбалке его целовала
Первый раз в молодые уста.
Эх, за что полюбила я Кольку,
Кольку верной рыбацкой душой?
Иль за то, что смеется так мило,
Иль за голос его громовой,
Иль за длинные черные кудри,
Что спускались до самых бровей,
Иль за узкие черные брови,
Иль за взгляд его карих очей?
Как-то раз все суда задержались
На чужом неизвестном порту.
На рыбалке у нас приближались
Соляные запасы к концу.
Снарядил управляющий лодку
И начал смельчаков выбирать,
Обещал даже дать им на водку,
Кто сумеет им соли достать.
Море тихою гладью стояло,
Ветерок лишь тихонько дышал,
Ну, а к вечеру шторм предвещался,
И никто выезжать не хотел.
Управляющий тут рассердился
И сурово нахмурил усы:
«Знать, напрасно я здесь потрудился,
Здесь ведь нет рыбаков — все трусы!»
Сразу дрогнуло сердце у Кольки
И еще у семи рыбаков:
«Не боимся мы шторма любого,
Соли вам привезем сто пудов!»
Попрощавшись со мной, с рыбаками,
Колька первый в лодчонку влетел,
И встряхнул он густыми кудрями,
Сам веселую песню запел.
Лодка дальше и дальше скрывалась,
Вот совсем не осталось следа...
Сердце девичье мне подсказало:
Не вернется мой Колька назад.
Ну, а к вечеру шторм разыгрался,
В первый раз, говорят старики.

С этим штормом пришло ко мне горе —
Не вернулись назад рыбаки.
Всё прошло, прокатилось, не стало,
Жизнь меня обошла стороной.
И осталась одна лишь гитара
Поздно вечером плакать со мной.
Замолчите, проклятые струны,
Его в жизни моей уже нет.
Я девчонка еще молодая,
А в душе моей семьдесят лет.
А теперь море тихо стояло,
Рыбаки все ушли на покой. . .
Я на скалах у моря рыдала
О несчастной о жизни своей.

РЫБАК И ЖЕНА ОХОТНИКА

На том прекрасном месте, на берегу реки,
Стоял красивый домик, в нем жили рыбаки.
Рыбак с своей рыбачкой рыбачил во трудах,
У них было три сына — красавцы хоть куда.
Один любил крестьянку, второй любил княжну,
А третий — молодую охотника жену.
Любил он ее тайно, охотник тот не знал,
Что жизнь его разбита, и он по ей страдал.
Однажды рано утром охотник шел на дичь,
С цыганкой повстречался — умела ворожить.
Цыганка молодая умела ворожить,
Раскинула все карты, боится говорить:
«Твоя жена неверна — семерка так лежит,
А туз виней — могила тебе принадлежит».
Охотник огорчился. Цыганке уплатил,
А сам с большой досадой домой поворотил.
Подъезжает к дому и видит: у крыльца
Жена его, злодейка, в объятьях рыбака.
Тут раздался выстрел, младой рыбак упал,
Затем жена-злодейка, потом охотник сам.
Наутро все три трупа валялись у крыльца,
Жена его, злодейка, в объятьях рыбака.

ОКРАСИЛСЯ МЕСЯЦ БАГРЯНЦЕМ

Окрасился месяц багрянцем,
Где море шумело у скал.
«Поедем, красотка, кататься,
Давно я тебя ожидал».
— «Спасибо, я еду охотно:
Я волны морские люблю.
Дай парусу полную волю,
Сама же я сяду к рулю».
— «Ты правишь в открытое море,
Где с бурей не справиться нам.
В такую шальную погоду
Нельзя доверяться волнам».
— «Нельзя? Почему, дорогой мой?
В минувшей той горькой судьбе
Ты вспомни, изменщик коварный,
Как я доверялась тебе.
Меня обманул ты однажды,
Сегодня — тебя провела.
Смотри же, вот ножик булатный,
Который недаром взяла.
Ты брось пред погибелью весла,
Спасти чтоб никто их не мог...»
Поутру приплыли два трупа
И с ними разбитый челнок.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОЧЕРИ

Течет речка-ручеек,
А по речке лодка.
За девицею матрос
Гонится далеко:
«Если хочешь быть женой,
То поедешь с нами,
Ты совету попроси
У родимой мамы».
Мать совету не дает:
«Слушай меня, дочка:
Матрос замуж не возьмет,
Непременно бросит».

— «Я совету твоего
Слушать не желаю,
Я с матросом молодым
Завтра уезжаю!»
Год прошел, она идет
С головой унылой.
На руках она несет
Матросенка-сына.
«Прими, маменька, меня,
Прими, дорогая.
Через год он будет звать:
Бабушка родная».
— «Нет, ступай ты, дочь, ступай,
С кем совет имела».
— «А куда же я пойду?
Кругом обсиротела.
Да тогда же я пойду
К своему матросу,
Тот, который говорил:
Никогда не брошу.
Ты матрос, ты матрос,
Или ты не слышишь?
На руках твое дитя,
Или ты не видишь?
Кабы не было дитя,
Я бы не ходила,
А такими матросами
Заборы городила».

ПРИМЕЧАНИЯ

Для настоящего издания отобраны тексты, лучшие в художественном отношении и наиболее характерные по своим жанровым особенностям. Варианты сюжетов даются в том случае, когда они представляют иную разработку темы или своеобразную художественную переработку сюжета, имеющую самостоятельный интерес.

Названия баллад, как правило, народные. Когда таких названий нет, даются заглавия первой публикации или пояснительные.

Все баллады разделены на две большие группы — с семейно-бытовым и с общественно-историческим содержанием; в особый раздел выделены баллады сатирического характера. Внутри каждого раздела материал расположен в исторической последовательности.

Четвертый раздел — поздняя, так называемая «мещанская» баллада.

Тексты сборника подверглись редактированию согласно общим принципам такого рода изданий в настоящей серии (см. «Причитания», «Былины», «Народные исторические песни» и другие). Морфологические, синтаксические и лексические особенности текстов сохраняются без изменений. Фонетическая сторона записей дается в согласии с нормами литературной речи (снимаются «цоканье», крайние случаи «оканья» и «аканья» и т. п.) и в соответствии с принятым в современной орфографии фиксированием звучащей речи. Так, например, явления ассимиляции согласных, оглушение звонкой в конце слова, окончания -ова, -ева в родительном падеже мужского рода и т. д. особым начертанием не выделяются и обозначаются привычной орфографией: сговорит, а не зговорит, лучшего, а не лучшова, моего, а не моево (вместе с тем «мово», как особая лексическая форма, образованная стяжением гласных, оставляется без изменения). Никаких исправлений, которые могли бы изменить ритм стиха или строй народной речи, не допускалось. В стилистических целях сохраняется разность написания слов, иногда и в пределах одного текста (аще, още, еще; что, що и т. п.); *é* обозначает произношение *е* вместо обычного в данном случае *ё*: Пéтр.

Ударения проставляются в тех случаях, когда возможно неправильное прочтение текста или когда слово имеет необычное ударение.

Пунктуация принята современная.

Трудные для понимания или неясные места в текстах истолковываются в комментариях. Отдельные редкие или устарелые слова вынесены в словарь. Комментарии преследуют цель, кроме пояснения содержания текста, показать историческое и стилевое движение сюжетов, а также степень их популярности в народной среде.

Указатель сокращений

Астахова — Былины Севера, т. 1, Мезень и Печора. Записи, вступ. статья и комментарий А. М. Астаховой. Под ред. М. К. Азадовского. М.—Л., 1938; т. 2, Прионежье, Пинега и Поморье. Подготовка текста и комментарий А. М. Астаховой. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1951.

Бессонов — П. А. Бессонов. Калеки перехожие, т. 1, М., 1861; т. 2, М., 1863.

Гильфердинг — Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г. Изд. 1-е, СПб., 1873; изд. 4-е, тт. 1—3, М.—Л., 1949—1951.

ГО — Географическое общество СССР.

ГПБ — Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Григорьев — Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг., т. 1, М., 1904; т. 2, Praha, 1939; т. 3, М., 1910.

Гуляев — Былины и песни Южной Сибири. Собрание С. И. Гуляева. под ред. В. И. Чичерова. Новосибирск, 1952.

Железнов — И. И. Железнов. Уральцы. Очерки быта уральских казаков. Изд. 1-е, М., 1858; изд. 2-е, тт. 1—3, СПб., 1888.

ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР.

Исторические песни XIII—XVI вв. — Исторические песни XIII—XVI веков. Издание подготовили Б. Н. Путилов и Б. М. Добровольский. М.—Л., 1960.

КФАН — Карельский филиал Академии наук СССР.

Киреевский — Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. 1—10. М., 1860—1874.

Киреевский, Новая серия — Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия, вып. 2, чч. 1 и 2 (песни необрядовые). М., 1929.

Кирша Данилов — Древние русские стихотворения. М., 1804; Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М., 1818; Сборник Кирши Данилова. Под ред. П. Н. Шеффера. СПб., 1901; Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. Издание подготовили А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилов. М.—Л., 1958.

Листопадов — А. Листопадов. Песни донских казаков. Музгиз, т. 1, чч. 1 и 2, 1949; т. 2, 1950; т. 3, 1951.

Магнитский — Песни крестьян села Беловолжского, Чебоксарского уезда, Казанской губ. В. Магнитского. Казань, 1877.

Марков — Беломорские былины, записанные А. В. Марковым. М., 1901. Предисловие проф. В. Ф. Миллера.

Марков — Богословский — Материалы, собранные в Архангельской губ. летом 1901 г. А. В. Марковым, А. Л. Масловым и Б. А. Богословским. Труды Музыкально-Этнографической комиссии, состоящей при Этнографическом отделе общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, т. 1, М., 1906; т. 2, М., 1911.

Миллер. Исторические песни из Сибири. — В. Ф. Миллер. Исторические песни из Сибири (Известия ОРЯ и СЛ АН., 1904, т. 9, кн. 1). СПб., 1904.

Никитская — Сборник песен, употребляемых простонародьем, собранных в нескольких губерниях Пульхерией Никитской. Казань, 1900.

Новикова — А. М. Новикова. Русские народные песни. М., 1960.

Ончуков — Печорские былины. Записал Н. Ончуков. СПб., 1904.

Пивоваров — Донские казачьи песни. Собрал и издал А. Пивоваров. Новочеркасск, 1885.

Путилов — Песни гребенских казаков. Публикация, вступ. статья и комментарии Б. Н. Путилова. Грозный, 1946.

Рыбников — Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Изд. 1-е, чч. 1—2, М., 1861—1862; ч. 3, Петрозаводск, 1864; ч. 4, СПб., 1867; изд. 2-е, тт. 1—3, М., 1909—1910.

Савельев — Сборник донских народных песен. Составил А. Савельев. СПб., 1866.

«Сборник материалов... Кавказа». — «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа». Тифлис — Махачкала, 1881—1929.

Соболевский — Великорусские народные песни, тт. 1—7. Изданы проф. А. И. Соболевским. СПб., 1895—1902.

Студитский — Народные песни Вологодской и Олонецкой губерний, собранные Ф. Студитским. СПб., 1841.

Чернышев — Русская баллада. Предисловие, ред. и примечания В. И. Чернышева. Вступ. статья Н. П. Андреева. «Библиотека поэта», Л., 1936.

Чулков — Сочинения Михаила Дмитриевича Чулкова, т. 1. Собрание разных песен, чч. 1, 2 и 3 с Прибавлением, 1770—1773 гг.; СПб., 1913.

Шейн. Великорус — Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказаниях, легендах и т. п. Материалы, собранные и приведенные в порядок П. В. Шейном, т. 1, вып. 1—2. СПб., 1898.

БАЛЛАДЫ СЕМЕЙНО-БЫТОВЫЕ

Дмитрий и Домна

1. «Ездил Митрий Васильевич...». Впервые — Рыбников, 1-е изд., ч. 1, № 79; зап. от молодицы из Кижской губы, Олонецкой губ., в 1860 г. Печ. по 2-му изд., т. 1, № 92. Баллада широко известна на русском Севере, особенно на Белом море и Пинеге. На Пинеге, по данным 1900—1930 гг., ее пела почти каждая женщина. Особенности распространения и характер соотношения редакций заставляют предположить, что сюжет возник в Новгороде

между XIV—XVI вв. и занесен на Север еще в пору древней новгородской колонизации (до начала XVI в.). Приведенный вариант отражает древнейшую редакцию сюжета. *Назад горбат, наперед покляп* — исправлено; в подлиннике: «наперед горбат, назад покляп» — что ошибочно, так как «покляпый» означает «кривой, согнутый, свислый» (ср. с текстом варианта).

2. «Еще сватался Митрий-от по три года...». Впервые — Марков — Богословский, т. 2, стр. 98; зап. от П. Ф. Коневой, крестьянки дер. Кузомень (Терский берег Белого моря), Архангельской губ., в 1901 г. Этот вариант отражает позднюю и наиболее распространенную редакцию сюжета. *Открывала двери нá-пяту* — настежь, широко, насколько позволял пяточный шип, на котором поворачивались двери в крестьянской избе.

Василий и Софья

1. «Было у вдовушки тридцать дочерей...». Впервые — Бессонов, т. 1, стр. 699; зап. в Петрозаводском у. в 1859 г. Баллада известна у нас на Севере — в Прионежье, где она была особенно популярна, в Пудожье и на Пинеге. В иной редакции она распространена в Белоруссии и на Украине. Это один из древнейших балладных сюжетов, возникший на заре средневековья. Сходные сюжеты широко известны решительно у всех народов Европы и ближней Азии. Церковь, или церковная стена, или алтарь между могилами — в европейской традиции повсеместная деталь сюжета. Для европейской традиции в целом, более древней надо считать версию, где мать-погубительница продолжает мстить, срезая деревья. Позже этот мотив исчезает (см. вариант) и порой даже заменяется раскаянием матери. *Все они стояли по крылосам.* Церковный клирос — боковые части алтарного возвышения, место для клира, для певчих. *Повел он Софию по Киеву, Ко славному князю Владимиру* — влияние былинного эпоса: в других вариантах Василий ведет Софью в церковь и венчается с ней («Поводил он Софью во божью церкву, накладали им да золоты венцы»). *Всю ночку трудились, беспокоились* — мучились, страдали от болезни.

2. «Жила вдова да по край синю́ моря́...». Впервые — «Былины Пудожского края». Подготовка текстов, статья и примечания Г. Н. Париловой и А. Д. Соймонова. Предисловие и редакция А. М. Астаховой. Петрозаводск, 1941, № 71; зап. от Е. С. Журавлевой из дер. Колтоноговской, Пудожского р-на, Карельской АССР, в 1938 г. Поздняя местная обработка сюжета. Характерны: *«Кий-город»* — вместо «Киев» — и заключительная сентиментальная картина двух голубков на могилах. *Семь дочерей, да один был сынок.* Весь зачин баллады попал под воздействие зачина баллады «Братья-разбойники и сестра». Вследствие этого позднее Василий был назван братом Софьи, что дало повод ряду исследователей искать в балладе мотив кровосмешения. *Круг полувеку идут* — идут люди среднего возраста.

Чурильё-игуменьё. Впервые — Григорьев, т. 1, № 98; зап. от М. Ф. Ошурковой из дер. Чаколы (р. Пинега), Архангель-

ской губ., в 1900 г. Баллада известна только на Пинеге, где, по-видимому, и была создана вряд ли ранее XVII в. (Пинега заселялась в XVI—XVII вв.) Источники этого сюжета — во-первых, баллада «Василий и Софья», во-вторых, сатирическая баллада «Чурилья-игуменья и Стафида Давыдовна» (см. наст. изд. стр. 283). Злая мать была превращена в игуменью монастыря, и сюжет получил резкую антимонастырскую направленность. *Чурильё-игуменьё.* Во всех вариантах сохранено это обозначение игуменьи средним родом. *Разлучить нам сноха да нелюбимая.* Сноха — жена сына. Снафида, являясь послушницей, не может быть замужем. Эта деталь — не переработанный до конца мотив баллады «Василий и Софья». *Нашего питья да монастырского.* Под «питьем» подразумевается хмельной напиток. Во всех прочих вариантах названо пиво или вино: «С нашего пивца да не болит голова, наше-то пивцо да на просыпку легко». *Тут-то Чурильё ужахнулося.* Чурилью пугает мужество Снафиды, принявшей чару после гибели Василия. По другим вариантам, на могилах убитых вырастают чудесные деревья, сплетающиеся ветвями, как и в балладе «Василий и Софья».

Князь Михайло

1. «Как поехал князь Василий...». Печ. впервые: Архив ГПБ, собрание А. А. Титова, 2321, лист 18—19 об., Арзамасский у., Нижегородской губ. Баллада о князе Михайле (Василием он назван лишь в этом варианте) известна в центральной России, Сибири и особенно популярна, по записям конца XIX — начала XX в., на русском Севере (от Прионежья до Мезени). В древнейшей редакции свекровь, возможно, убивала невестку под видом помощи при родах, как можно судить по следующим строкам одного из вариантов: «Ты пойдем-ко, моя невестка, в мыленку — помою, твой животик поправлю». Позднее убийство приобрело черты прямого насилия над беззащитной женщиной: «В трои рученьки сноху держали, в четвертые грудь пороли». Приводимый текст примыкает к старейшей редакции сюжета. Обычное заключение — самоубийство князя, кидающегося на саблю у гроба жены.

2. «Поехал Михайло молод князь...». Впервые — Григорьев, т. 3, № 330; зап. от А. В. Потруховой в дер. Дорогая Гора (Мезень), Архангельской губ., в 1901 г. Северная версия баллады о князе Михайле. Изменение сюжета произошло при движении баллады к северу с «низовским» колонизационным потоком, по-видимому в XVI или XVII вв. *Молоду княгину Она валила в белодýбову колоду.* В колодах на севере встарь хоронили покойников, не зарывая их, а оставляя в лесу. *Во повалыши широки...* Повалуша — летняя спальня в избе, без печки, часто помещается вверху, на повети, или отдельно, через сени. *Море Алыньско* (или Волынско) — первоначально Хвалынское. Хвалынское — Каспийское море, позже приобрело нарицательное значение, подобно тому как «Дунай-река» стала рекой «вообще». *По колен в грязи бродила...* — в грязи, которую оставляет на мелководье морской отлив: водоросли, сор, тина, среди которых могли запутаться тела утонувших.

Князь и старицы. Впервые — Григорьев, т. 1, № 15; зап. от А. И. Лейновой в дер. Колежма (Поморье), Архангельской губ., в 1899 г. Северная версия популярной баллады о гибели оклеветанной жены. Сюжет известен по всей России, в Белоруссии и на Украине. Древнейшие детали местных версий сюжета совпадают, что позволяет отнести возникновение баллады к XV—XVI вв., когда языковая разница и различия в фольклоре Руси, Украины и Белоруссии еще только намечались. Баллады на эту тему типичны для общеевропейского балладного жанра, но клеветницей, как правило, является свекровь. Связь северной версии с ее общеславянским «прототипом» удается обнаружить в некоторых северных вариантах, сохранивших указания на родственные отношения князя и стариц:

Что третья-то ведь старица взмолилася:
«Уж ты вой еси, князь да девяносто лет,
Щой одна-то ведь старица ведь мать твоя,
А друга-то ведь старица сестра родна,
Что третья-то ведь старица ведь крёсна мать».

(Архив ИРЛИ, Р. 5, колл. 172, собрание Д. М. Балашова, п. 2, № 232. Зап. от А. М. Клещевой в дер. Тетрино, Терского р-на, Мурманской обл., в 1957 г.)

Оклеветанная жена

1. «Один был сын у отца-матери...». Впервые — Киреевский, Новая серия, № 1703; зап. в Новосильском у., Тульской губ. Поздняя переработка старинной баллады об оклеветанной жене. Сохранены все особенности старейшей версии сюжета: клеветницей является мать героя, упрекающая его жену в разорении хозяйства; упреков в супружеской измене нет. Однако герой из представителя военно-служилого сословия древней Руси превращен в рядового солдата позднего времени.

2. «Как ходил-гулял добрый молодец ровно три года...». Впервые — «Библиотека для чтения», т. 90, СПб., 1848, отд. III, стр. 105; зап. на Алтае в 1840-х гг. Печ. по изд. — Гуляев, стр. 292. Редкая разновидность предыдущего сюжета, в которой образ матери заменен символической «лютой змеей».

3. «Что поехал добрый молодец в вольный город...». Печ. по изд. — Шейн, Великорус, № 896; зап. в Коломенском у., Московской губ. Разновидность сюжета об оклеветанной жене, в которой клеветниками оказываются товарищи молодца-купца.

Рябинка. Впервые — М. Халанский. Русские народные песни, записанные в Щигровском уезде, Курской губ., № 28 («Русский филологический вестник», 1883, № 3, стр. 135). Зап. от И. А. в с. Росоховце. Баллада была известна главным образом в центральных областях России, а также в Белоруссии и на Украине. Сюжет имеет международный характер. Вера в оборотней и колдовство в связи с гнетом свекрови в семье чрезвычайно типична для сред-

невековья и в тех или иных формах отразилась в балладах разных стран. При этом свекровь-колдунья очень часто стремится погубить невестку не сама, а руками сына (ср. предыдущий сюжет). Обращение в дерево — один из древнейших мотивов мировой поэзии. *Без дождю рябина мокра стала* — заплакала.

Князь Роман жену терял

1. «Как князь Роман жену терял...». Впервые — Чулков, ч. 2, № 128. Печ. по изд. 1913 г. Эта древняя баллада была известна почти во всех центральных и северных областях России. На север проникла в XVI—XVII вв. с волной московской колонизации. На Украине и в Белоруссии сюжет уже неизвестен. Приводимый текст отражает древнюю редакцию баллады. Местные северные редакции сюжета отличаются большим художественным разнообразием (см. варианты). *Князь Василий жену терял.* Потерять (старин.) — убить, погубить. *Потеряло ее слово противное* — сказанное супротив, наперекор; возражение. *Приведу я тебе матушку любезную* — мачеху.

2. «Уж как был-жил Роман да князь Михайлович...». Впервые — Марков — Богословский, 2, стр. 91; зап. от С. И. Клешовой в дер. Варзуга (Терский берег Белого моря), Архангельской губ., в 1901 г. Поморская версия предыдущего сюжета. При своем движении на север сюжет перерабатывался художественно. Вещего орла заменили волки, «волки серые, хвосты белые», с которыми и разговаривает дочь: «Вы куда, куда, волки, спешите... почему у вас рыла в крови?»

3. «Романушко, наш батюшко...». Впервые — Сказки и песни Белозерского края. Записали Б. и Ю. Соколовы. М., 1915, стр. 310; зап. от П. В. Ершовой в дер. Покровской, Кирилловского у. Новгородской губ., в 1909 г. Местная редакция предыдущего сюжета. Изменено социальное положение героев, действие здесь развертывается в крестьянской семье. *Стоят грибы не ломаны.* На севере говорят не собирать, а ломать грибы. *В Москву правится* — собирается (направляется).

4. «Была-жила Настасья Романовна...». Впервые — Григорьев, т. 1, № 193; зап. от А. Елисеевой в дер. Шардонема (Пинега), Архангельской губ., в 1900 г. Пинежская редакция предыдущего сюжета. *Рукоданого кусочка ждать* — поданного из руки, милостыни.

Алеша и сестра двух братьев. Впервые — Киреевский, вып. 2, стр. 64; зап. в Москве от 70-летней мещанки. Популярная старинная баллада. Сюжет имеет международный характер. Приводимый вариант отражает традиционную версию этого сюжета, с трагическим концом.

Алеша Попович и сестра Петровичей. Впервые — Григорьев, т. 1, № 100; зап. от Н. Чуркиной в дер. Залесье (Пинега), Архангельской губ., в 1900 г. Северная версия предыдущего сюжета. По мнению В. Я. Проппа («Русский героический

эпос», 2-е изд., М., 1958, стр. 427), баллада в ее трагическом варианте получилась в результате поздней переработки былины, имевшей благополучное заключение. Однако есть все основания предположить обратное, т. е. что безымянная баллада в ряде северных вариантов включила имя былинного богатыря Алеши Поповича и приобрела счастливый конец. Переоформление это, по мнению А. М. Астаховой, произошло довольно поздно, не ранее XVII в. (Астахова, т. 1, стр. 34, 553).

Иван Дудорович и Софья Волховична. Впервые — Марков — Богословский, т. 2, стр. 85; зап. от П. Ф. Коневой из дер. Кузомень (Терский берег Белого моря), Архангельской губ., в 1901 г. Известна только на Терском берегу Белого моря. Баллада возникла не позже XVI в., что доказывает сравнение с вариантами из Русского Устья (см. следующий сюжет), восходящими к концу XVI — началу XVII вв. *Дудорович* — отчество, видимо, происходит от слов дудора, дудыры — шашни, волокитство. Возможно, когда-то Иван был отрицательным персонажем баллады. *Она платьицо одела... подвенечное* — в знак того, что она невеста Ивана и пойдет за ним на смерть, как к венцу.

Федор Колыщатой. Впервые — «Этнографическое обозрение», 1913, 1—2, стр. 220. Баллада записана в Русском Устье (низовья реки Индигирки), куда выселилась маленькая группа русских в конце XVI или самом начале XVII в., добравшаяся сюда морем, по Ледовитому океану (по смутному преданию — бежали от Ивана Грозного). Горстка переселенцев сумела сохранить свой язык, быт, обычаи и фольклор. Баллада построена целиком на этических взглядах русского средневековья (нравы жителей Русского Устья, наоборот, отличались чрезвычайной свободой). *Не перед свет свечой блад светел месяц* — испорчено. В варианте: «Светел месяц не просветил, красно солнышко не обогрело». *Софьюшка-волшебница* — осмысление отчества Волховична: волхв — кудесник, колдун, волшебник.

Королевна впускает молодца в город

1. «Передрог-перезяб добрый молодец...». Впервые — Киреевский, вып. 5, стр. 173; зап. в с. Языково, Симбирской губ. Баллада известна в центральной и южной России. Встречается как зачин баллады «Молодец и королевна», а также в контаминации с сюжетом отравления молодца девицей. Баллада — эпохи Московской Руси. В XVIII в. подвергалась ряду переработок — Киев заменялся Очаковом, который берут затем русские войска. В балладе есть некоторая загадочность, недосказанность. Возможно, какие-то звенья сюжета утеряны и не дошли до нас.

2. «Ай да что по балочкам было, по вершиночкам...». Печ. по изд. — Листопадов, т. 1, ч. 1, № 45; зап. в ст. Нижне-Курмоярской (на Дону) в 1902—1904 гг. Казачья обработка предыдущего сюжета.

Молодец и королевна

1. «Гулял молодец по Украйне...». Впервые — Чулков, ч. 3, № 58. Печ. по изд. 1913 г. Баллада о молодце и королевне была, видимо, очень популярна в Московской Руси. Цитатно она использована в древнерусской повести «Сказание о некоем молодце и девице», перекликается с «Повестью о Савве Грудцыне», а также с другими повестями и социально-бытовыми балладами XVI—XVII вв. В ранних вариантах баллада оканчивалась трагически: молодца казнят, королевна кончает с собою, иногда на месте казни молодца, для чего, в одном из вариантов, даже оборачивается белой лебедью и летит на «поле кровавое».

2. «Ходил молодец из орды в орду...». Впервые — Гильфердинг, 1-е изд., № 184; зап. от Ф. Захарова в Выгозере (Прионежье), Олонецкой губ., в 1871 г. Печ. по 4-му изд., т. 2, № 184. Северная версия предыдущего сюжета. Королевна выкупает молодца у палачей, обычно предлагая заменить его «бродягой таковским» или мертвецом:

Вы возьмите татарина хоть мертвого,
А хоть мертвого, да еще мерзлого,
Отрубите ему да буйну голову.

(Гильфердинг, т. 2, 162)

Молодец и худая жена. Впервые — Миллер. Исторические песни из Сибири, стр. 70—72; зап., по-видимому, от Л. Тупицына в Барнауле (Алтайский край). Печ. по изд. — Гуляев, № 54. Баллада о «худой жене», помимо контаминаций, известна только в одном варианте. В Сибирь занесена с Севера в XVII — начале XVIII в. переселенцами из северных областей.

Худая жена — жена умная. Впервые — Рыбников, 1-е изд., ч. 2, № 50; зап. от крестьянина дер. Середка (Кижи), Петрозаводского у., Олонецкой губ., в 1861 г. Печ. по 2-му изд., т. 1, № 101. Баллада о «худой жене» в Прионежье переплелась с балладой «Молодец и королевна», причем в некоторых вариантах сохраняется весь сюжет «Молодца и королевны» с угрозой казни и спасением. Вместе с тем «худая жена», бывшая когда-то богатой, делается бедной, и конфликт баллады приобретает совершенно новый характер. Перед нами обычная трагедия бедного заонежского крестьянства, когда муж годами на заработках, а жена надрывается на крестьянской работе, чтобы только не умереть с голоду. Если раньше молодец, возвращаясь домой, не знал, куда приклонить голову (род-племя его забыли, родители умерли), и являлся робким просителем у некогда покинутой жены, иногда не смея взойти в терем, то теперь он возвращается как кормилец, денежный человек, и примиряет его с «худой женой» та печальная картина, которую он видит дома и от которой у него, как говорится здесь, «закипело ретивое сердечушко, полились слезы рекой из ясных очей».

Злая жена. Впервые — Студитский, стр. 56; зап. в Олонецкой губ.

Насильный постриг

1. «Папенька с маменькой спор спорили...». Впервые — В. Н. Перетц. Современная русская народная песня. СПб., 1893, стр. 17 (Тверская губ.). Баллада встречается редко, но на всем пространстве европейской части страны, заселенном русскими. Возникла она, как можно судить по соотношению редакций, еще в допетровскую эпоху. О причинах пострижения обычно не говорится, лишь в двух текстах есть зачин, глухо упоминающий о какой-то предшествующей драме:

Три годы девица строй строила.
Три годы красная богу молилась.
За батюшков грех она у́молила,
За матушкин грех не могла умолить.

(Соболевский, т. 1, № 296)

Судьбу дочери решает момент пострижения. «Расстричь» девушку нельзя; отец с женихом, опоздавшие на несколько минут, бессильны изменить свершенное. Эта средневековая фатальность в последующую эпоху перестает восприниматься певцами (см. вариант).

2. «Тятенька с маменькой спорили всё...». Впервые — Онежские былины. Подбор былин и научная редакция текстов акад. Ю. М. Соколова. Подготовка текстов к печати, примечания и словарь В. Чичерова. М., 1948, № 156; зап. от Н. С. Богдановой из дер. Зиновьевой (Заонежье), Карельской АССР, в 1926 г. В северной версии мать насильно отрезает косу девушке и даже убивает ее, чтобы не допустить брака:

А схватила ею́ да за русую косу́,
Бросила она во сырую землю́,
И молода, да до смерти убита́.

(Астахова, т. 2, № 121)

Игра тавлейная. Впервые — Чулков, ч. 3, № 57. Печ. по изд. 1913 г. Сюжет редок, но известен широко (Саратовская губ., Прионежье, Печора). Баллада возникла, видимо, еще в допетровской Руси как антитеза свадебным песням. Баллады на сходные сюжеты в общеевропейской традиции кончаются, как правило, замужеством мудрой героини. Возможно, грубоватый конец — позднейшее прибавление. *А девица играла о буйной голове* — о жизни, — распространенный поэтический мотив заклада.

Девушка поборола молодца. Печ. по изд. — А. М. Листопадов. Донские былины. Ростов-на-Дону, 1945, № 50; зап. в ст. Нагавской (Донская обл.), в 1904 г. Сюжет баллады перекликается с известной хороводной игровой песней (см.: Соболевский, т. 6, №№ 592—599), с другой стороны — с эпическими сюжетами, в которых богатырь побеждает поляницу удалую, чтобы затем жениться на ней, а также с песнями свадебного цикла и древними свадебными

обрядами (в Дагестане почти до наших дней сохранялся обряд трехдневной борьбы жениха с невестой). В данной балладе, как и в предыдущей, побеждает женщина, что является своеобразным «ответом» на идеологию героического эпоса, в котором первенство принадлежало мужчине. *Ой да что не кунушка с черным соболем.* Куница и соболь — обычные в свадебной поэзии синонимы молодца и девицы. *С молодчиком поразмо́лала* — поразмолвилась. *Закладала... Она будто золотой венец.* Слова «будто», «вот бы», «на» («На другой-то бы корабль он залаживал») приобрели в старинном казачьем фольклоре значение ритмических частиц со стертым смыслом.

Девица-мудреница

1. «Кровать моя, кроваточка, кровать тесовая...». Впервые — Соболевский, т. 1, № 449; из рукоп. сборника XVIII в. (ГПБ, О. XIV, 11, № 132). *Срублена кроваточка из бесчестна древа.* Видимо, надо читать «бессчастна древа», т. е. не приносящего счастья. *Разлучное место* — приводящее к разлуке. Этот запев-рефрен придает балладе лирически-грустную интонацию, как бы намекая, что счастье столь же недостижимо, как и предлагаемые задачи.

2. «Как на речке, речке лежала дощечка...». Впервые — «Живая старина», 1892, вып. 3, стр. 152; зап. в Ярославской губ. Нами дополнен повтор в последней строке: «припаси леденья», по аналогии с предшествующими строками.

3. «Вот шла девица...». Печ. по изд. — Листопадов, т. 3, № 183; зап. в ст. Еланской (Донская обл.), в 1903 г. *Вот шла девица С хлудцом она по водицу* — с коромыслом.

Семь загадок

1. «Те бог на помочь, красна девица...». Впервые — Студитский, стр. 5; зап. в Вологодской губ. Состязание в загадках — популярный фольклорный мотив. Встречается в сказках, древнерусских повестях («Повесть о Петре и Февронии Муромских»), отразился в цикле Соломоновых сказаний, в летописи (сказания про Ольгу) и восходит к глубочайшей древности.

2. «Что бежит-то быстрая реченька...». Печ. впервые. Архив ГПБ, собрание А. А. Титова, 2321, л. 6; зап. в Арзамасском у., Нижегородской губ. *Дары мыла шелковые* — свадебные подарки. При обручении или оглашении помолвки невеста дарит жениха платком, отца и мать его — рубахами, прочую родню его — простыми платками, холстом, вышитыми или ткаными полотенцами своей работы, которых раздавали иногда по целому сундуку.

Гибель пана. Впервые — Песни русского народа. Собраны в губерниях Архангельской и Олонецкой в 1886 г. Записали: слова Ф. М. Истомин, напевы Г. О. Дютш. СПб., 1894, стр. 225; зап. в Унском посаде (Поморье), Архангельской губ., в 1886 г. Баллада польского происхождения. На Север, по-видимому, попала в начале XVII в. во время событий Смутного времени, когда часть поляков осела на побережье Белого моря, впоследствии смешавшись с мест-

ным населением (см. комментарий к балладе «Панья»). *Моего жерябша пана* — искаженное польское слово неясного значения. *По подчéревью скатилось* — скатилось под брюхо (чрево) коня.

Панья. Впервые — О. Э. Озаровская. Пятиречие. Л., 1931, 17. Записана от хора солеваров в посаде Ненокса на Летнем берегу Белого моря в 1915 г. Баллада, по-видимому, польского происхождения, близкая к предыдущей, и восходит к началу XVII в. О. Э. Озаровская сообщает интересные данные о жителях посада Ненокса, которые сами признают, что с ними смешались «ляхи», осевшие в тех местах еще со Смутного времени. «Белокурые новгородцы отличают польскую кровь по темным волосам, глазам (темноликие) и фамилиям; приводят в пример Феликсовых. Там есть церковь св. Климента и около нее могильные плиты с латинскими надписями».

Девица отравила молодца. Впервые — Чулков, ч. 2, № 150. Печ. по изд. 1913 г. Песни-баллады об отравлении девушкой молодца, чаще всего возлюбленного, реже — брата, по-видимому мешающего ей соединиться с любимым (иногда об этом говорится прямо, как в балладе «Брат, сестра и любовник»), известны у всех народов Европы. Русские баллады об отравлении образуют очень тесную группу сюжетов, использующих одни и те же образы и композиционные приемы. Приведенные тексты исчерпывают все встречающиеся сюжетные варианты темы отравления.

Злые коренья. Впервые — Савельев, стр. 156; зап. на Дону в 1860-х гг. *У рюмочки по краюшкам огонь горит, А на донушке лютá змея лежит.* По средневековым представлениям, яд «жжет» и может, как огонь, поджечь что-либо (см. след. сюжет). Змея в чаре — символическое изображение того, что чара с ядом.

Неудачное отравление молодца. Впервые — «Сборник материалов... Кавказа», вып. 7, стр. 83; зап. в ст. Бороздинской (на Тереке), в 1880-х гг.

Молодец и княжна. Впервые — «Донские областные ведомости», 1875, № 92. Баллада представляет контаминацию двух балладных сюжетов с загадочным, недосказанным заключением (оборвано?).

Девица по ошибке отравила брата. Впервые — Кирша Данилов, 1818, № 34. Печ. по изд. 1958 г., стр. 208; зап., по-видимому, в Западной Сибири в середине XVIII в.

Сестра-отравительница. Впервые — «Сборник материалов... Кавказа», вып. 16, стр. 344; зап. в ст. Ардонской (на Тереке), в конце 1880-х — нач. 1890-х гг. В строках 3 и 5 добавлены повторы.

Брат, сестра и любовник. Впервые — Киреевский, Новая серия, № 1930; зап. в Орловской губ.

Сестра брата извести хочет. Впервые — Чулков, ч. 1, № 140. Печ. по изд. 1913 г.

Сура-река. Печ. по изд. — Листопадов, т. 3, № 171; зап. в ст. Кочетовской (Донская обл.), в 1902 г. Сюжет известен только на Дону. Наличие запева позволяет отнести балладу к группе казачьих лирических баллад XVIII в. *Слово мóлала* — молвила.

Три зятя

1. «У отца у матери...». Впервые — «Русские песни из собрания П. И. Якушкина». — «Отечественные записки», 1860, т. 130, Приложение, стр. 115; зап. в с. Сабурово, Малоархангельского у., Орловской губ., в 1858 г. Баллада, судя по некоторым подробностям повествования, сложилась в Московской Руси. Известна преимущественно в центральной и южной России.

2. «Тпрунды-тпрундай и здунай най-най!..». Впервые — Григорьев, т. 1, № 74; зап. от Е. И. Пашковой в дер. Почезерье (Пинега), Архангельской губ., в 1900 г. Редкий сатирический вариант предыдущего сюжета.

Сестры ищут убитого брата. Впервые — Киреевский, Новая серия, № 1775; зап. П. И. Якушкиным в дер. Андроновское, Лихвинского у., Калужской губ. Баллада известна главным образом в центральной и южной России (в казачьих районах).

Три жеребья

1. «Во славном во городе Симбирским...». Впервые — Киреевский, Новая серия, № 2682. Баллада возникла, повидимому, в начале XVIII в., в связи с регулярными наборами в армию (25-летний срок службы превращал рекрутчину в трагедию крестьянства), и известна по всей стране. Географические названия мест в балладе легко меняются.

2. «По широкой-то было славной улицы...». Печ. впервые. ИРЛИ, фонограммархив, рукоп. фонд. Е. В. Гиппиус и З. В. Эвальд. «Песни Пинежья», рукопись, № 151. При пении строки повторяются.

Жена мужа зарезала

1. «За любовь-то жена мужа во сад повела...». Впервые — Киреевский, Новая серия, № 1448; зап. П. В. Киреевским в Москве у 70-летнего московского мещанина. Очень популярная, особенно в центрально-русских областях, баллада. Возможно, что место ее сложения — Поволжье, так как чаще всего местом действия называют Саратов (прибавляя даже фамилию зарезанного купца). О причинах убийства умалчивается, но можно догадываться, что оно было вызвано жестокостью мужа. Один из кратких вариантов записи конца XVIII в. кончается словами: «Ты каков был до меня, мой друг, такова тебе и кончинушка!» Напомним, что вплоть до эпохи Петра I женщин за убийство мужей живьем зарывали в землю. *На... яблоньке в саду повгсила...* Введено из дру-

гой песни. По смыслу этого сюжета должно быть «зарезала», ср. последующее: «что у тебя в саду за рудица?» (что за кровь?).

2. «В большом селе Каверине...». Печ. впервые. Архив ГО, собрание С. М. Пономарева, фонд 12, опись 2, № 16, л. 2. *Что у тебя за скамеечкой?* — вставлено нами ради смысловой ясности.

Девушка защищает свою честь

1. «У меня ль, у красной девушки...». Впервые — «Русская беседа», 1860, т. 1, стр. 98; зап. в Курской губ. Мачеха пытается торговать телом падчерицы, и девушка, защищая свою честь, убивает обидчиков.

2. «Как у ключика у кипучего...». Впервые — Киреевский, Новая серия, № 1380.

Жена короля умирает от родов. Впервые — Магнитский, стр. 81; зап. в Казанской губ., в 1870-х гг. Сюжет имеет международный характер. Очень вероятно, что в Россию баллада проникла с Украины. Баллада несколько мелодраматична, но пользовалась широкой популярностью, возможно как раз вследствие этого своего качества. В. И. Чернышев приводит такой народный отзыв о ней: «Это не песня, а это слезам подобна песня» (Чернышев, стр. 451).

Жена казака умирает от родов. Впервые — «Воронежская беседа», 1861, стр. 396; зап. в Курской губ. Популярная казачья переработка предыдущего сюжета.

Жена князя Михайлы тонет. Впервые — Рыбников, 1-е изд., ч. 2, № 46; зап. в Петрозаводске от захожих пермяков из Екатеринбургского у., Пермской губ., в 1860 г. Печ. по 2-му изд., т. 2, № 222. Редкая баллада, очевидно недостаточно хорошо спетая или записанная (наблюдается несогласованность в диалогах персонажей). Баллады на сходную тему имеются на Украине (тонет жених девушки, рыболовы достают тело), а также у западных славян (тонет девушка). *Со причетниками удалыми* — с дружинниками, от «чета» — дружина.

Братья-разбойники и сестра

1. «По край моря, моря синего...». Впервые — Гильфердинг, 1-е изд., № 167; зап. от И. Еремеева из дер. Кокориной (Кижи), Олонецкой губ., в 1871 г. Печ. по 4-му изд., т. 2, № 167. Одна из наиболее популярных русских эпических баллад. Известна на всей территории России, на Украине, в Белоруссии и Закарпатье. Имеется запись А. С. Пушкина из Псковской губ. (Полн. собр. соч. в 10-ти томах, т. 3. М.—Л., 1949, стр. 418). Текст устойчив, варьируются детали. Меняется социальное положение героев, иногда подчеркивается бедность вдовы, зять чаще всего назван купцом или просто морянином, но иногда он боярин или барин. Едут путники иногда сушей, иногда морем. Возникла баллада не раньше XIII и не позже XIV—XV вв. в северных пределах страны, в Новгородской

или Псковской Руси, откуда распространяется к югу и к северу. *Они жёночку-рязаночку в полон брали.* Эпитет появился под влиянием исторической баллады «Авдотья Рязаночка».

2. «Жила-была удовушка-вдова...». Впервые — Астахова, т. 2, № 126; зап. от М. К. Пашовой в дер. Обозеро (Кижи), Карельской АССР, в 1926 г. Прионежская редакция предыдущего сюжета. Заключительная сцена этой баллады больше нигде не встречается. *Сама молода во веселушки села́.* Местная бытовая особенность — на Онежском озере, при неожиданных резких ветрах и смене течений, мужчина всегда сидел на руле. *Происхожденьице рассказал тут старшой брат* — т. е. рассказал о том, что произошло.

Разбойники и сестра. Впервые — Сборник песен Самарского края, составленный В. Варенцовым. СПб., 1862, стр. 221; зап. в Самарской губ. в 1850-х гг. Баллада юго-западного происхождения (возможно, украинская или белорусская).

Жена разбойника

1. «Из-под кустышка было ракитова...». Впервые — Ончуков, № 101; из тетради крестьянина Е. И. Дитятева, Печо́ра. Баллада известна почти на всей территории России. Обычно девушку выдают за разбойника родители, реже она идет за него по своему желанию. Конфликт аналогичен конфликту баллады «Братья-разбойники и сестра»: разбойник, по роковой логике своей профессии, разрушает собственную семью.

2. «Ай вот и мила-то, мила мне, славной девчоночке...». Печ. по изд. — Листопадов, т. 3, № 205; зап. в ст. Ерыжинской (Донская обл.), в 1905 г. Казачья обработка сюжета.

3. «Как со вечера разбойник...». Печ. впервые — Архив ГО, разряд 34, опись 1, № 29, лл. 6 об. — 7; зап. в Самаре. Видимо, разбойник преимущественно конокрад — вид разбоя, наиболее разорительный для крестьян и потому особенно им ненавистный. *Я на первой да на встрече Отцу с матерью не спущу.* По давнему поверью разбойников, выходя на разбой, для успеха дела, надо обязательно убить «первую встречу» — первого встречного, кто бы он ни был.

Охотник и сестра. Впервые — Чернышев, № 259; из Симбирской губ. (Собрание Д. П. Ознобишина). Оригинальная баллада, по-видимому, довольно поздняя по времени сложения, на общеевропейскую балладную тему кровосмесительной связи (по незнанию) брата и сестры. Трагический исход для подобных коллизий в жанре баллады обычен.

Иван Дородорович и Софья-царевна. Впервые — Марков, № 32; зап. от А. М. Крюковой, родом из Чаваньги (Терское побережье Белого моря), в дер. Зимняя Золотица Архангельской губ., в 1899 г. Возможно, сюжет навеян Библией, где часто встречаются кровосмесительные браки близких родственников.

Про них всё проводили тут — распускали слухи, «переводы», сплетничали. *У их выросло-то на могилах всё разны́ цветы* — символ невинности.

Дети вдовы

1. «Принёсла вдова два сына, и два ясна сокола...». Впервые — Григорьев, т. 1, № 6; зап. от Н. В. Елисеевой в дер. Ворзогоры (Поморье), Архангельской губ., в 1899 г. Старинная баллада, известна в России (шире всего в центральных и южных областях, где приобрела песенный характер), на Украине и в Белоруссии. В некоторых вариантах героиня не вдова, а девушка, которая «двух купчиков любила, двух сыночков принесла». Иногда в заключительной части баллады кровосмешение оказывается совершившимся. Можно думать, что в старейшей редакции баллады оно было непременной частью сюжета, усугубляющей трагическую вину матери перед детьми. Сюжет имеет международный характер.

2. «Чтой было́-жило́ у вдовушки два сына...». Впервые — Марков — Богословский, т. 2, стр. 90; зап. от П. Ф. Коневой в дер. Кузомень (Терский берег Белого моря), Архангельской губ., в 1901 г.

Царь Давыд и Олена. Впервые — Бессонов, т. 1, стр. 718; зап. в с. Новоселки, Уфимского у., Оренбургской губ. По предположению В. И. Чернышева (Чернышев, стр. 454), баллада является оригинальным сочинением на библейскую тему (см. Вторую книгу царств, гл. 13, стихи 1—18). Однако ничего общего между библейским рассказом и балладой, кроме имени «Царь Давид», по сути не имеется. Баллада примыкает к сюжетам с темой борьбы девушки против семейного деспотизма и брака по принуждению, но обработана в духе сказаний о христианских мучениках.

Дочь тысячника. Впервые — Бессонов, т. 1, стр. 720; зап. в Можайском у., Московской губ. Баллада, видимо, сильно сокращена и изменена под влиянием поэтики лирических песен (получила изложение от первого лица и проч.). Возможно, именно поэтому о «грехах» девушки ничего не говорится.

Сон Саламанова отца. Впервые — Рыбников, 1-е изд., ч. 3, № 55; зап. от К. Романова в дер. Лонгасы, Сенногубской вол., Олонецкой губ., в 1860 г., Печ. по 2-му изд., т. 1, № 50. Древнее апокрифическое сказание из цикла легенд о царе Соломоне, обработанное в виде баллады. Возможно, имелось продолжение, и данный текст — лишь отрывок большой баллады-поэмы.

Брат женился на сестре. Впервые — Магнитский, стр. 63; зап. в Казанской губ. Сюжет украинского происхождения (характерны особая метрика и следы парной рифмовки).

Угрозы девушки молодцу

1. «Что не ястреб совыкался с перепелушкою...». Впервые — «Летописи русской литературы и древности,

изд. Н. Тихонравовым», кн. 1. М., 1859, стр. 111; зап. П. И. Якушкиным в с. Колина, Малоархангельского у., Орловской губ. Баллада примыкает к песням — загадкам, песням — трудным задачам. Угрозы и проклятия покинутой девушки с последующим изображением их реального результата — частый мотив в балладах всех европейских стран. Аналогии с одним из текстов, записанных в Русском Устье (см. «Русский фольклор. Материалы и исследования», вып. 3, М.—Л,. 1958, стр. 358), позволяют предположить, что сюжет сложен не позже XVII в. не без влияния былинных образов. *Налючу* — налью; в издании сочинений П. И. Якушкина 1884 г.: «Я из тела твоего я свечей насучу».

2. «Не сиди, девушка, поздно вечером...». Впервые — «Вологодские губ. ведомости», 1883, вып. 40, № 18; зап. Н. А. Иваницким в с. Несвойское, Вологодского у. Печ. по изд. — Чернышев, № 255.

Король и девушка. Печ. по изд. — Шейн, Великорус, № 899; зап. в Тимском у., Курской губ. Баллада, по-видимому, возникла в окраинной казачьей среде, где были живы отголоски многовековой борьбы с кочевниками. «Грех» девушки усугубляется тем, что отец ребенка — татарин. Прозвище *Большой король* трудно объяснимо. Пропуск в строке 30 произошел при записи текста. Для заключения баллады собиратель Е. Е. Томилин приводит такое пояснение певицы: «Он вывел сестру на улицу, положил на плаху ее голову, — стал рубить. Она думала, что Большой король заступится, а он посмотрел да прочь пошел».

Доня. Печ. впервые. Архив ГО, собрание С. М. Пономарева, фонд 12, опись 2, № 6, л. 4; зап. в дер. Ломовке, Тульской губ. Баллада известна в центрально-русских областях и сюжетно близка известной украинской балладе «Бондаривна», но значительно уступает последней по своему художественному качеству. В большинстве вариантов неясны ни причины, ни характер смерти героини, так как воеводский (генеральский, боярский) сын обещает взять Доню (или Дуню) за себя, т. е. в жены, поэтому испуг и смерть героини да и раскаяние воеводского сына не совсем понятны. Однако в одном из вариантов боярский сын говорит: «Поиграй, Дунюшка, поиграй, белая, я тебя, Дунюшка, жить к себе возьму!», т. е. девушке угрожает судьба стать наложницей (как и Бондаривне), закономерны поэтому испуг и самоубийство героини, о котором говорится в приведенном варианте. Имя героини *Доня* — происходит от нарицательного «доня» — дочь, доченька, ласкательное. Впоследствии превратилось в Дуню.

Казак жену губил

1. «На заре было, на зорюшке...». Впервые — Савельев, стр. 152; Донская обл., зап. в 1860-х гг. Одна из популярнейших русских лирических баллад, известна почти повсеместно на территории России, а частично — Белоруссии и Украины. Возникла, как устанавливается по соотношению редакций, в казачьих районах

(видимо, на Дону), в начале XVIII в. К основному краткому сюжетному костяку постепенно присоединился ряд запевов, сюжетно не связанных с ним; наиболее распространены четыре. Запев из варианта, записанного Савельевым, известен на Дону и на Тереке; запев из варианта, записанного Лаговским (см. вариант), известен в северных и северо-восточных губерниях. В центральных районах известен запев, возникший довольно поздно и очень распространенный: «Из-под камушка течет реченька, как на той реке девка мылася, девка мылася и белилася, набелившись... на гору взошла, на горе спать легла... во сне (иногда — наяву, на горе) — диво видела...» (следует текст баллады). Четвертый популярный запев начинается словами: «На степи-то степи на Саратовской...» и возник на Волге. Развернутое заключение баллады — поиски детьми матери, напоминающее балладу о князе Романе, — также присоединилось к сюжету не сразу, а впоследствии, причем в северных областях страны. Полагать, вслед за исследователями прошлого столетия, что эта баллада сложена на основе баллады о «Князе Романе», нет оснований. Герой баллады: молодец, казак, редко ямщик или же майор. Все эти изменения вызваны чрезвычайной популярностью баллады, но не касаются существа сюжета — драматического разговора убийцы с женой. Просьба женщины — убить ее, когда заснут дети, — с необыкновенной яркостью и трагической силой рисует самоотверженный героизм матери. Характерно, что о причинах убийства не говорится нигде, за исключением двух поздних, уже переделанных текстов. В очень позднее время на севере сюжет образовывал всякого рода контаминации, в том числе с балладой о «Князе Романе», часто уродливые (в Прионежье, например, казак-убийца превращается в старого казака... Илью Муромца!).

2. «Как у Дунюшки у голубушки...». Впервые — Народные песни Костромской, Вологодской, Новгородской, Нижегородской и Ярославской губерний, собранные и положенные на ноты Ф. Лаговским. Череповец, 1877, № 48; зап. от А. Соколовой, Череповецкий у., Новгородской губ., в 1870-х гг.

Ямщик жену губил. Впервые — «Новгородские губ. ведомости», 1876, № 37. Переработка предыдущего сюжета с оригинальным заключением позднего характера.

Молодец в темнице

1. «Как загу́лил голубочек...». Впервые — Киреевский, Новая серия, № 2983; зап. П. В. Киреевским в дер. Воронки, Звенигородского у., Московской губ., в 1843 г. (?). Композиция баллад на эту тему в разных странах почти одинакова: молодец или девушка, приговоренные к казни, последовательно просят о выкупе одного за другим всех родственников. После ряда отказов его (или ее) выкупает возлюбленная (возлюбленный). Редко — мать или жена. В русских балладах обыкновенно количество этих повторов-отказов сокращено до одного, и баллада приобретает лирический характер. В приводимом варианте молодец просит выкупить его, по-видимому, из солдатчины.

2. «Ты воспой, воспой, млад жавороночек...». Печ. впервые. Архив ГПБ, собрание А. А. Титова, 2321, л. 23 об. — 24 об.; зап. в Арзамасском у., Нижегородской губ. Просьбы-повторы молодца сопровождены зачином, традиционным для «разбойничьих» песен, но не вполне органичным для данного сюжета, так как слова: «все темны леса прирублены» и т. д. требуют продолжения: «все товарищи переловлены», а не «на волюшке», как здесь.

Молодец, слуга и девица. Впервые — Чулков, ч. 1, № 129. Печ. по изд. 1913 г. Лирическая баллада, по стилю примыкает к казачьим балладам XVIII в. (ср. баллады: «Казак жену губил», «Сура-река» и др.). «Молодец», у которого есть слуга, — по-видимому, дворянин, и протест девицы против унизительного предложения имеет поэтому характер социального протеста. А. С. Пушкин перевел балладу на французский язык для литератора Леве-Веймара в 1836 г.

Удалой гречин. Печ. по изд. — Листопадов, т. 1, ч. 1, № 47; зап. в ст. Филипповской, Донская обл., в 1904 г. Поздняя казачья баллада, отражает бытовой эпизод из жизни служилого казачества.

Князь Волконский и Ваня-ключник

1. «В каменной Москве у князя у Волконского...». Впервые — «Вологодские губ. ведомости», 1883, вып. 19, № 5; зап. в с. Несвойское, Вологодского у. Печ. по изд. «Песни, сказки, пословицы, поговорки и загадки, собранные Н. А. Иваницким в Вологодской губ.». Подготовка текстов, вступительная статья и примечания Н. В. Новикова. Вологда, 1960, № 571.

«Ванюша-ключник» является, пожалуй, самой известной русской балладой из классических баллад более позднего времени. Баллада сложена вряд ли раньше конца XVII в. и, во всяком случае, гораздо позже схожей с нею баллады «Молодец и королевна литовская». Известна она благодаря песенникам на всем пространстве страны, заселенном русскими. Прежние исследователи склонны были рассматривать «Ваньку-ключника» как заключительный этап долгой эволюции былинного сюжета «Дунай и Настасья». Названная былина якобы превратилась в старинную балладу о «Молодце и королевичне литовской», а последняя — в «Ваньку-ключника». Подробный анализ всех трех названных сюжетов заставляет, однако, отвергнуть эту гипотезу. Во-первых, былина о Дунае не связана с балладой «Молодец и королевна» и лишь в сравнительно позднюю эпоху кое-где контаминировалась с ней. Баллада о «Молодце и королевне», при всей внешней схожести с «Ванюшей-ключником», также не связана с ним непосредственно, хотя в позднюю эпоху эти два сюжета кое-где начинают смешиваться в устах неискусных певцов. Демократическая интеллигенция начала XIX в., в частности Пушкин, давала этой балладе очень высокую оценку. Есть сведения, что исполнение баллады запрещалось из-за упоминания имени князей Волконских. В 1861 г. поэт В. В. Крестовский переписал

«Ваньку-ключника» в четверостишиях, выкинув запретное для цензуры имя князя (см. четвертый раздел, стр. 352).

2. «Середи-то было торгу-ярманки...». Печ. по изд. — Листопадов, т. 3, № 89; зап. в ст. Екатерининской (Донская обл.), в 1927 г. Оригинальная казачья разработка предыдущего сюжета.

Похищение девушки

1. «Во славном было городе Кронштате...». Впервые — Чулков, ч. 3, № 60. Печ. по изд. 1913 г. Похищение девушки — популярный международный сюжет новеллистического характера. У нас он разработан во многих сказках и в ряде баллад, восходящих к XVII в. (их поздние варианты зачастую превратились в лирические песни, например: «Ржевские приказчички злы-лукавы», см. Чернышев, № 2). Приводимый вариант очень эпичен, хотя и обработан в XVIII в. Красивая и немножко сентиментальная, эта баллада предвосхищает появление поздней мещанской баллады «На берегу сидит девица, она шелками шьет платок», популярной и поныне.

2. «Не вечерняя заря, братцы, приутухла...». Впервые — Чулков, ч. 1, № 138. Печ. по изд. 1913 г.

3. «Ой, при торгу́-то было при широким...». Печ. по изд. — Листопадов, т. 3, № 201; зап. в ст. Ново-Некрасовской (Донская обл.), в 1940 г. Местная казачья переработка баллады о похищении девушки, возможно, отражает реальное событие. Записана от казаков-некрасовцев (выселившихся за пределы России при Петре I после подавления Булавинского восстания и вернувшихся только в начале XX в.).

Устинья. Впервые — М. Суханов. Древние русские стихотворения, служащие в дополнение к Кирше Данилову. СПб., 1840, стр. 28. Баллада стоит как бы между классической (ср. «Дмитрий и Домна») и позднейшей мещанской балладой. Суханов издал текст с объяснениями, перемежающими стихи, которыми, по его словам, сопровождала песню старушка исполнительница. Интересно заключительное из этих замечаний: «Старушка, мачка Устиньи, доносит суду на подруг Устиньиных. Их берут под стражу, допрашивают, и, по их сознанию в соучастии, их высекли кнутом и сослали; Яньку же повесили». Независимо от фактической достоверности этого предания, оно указывает, что в момент записи — 20-е или 30-е годы XIX в. — баллада воспринималась как изложение события, совершившегося буквально «на днях».

Параня. Впервые — Киреевский, Новая серия, № 2141; зап. в дер. Сабурово, Малоархангельского у., Орловской губ. После каждых двух строк припев: «Ой, ляй, ой, ляй, ой, али, али, али!» Популярная в XVIII и XIX вв. народная баллада. Исполнялась на мотив, близкий к плясовому. Поступок героя в некоторых вариантах объясняется отказом родных Парани выдать ее за него замуж.

Девушка и адъютант. Впервые — Чернышев, № 153 (из рукоп. сборника XVIII в.). Лирическая баллада XVIII в. на распространенный европейский сюжет о разлуке солдата с возлюбленной. Сюжету недостает эпического содержания. Обычно баллады этого типа включают диалог солдата (офицера) с покидаемой им навсегда девушкой. Сложена под влиянием баллад о похищении девушки.

Муж-солдат в гостях у жены. Печ. по записи из Архива ГО, собрание А. Н. Пасхаловой; разр. 36, опись 1, № 58, стр. 245—247; Саратовская губ. Баллада довольно широко распространена. Во всех вариантах баллады, кроме записанного на Печоре (Ончуков, № 58), называются солдаты (уланы), постоянно фигурируют Москва и Можай, указывается на военные действия (под Можаем воевали). Картина армии, проходящей по родной земле военным маршем, заставляет вспомнить события 1812 г. Текст баллады очень устойчив, варьируются только чин гостя (из солдата он превращается в майора и генерала) да количество солдат, «вобравшихся» в горницу вдовы.

Соперницы. Печ. по записи из Архива ГО, собрание А. Н. Пасхаловой, разр. 36, опись 1, № 58, стр. 168—169; Саратовская губ. Редкая баллада, известная на Волге и на Дону, у казаков, видимо довольно позднего происхождения. Вдова губит девушку из ревности — околдовав или сглазив, о характере убийства можно лишь догадываться.

Монашенка — мать ребенка

1. «Во городе во Москве...». Печ. впервые. Архив ГО, собрание С. М. Пономарева, фонд 12, опись 2, № 29, тетр. 1; Оренбургский у. Баллада примыкает к группе очень популярных в европейской балладной традиции сюжетов о матери-детоубийце (см. «Дети вдовы»). Действие перенесено в монастырскую среду, но конфликт носит смягченно-сентиментальный характер. По-видимому, сюжет возник довольно поздно.

2. «Раз молоденька монашка...». Печ. впервые. Архив ГО, разр. 24, опись 1, № 37, л. 101 — 102 об.; Череповецкий у., Новгородской губ.

Обманутая девушка. Впервые — Киреевский, Новая серия, № 1462; зап. в Москве П. В. Киреевским. Для создания баллады были использованы поэтические «заготовки» из хороводных, свадебных и «беседных» (лирических, протяжных) песен. В результате получился довольно красивый текст, сюжетно сближающийся с обычными для старинной европейской традиции балладами об увозе девушки героем-обманщиком.

Абрам губит жену. Впервые — Магнитский, стр. 26; зап. в Казанской губ. Поздняя баллада из эпохи крепостного права.

В основу ее положен, видимо, реальный факт, а для обработки использованы традиционные песенные образы.

Федор и Марфа

1. «Одна была песня...». Печ. по записи из Архива ГО, собрание А. Н. Пасхаловой, разр. 36, опись 1, № 58, стр. 179—181; Саратовская губ. Баллада позднего происхождения, о чем говорит подчеркнутая натуралистичность деталей и зачатки рифмовки. Сюжет трактован в духе поздних мещанских баллад.

2. «За озерье, да во сторонке...». Впервые — «Великорусские песни в народной гармонизации, записаны Е. Линевой», вып. 2. СПб., 1909, стр. 59; зап. в дер. Трофимовой, Кирилловского у., Новгородской губ., в 1901 г. Вариант предыдущего сюжета. После каждой строчки сопровождается припевом «Да э-хе-хе». По свидетельству Линевой, исполнение баллады отличалось исключительной красотой. Ее запевают, пишет она, «вполголоса, рассказывая и постепенно усиливая к концу, по мере развития рассказа все громче и печальнее».

БАЛЛАДЫ ИСТОРИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-БЫТОВЫЕ

Авдотья Рязаночка. Впервые — Рыбников, 1-е изд., ч. 3, № 38; зап. от И. П. Сивцева из дер. Поромска (Кенозеро), Олонецкой губ., в 1860 г. Печ. по 2-му изд., т. 2, № 182. Баллада в полусказочной форме отразила один из трагических эпизодов русской истории — разорение Батыем Рязани в 1237 г. Бурные события московской истории изменили исторические имена в балладе; Рязань, под воздействием преданий и песен о знаменитом походе Грозного, стала Казанью, Батый превратился в Бахмета турецкого. Наконец, в XVIII—XIX вв. на Севере легенда была приурочена к Петербургу и «царю православному» (см. след. текст).

Омельфа Тимофеевна выручает родных. Впервые — Григорьев, т. 1, № 94; зап. от О. А. Юдиной в дер. Матвера (Пинега), Архангельской губ., в 1900 г. См. комментарий к предшествующему сюжету.

Татарский полон

1. «Воевали татара по три годá...». Впервые — «Уральский современник». Литературно-художественный альманах, 2, Свердловск, 1938, стр. 141—142; зап. от А. С. Клопиной в заводе Сысерть в 1937 г. Печ. по изд. «Исторические песни XIII—XVI веков», № 24. Одна из самых поэтичных русских баллад, отразивших период татаро-монгольского ига. Баллада имеет два варианта заключения: в одном мать уезжает домой, «на святую Русь»; во втором она не в силах покинуть дочь на чужбине и остается с нею навсегда, вдали от родины. Баллада получила широкое распространение и до сих пор еще бытует в живом исполнении. Один из вариантов записан М. Ю. Лермонтовым (см. «Народные исторические песни», Большая серия «Библиотеки поэта», М.—Л., 1962, стр. 65).

Татары впоследствии заменялись турками, а на юго-востоке страны — киргизами.

2. «Как за речкою...». Впервые — «Русские песни из собрания П. И. Якушкина». — «Отечественные записки», 1860, т. 129, Приложение, стр. 79. Название реки *Дарья* имеет отвлеченно-поэтический характер.

3. «Отец с сыном на сенокос пошли...». Впервые — Железнов. Печ. по 2-му изд., т. 2, стр. 265; зап. в урочище Маринкин Городок на р. Урале, в 1858 г. Поздняя редакция того же сюжета.

Козарин

1. «Что у князя́ да у боярина...». Впервые — Астахова, т. 2, № 221; зап. от М. Ф. Смоленской из дер. Лохново (Пинега), Архангельской обл., в 1928 г. Сюжет восходит, по-видимому, к эпохе татарского нашествия, а в последующие века неоднократно перерабатывался. Баллада о Козарине объединяет тему «полона» с центральной темой баллад семейного цикла — темой трагического неблагополучия в недрах патриархальной семьи. В отдельных вариантах баллада имеет заключительный эпизод: Козарин привозит сестру домой. Но старая рознь его с родителями на этом не прекращается. Отец с матерью все равно не признают Козарина, или же он сам не хочет оставаться и уезжает в поле. Баллада на Севере зачастую получает былинную обработку (меняется образный строй, подвиг Козарина описывается как «богатырский») и потому некоторыми исследователями считается былиной.

2. «Из-за славное матки Кубань-реки...». Впервые — Григорьев, т. 1, № 157; зап. от А. А. Завернина в дер. Карпова Гора (Пинега), Архангельской губ., в 1900 г.

3. «У Петра-то было Карамышова...». Впервые — Григорьев, т. 1, № 25; зап. от А. Л. Коппалиной в дер. Колежма (Поморье), Архангельской губ., в 1899 г.

Туры златорогие

1. «Вы туры, вы туры да маленьки деточки!..». Впервые — Григорьев, т. 1, № 33; зап. от Н. Пайкачовой в дер. Колежма (Поморье), Архангельской губ., в 1899 г. Баллада о турах златорогих — оторвавшийся и получивший самостоятельное символическое значение запев былины о нашествии Батыя на Киев. Предание, по-видимому, связано с чтимой киевской иконой домонгольской поры «богородица — нерушимая стена», почему туры и говорят: «мы видели... стену городовую». *Туры* — дикие быки, излюбленный объект княжеских охот в древней Руси. Благодаря величине, силе и свирепому нраву этих животных, сопоставление с туром стало лестным для воина (см. «Слово о полку Игореве»). Образ тура поэтизируется и проникает в эпос (Добрыня оборачивается туром — золотые рога), отрывается от реальности, и вот уже туры — вещие звери, которые проходят всю землю, переплывают море и видят то, что скрыто от глаз людей. Символическая картина, предвещавшая падение Киева, перетолковывается в среде северян-

староверов как падение старой веры после церковной реформы XVII в. патриарха Никона. Наконец, вся картина превращается в видение группы молодцев-казаков (см. вариант).

2. «Ой да ввечеру, братцы...». Печ. по изд. — Листопадов, т. 1, ч. 1, № 55; зап. в ст. Филипповской (Донская обл.), в 1904 г.

Егорий. Печ. впервые. Архив ИРЛИ, Р. 5, колл. 172 (собрание Д. М. Балашова), п. 2, № 3; зап. от Д. З. Березиной в дер. Умба, Терского р-на, Мурманской обл., в 1957 г. *Егорий*-змееборец был одним из популярнейших русских святых. Изображение Егория (Георгия-победоносца) на белом коне, в доспехах, пронзающего копьем дракона, повторялось на тысячах икон и вошло в русскую геральдику. «Разящий Георгий» украшал знамена русских войск. Предание о Егории было двукратно обработано в фольклоре, в виде былины о спасении Егорием от змея прекрасной Агапьи Агапеевны и в виде баллады о мучениях Егория в последующей его победе над грозным врагом. Баллада возникает, по-видимому, позже былины. Она связана в известной мере с татарским нашествием. В приводимом варианте непосредственно религиозные представления почти исчезли, целиком уступив место теме борьбы Егория с врагами Руси. *«Я убью, убью да кровь татарскую, Изменю, изменю на христианскую»* — искажено певицей. Надо — «изомщу», от слова мстить, ср. заключительные строки.

Чудесное спасение. Впервые — «Живая старина», 1905, вып. 3—4, стр. 293—294 и 336; зап. В. Добровольским в дер. Березовке, Дмитровского у., Орловской губ., в конце XIX в. Печ. по изданию «Исторические песни XIII—XVI веков», № 4. Редкая баллада эпохи татарского нашествия. Царь крымской — позднейшая замена. Обращение девушки в церковь, с целью спастись от преследования, встречается в сказках, но со счастливым концом. В балладе девушка, чтобы избегнуть плена, должна умереть. Своим тонким трагическим лиризмом баллада напоминает легенду о граде Китеже, ушедшем от татар на дно озера.

Князь Роман и Марья Юрьевна

1. «Жил-был князь Роман Митриевич...». Впервые — «Летописи русской литературы и древности, изд. Н. Тихонравовым», кн. 1. М., 1859, стр. 122; зап. С. В. Максимовым в Калгалакше (Карельский берег Белого моря), Архангельской губ., в 1856 г. Редкая баллада «татарского цикла», известная на Белом море, Мезени, Урале и Коми АССР. Вариант, записанный у коми (коми переняли эту балладу у русских), сохранил, как это можно установить из сопоставления его с имеющимися русскими текстами, черты наибольшей древности. Вот он:

КРАСИВЫЙ РОМАН

У красивого Романа была красивая жена,
Об этом далеко слава пошла,
Пришли в полон взять ее черные татары,

Красивый Роман увел свою жену в хлев,
В корыто запрятал, корыто корытом же покрыл,
К корыту привязал могучего быка с огромными рогами.
Пришли татары:
«Где твоя жена?»
— «У меня еще никакой жены не было».
Они избили Романа и второй раз стали пытать и третий:
«Скажи ты добром, где жена?»
— «Никакой жены у меня нет».
Еще раз избили, живого места на Романе нет.
«Моя жена в хлеву, в корыте».
Взяли в полон жену Романа,
Увезли ее злые татары.
Жила она в плену целый год.
Наступил день Купальницы, [1]
И сказала она:
«У нас сегодня день Купальницы,
Сегодня бани топят, веники приносят,
В средину веников купальницу кладут,
А затем этими вениками парятся».
Новый муж велел затопить баню, и супруги пошли вдвоем купаться,
Сказала баба: «Ну-ка, муж, нырни».
Муж три раза нырял и вернулся.
Жена три раза ныряла, на третий раз не вернулась,
Далеко под водой уплыла, затем на берег вышла,
По реке кипарисное дерево плывет:
«Дерево, дерево, возьми меня с собой,
Увези меня на родину;
Если ты меня увезешь,
Из тебя самого церковь построю, а из твоей смолы — ладан».
Остановилось дерево, села жена Романа, и поехали на родину,
На родине остановились, там много детей бегает.
«Скажите вы, дети, красивому Роману, что жена вернулась».
Пришел Роман навстречу, а жена ему:
«Из этого дерева построй церковь,
Из ветвей — свечи, из смолы — ладан».
Он сделал, что попросила жена, может и сейчас живут.

(Подстрочный перевод А. К. Микушева)

Возникла эта баллада в эпоху борьбы с татарами, наряду с «Татарским полоном» (вероятно, в XIII — XV вв.). Позднее она подверглась характерным переработкам. Во-первых, Марье Юрьевне удается сохранить в плену свою супружескую честь. Во-вторых, князь Роман делается все более сильным князем — похищение удается лишь в его отсутствие и тайком. Похитителей в беломорских вариантах

---

[1] Праздник Аграфены Купальницы 23 июня по ст. ст. (накануне Ивана Купала).

заменяет «литва» и Мануйло Ягайлов, по-видимому, под впечатлением событий Смутного времени. Наконец, сюжет приобретает сказочный характер (в мезенской традиции). Похитители — нечистая сила, «лешовочки — ножовочки». На пути бегущей Марьи Юрьевны возникают сказочные преграды, причем она расплачивается за «пропуск» частями своей одежды, почему и остается нагой на берегу моря. В творчестве поморских сказителей конца XIX в. сюжет получает характер авантюрно-новеллистической стихотворной повести, разрастается в балладу-поэму. *И дала козла любимого Моналинова* — Мануйлина. *Пошла она вперед попадать* — приходить, добираться куда-либо (северн.). *Сделайся по женским переброди- щам* — чтобы женщина могла перейти вброд.

2. «Уж ты ой еси, Марьюшка Гурьевна...». Печ. впервые. Архив ИРЛИ, Р. 5, колл. 190, папка 2, № 140, лл. 176—180; зап. В. В. Митрофановой от В. З. Емельяновой в дер. Смоленец (Мезень), Архангельской обл., в 1958 г. *Во лесовские земли, во ножовские.* Видимо, название «ножовский» произошло от «низовский» («низ» — Поволжье, до взятия Казани синоним татарской земли) с последующим переосмыслением через слово «нож». Далее, по аналогии, татарочки, которых певица путает с нечистой силой, названы *лешовочки* (не от «лес» — «лесовочки», как бы следовало, а от «леший»), *ножовочки, тимножовочки* (последнее, скорее всего, получилось от слияния слова с указательным местоимением: те ножовочки, тем ножовочкам, тимножовочки). *Не служаночку мне-ка надейную — Ты моему лицу да супротивницу* — т. е. не надежную, верную служанку, а жену, которая будет сидеть за столом супротив, напротив матери мужа и вообще находиться с нею на правах младшей хозяйки, а не служанки.

Девушка взята в плен татарами

1. «Как пошли красные девушки в лес по ягоды...». Впервые — «Донские обл. ведомости», 1875, № 84. Баллада восходит ко времени татаро-монгольского ига. В XVIII — XIX вв. сюжет получил лирическую обработку.

2. «В поле доpоженька, в поле неширокая пролегала...». Впервые — Савельев, стр. 144; зап. на Дону. Лирическая баллада «татарского» цикла.

Красная девушка из полону бежит. Впервые — Этнографический сборник, вып. 6. СПб., 1864, стр. 92; зап. от Дьякова в ст. Бухтарме, Томской губ., ок. 1863 г. Одна из самых драматичных баллад «татарского» цикла. Известна в центральной и южной России и в Сибири — главным образом среди казачества. В поздних переработках превращается в лирическую песню. Река как преграда на пути беглеца стала поэтическим «общим местом», почти обязательным во всех балладах о бегстве из татарской неволи. Трудность переправы определяет драматизм столкновения девушки и перевозчика. Не желая сменить одну неволю на другую, героиня предпочитает смерть. Трагизм баллады подчеркивался еще и тем, что в каких-то вариантах перевозчик оказывался братом по-

гибшей. Вот что сообщает Г. Н. Потанин относительно сделанной им записи из Томской губ.: «Конец этой песни, как говорят казаки, забыт, и один певец добавил мне от себя, что перевозчичек бросился спасать девицу, вытащил мертвую и тогда только узнал, что это была его родная сестра» (Этногр. сб., вып. 6, стр. 93). В некоторых поздних записях татар заменяют французы.

Спасение полонянки. Печ. впервые. Архив ГО, собрание С. М. Пономарева, фонд 12, опись 2, № 4, л. 19; зап. в с. Петровском, Оренбургской губ. Баллада представляет контаминацию предыдущего сюжета с поздней редакцией «Татарского полона».

Молодая ханча́. Впервые — Путилов, № 170; зап. от А. Я. Широковой в ст. Старый Щедрин (на Тереке), в 1945 г. Местная переработка баллады «татарского» цикла о бегстве полонянки.

Разбойничий дуван. Впервые — Сборник уральских казачьих песен. Собрал и издал Н. Г. Мякушин. СПб., 1890, стр. 50. Баллада создана на основе баллад «татарского» цикла, где девушка достается в плен трем татарам. В дальнейшем на этой основе создалась казачья (разбойничья) баллада, где девушка достается уже не татарину, а казаку или разбойнику, которому — яркая деталь жестокой эпохи — она совсем и не нужна, нужны деньги. Только поэтически преувеличенная ценность наряда спасает пленницу от смерти.

Пан привозит жене русскую полонянку. Впервые — Народные песни, собранные в Чердынском уезде Пермской губернии Василием Поповым. М., 1880, стр. 58; зап. в Чердынском у., Пермской губ., в 1870-х гг. Старинная баллада, превращенная в хороводную песню, вследствие чего было сглажено драматическое напряжение сюжета. Редкий образец баллад о полонянках, связанный не с татарами, а с Литвой.

На литовском рубеже. Впервые — Кирша Данилов, 1818, № 50; печ. по изд. 1958 г., стр. 253. Баллада примыкает к циклу баллад о поединках, начинающемуся с «Козарина» и создававшемуся, по различным поводам, с XIII вплоть до XIX столетия (см. баллады «Иван Левшинов», «Молодец и три татарина», наст. изд., стр. 267, 269, а также: Кирша Данилов, стр. 197; Киреевский, вып. 1, стр. 3; Гуляев, № 4, Чернышев, № 46). Связывает эти сюжеты сходство поэтических приемов, которыми описываются поединки героев. Сюжет, очевидно, возник в Московской Руси между XV—XVII вв. (Борьба с Литвой на западных границах продолжалась с перерывами несколько столетий.) Особенность этой баллады — соединение реальной картины военного похода XVI—XVII вв. с архаической песенной фантастикой (возможно, частично книжного происхождения). Упоминание Смоленска, литовского рубежа и упорное наименование героя дворянином позволяют отнести данную редакцию баллады ко второй половине XVII в.

Молодец и река Смородина. Впервые — Кирша Данилов, 1818, № 31; печ. по изд. 1958 г., стр. 202. Одна из лучших баллад Московской Руси. Это та же, что и в «Молодце и королевне», повесть о герое, не выдержавшем проверки делом. См. подробнее исследование этого сюжета в работе Б. Н. Путилова — Песня «Добрый молодец и река Смородина» и «Повесть о Горе-Злочастии». — Труды Отдела древнерусской литературы Ин-та лит-ры (Пушкинский Дом) АН СССР, XII, М.—Л., 1956.

Горе

1. «От чего ты, Горе, зародилося?..». Впервые — Рыбников, 1-е изд., ч. 1, № 84; зап. от И. М. Кропачева (Лядкова) из дер. Мамонова на Кенозере, в 1861 г. Печ. по 2-му изд., т. 2, № 187. Баллады о горе были широко распространены на территории России. На основе этих песен в XVII в. создалась «Повесть о Горе-Злочастии». В балладах Горе предстает как горе крестьянина, молодца, женщины, преследующее свою жертву вплоть до могилы.

2. «Еще было-то бедному крестьянину...». Впервые — Марков, № 26; зап. от А. М. Крюковой, родом из дер. Чаваньга (Терский берег Белого моря), в дер. Зимняя Золотица, Архангельской губ., в 1899 г.

3. «В воскресеньицо матушка замуж отдала...». Впервые — Рыбников, 1-е изд., ч. 1, № 83; зап. в Петрозаводском у., Олонецкой губ., ок. 1860 г. Печ. по 2-му изд., т. 1, № 102.

Молодец и горе. Впервые — Ончуков, № 82; зап. от С. А. Безумова, в с. Великая Виска (на нижней Печоре), Архангельской губ., в 1902 г. Контаминация двух балладных сюжетов («Рябинка» и «Горе») с оригинальным поворотом темы: герой здесь не страдалец, он борется, сам изо всех сил преследует горе, пытаясь расправиться с ним, но все напрасно. *Во огробы* — в гроб, умерла.

Непростимый грех. Впервые — Марков — Богословский, т. 2, стр. 41; зап. от А. Д. Полежаевой в дер. Кандалакша (Терский берег Белого моря), Архангельской губ., в 1901 г. Редкая старинная баллада. Характерно для балладной поэтики, что все грехи молодца направлены против семьи, и непростимым грехом является убийство крестового брата. Крестовый брат считался встарь особенно близким: в былинах *крестовый* (названый) брат считается всегда «паче родного».

Аника-воин

1. «Жил-был Аника-воин...». Впервые — Киреевский, вып. 4, стр. 115; зап. в с. Новоселки, Уфимского у., Оренбургской губ. «Аника-воин» — популярная на Руси баллада (имя Аники-воина вошло в пословицы) философско-дидактического характера. Встреча Аники со смертью происходит в то время, когда он замахнулся на народные святыни. В вариантах его намерения характеризуются иногда еще четче: «Аника-воин... много латынския силы облатынил, много русския силы победил... Хочет Ерусалим-град разбивати... Русскую кровь проливати». В балладе есть мотивы

явно книжного происхождения. Так, описание смерти («Чуда») повторяет изображения кентавров в старых рукописях. *Хочу тебя воскусити* — пожрать, погубить. Возможно, ошибка вместо «воскосити»: смерть обычно «косит» («искошает», скашивает) свои жертвы косой (см. вариант).

2. «Жил да был на земле...». Впервые — Киреевский, вып. 4, стр. 119; зап. в Вологде (?), в 1830-х гг.

Два Лазаря. Впервые — Бессонов, т. 1, стр. 49; зап. в Пудоже, ок. 1860 г. Сюжет известен на всем пространстве России, а также в ряде европейских стран. Это очень ранняя (много старше XVII в.) обработка евангельской притчи, широко известной благодаря толкованиям популярного на Руси церковного писателя древности Иоанна Златоуста. В народной обработке богач и бедняк сделаны братьями, что усугубляет черствость богатого; в уста богача вложена отповедь бедняку, которой нет в источниках баллады. А из ада богач обращается за помощью к самому Лазарю, от которого и получает суровую отповедь, чего также нет ни в притче, ни в толкованиях на нее. Народ значительно усилил социальное содержание притчи и придал конфликту характер своеобразного «классового столкновения», что и определило широкую популярность этого сюжета.

Проданный сын

1. «Был-жил князюшко да сын Иванушко...». Впервые — Григорьев, т. 1, № 24; зап. от А. Л. Коппалиной из дер. Колежма (Поморье), Архангельской губ., в 1899 г. Редкая и не вполне ясная по происхождению северная баллада. В издании «Былины в двух томах» (М., 1958) В. Я. Проппа и Б. Н. Путилова высказано мнение, что баллада возникла не раньше XVIII в. как отражение рекрутчины (т. 2, стр. 493). Однако художественная обработка песни решительно отличается от поэтики рекрутских песен и, наоборот, близка балладам XVI—XVII вв. с социально-бытовым содержанием. Возможно предположить иное: что баллада возникла еще в древнем Новгороде и отразила эпизод одного из многочисленных новгородских неурожаев, когда в результате прерванного подвоза хлеба с юга родители, спасаясь от голодной смерти, продавали своих детей заморским купцам «из хлеба» (не поэтому ли сын просит купца заплатить его матери побольше?). Затем в XVI—XVII вв. сюжет получил иное истолкование — мать продает молодца за буйство и нечестие. Наконец, уже в XVIII—XIX вв. сюда присоединилась тема рекрутчины (см. вариант). Сверх того на сложение баллады повлияли новеллистические сказки. Начало баллады очень близко к началу одной из сказок казаков-некрасовцев (см.: Ф. В. Тумилевич. Сказки и предания казаков-некрасовцев. Ростов-на-Дону, 1961, № 9).

2. «А родители да были умные...». Впервые — Марков — Богословский, т. 2, стр. 88; зап. от А. Д. Полежаевой в с. Кандалакше, Архангельской губ., в 1901 г.

Правеж. Впервые — Киреевский, вып. 6, стр. 196. Баллады «Правеж» (правеж — допрос с пыткой) и «Казна монастырская» составляют популярный сюжетный цикл, известный, главным образом, на русском Севере, и по времени возникновения относятся, видимо, к концу XVI — началу XVII в. Первоначально сюжеты этих песен связывались с идеализированным образом Грозного, позднее Грозного в каких-то вариантах заменил Петр I. Частый объект грабежа — казна монастыря Миколы Можайского (называются, впрочем, и другие монастыри). Можно предположить, что баллада о том, как молодец отбивает казну у разбойников, не всегда контаминировалась с «Правежом», сперва существовала самостоятельно (подобный сюжет встречается в сказках, где разбойников иногда заменяют черти) и восходит ко времени более раннему, чем XVI в.

Молодец и казна монастырская. Впервые — Рыбников, 1-е изд., ч. 2, № 42; зап. от К. И. Романова из дер. Лонгасы (Кижи), Олонецкой губ., в 1861 г. Печ. по 2-му изд., т. 1, № 46. См. комментарий к предшествующему варианту.

Встреча царя с молодцем в избушке. Впервые — Пивоваров, № 46; зап. на Дону. Баллада связана с циклом баллад об Иване Грозном (имя Грозного названо в ряде вариантов). Обычно царь спрашивает: «Не ты ли здесь, добрый молодец, мой корабль разбил?» История знает несколько случаев уничтожения на Волге восставшими царских кораблей. Сюжет перекликается с балладами о «Правеже» и с песнями о допросе царем молодца-разбойника. Красота избушки поэтически подчеркивает независимость молодца перед грозным царем.

Грозный и Домна. Печ. впервые. Архив ГПБ, собрание А. А. Титова, 2321, лл. 14 об. — 17 об. Редкая баллада эпохи Московской Руси, известна, по-видимому, только на Волге (см. варианты в «Советской этнографии», 1958, № 6, стр. 104—105). Напоминает «Дмитрия и Домну», однако портрет Ивана Грозного в балладе достаточно «реален» и выпадает из чисто поэтической традиции. Возможно, баллада отразила одну из легенд, окружавших Ивана Грозного, но для поэтического оформления песни была использована старинная баллада про Домну и князя Дмитрия (см. стр. 45).

Казань-город

1. «Соловей кукушку подговаривал...». Впервые — Киреевский, вып. 6, стр. 14; Малоархангельский у., Орловской губ. Баллада восходит, как документально установлено, к допетровской эпохе (XVI—XVII вв.). Отражает, видимо, какие-то воспоминания о взятии Казани Грозным.

2. «У ключа, ключа, у колодеца...». Впервые — Астахова, т. 2, № 169; зап. от Н. И. Морозовой, из дер. Коровниково, Заонежского р-на, Карельской АССР, в 1932 г.

Девушки и солдаты. Впервые — Киреевский, вып. 6, стр. 17; зап. в г. Кола, Архангельской губ., в 1856 г. См. комментарий к предшествующему сюжету.

Беглый княжич. Впервые — Этнографический сборник, вып. 6. СПб., 1864, Смесь, стр. 13; зап. в Курской губ., в 1863 г. «Историзм» баллады сомнителен. Тот же собиратель записал вариант этой баллады на белорусском языке (там же, стр. 14, Виленская губ.), в котором, при полном тождестве прочего текста, отсутствует имя князя Василия, как и указание на то, что молодец бежал из Москвы от плахи. Иных записей сюжета не имеется. Возможно, намеки на опричнину были вставлены в безымянную балладу XVII—XVIII вв.

Пострижение царицы. Впервые — Известия АН по отд. русск. яз. и слов., т. 1. СПб., 1852, Прибавления, стр. 121. Печ. по изд. — Киреевский, вып. 6, стр. 203; зап. в г. Павлове, Нижегородской губ., в 1840-х гг. Лирическая баллада, приуроченная в сборнике Киреевского к имени Грозного. Однако ни имя постриженной жены Грозного, ни название монастыря, фигурирующие в балладе, не совпадают с историческими свидетельствами, касающимися XVI в., а в некоторых вариантах связывают балладу с фактом пострижения жены Петра I, Е. Ф. Лопухиной, в 1698 г. (имя — Евдокия, Суздальский монастырь). (См., например, сб. «Народная поэзия Горьковской обл.», вып. 1. Горький, 1960, стр. 216.) Вместе с тем баллада о пострижении царицы перекликается с безымянными песнями о пострижении немилой жены, которые, возможно, и были источником баллады.

Жена князя Василия. Впервые — Киреевский, вып. 5, стр. 66; зап. в Шенкурске, Архангельской губ. Н. Борисовым. Старинная (по-видимому, допетровская) баллада, сотканная из поэтических образов обрядовых песен. Можно предполагать, что за трагедией молодой вдовы стоят какие-то имущественные отношения: невестка, по-видимому, боится, что вдове придется выделить часть имущества. В семью же Василия женщина также вряд ли может ехать, так как еще и не жила с мужем. Остается одна дорога — в монастырь.

Скопин

1. «У князя было у Владимира...». Впервые — Чулков, ч. 3, № 159. Печ. по изд. 1913 г. Очень популярная историческая баллада (по записям XIX в., известна была, главным образом, на русском Севере). Михаил Васильевич Скопин-Шуйский (1587—1610) — молодой, талантливый полководец Смутного времени. Утверждают, что на пиру у Воротынских жена Д. И. Шуйского (дочь Малюты Скуратова), приходившаяся кумой М. В. Скопину, поднесла ему отраву, от которой он и умер. Немедленно после его убийства появились лирические песни — плачи на смерть Скопина, а затем историческая песня об его отравлении боярами-завистни-

ками. Постепенно обработка превращала ее все более в законченную балладу, из которой с течением времени выветривается историческое содержание, и баллада становится «бытовой», конфликт теряет общественный характер и превращается в сугубо личную драму Скопина и дочери Малюты, близостью с которой Скопин неосторожно похвастался на пиру.

2. «Скопину-то рано мати наговаривала...». Впервые — Миллер. Исторические песни из Сибири, стр. 33; зап. В. Н. Богоразом на заимке Черноусовой (Нижняя Колыма) со слов Совикова (Кулдáря), прислана в 1895 г. Вариант показывает окончательное исчезновение из баллады исторической темы. *Подходила к поставцу доморубленному* — видимо, вделанному, «встроенному» или врубленному в стену дома, неподвижному.

Княгиня и змей. Впервые полностью — М. К. Азадовский. Былины и исторические песни из южной Сибири. Новосибирск, 1939, стр. 120; зап. от Епанешникова в Сузунском заводе ок. 1854 г. Печ. по изд. — Гуляев, № 22. Начало былины о зачатии Волха Всеславьича (см. Кирша Данилов, стр. 39), получившее характер самостоятельного произведения балладного характера, с безымянными героями. Героическое (былинное) продолжение сюжета осталось едва намеченным.

Индрик-зверь

1. «А и где-то бы, слышно, глупому жить...». Печ. по изд. — Листопадов, т. 1, ч. 1, № 52; зап. в ст. Арженовской (Донская обл.), в 1903 г. Песни-баллады о чудесных зверях имеют сложное происхождение. Здесь и отрывки былин, и литературно-фантастические представления, идущие от древнерусских «физиологов» (Индрик — единорог); с другой стороны, Индрик фигурирует в стихе о «Голубиной книге». Афанасьев сближает Индрика с индийским божеством Индрою.

2. «Ай что воздóлеко было, воздалéченько...». Печ. по изд. — Листопадов, т. 1, ч. 1, № 54; зап. в ст. Бело-Калитвенской (Донская обл.), в 1903 г.

Скимен-зверь. Впервые полностью — Н. С. Тихонравов, В. Ф. Миллер. Русские былины старой и новой записи. М., 1894, № 18; зап. на Алтае. Печ. по изд. — Гуляев, № 21. Переработанный зачин былины «Алеша и Ским-зверь» (сюжет чаще соединяется с именем Добрыни). Образ скимена известен в русской геральдике. Известное моленное место Грозного в Успенском соборе покоилось на четырех аллегорических зверях, одного из которых звали скимен, молодой лев.

Устиман-зверь. Впервые — Железнов, 1-е изд., ч. 1, стр. 221; зап. на Урале. *«Устиман»* — видимо, искаженное «скимен». Железнов указывает, что вместо реки Яика называли и «Непруреку», что связывает сюжет с былинным эпосом.

Как во славном было граде Вавилоне. Впервые — Путилов, № 12; зап. от Н. М. Литвина в ст. Старый Щедрин (на Тереке), в 1945 г. Баллада известна почти исключительно среди казачества и, по-видимому, создана в казачьей среде. Сказания об Александре Македонском были очень популярны на Руси на протяжении всего средневековья, распространяясь в многочисленных повестях («Александриях») и устных преданиях. В казачьей балладе от «Александрий» древности осталось только искаженное воспоминание о легендарном «незаконном» рождении героя. Оно было обработано под влиянием новеллистических сказок, былин (в вариантах девушку встречает Илья Муромец) и каких-то местных кавказских преданий. В результате получилась баллада новеллистического характера.

Старый орел. Впервые — Пивоваров, № 43; зап. на Дону. «Старый орел», «Гнездо орла», «Конь и сокол», «Сокол и соколинка», «Лебедушка и сокол», «Сокол и вороны», «Сокол на воле» — казачьи аллегорические баллады. В некоторых из этих сюжетов аллегория очень ясно прощупывается. Старый орел — это вольный молодец, казак или разбойник, попавший в плен. Иногда такая аллегория здесь же и раскрывается (сокол и вороны). Причем аллегория позволяет «применять» балладу к очень широкому кругу явлений. Возникали некоторые из этих баллад, по-видимому, еще в Московской Руси в XV—XVII вв., а позже создавались и удерживались в казачьей среде на южных окраинах России.

Гнездо орла. Впервые — «Русская беседа», 1856, т. 1, стр. 56—57 (с указанием: Симб. губ.). Печ. по изд. — Киреевский. Новая серия, № 2524, в разделе песен из Оренбург. губ. Аллегорическая баллада, описывающая отчаяние мужа, теряющего семью во время каких-то стихийных ратных катастроф. (Ср. с балладой «Лебедушка и сокол».)

Конь и сокол. Впервые — «Донские обл. ведомости», 1875, № 92. Нельзя провести прямой аналогии с человеческими судьбами, и все же эта баллада — с ясным «подтекстом»: речь идет о мужестве и верности, об исполнении долга, с одной стороны, и погоне за личной удачей — с другой. Конь — верный товарищ казака — олицетворяет благородство, сокол — хищная охотничья птица — тщеславие и заносчивость. В некоторых вариантах баллады сестра сокола уговаривает его не спорить с конем, а затем идет замуж за коня, чтобы спасти брата от заслуженной им казни. Здесь уже переход от «звериных» к человеческим отношениям совершенно ясен, но баллада художественно совершеннее без этого прибавления.

Сокол и соко́линка. Печ. по изд. — Листопадов. т. 1, ч. 1, № 63; зап. в ст. Нижне-Курмоярской (Донская обл.), в 1902—1904 гг. Возможно, перед нами сюжет с утерянным продолжением.

Лебедушка и сокол. Печ. по изд. — Листопадов, т. 1, ч. 1, № 64; зап. в ст. Бело-Калитвенской (Донская обл.) в 1900—1905—1911 гг. Ср. с балладой «Гнездо орла». Образы баллады заимствованы из свадебных и лирических песен.

Сокол и вороны. Впервые — Известия АН., т. 3, СПб., 1854, Прибавления, стр. 263; зап. на Локтевском заводе (Алтайский край), дост. С. И. Гуляевым. В отдельных вариантах этого сюжета молодца-разбойника заменяет Краснощеков, попавший во вражеский плен.

Сокол на воле. Впервые — «Живая старина», 1907, вып. 2, отд. 2, стр. 32; зап. от бр. Пудовых в дер. Кежемская заимка, Кежемской вол., Енисейской губ., в 1904 г. Аллегорическая баллада, восходящая, по-видимому, к эпохе Московской Руси. Царским соколом может быть убегающий из тюрьмы разбойник, или казак, или стрелец, наскучивший службой, или обиженный царской немилостью дворянин.

Гибель молодца у перевоза

1. «Не былинушка в чистом поле зашаталася...». Печ. впервые. Архив ИРЛИ, Р. 5, колл. 165, папка 8, № 16, л. 12; зап. от Л. Л. Ваничкиной в с. Мача, Чембарского р-на, Пензенской обл., в 1939 г. Лирическая баллада (некоторые варианты ее, с утерянным заключением, превратились в лирические песни). Герой обыкновенно безымянен. Первоначально баллада была связана, видимо, с «татарским», а затем с «разбойничьим» циклами. Позднее, по мере того как имя Разина обрастало легендами, появился вариант, в котором у перевоза умирает уже не безымянный молодец, а Стенька Разин. *Из питеру, из китеру, из кипáрису* — названия сочинены по созвучию для создания троичности, реальным здесь является лишь название кипариса.

2. «Ай вы леса-ле мои, лесочки, леса, бывали темные...». Впервые — Григорьев, т. 1, № 102; зап. от Е. Г. Некрасова в дер. Веегоры (Пинега), Архангельской губ., в 1900 г.

Смерть Разина. Впервые — Рыбников, 1-е изд., ч. 2, № 41; зап. в Петрозаводске от захожих лиц из Екатеринбургского у., Пермской губ., ок. 1860 г. Печ. по 2-му изд., т. 2, № 221. Баллада сложена на основе предыдущего сюжета.

Разбойничья лодка. Впервые — «Русский фольклор. Материалы и исследования», т. 3. М.—Л., 1958, стр. 361; зап. в Русском Устье (низовья Индигирки), Якутской АССР, в 1946 г. Старинная волжская разбойничья баллада XVI—XVII вв. Во всех вариантах, кроме приведенного, превратилась в лирическую песню с утерянной повествовательной частью (песня ограничивается изложением сна девицы без последующих за ним событий). Наличие данного варианта, записанного в месте, стойко сохранившем фольклор XVI—XVII вв., заставляет признать, что песне повсюду предшествовала

баллада, и лирические варианты образовались сравнительно недавно, не ранее конца XVII—XVIII вв. По вариантам роль девицы меняется. Иногда она — пленница, мечтающая о свободе, иногда — разбойница, на совести у которой множество загубленных «душ». *Посадили во тюрьму во глу́мную* — в позорную, от «глум», «глумиться» (сибирск.).

Царь в кабаке. Впервые — Чернышев, № 143 (из рукоп. песенника конца XVIII в., ГПБ, XIV, № 11, л. 58 об.). Баллада неясного содержания, по-видимому связана с именем Петра I, сюжет явно оборван где-то посередине.

Иван Левшинов. Печ. по изд. — Листопадов, т. 1, ч. 2, № 160; зап. в ст. Усть-Быстрянской, Донская обл., в 1900, 1904 гг. Поздняя казачья воинская баллада, из цикла баллад о поединках. Подобные поединки в действительности были нередки еще во время кавказских войн; ср. у Лермонтова («Валерик»):

А вот в чалме один мюрид
В черкеске красной ездит важно,
Конь светлосерый весь кипит,
Он машет, кличет — где отважный?
Кто выдет с ним на смертный бой!..
Сейчас, смотрите: в шапке черной
Казак пустился гребенской.

Молодец и три татарина. Впервые — Савельев, стр. 132; Донская обл., 1860-е гг. Казачья баллада, сюжет которой перекликается с отдельными эпизодами «Козарина». Создана, вероятнее всего, в XVIII в.: до того казаки совершали только морские походы на турок, и «степная тема» в казачьем фольклоре не фигурировала.

Два невольника. Впервые — «Отечественные записки», 1848, № 8, Смесь, стр. 141; зап. на Урале. Баллады о бегстве из неволи ведут начало от баллад «татарского цикла», а позднее сочиняются на юго-восточных рубежах страны в казачьей среде.

Казак и шинкарка

1. «На горе, горе, полугоре...». Впервые — Савельев, стр. 124; Донская обл. Баллада юго-западного происхождения, возникла, по всем данным, в период ожесточенной украино-польской борьбы XVII—XVIII вв. Жестокость, проявляющаяся в балладе, отражает жестокость, с какой велась эта борьба, в которой классовые противоречия усугублялись национальным и религиозным антагонизмом (ср. «Тараса Бульбу» Гоголя, «Гайдамаков» Шевченко).

2. «Говорят про Персию...». Впервые — «Сборник материалов... Кавказа», вып. 15, стр. 294; зап. в ст. Бороздинской (на Тереке), в нач. 1890-х гг. Переработка начала XIX в. предшествующего сюжета. (Запев ее использован Ю. Тыняновым в повести «Смерть Вазир-Мухтара».)

М о л о д е ц у б и в а е т ц е л о в а л ь н и к а. Впервые — Киреевский, Новая серия, № 2525; зап. В. И. Далем в Оренбургской губ. Казачья баллада позднего времени.

Д е в и ц а — а т а м а н р а з б о й н и к о в. Впервые — Чулков, ч. 3, № 59. Печ. по изд. 1913 г. Разбойничья баллада, по-видимому, конца XVII — начала XVIII в. Исследователи сближают героиню ее с известной предводительницей воровской шайки, Танькой Растокинской (см.: Н. Аристов. Об историческом значении русских разбойничьих песен. Воронеж, 1875). Однако делать столь точные приурочения здесь нет необходимости. Сюжет баллады достаточно поэтически обобщен, а имя героини нигде не названо. Форма изложения от первого лица знаменует начавшуюся переработку баллады в лирическую песню. (Тяготение к переходу из эпического в лирический жанр вообще характерно для разбойничьих песен конца XVII — начала XIX в.)

В о р Г а в р ю ш к а. Печ. по рукописи Архива ГО, собрание А. Н. Пасхаловой, разр. 36, опись 1, № 58, стр. 119—120. Саратовская губ. В сюжете художественные элементы баллад «татарского» цикла о бегстве из плена сочетаются с картинами очень поздней эпохи. Поэтому-то Гаврюшка, за которым «гонятся три погони», спокойно закупает в городе товар, выдавая себя за купца. Эти три погони (татары, корсаки и казаки) имеют поэтический, а не реальный смысл, они означают только, что вора Гаврюшку ищут власти, и он вынужден скрываться.

И л ь я к у м т е м н ы й. Впервые — Марков, № 54; зап. от А. М. Крюковой, дер. Зимняя Золотица, Архангельской губ., в 1899 г. Поздняя северная баллада, созданная, по-видимому, на основе исторической песни XVII в. Заметны многословие, подмена драматизма — мелодраматизмом. Сюжет обработан при помощи былинных формул и образов и разросся почти до размеров поэмы или повести в стихах. Баллада очень любопытна как показатель тех изменений, которые претерпевает классическая баллада в пору своего заката. *Ты зови, зови к себе всё кума стретного* — в некоторых местах до недавнего времени существовал древний обычай звать в крестные первого встречного. *Он того ли звал ведь темного разбойника* — «темного» значит слепого. Здесь прозвище предваряет событие: Илья слепнет только после убийства ребенка. *Говорит ему княгина таковы слова* — вставлено ради смысловой ясности.

К р е с т о в ы й б р а т. Впервые — Марков, № 55; зап. от А. М. Крюковой, дер. Зимняя Золотица, Архангельской губ., в 1899 г. Вариант единственный. Для устной эпической традиции Зимнего берега характерно создание новых эпических сюжетов на основе сказочного и новеллистического материала. Здесь перед нами поздняя балладная обработка притчи назидательного характера, отталкивающаяся от поверья, что человек, еще не пропивший креста, может вернуться на «путь истинный», откуда и идет старинное выражение «пропиться до креста».

БАЛЛАДЫ САТИРИЧЕСКИЕ И КОМИЧЕСКИЕ

Чурилья-игуменья и Стафида Давыдовна. Впервые — Кирша Данилов, 1818, № 53. Печ. по изд. 1958 г., стр. 257. Сатирическая антиклерикальная баллада, вероятно, XVI — XVII вв. Начало баллады пародирует былинные описания, выход «лисы» Чурильи к заутрене комически сопоставляется с нашествием Батыги или Калина-царя на Киев. *А Федор-дьяк караул скрал* — захватил, убрал караульщика и застал пирующих врасплох. ...*Мало Стафиде можется, Едва душа в теле полуднует* — неможется, едва жива.

Старец Игренище. Впервые — Кирша Данилов, 1901, стр. 142—144. Печ. по изд. 1958 г., стр. 226. Баллада Московской Руси, направлена как против нравов церковников, так и против церковного аскетизма, почему сатирически описанный похититель девушки старец Игренище и вызывает сочувствие певцов, а в изображении его «подвигов» проглядывают черты былинного богатырства. Комизм положения усугубляется тем, что действие, очевидно, происходит во время великого поста, почему старец и просит сугубо постной пищи. *Игренище* — прозвище, по предположению В. И. Чернышева, «связано с названием масти лошадей: игрений — рыжий» (Чернышев, стр. 448). *И увидели его ребята десятильниковы* — сборщики пошлин с монастырей и церквей.

Терентий-гость. Впервые — Киреевский, вып. 7, стр. 48; зап. в с. Головино, Симбирской губ., в 1838 г. Старинная сатирическая баллада, по-видимому, северного (новгородского) происхождения (см. картину быта торгового посада и упоминание Новгорода в текстах).

Терентий-муж. Впервые — Григорьев, т. 1, № 41; зап. от Т. Шибанова в дер. Першково (Пинега), Архангельской губ., в 1900 г. См. комментарии к предшествующему варианту. *Да кричитко во всю гору* — чтобы всюду было слышно (гора — берег, суша, земля (северн.).

Сергей хорош. Впервые — Кирша Данилов, 1901, стр. 22—23. Печ. по изд. 1958 г., стр. 44. Бытовая сатирическая баллада допетровской эпохи. Комизм положения заключается в том, что Сергей обманут женой как раз в то время, когда сам развлекался на стороне, поэтому создатели баллады в сатирически заостренной форме и заставляют его «пожалеть» своего соперника. Зачин баллады с последующим «точным указанием», о каком именно Сергее речь, пародирует зачин исторических песен: «Благословите, братцы, про старину сказать». *А и тот с борку, Иной с борку, Уже полна изба Принабуркалася* — игра слов. Видимо, использовано выражение «с бору да с сосенки», т. е. случайные гости заполнили дом.

Хмель. Впервые — «Новый российский песенник». СПб., 1791, ч. 1, стр. 124. Баллады о силе хмельного напитка известны у ряда

народов. При этом очень часто изготовление его изображается как сражение человека с «очеловеченным» хмелем, который в конце концов оказывается победителем. (Ср. с балладой Бернса «Джон. ячменное зерно», в которой посев, жатва, изготовление ячменного пива изображаются как тщетная борьба «трех королей» с непобедимым Джоном). Сюжет возник, вероятно, в XVII в.; художественно эта баллада соотносится с сатирическими повестями Московской Руси.

Травник. Впервые — Кирша Данилов, 1818, № 59. Печ. по изд. 1958 г., стр. 282. Сатирико-аллегорическая баллада Московской Руси. *Травник* (кулик) — здесь: щеголь, паразит, неудачник, которому всюду не повезло. Попадало ему и в деревне, и в Москве, и, наконец, попало дома от тестя — за «лукавство» и стремление к легкой жизни («пряникам» да «калачам»). *Тот кабачок-то кручок* — видимо, нарицательное от слова «кручина». *Били его в дуплю* — выражение, возможно, значит: били в пустую голову (дуплё, дупло — плотный и глупый человек; дупле́ц — дурак, глупый человек). *Збой за собой держит* — возможно, «збой» — синоним лукавства (парень сбой — буян, удалец; сбивка — плут, мошенник).

Зуёк. Впервые — М. А. Колосов. Заметки о языке и народной поэзии в области северно-великорусского наречия (Сборник ОРЯС Акад. наук, т. 17, СПб., 1877, стр. 254); зап. в Вятской губ. Баллада представляет разновидность предыдущего сюжета. *Ты поставь-ка, поставь крупик, Волосяно силышко, Крутолобу лапочку* — западня для ловли птиц (приманка из рассыпанной крупы и петля, привязанная к кривому куску дерева — лапе или сучку).

Недвига. Впервые — «Новейший и полный российский общенародный песенник». М., 1810, стр. 165. В основу баллады положен сюжет новеллистической сказки, в которой жена, по просьбе мужа, обвиняющего ее в безделье, на один день меняется с ним обязанностями. Однако этот сюжет оказался решительно перетолкованным. Перед нами яркая бытовая зарисовка из жизни старорусского мещанско-купеческого посада. Муж находится под башмаком у жены (видимо, в силу неравноправных имущественных отношений). Недвига значительно родовитее супруга (почему ее и зовут на пир одну, и она заявляет сначала, что ей «не от кого» идти). Забитый муж больше всего боится последствий своей «деятельности», к которой принудила его Недвига. В вариантах говорится, что он стоит и дрожит, или даже: «как приходит жена — барыня моя, от соседа из беседушки, да над мужем надругается, у ней муж у ног катается». Таким образом, если сказка осмеивает мужа, легкомысленно взявшегося не за свое дело, то баллада осмеивает Недвигу за ее спесь и смешные, при таком неудачном муже, претензии на почет и уважение к себе.

Исправление жены. Печ. по изд. — Шейн, Великорус, № 948; зап. от А. Шлокина в с. Парское, Шуйского у., Владимир-

ской губ., в 1874 г. «Исправление строптивой жены» — международный новеллистический и балладный сюжет. Баллада возникла, видимо, в Московской Руси, но в XVIII—XIX вв. перерабатывалась, постепенно меняя свою жанровую принадлежность и в вариантах превращаясь в хороводную песню. *Несет воровины вожжи* — веревочные, пеньковые. *Приехал в целик* — нетронутый, нерубленый лес, бездорожье.

Петух и лисица

1. «Как сидел петушейло, духовное дитя, во березоньке...». Впервые — Гильфердинг, 1-е изд., № 29; зап. от М. Т. Котовой, дер. Масельга, Олонецкой губ., в 1871 г. Печ. по 4-му изд., т. 1, № 29. Баллада возникла на основе сатирической повести XVII в. «Повесть о лисе и куре», широко известной через посредство лубочных изданий. Лиса — ханжа, прикрывающая ссылками на бога свои корыстные интересы — общеевропейский сатирический образ. (В лубочных изданиях «Повести о лисе и куре» лиса заманивает петуха, обещая исповедать в «грехах».) О печатных изданиях повести см. в книге В. П. Адриановой -Перетц и В. Ф. Покровской «Библиография древнерусской повести», М.—Л., 1940, стр. 276.

2. «Как бежала-то лисицынька со крутых же гор...». Впервые — Былины Печоры и Зимнего берега (новые записи). Издание подготовили А. М. Астахова, Э. Г. Бородина-Морозова, Н. П. Колпакова, Н. К. Митропольская, Ф. В. Соколов. М.—Л., 1961, № 115; зап. от П. С. Пахоловой в дер. Зимняя Золотица, Архангельской обл., в 1940 г. Вариант показывает иной поворот темы: лисица осмеяна петухом.

Мызгирь. Впервые — «Вологодские губ. ведомости», 1866, 22 апреля. Печ. по изд. — Рыбников, 2-е изд., т. 3, стр. 159. Баллада, по-видимому, восходит к XVIII или даже XVII в. Слог ее напоминает слог и склад старинных лубочных изданий и сатирических повестей XVII в. *Мызгирь* — паук. *Строка* — овод, *некошный* — поганый, нечистый. *Дуплю подтенётил* — поставил тенёта (сети) у выхода из дупла.

Птицы на море

1. «Ай от чего-те зима да зачалася...». Впервые — Гильфердинг, 1-е изд., № 62; зап. от И. Фепонова из дер. Мелентьевской (Пудога), Олонецкой губ., в 1871 г. Печ. по 4-му изд., т. 1, № 62. Баллада восходит к древнерусскому литературному памятнику, известному под названием «Сказание о птицах» и «Совет птичий», получившему распространение с конца XIV в. Известна на русском Севере, главным образом в Прионежье, но в XVIII в. была распространена гораздо шире. Известен, например, вариант, по-видимому Петровской эпохи, в котором птицы наделены чинами тогдашнего военного флота (Шейн, Великорус, № 984, из сб. XVIII в.). По мере бытования сюжета на русском Севере сатирическая картина разрасталась и к птицам были прибавлены образы зверей. *Всякими*

она-те ясаками — разными голосами (языками). *Казака нанять она не смыслит* — нанять работника. *Ветлюк* — род кулика. *Травник* — кулик. *Сойка* — лесная сорока. *Дегтяр* — дятел. *Загожка* — кукушка. *Канюк* — род ястреба. *Колпик* — род белой цапли. *Желна* — черный дятел. *Мошник* — глухарь. *Ко́ппала* (копала) — глухарка. *Синька* — синица. *Зуй* — куличок.

2. «От чего это, братцы зима становилась?..». Впервые — Рыбников, 1-е изд., ч. 3, № 59; зап. от Н. Резина из Ладвинского погоста, Петрозаводского у., Олонецкой губ., в 1862 г. Печ. по 2-му изд., т. 1, № 98. *На тую рыбу век призору не бывает* — ее сглазить нельзя.

Старина о большом быке. Впервые — Гильфердинг, 1-е изд., № 297; зап. от С. И. Максимова из дер. Немятовской (Кенозеро), Олонецкой губ., в 1871 г. Печ. по 4-му изд., т. 3, № 297. Сатирическая баллада, видимо, конца XVIII в. Возникла в Москве и отразила какой-то реальный эпизод посадской жизни. *Бык Рободановик* — по-видимому, бык, принадлежавший одному из бояр Ромодановских (родовитых бояр, очень известных в XVII и XVIII вв.). Похищение быка у такой особы было рискованной затеей и потому вызвало острый интерес. Затея, как видно, окончилась плачевно. Однако в позднем (переработанном) варианте в записи П. В. Шейна (Шейн, Великорус, № 1016) похищение изображено удачным, как того и тре́бовала поэтическая демократическая традиция, и старуха, наделавшая студня из мяса быка, продает его боярам, глумясь над ними. *У которого сте́пи рукой не достать* — не достать хребта. *Да кто-то быка к дереву вязал, Да тому бы как в то ве́зиво попасть* — т. е. чтобы тот из слуг, кто привязывал быка, был бы наказан вместо вора и попал в тюремные оковы, был бы связан. *Про́рось* — жир, сало между мышц и частей их. *Да только кожевнику бы головой вершить* — потерять голову. *Да на новую переладочку* — перестроил волынку на новый лад.

Васильюшка Путятинский. Впервые — «Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете». М., 1868, кн. 4, стр. 259; Опочецкий у., Псковской губ., сообщ. М. И. Семевским. См. комментарий к предшествующему сюжету.

Стрельцы и крестьянин. Впервые — Киреевский, вып. 9, дополнения, стр. III; зап. от А. Гугнюшиной из Болхова, Орловской губ. Баллада допетровской эпохи (не старше XVII в.). Видимо, вместо «экипаж» было «обоз», в остальном текст очень сохранен. Картина грабежа войском мирного населения типична для средневековья (стрельцы — наемное войско, находившееся на жалованье). Расправа мужика над стрельцами выдержана в былинном стиле, что создает комический контраст с реально-бытовым характером сюжета. Разбивка на строчки произведена заново, в соответствии с указаниями Б. М. Добровольского. *Спины понабил, Как сычуг снарядил* — сделал спины, как приготовленный для еды сычуг (желудок): пухлый, рас-

паренный, с начинкою. *Правыми быть, Виноватыми слыть.* — Возможно, пропущено отрицание «не»; возможно, однако, смысл такой: хоть закон будет и на их стороне, но происшествие столь позорно, что прослывут они все равно виноватыми, и потому лучше уж молчком залечить свои *«не копейчатые»* (не от копий), а «дубинные» раны, *«дубинный шлях»* (т. е. дорогу), проложенный по спине.

Усы. Впервые — Чулков, ч. 3, № 199. Печ. по изд. 1913 г. «Разбойничья» баллада. Возникла в Москве в начале XVII в. (в варианте из сборника Кирши Данилова (стр. 279) упоминается предводитель Гришка Мурышка, волжский разбойник сороковых годов XVII в.). «Богатый мужик», который «хлеба не сеет» — хлебный торговец и, возможно, ростовщик. В одном из вариантов разбойники обещают «дурака», который сказал им о деньгах, взять с собою в «есаулы». Белинский, разбирая эту балладу наряду с другими «разбойничьими» песнями, указывает на элементы социального протеста в ней, прибавляя, что сам разбой как явление вызывался отчаянными условиями жизни и произволом старорусской администрации: «В подобных явлениях нет ничего унизительного для национальной чести, ибо в них виновато неустройство и шаткость общественного здания, а совсем не национальный дух» (Собрание сочинений, т. 5. М., 1954, стр. 439—440). См. также: Т. М. Акимова. «О жанровой природе „русских удалых песен“». Русский фольклор. Материалы и исследования, т. 5. М.—Л., 1960, стр. 183—199. *А хозяюшка ротится* — клянется. *Сами в низ поплыли* — вниз по Волге.

Воры-скоморохи. Впервые — «Новгородские губ. ведомости», 1876, № 37. Печ. по изд. — Соболевский, 6, № 545. Баллада примыкает к песням и сказкам о ловких плутах. *Веселые* — обычное название скоморохов. Заключение баллады взято из разбойничьих песен и не очень вяжется с сюжетом.

Фома и Ерема. Впервые — «Древняя и новая Россия», 1876, т. 1, стр. 365; Симбирская губ. Печ. по изд. В. Я. Проппа и Б. Н. Путилова «Былины в двух томах», М., 1958, т. 2, стр. 434. Широко распространенная сатирическая баллада, дошедшая в виде песни до наших дней. В XVII в. сюжет был обработан в повесть (см.: В. П. Адрианова-Перетц. Русская демократическая сатира XVII века. М.—Л., 1954). Братья-неудачники, по старым записям баллады, выступают как купцы или дети дворянские. Социальный характер сатиры позднее выветрился, осталось обобщенное изображение дураков-неудачников, ничего толком не умеющих и гибнущих в поисках «легкого промысла». *Фома да Ерема были братенички, Прокуратиннички* — проказники, лентяи, плуты. *Ерема овин садит, а Фома теплину валит, Ерема-то колотит, а Фома заберег воротит.* Ерема наполняет овин снопами (для сушки зерна), Фома накладывает растопку. Ерема молотит, Фома ворошит подожженные снопы. Сушка овина — опасна, очень легко сжечь овин с высушенным хлебом.

Как филина ловили. Впервые — Астахова, т. 2, № 218; зап. от Е. М. Чуркиной из дер. Марьина Гора (Пинега), Архангельской обл., в 1927 г. Пинежская скоморошья баллада. Скоморохи бежали на Пинегу от гонений при царе Алексее Михайловиче и долгое время действовали здесь, впоследствии смешавшись с крестьянами. Это балладный вариант распространенных рассказов-побасенок о дураках (ср. сказки о «Догаде», глупой деревне и проч., а также баллады «Фома и Ерема», «Дурень»). *Да там кошкою кунярка С собакой горчит*... и след. В варианте: «Там не кошка ли курнё? Не собаки ли ревё? верно, скотину дерё». Курныкать — мяукать, кричать по-кошачьему (крик филина похож и на кошачий вой). *Пищит, верещит, Спредиковывает* — от «дико́й» (шальной, дурной, дикий) — кричит диким голосом, пугает.

Васька Шишок. Впервые — Григорьев, т. 2, № 243; зап. от Е. Д. Садкова в дер. Немнюга (Кулойско-Мезенский край, р. Кулой), Архангельской губ., в 1901 г. Баллада узко местного (*Вага, Вашка* — приток Мезени) и притом позднего образования, как можно судить по особенностям метрики и обилию натуралистических подробностей. Потерпевшие — видимо, реальные лица. Баллада вместе с тем использует традицию сказок о хитрых ворах. После строки 7-й по смыслу должна быть история о том, как Васька обокрал Луку. *Шишок* — вор, бродяга. *Да под лодочку связал* — чтобы погоня ничего не нашла в лодке. *Да на них на всех Васька улики навел.* «Спрос» происходил помимо суда, и «потерпевший» Васька, у которого ничего не нашли, подал в суд, предъявив следы побоев, и взыскал с обидчиков отступное.

Дурень. Впервые — Кирша Данилов, 1818, № 55. Печ. по изд 1958 г., стр. 261. Сюжет был обработан Л. Н. Толстым для «Первой русской книги для чтения». Сюжет чаще встречается в виде сказки о набитом дураке (см.: А. Н. Афанасьев. Народные русские сказки, т. 3. Л., 1940, 403—404). Однако уже в XVII в. получил балладную форму. *А жил-был дурень, А жил-был бабин* — шуточно образное (бабин сын, бабий прихвостень). Поговорка: «Что ни дурень, то и бабин». *Место кла́ду* — вместо клада.

НОВЫЕ БАЛЛАДЫ

Морячка. Впервые — Н. П. Беляев. Полный песенник. М., 1916, стр. 25. Новая баллада книжного происхождения, в собраниях песен встречается с 1900 г. 12 заключительных стихов иногда выпускаются.

Свидание. Впервые — М. Суханов. Песни народные, собранные из уст простого народа. СПб., 1840, стр. 17. Народный вариант стихотворения «Казак на родине», опубликованного за подписью Ал. Дуроп в Трудах Вольного общества любителей российской словесности («Соревнователь просвещения и благотворения», СПб., 1818, ч. 3, стр. 242—246). Баллада встречается во всех песенниках

с 1830-х гг. до начала революции. Широкое распространение получила лирическая переработка баллады со счастливым концом — «При лужке, лужке, лужке...», бытующая до сих пор (см., например: Чернышев, № 332, Новикова, стр. 372, № 30).

Под вечер, осенью ненастной. Впервые — Новикова, стр. 361. Зап. А. М. Новиковой в 1926 г. в Тульской обл. Народный вариант раннего (1814) стихотворения А. С. Пушкина («Памятник отечественных муз», 1827). Постоянно встречается в песенниках конца XIX — начала XX в. и бытует до сих пор в живом исполнении.

Три спутника. Печ. впервые. Архив ИРЛИ, Р. 5, собрание Д. М. Балашова, колл. 172, п. 1, № 295; зап. в 1957 г., Кузомень, Терского р-на, Мурманской обл. Народная переделка баллады В. А. Жуковского («Сорѐвнователь просвещения и благотворения», СПб., 1820, ч. 10, № 5, стр. 166).

Черная шаль. Известное стихотворение Пушкина («Сын отечества», 1821, № 15), в основу которого положена молдавская песня, слышанная поэтом в Кишиневе. По свидетельству М. Суханова (см. Песни народные... Предисловие), одна из немногих «авторских» песен XIX в., проникших уже в 1830-е гг. в народную среду. Чрезвычайно популярна по песенникам XIX и начала XX в. Текст не изменялся.

Тамара. Баллада Лермонтова («Отечественные записки», 1843, т. 27, № 4). Встречается в ряде песенников, была широко известна в песенном бытовании, главным образом в интеллигентской и полуинтеллигентской, разночинной среде, благодаря чему авторский текст не подвергался изменениям. Популярна как песня и в наши дни.

Тростник. Впервые — Новикова, стр. 383. Зап. Е. Смородиновой в 1948 г. в Тульской обл. Народный вариант стихотворения М. Ю. Лермонтова (впервые опубликована: «Саратовский листок», 1875, 16 ноября, № 246). Баллада очень популярна и поется в народной среде до сих пор.

Хуторок. Стихотворение А. В. Кольцова («Отечественные записки», 1840, т. 8). Авторский текст. Очень популярна в песенниках XIX в. и в живом бытовании. В песенниках помещался авторский текст, в народном исполнении часто сокращается число куплетов.

Хас-Булат. Переработка стихотворения А. Н. Аммосова (1823—1866) «Элегия» («Русский инвалид», 1858, № 252). Печ. по изд. — Песенник, Ижевск, 1946, стр. 72. Наиболее распространенный в настоящее время в живом бытовании вариант баллады.

Ермак. Впервые — А. А. Догадин. Былины и песни астраханских казаков, вып. 1. Астрахань, 1911, стр. 12—13, № 12. Народный вариант думы К. Ф. Рылеева «Ермак» («Русский инвалид», 1822,

№ 14, стр. 55—56). Песня помещалась во всех песенниках начала XX в. Очень популярна до сих пор.

Шли со службы два героя

1. «Шли с похода они, два героя...». Впервые — Путилов, № 49; зап. в 1945 г. от М. Г. Павловой в ст. Старый Щедрин, Грозненской обл. Широко распространенная новая народная баллада литературного склада. В песенниках не встречалась.

2. «Закатилось красно солнышко...». Печ. впервые. Архив ИРЛИ, Р. 5, колл. 28, п. 2, № 3, стр. 9; зап. М. Б. Каминской и Н. Н. Тяпонкиной в 1932 г. от А. М. Денисова в дер. Римская, Медвежьегорского р-на, Карельской АССР.

Один из казаков, наездник лихой

1. «Один из казаков, наездник лихой...». Впервые — Новикова, стр. 372; зап. А М. Новиковой в 20-е годы в Тульской обл. Народная обработка стихотворения С. Аксакова «Уральский казак. Истинное происшествие» («Вестник Европы», 1821, ч. 119, стр. 88). Печаталась в песенниках второй половины XIX в.

2. «Ишли два солдата со службы домой...». Впервые — Путилов, № 198; зап. в 1945 г. от А. Баданкиной в ст. Старый Щедрин, Грозненской обл. Оригинальная переработка предшествующего сюжета.

Убийство дочери купца. Впервые — Киреевский, Новая серия, № 1435; зап. в Московской губ. Распространенная народная баллада. В. Варенцов пишет о ней (Сборник песен Самарского края. СПб., 1862, стр. 238): «Эта песня, очень известная на Волге, принадлежит XIX столетию: старики еще помнят происшествие, о котором рассказывается в ней. Несмотря на недавнее происхождение, в ней, исключая немногих мест, удачно выдержан старинный народный склад, что — большая редкость в новой песне». В. И. Чернышев предполагает, что она сложилась «в среде ярмарочных певцов, трактирных увеселителей торгового люда» (Чернышев, стр. 469).

Купеческая дочь. Впервые — Киреевский, Новая серия, № 1223; зап. в г. Мезень, Архангельской губ.

На Волге. Впервые — Новикова, стр. 429; зап. А. М. Новиковой в 1925 г. в Тульской обл. Народный вариант песни, сочиненной поэтом из народа М. И. Ожеговым (см.: М. И. Ожегов. Моя жизнь и песни для народа, кн. 3. М., 1901).

Ванька-ключник. Впервые — Новикова, стр. 403; зап. А. М. Новиковой в 20-е годы в Тульской обл. Народная обработка стихотворения В. В. Крестовского (В. В. Крестовский. Сочинения. СПб., 1862, ч. 1, стр. 71. Ранее печаталась в журнале «Время», 1861, март), переложившего на новый лад старинную народную балладу (см. наст. сборник, стр. 153).

Из-за острова на стрежень. Впервые — Новикова, стр. 424; зап. А. М. Новиковой в 20-е годы в Тульской обл. Стихотворение поэта-фольклориста Д. Н. Садовникова (1847—1883) («Волжский вестник», 1883, № 12). В песенниках встречается с конца XIX в. Чрезвычайно популярна до сих пор.

Бродяга. Печ. по изд. — Песенник, Ижевск, 1946, стр. 63. Широко известна по песенникам начала XX в. По-видимому, сибирского происхождения (см.: И. П. Белоконский. По тюрьмам и этапам. Орел, 1887, стр. 209—210).

Кочегар. Зап. в 1962 г. от Н. В. Петрачева (бывш. моряк, инвалид). Типичный современный вариант популярной баллады «Кочегар». Прототипом баллады послужил романс Н. Щербины (1821—1893) «Не слышно на палубе песен» (музыку для него сочинил Гурилев), посвященный борьбе греков против турецкого господства. Уже в 1850-х гг. песня начала перерабатываться, к 1905 г. появился балладный вариант с кочегаром. От романса Щербины остался лишь размер песни и несколько строк в запеве.

Один купец рассказывал рассказ. Печ. впервые. Архив АН СССР, фонд 134, оп. 1, № 330, л. 211 об. Собрание калужских песен А. А. Шахматова; зап. в 1895 г. в с. Тербень, Калужской губ. Довольно распространенная поздняя народная баллада, в сочинении использованы образы лирических песен.

Сестры-соперницы

1. «Когда-то был в Англии царь удалой...». Впервые — Никитская, стр. 56. Популярная в конце XIX — нач. XX вв. в народной среде баллада. По указанию А. С. Якуб (Б. и Ю. Соколовы. Сказки и песни Белозерского края. М., 1915, стр. 497), этот сюжет — народная обработка шведской баллады «Две сестры» в переводе Н. Берга (Песни разных народов. М., 1854, стр. 405). Однако текст, приведенный Никитской, не сводится к переводу Н. Берга и, очевидно, имеет другой источник. Возможно, баллада — английского происхождения. В примечании к переводу Берга сказано, что она поется с некоторыми изменениями и в Шотландии и в Ирландии.

2. «Королик ты, королик...». Впервые — Русское народное творчество Башкирии. Под общ. ред. Э. В. Померанцевой. Уфа, 1957, стр. 241, № 186. В устном исполнении встречаются варианты, в которых говорится, что от ударов по струнам гитары приходит еще жених погибшей, а от последнего удара она оживает.

Мальвина

1. «Солнце скрылось за горами...». Печ. впервые. Архив ИРЛИ, Р. 5, собрание Д. М. Балашова, колл. 172, п. 2, № 123; зап. в 1957 г. от Е. Д. Коневой в дер. Варзуга, Терского р-на, Мурманской обл. Популярная народная баллада, по-видимому, литературного происхождения. В песенниках XIX — начала XX вв. помещалась переделка баллады под названием «Маруся» (см.: Песенник «Колечко», сост. М. Ожегов. М., 1898).

2. «Тихо, стройно за морями...». Впервые — Никитская, стр. 77. Распространенный вариант предыдущего сюжета.

Возвращение жениха. Впервые — Сборник русских народных песен. Записал с народного напева и переложил на один голос Н. Абрамычев. СПб., 1879, № 10 (Вятская губ., конец 1870-х гг.). Поздняя, может быть даже пореформенная баллада с характерным для новой баллады пасторальным счастливым заключением. *«Как бурмистр и мир рассéрдились...»* Жениха девушки, по наущению бурмистра, постановлением «мира» — деревенской сходки, видимо, не в очередь сдали в солдаты.

Отец сыну не поверил

1. «Лет семнадцати мальчишка...». Впервые — Никитская, стр. 48. Поэтика этой баллады близка к поэтике лирических протяжных песен. По-видимому, сочинение нового времени.

2. «При собраньи, при компаньи...». Печ. впервые; зап. Н. П. Колпаковой в 1926 г. от Е. Калистратовой в дер. Гоголево, Заонежского р-на, Карельской АССР. Архив ИРЛИ, Р. 5, колл. 2, п. 4. Вариант предыдущего сюжета. Первый стих повторяет зачин распространенной лирической песни.

На том ли острове Буяне. Печ. впервые. Архив ИРЛИ, Р. 5, собрание Д. М. Балашова, колл. 172, п. 2, № 46. Зап. в 1957 г. от М. П. Дьячковой в с. Варзуга, Терского р-на, Мурманской обл. Популярная на Севере поздняя баллада. Возможно — местное сочинение. На пении каждое двустишие, начиная с третьего, повторяется дважды.

Сказки морские. Печ. впервые. Архив КФАН. Зап. С. Н. Азбелевым в 1962 г. от Е. В. Чуриловой, В. И. Коневой и Е. И. Мошниковой в с. Варзуга, Терского р-на, Мурманской обл. Сравнительно редкая баллада нового склада. Источник неизвестен.

Морская легенда. Печ. впервые. Архив ИРЛИ, Р. 5, собрание Д. М. Балашова, колл. 172, п. 1, № 253. Зап. в 1957 г. от Ф. Г. Кондратьева, с. Шуерецкое, Кемского р-на, Карельской АССР. По сообщению Ф. Г. Кондратьева, баллада «в журналах от царского времени 1903 или 1905 года была. Пели на севере, на Мурмане и здесь. Мотивы разные». Пели преимущественно мужчины-поморы.

Я с рыбацкою верной душою. Печ. впервые. Архив КФАН. Зап. С. Н. Азбелевым в 1961 г. от А. А. Кожиной, А. М. Семенихиной, Е. А. Клещевой в с. Чаваньга, Терского р-на, Мурманской обл. Популярная на Севере баллада, по-видимому, местного сочинения. Использует поэтику романсов начала XX в.

Рыбак и жена охотника. Печ. впервые. Архив КФАН. Зап. С. Н. Азбелевым в 1961 г. от А. И. Клещевой, В. И. Клещева,

Е. Я. Елисеевой, Н. И. Останиной в с. Тетрино, Терского р-на, Мурманской обл. Поздняя баллада, на Севере исполняется на мотив известного мещанского романса «На Муромской дорожке стояло три сосны». Кроме Севера, встречается в устной традиции Сибири.

Окрасился месяц багрянцем. Печ. по изд. — «Кочегар. Новейший песенник», тип. т-ва И. Д. Сытина. М., 1912, стр. 24. Новая «мещанская» баллада, близкая к поэтике «жестокого романса». Встречается во всех песенниках начала XX в., была очень популярна до недавнего времени. *Ты брось пред погибелью весла, Спасти чтоб никто их не мог* — порча текста. В вариантах:

Тут волны бросаются с ревом
На наш беззащитный челнок.
Прочь весла, от гибели верной
Никто чтоб спасти нас не мог.

(Сборник новейших песен.
Красотка. М., 1913, стр. 99)

Возвращение дочери. Печ. впервые; зап. Н. П. Колпаковой в 1938 г. от М. Губановой на руднике Тубинск, Баймакского р-на, Башкирской АССР. Из материалов экспедиции Башкирского научно-исследовательского ин-та языка, литературы и истории им. Гафури. Сообщ. Н. П. Колпаковой. Конец песни испорчен присоединением частушечных строк. В 1943 г. на руднике Новый Берикуль (Кемеровская обл.) мне пришлось слышать эту балладу с трагическим заключением. Отвергнутая матерью, дочь кидается в море. Мать раскаивается, но поздно. Заключительная строфа песни звучала так:

«Приди, доченька моя,
Я тебя примаю».
— «Нет, я, мама, не приду,
Я в волнах гуляю!»

СЛОВАРЬ МАЛОПОНЯТНЫХ И СТАРИННЫХ СЛОВ

Азя́мище — азя́м, верхний кафтан халатного покроя, без боров, иногда шуба или крытый тулуп.

Александрийская рубашка — из александре́йки, красной бумажной ткани, с прониткою другого цвета (белою, синею, желтою).

Альяненький — льняной.

Бажо́ный — желанный, сердечный, милый.

Ба́ско — красиво.

Баско́й — хороший, красивый, казистый, нарядный, добротный.

Бахи́лочки ременные — бахилы, сапоги рыбацкие, подвязанные под коленом; босовики, род туфлей; ременные лапти.

Ба́ять — говорить, рассказывать, толковать (отсюда «байка» — сказка).

Бесе́да — посиделки, деревенское собрание (преимущественно молодежи) с песнями и танцами, см. су́прядка; беседка, надстройка, легкое строение, верхнее помещение на корабле.

Бешме́т — стеганое татарское полукафтанье с оторочкой, обшивкой на рукавах, у кисти, а иногда по краю полы.

Большо́й угол — почетный (красный) угол в избе, под иконами, куда садили наиболее уважаемых гостей.

Ботничо́к — ботик, бот, маленькое парусное судно.

Бра́тынька — бра́тина, низкая и широкая чаша.

Брусча́тая лавка — сделанная из одного бруса, оструганная или вытесанная топором. (Массивные «встроенные» лавки в избе шли по всем стенам.)

Була́ный — одна из конских мастей: рудожелтый, желтоватый разных оттенков.

Бурми́стр — барский управляющий и (после 1861 г.) волостной старшина.

Бурмистры-целовальники — обобщенное название всякой мелкой власти.

Ва́райдать — кричать, шуметь, браниться, брюзжать, ворчать.

Веле́и («велеи немецкие») — см. тавлеи.

Вервь — веревка.

Вершить (стог) — укладывать в стог подаваемое снизу сено.

Веря́жское (море) — Варяжское, Балтийское.
Ве́сто — ведомо (северн.).
Ве́тка — лодка, обычно легкая, челнок, берестяная лодка (сибирск.).
Ветлово́й («веселочки ветловые») — из ветлы (ветла́ — верба, лоза, ива, ракита).
Ветля́ненькой (стружок) — из ветлы; легкий.
Волжа́ный, или таволжа́ный — из волжанки — род мелкой ивы, тала, растущего по Волге. Избушка-волжаночка — видимо, легкая избушка с плетеными стенами.
Встрену́ться — вспомнить, спохватиться.
Вязова́ — дубина, сделанная из вяза.

Гнуси́на — нечистое мелкое животное, гадина, крыса, мышь, крот (сев.-вост. и сибирск., собирательное).
Гость — купец (старин.).
Гря́дка, гря́дочка — доска по верхнему краю русской печи, закраина лежанки; палка в избе для развешивания одежды.
Гру́бный («слово грубное») — грубый (северн.).

Дары́ («дары шелковые мыла») — свадебные подарки невесты жениху и его родне.
Дува́н — сходка для дележа добычи у татар, казаков и разбойников, «дуван дуванить» — делить добычу.
Душегре́я — телогрея, короткая женская одежда, сборчатая и обычно безрукавая.

Ендова́ — широкий сосуд или медная посудина с носком (рыльцем) для разливания напитков.
Еса́ул — помощник казачьего военачальника или предводителя разбойничьего отряда.

Жа́лкий («жалкая ты моя») — в значении: любящий, внимательный, заботливый.
Жеребе́ечек, жеребе́ек — кусочек, отрубочек чего-то, часто золота; мельчайшая доля при дележе.
Живо́т — жизнь, богатство, добро (старин.).
Жога́, жога́рка — птица дубонос с навислыми бровями.
Жупе́ть, жупе́ти — петь (о птицах).

Зе́нька — люлька, колыбель (северн.).
Златни́ца — золотая монета.
Зуй, зуек — куличок.
Зыча́ть — кричать, звать.

Исполáть — хвала, слава, спасибо (с греческого).

Ка́велды — кандалы.
Казими́ровый («казимирова сибирочка») — из казими́ра, легкого сукна, полусукна, с косою ниткой.
Камка́ — шелковая узорчатая ткань (старин.).
Камча́тый (камчатая скатерть) — камча́тный, сделанный из камки или камчатки, льняной ткани, похожей узором на камку.
Карга́ — ворона.

Кокóра — кривое дерево.
Кóкот («бабы с кокотамы») — колотушка.
Кокóшник — старинный головной убор русских женщин и девушек в виде опахала или округлого щита вокруг головы, прикрепленного к шапочке. Сзади спускаются ленты.
Кóмонь — конь (старин.).
Коновáтный — сшитый из коновáта, азиатской шелковой ткани.
Копы́л — донце, в которое прях вставляют гребень, стояк, торцом вставленная во что-нибудь деревяшка.
Коровáйное золото — листовое (?).
Корсáки — киргизы и кайсаки (астрах.).
Корчáжка — корчма.
Косúвчатый — см. косящатый.
Кося́вчатый — см. косящатый.
Кося́щатый — обрамленный косяками. Косящатое окно — большое или «красное» окно, выходящее на улицу, обрамленное косяками, со слюдяным или стеклянным переплетом, в отличие от маленького «черного» или волокового, прорезанного в стене и задвигающегося заслонкой (без стекла).
Котýх свиной — свиной хлев.
Кременная́ Москва — каменная, крепкая (как из кремня).
Кружáло — кабак.
Кружéльский двор — питейный дом, кабак.
Крýто («затопляй печку крутехонько») — быстро (север.).
Крущáтый, хрущáтый («камка хрущатая») — кружчатый, с узорами из кругов.
Кубéц — кубок.
Кýжель — кудель, вычесанный лен, пенька или шерсть, приготовленные для пряжи.
Кýнушка — куна, куница. Синоним девушки в свадебном фольклоре.
Кипарúс — кипарис.
Курá — курево, снежная или песчаная пыль, поземка.

Лáдо — муж (старин.).
Ларёшный — пристав у продажи из ларей вина.
Лéтник, лéтничек — старинная женская верхняя легкая одежда с широкими рукавами.
Ля́га («ко ляги, ко живой воды») — лужа, ямина с водой, мочажина.

Мáхотный («ребятушка махотные») — маленький, махонький.
Майдáн — станичная сборная изба, шалаш, место для игры в кости и карты.
Миткалúная рубашка — из миткаля, белого ситца без набивки (узора).
Могорéц — могарыч, угощенье при сделках.
Мост («дубовый мост») — помост, пол, мостки перед домом, вообще всякий настил.
Мурáвчатые луга — травянистые (трава-мурава).
Мурáвый (муравая печь) — муравленый, покрытый глазурью, часто зеленый, расписанный «травами».
Мякóньки — булки, сайки, пирожки.

Набашо́ный — украшенный, наряженный (от «баско», «баской»).
На́волок (наволо́к) — мыс, полуостров, заросший лесом (северн.).
Наде́йный («служаночка надейная») — надежный.
Наживать — добывать.
Назём, назёмный — навоз, навозный.
Нако́н — раз; во второй након — во второй раз, вторично.
Нале́тник — насильник, от «налетать» — нападать.
Наплаво́чек — поплавок.
Настре́ту — навстречу.
Насту́пчивый конь — наступчатый, выступающий бодрою и твердою поступью.
Нать — надо.
Начо́вочка, но́чва — неглубокое корытце, лоток.
Немшо́ный («хоромина немшоная») — не проконопаченный мохом.
Нра́вый («Дунька девка нравая») — приятный, по нраву.
Ну́жный — бедный.

Оба́ять — уговорить, убедить, также и обмануть, от «баять».
Ободро́кушка — забота, внимание, ласка (от «дрочить» — ласкать, заботиться, ухаживать).
Одина́кий — единственный.
Одинцо́вый — цельный, не составной, кусок материи полной меры.
Ока́тистый (жемчуг) — круглый, крупный, высшего сорта.
Опочи́в («опочив держал») — сон, отдых (от «почивать», спать).
Опочи́н — см. опочив.
Орлёный («орленые штофы») — клейменный казенным клеймом, т. е. проверенного качества.
Остоя́ться — остановиться.
Отно́жинки, отно́ги, отно́жины — невысокие холмы, ответвления, отходящие от хребта, возвышения между «балками» — долинками.
Отслышаться — ослушаться.
Оче́сливый — оче́стливый, деликатный, внимательный, вежливый (от «честь»).

Панёва — шерстяная юбка замужних женщин из цветной, часто клетчатой материи, сделанная из одного прямоугольного куска (центр.-русск.).
Па́хтать масло — сбивать.
Пельча́тый (пельчатый рукав) — берчатный, узорчатый (испорч.).
Перёный (перёное крыльцо) — с перилами.
Перепа́сть — испугаться.
Персча́тый (персчатые пелены) — берча́тный, узорчатый.
Пова́лыши — повалуша, летняя горница на повети, часто без печки.
Пово́льный, пово́льский атаман — атаман пово́льников, ушкуйников или разбойничьей вольницы.
Пого́да («возрыдает, как погода бьет») — непогода, ненастье, буря (северн.).
Пого́ст — несколько деревень под общим управлением и одного церковного прихода; волость; отдельно стоящая церковь, с домами попа и причта, с кладбищем, отсюда позднейшее — кладбище.

Подава́ться («у мужа подавалася») — отпрашиваться (северн.).
Подопну́ться — споткнуться.
Подорожничек — в значении чаши, которую выпивают с дороги.
Подья́чий — приказный чиновник, писец в судах.
По́жня — сенокосный луг (северн.).
Покля́пый — согнутый вперед, сутулый, свислый.
По́ламья — пламя.
Поле́совать — охотиться в лесу (северн.).
Полудённая погода — в значении: ветер с юга.
Полудённая девица — умирающая, находящаяся при смерти (от «полудновать» — умирать, находиться при смерти).
Понизо́вый — с Поволжья (от «низ» — Поволжье).
Портёнышко — одежонка (от «порты» — одежда, старин.).
Поря́дня — заведенный порядок в доме, обычай.
Порядо́вный сосед — близкий (от «порядок» — ряд домов по одной стороне деревенской улицы, северн.).
Поса́дский — житель старого русского посада, горожанин, ремесленник или мелкий торговец.
Посижа́нушки — участницы посиделок.
Поставе́ц — стенной наугольный шкафчик.
Посхи́миться — принять схиму, постричься в монастырь.
Потусме́ть («потусмели очи») — потускнеть.
Преле́стник — в значении обманщик (от «прельщать» — обманывать).
Прикру́тье — склон, обрыв.
Приса́душка соколиная — соколиный насест.
Притра́вленное платье — добытое грабежом (от «травить» — ловить, догонять кого-либо).
Приусмя́гнуть (про лицо) — лишиться румянца.
Причётник — мелкий церковнослужитель.
Прища́виться — привидеться, представиться, присниться (северн.).
Прокла́дно — легко, хорошо.
Протамо́жник — таможенник (?).
Пяла́ — большие пяльцы.
Пята́ (двери) — нижний угол притвора двери, пяточный шип, на котором поворачивались двери в избах.
Пя́тра — навес крыши над входом в амбар; выступ над лобком крестьянских изб, на который ведет дверь из светелки или с подволоки.

Рагу́за — рогоза, рогожа; постель, подстилка из рогож (рогоз) на постели.
Разгаси́ться — разгореться, раскраснеться в лице (среднерусск.).
Разгу́зыниться — разгневаться, надуться, заспесиветь.
Раскуча́ться — разбрестись.
Расшинка́рить — раздать, растратить (от «шинок» — кабак).
Ре́ли — два столба с перекладиной.
Ро́мно — ровно, точь-в-точь.
Руда́ — кровь (старин.).
Ры́бей зуб — моржовая кость.
Ры́тый бархат — узорчатый.
Ры́хнуть — рявкнуть, крикнуть.

Свилева́тое дерево — кривое, узловатое.
Сгича́ть — вскричать.
Се́дало, се́дель — насест, шест.
Сенна́я девка — служанка, черная работница (от слова «сени» — прихожая).
Середа́ кирпичная — площадь, улица, но и часть пола в избе.
Сиби́рочка, сиби́рка — короткий кафтан с перехватом и со сборами, на мелких пуговках или застежках, со стоячим воротником.
Ска́тный, скатно́й жемчуг — см.: окатистый.
Ско́рбный — больной (от «скорбь» — болезнь, старин.).
Скрыжать — здесь: клекотать.
Скурла́т-сукно — скорлат-сукно, сорт сукна (франц.).
Сму́рый кафтан — темного, неопределенного цвета.
Снара́вливать — угождать по нраву.
Спешли́вый — спесивый.
Сподиво́вище — диво.
Спола́ть — см. исполать.
Спочи́в — см. опочив.
Ста́рец, ста́рица — монах, монахиня (независимо от возраста).
Столочи́ть — растолочь, разбить.
Стосну́ться — стосковаться.
Стре́тный — встречный.
Су — («Су-вор Янька») — сокращение слова сударь, осударь, государь.
Суго́нь — погоня.
Су́прядка — то же, что посиделки или беседа. Название происходит от того, что на беседы женщины обычно приходили с прялками и, между весельем, пряли.
Сурми́ть — красить сурьмой, чернить.
Сыта́ медяная — медовый взвар, разварной мед на воде.

Тавле́и, тавле́й — игра в кости на расчерченной доске, также (в народном бытовании) игра в шахматы, шашки.
Тала́н — участь, судьба.
Тать — вор.
Тафтяной сарафан — сшитый из тафты.
Теря́ть — губить, убивать.
То́ня — однократное закидывание сети в море. Также: рыбацкая избушка, улов из одной сети, место лова.
То́нцы водить — играть, плясать, праздновать.
Торока́ — ремешки позади седла для приторочки чего-либо.
Тороси́нушка — каменная или каменистая площадка, от «то́рос» — плитняк, камень плитами (оренб.).
Торпьё — соломенные рогожи.
Точи́ть — тратить, переводить.
То́щить — истощать, тратить.
Трапе́зник — церковный староста.
Тру́дный — больной.
Тру́нь корабельная — трюм.
Тупи́ца, тупи́ченька — лопата или особый (тупой) топор.

Убáять — убаюкать.
Убáяться («не убайся ты») — здесь: убояться.
Уздéнь — свободный горский крестьянин, рядовой горский воин.
Улýс — становище кочевников.
Урóслый — рослый, матерый.
Устрéнуть — встретить.
Усумляться — сомневаться.
Ухáживать — лечить.

Фузéя — ружье.

Хúлка (барская хилка) — прихвостень.
Хрущáтый — см. крущатый.

Цéвка — катушка для наматывания пряжи, ниток. «Красно золото на цевке» — моток золотой пряжи, волоченое золото.
Целовáльник — кабатчик, название происходит от названия должностей хранителей государственного добра, таможенников, сборщиков налога, которые присягали (и во время присяги целовали крест), вступая на должность.

Часовáть («родна матушка часует») — быть при смерти.
Черéв — чрево, брюхо. Конский черев — брюхо коня.
Черкáльское седелко — черкасское.
Черкáсочка — черкесочка, черкеска.
Черноризница — монахиня.
Червлёный, черлёный, чермлёный — красный, темно-красный, багряный, ярко-малиновый.
Четьú — церковные песнопения.
Чумбýр (чунбур) — повод.
Чýсы — род серег.

Шалéть — сходить с ума, беситься.
Шéенка — («шеенки шелковые») — якорные канаты, от слова «шейма» (северн.).
Шелудяк — шелудивый.
Шкóрочка — шкурочка, кора.
Шлáфор — халат, спальная одежда.
Шлях — проезжая дорога.
Штоф — плотная шелковая ткань, обычно с разводами.
Шумáркать — шуметь.

Щёкоты — чёботы, женские полусапожки по щиколотку, с загнутыми острыми носами, с каблуками.
Щёточка (у коня) — место над копытом.

Этта — здесь.

Яндовá, яндóвочка — см. ендовá.
Ярый воск — чистый, прозрачный.
Ясáк — голос.
Ясмён сокол — ясный сокол.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

СОДЕРЖАНИЕ[1]

[1] Первая цифра означает страницу текста, вторая (курсивом) — страницу примечания.

БАЛЛАДЫ ИСТОРИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-БЫТОВЫЕ

БАЛЛАДЫ САТИРИЧЕСКИЕ И КОМИЧЕСКИЕ

НОВЫЕ БАЛЛАДЫ

НАРОДНЫЕ БАЛЛАДЫ

Редактор *Г. М. Цурикова*

Художник *И. С. Серов.* Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*
Техн. редактор *В. Г. Комм.* Корректор *З. Н. Петрова*

Сдано в набор 19/XI 1962 г. Подписано в печать 19/III 1963 г. М 20892
Бумага 84×108 1/32. Печ. л. 14 (22,96). Уч.-изд. л. 25,38. Тираж 10 000.
Зак. № 1873. Цена 91 к.

Издательство «Советский писатель», Ленинградское отделение
Ленинград. Невский пр., 28

Типография № 5 УЦБиПП Ленсовнархоза, Ленинград, Красная ул., 1/3